

Содержание

Раздел I

Философия хозяйства

Ю.М. Осипов

Новейшие тенденции мировой современности:
философско-хозяйственное осмысление9

А.С. Строев

Постмодерн как орудие мирового переустройства..... 13

Н.Б. Шулевский

Эсхатология современного мира в философии хозяйства31

М.Р. Эляян

История философии хозяйства: буддистская философия хозяйства56

И.И. Рудяк

Игры вместо экономики: глобальный детсад
и ракоходное ретирование масс..... 90

М.Л. Альпидовская

«Хрематистика» российской бюрократии99

В.Я. Иохин

Испытание глобализмом 106

В.В. Смирнов

О влиянии философия хозяйства
на развитие экономической науки..... 117

Раздел II

Кризис

Р.М. Нижегородцев

Модернизация на фоне кризиса: задачи российской экономики 131

М.Л. Хазин

Почему нынешний кризис — системный? 139

Р.М. Нуреев, Д.И. Кондратов

Автомобильная промышленность: тенденции развития 143

Раздел III

Актуальная философия

Ф.И. Гиренок

Может ли наука хоть чем-то нас удивить? 171

В.И. Пузько

Феномен самоотчуждения человека в условиях глобализации
и постмодерна 175

А.Ю. Горбачев

Методология гуманитарных наук 184

<i>Д.Л. Родзинский</i> Организирующий принцип космического хозяйства и его проводника — сознания мудреца	189
Раздел IV	
Актуальная социология	
<i>Е.А. Карцев</i> Социология знания в контексте трансформации российского общества	197
<i>В.В. Кочетков, Л.Н. Кочеткова</i> Антиномия современного государства и гражданского общества.....	204
<i>Н.Д. Елецкий, М.Ю. Фролов</i> Концепция разумных потребностей в новых цивилизационных и экологических реалиях.....	219
<i>Е.С. Толок</i> Россия: место и роль института образования в формировании толерантной личности	230
Раздел V	
Рецензии и отклики	
<i>В.Н. Черковец</i> К характеристике политической экономии социализма	239
<i>А.А. Погребняк</i> Исчезновение изобилия: актуальность Гоголя в контексте осмысления путей российского перестроения	249
<i>Ю.М. Осипов</i> «Россия, вперед!».....	265
Научная жизнь	
Теоретическая модель социализма в учебниках и научных трудах (<i>А.М. Белянова, И.М. Теняков</i>).....	271
<i>А. Бэттлер</i> Российская наука в грезах и реальности.....	282
Belle-lettre	
<i>Е.В. Шелкопляс</i> Весенняя подсказка для мужчин: смысл жизни известен всем настоящим женщинам	295
Наши авторы	299

Contents

Part I

Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

The Newest Tendencies of World Today:
Philosophical-Economic Comprehension9

A.S. Stroeve

Postmodern as a Tool of a World's Reconstruction..... 13

N.B. Shulevsky

Eschatology of Modern World of Philosophy of Economy31

M.R. Eloyan

History of Philosophy of Economy:

Buddhist Philosophy of Economy56

I.I. Rudyak

Playings as Economics: Global Kindergarten
and Crawfish Retirement of People Mass.....90

M.L. Alpidovskaya

«Chrematistics» of Russian Bureaucracy99

V.J. Iohin

Testing of Globalism 106

V.V. Smirnov

About Influence of Philosophy of Economy
On Economic Science's Development..... 117

Part II

Crisis

R.M. Nizhegorodtsev

Modernization against a Background of the Crisis:
the Objectives of Russian Economy 131

M.L. Khazin

Why Current Crisis is a System One?..... 139

R.M. Nureev, D.I. Kondratov

Automobile Industry: Tendencies of Development 143

Part III

Actual Philosophy

F.I. Girenok

Can the Science Surprise Us with Anything? 171

V.I. Puzko

Self-alienation Phenomenon in the Age of Globalization
and Postmodern 175

<i>A.J. Gorbachev</i> Methodology of Humanities	184
<i>D.L. Rodzinsky</i> Organizing Principle of Space Economy and Its Conductor — the Consciousnesses of a Wise Man.....	189
Part IV	
Actual Sociology	
<i>E.A. Kartsev</i> Sociology of Knowledge in the Movement of Transformation Of the Russian Society.....	197
<i>V.V. Kochetkov, L.N. Kochetkova</i> Antinomy of Modern State and Civil Society.....	204
<i>N.D. Eletsky, M.J. Frolov</i> Reasonable Requirements Concept of New Civilizational and Ecological Actuals	219
<i>E.S. Tolok</i> Russia: Place and Role of Institute of Education in Formation of a Tolerant Person	230
Part V	
Reviews and Responses	
<i>V.N. Cherkovets</i> Comments on the Political Economy of Socialism.....	239
<i>A.A. Pogrebnyak</i> Abundance Disappearance: Topicality of Gogol in View of Comprehending of Russian Reconstruction Ways.....	249
<i>Yu.M. Osipov</i> «Forward Russia!».....	265
Scientific Life	
Theoretical Model of Socialism in Economic Manuals and Research Papers (<i>A.M. Beljanova, I.M. Tenjakov</i>).....	271
<i>A. Battler</i> The Russian Science in Dreams and the Reality.....	282
Belle-lettre	
<i>E.V. Shelkopyas</i> The Spring Hint for Men: the Meaning of Life is Known to all True Women.....	295
Our Authors	299

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Новейшие тенденции мировой современности: философско-хозяйственное осмысление

Современность — это кризис,
а кризис — это современность!

Аннотация. Современный мир, рассматриваемый как мир, пересозданный человеком, находится в состоянии апокалиптического кризиса, из которого нет иного выхода, кроме перехода к иному миру, отрицающему человека как человека и требующего адекватного ему постчеловека.

Ключевые слова: мир, кризис, апокалипсис, человек, постчеловек.

Abstract. The modern world considered as the world, recreated by person, is in a condition of apocalyptic of which there is no other way out except transition to other world that's denying person as a person and demanding an adequate to it postperson.

Keywords: world, crisis, an apocalypse, person, postperson.

Примем прежде всего во внимание, что философия хозяйства рассматривается нами как «возможность целостного видения, отражения и отображения трансцендентно обусловленного мира, его динамики и судьбы, с учетом, на основе и через призму действующего в нем творческого сознания» [1, 296].

Теперь уясним себе, о каком же современном мире может сегодня идти речь.

Будучи творением Божиим, мир, данный человеку Богом в природном образе, ныне более всего предстает — по итогам всей истории человечества, в особенности, эпохи творческого во всех отношениях Модерна, — как *мир человеческий*.

Мир, непосредственно окружающий современного человека, определяющий и обеспечивающий в основном его бытие, — мир во многом, а может, уже и в главном — мир неприродный, искусственный, придуманный, а в идейно-духовном плане — секулярный, десакрализованый, небожественный.

Это в основе своей мир *физический*, в котором идейная составляющая, восходящая к современному сознанию и к современной ноосфере, не более чем *физическая* надстройка над *физическим* же базисом, подчиненная этому последнему и его обслуживающая.

В ядре такой надстройки сидит наука, по сути своей *физическая*, а оболочку надстройки составляют соответствующие физикалистским взглядам и атеистическим воззрениям искусства, включая и литературу.

Мир этот сегодня можно подразделить на три взаимосвязанных мира: *макромир*, включающий в себя весь собственно земной мир вместе с человеком и видимой и ощущаемой им природой; *микромир*, состоящий из обычно человеком не видимых, не ощущаемых и не всегда точно определяемых элементов мировой материи, включая и элементы живой природы; *мегамир*, или космос, насыщенный разного рода микро-, макро- и мегаобъектами, равным образом нанофеноменами и энергиями, включая Землю и околоземное пространство. Во всех трех вышеуказанных мирах так или иначе присутствует человек — либо как просто составной элемент, либо как активный хозяйствующий субъект. Последнее делает человека *властелином*, пусть и не абсолютным, всех трех миров, конечно, в меру их для человека доступности, а следственно, и властелином всего человеческого, т. е. человеку доступного и человеком управляемого мира.

Мир человеческий, будучи, согласно научным представлениям, в основе своей физическим, материально-механическим, включает в себя производные от материи *сознание* и *ноосферу* — совокупность индивидуальных сознаний, которая по содержанию своему, конечно же, больше и богаче простой суммы составляющих ее элементов. Сознание обладает способностью осознать (знать) себя и отражать (удерживать) в себе мир, именовать его, отображать, представлять и моделировать, но также воображать что-то *иное*, пока или вовсе не существующее, проективно переделывать мир и созидать в нем что-то не бывшее ранее, не выходя при этом за пределы материально-механических параметров бытия. Ноосфера, будучи как бы параллельным — сознаниевым — миром, постоянно насыщаемым элементами и продуктами сознания, а в последние столетия явно в бурно расширяющихся масштабах, способна не только апостериорно обслуживать бытие человека, но и априорно вести его, виртуально опережая текущую реальность, ее себе подчиняя и под себя созидая. Человеческий мир — мир не просто с сознанием и ноосферой, а мир, определяемый в значительной, если уже не в решающей, степени этими самыми сознанием и ноосферой.

Отсюда современный человеческий мир — *мир делаемый*, и в итоге все более и более отходящий от *мира данного* и настолько уже от него оторвавшийся, что судьба всего человеческого мира ныне зависит не столько, как это было ранее, от Бога и Природы, сколько уже от само-

го человека — творца этого мира и его властителя, от воображения человека, его намерений и деяний.

Расширяющийся и усложняющийся мир человеческий достиг такого пункта бытия, когда он стал равен, а может, уже и превосходит по своим размерам и экзистенциальным параметрам мир данный, о чем свидетельствуют как само распространение искусственного мира человеческого по планете земля — явно уже чрезмерное, — так и исчерпание любых резервов для такого распространения, в связи с чем особое внимание уделяется сегодня околоземному пространству и космосу, где, однако, человек существовать как естественное существо, т. е. как собственно человек, не может. Сегодня уже допустимо утверждать, что мир человеческий явно *избыточен*, относительно мира данного, а соответственно и относительно самого себя.

Однако ныне обнаруживается и кое-что еще, уже совершенно странное: *избыточность самого человека относительно построенного им избыточного мира* — мир человеческий уже достаточно определенно отвергает человека как человека, выталкивая его из себя и ратуя за какое-то *иное*, по форме еще земное, или же земно-космическое, человекообразное существо. Человек как человек, это боже-природное создание, уже не нужен сотворенному человеком искусственному миру — ни трудом своим, ни творчеством, ни даже своим потреблением, ни тем более игровыми импровизациями, а главное — своим естеством.

Отсюда ряд *фундаментальных, глобального характера коллизий*: 1) конфликт мира человеческого с миром данным и всем вообще мирозданным контекстом; 2) конфликт мира человеческого с человеком как человеком; 3) конфликт человека с человеком. *Отсюда и общий кризис человеческого мира*, причем кризис определенно *апокалиптического* свойства, знаменующий собою явный уже конец и неявное еще начало, кризис, из которого нет и не может быть осознанного выхода, а всякая попытка осознанного преодоления кризиса лишь вызывает его усугубление. Особого рода кризис — *безысходственный!* Это говорит о том, что выход из кризиса предполагает уже не выход из собственно кризиса, а выход из построенного человеком мира, переживающего кризис. *Отсюда не преодоление кризиса мира, а преодоление самого кризисного мира!* Отсюда и выход в мир *постчеловеческий* с *постчеловеком* в качестве его главного, а может, уже и единственного из человекообразных насельника.

Теперь пора зафиксировать основные тенденции современности, разумеется, всего лишь в ощущаемой возможности, в просматриваемой перспективе и в предполагаемой реализации.

Движение вперед, как, собственно, и попросту эволюция на месте, возможные в русле новых научно-технических деяний ради либо разрешения острых проблем всего человеческого мира, его общей трансформации и придания миру нового экзистенциального дыхания — путь *нового гуманизма*, либо обеспечения трансмутации части человечества в постчеловечество с выделением господствующей (сверхчеловеческой) и зависимой (псевдоchеловеческой) рас при исчезновении подавляющего большинства современного человечества — путь *избирательного постгуманизма*.

Такое движение вперед, или же эволюция на месте, будет, скорее всего, сопровождаться, искажаться и даже прерываться как борьбой двух отмеченных путей-вариантов, в которой шансы победить, наверное, более у второго пути — постгуманического, так и любой борьбой человека с человеком, в том числе, вероятно, и войной всех против всех, а также, возможно, борьбой с двумя отмеченными путями какого-то третьего пути-варианта, к примеру, вдохновляемого более уже не наукой с техникой, а духовностью с идеологией — что-то вроде, условно говоря, *неоконсервативного* пути.

В любом случае речь идет о преодолении нынешнего текущего мира, попавшего в весьма странное положение — разноса! и переходе на Земле к *миру иному*.

Первый из вышеотмеченных путей, или путь нового гуманизма, предполагает переход к еще более искусственному, чем сейчас человеческому миру, способному при условии изобилия энергии и существенного потребительского самоограничения (аскетизма) дать всему человечеству шанс продлить свое бытие в качестве... все-еще-человечества, всесторонне оснащенного техникой, но ею не подавляемого и насовсем не вытесненного, а главного, нашедшего в себе силы установить на Земле нечто вроде *планетарного солидаризма*. Фактически это путь, давно уже вдохновляемый утопическим коммунизмом, но в реальности в общем-то недостижимый.

Более вероятен с точки зрения реалистичности и исполнимости путь избирательного постгуманизма, который вовсе не является ни всего лишь досужим проектом, ни тем более придуманной утопией: современный передовой мир, кажется... чуть ли уже не свернул на этот путь, близкий по своему духу и параметрам тому, что человечество уже наблюдало в случае с фашистской экспериментацией, хотя буквального повторения тут, конечно же, нет и не будет.

Что касается неоконсервативного пути, предполагающего не возврат к чему-то ранее бывшему, а лишь восстановление роли идейно-духовного начала, восходящего к трансцендентности мироздания, разумеется, вкуче, конечно же, с научно-технической составляющей, но

уже подчиненной духовно-идеологическому началу, то попытки реального по этому пути движения будут иметь место, представляя по своим результатам действительную альтернативу вышеобозначенным путям.

Соответственно трем отмеченным путям-вариантам и будет, по-видимому, строиться хозяйственная жизнь человека в просматриваемом будущем, однако, в обстановке неуверенности, беспокойства и всеохватывающей борьбы, что никак не будет споспешествовать постановке и достижению глобального позитивного результата, кроме, разве, неопределенного.

Мир человеческий более не принадлежит себе, его буквально лихорадит и выворачивает наизнанку, он лишен покоя и не различает вдали никаких реальных перспектив, кроме фантастических. Это мир одной гигантской *полифуркации*, которую можно хорошо ощущать, но которую невозможно более или менее сносно смоделировать, не говоря о том, чтобы ее как-то конструктивно оседлать. *Движение в кризисе, через кризис и с помощью кризиса!* Кризисное бытие, кризисное управление, кризисное перевоплощение. И если уж демонтаж, то не социализма и капитализма, даже не цивилизации, а всего нынешнего мира с присущим ему человеком. Начав с *пересотворения мира*, возрожденчески-просвещенческий человек, кажется, заканчивает свое историческое бытие уже *пересотворением самого себя*, но, что особенно примечательно, по требованию уже им самим же созданного мира — совершенно, знаете ли, *человеческого!*

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Определение философии хозяйства // *Философия хозяйства*. 2008. № 5.

А.С. СТРОЕВ

Постмодерн как орудие мирового переустройства

Аннотация. Статья посвящена процессам, происходящим в современном мире и современной России в социальной и духовной сферах, которые могут быть обобщены понятием «постмодерн».

Ключевые слова: мировое переустройство, толерантность, политкорректность, мультикультурализм, феминизм.

Abstract. The article covers processes taking place in modern world and modern Russia in social and spiritual spheres which can be integrated into «postmodern» concept.

Keywords: world reconstruction, tolerance, a political-correctness, multiculturalism, feminism.

Толерантность и политкорректность

Устойчивость капиталократии в современном мире базируется на монополии определенной системы ценностей, определенного мировоззрения и мировосприятия, определенных моральных норм. Принципы эти суть вера в абсолютность рыночных товарно-денежных отношений и универсальность денежных знаков как меры ценности и даже количественной меры сущности и существования. Единственная санкционированная в рамках данной системы цель жизни — это расширение пределов индивидуального потребления, совпадающего со статусом в социальной пирамиде. Единственные две формы отношений между людьми — это либо прямая конкуренция, либо прагматическое использование (чаще всего взаимное и на основе формально-договорных и юридических принципов) в целях собственного обогащения и расширения собственного потребления.

Важно понять, что любая иная категория (ценностная, морально-этическая, эстетическая и т. д.), не вписывающаяся в описанную систему, самым фактом своего неподконтрольного существования ограничивает сферу власти финансовой олигархии. Она создает альтернативу принципам капиталократии, а потому вполне резонно воспринимается капиталократией как угроза.

Именно по этой причине капиталократия предпринимает целенаправленные и решительные шаги, направленные на ограничение, а в конечном счете — на полное предотвращение доступа населения к образцам классического искусства и культуры, а также на ликвидацию современного некоммерческого искусства с целью установления полной и абсолютной монополии коммерческой шоу-индустрии, поппсы и масскульты.

Та же самая редукция осуществляется в отношении всей прежней, не вписывающейся в формат общества потребления человеческой культуры. В рамках этой задачи архитекторами «Нового мирового порядка» ставятся следующие задачи.

1. Полная и окончательная десакрализация мира и общества, полная ликвидация самой категории Священного и самой способности человека к чему бы то ни было относиться как к Священному. Все, что имело или даже только могло бы приобрести в общественном сознании атрибуты сакральности, целенаправленно подвергается релятиви-

зации, подвергается сомнению и разоблачению, «творчески пересматривается с оригинальных позиций», делается объектом манипуляций, игр и перформансов, оскверняется и осмеивается до тех пор, пока не утратит все признаки сакральности и не будет сведено к товару в рамках рыночной эквивалентности всеобщего обмена.

2. Полная и окончательная деканонизация. Разрушение любых духовных, религиозных, метафизических, мировоззренческих, аксиологических, эстетических, этических и даже этикетных, поведенческих и бытовых традиций, канонов и норм, которые могли бы объединять общество и создавать очаг органического социального холизма («тоталитаризма»). Вместо этого — активнейшее поощрение любых индивидуальных духовных, мировоззренческих, эстетических, морально-нравственных и поведенческих отклонений и девиаций, если только они вписываются в формат общества потребления. Цель — атомизация общества, разрушение не только социальных структур, способных противостоять манипуляции, но даже необходимых для их возникновения условий и предпосылок.

3. Релятивизация не только общественных, но и личных эстетических и морально-этических категорий, религиозных, социальных и политических идеалов. Цель — воспитание теплохладности, социальной пассивности, религиозного, этического и политического индифферентизма, равнодушия к вопросам добра и зла, справедливости и несправедливости, истины и лжи, красоты и безобразия. Все эти категории должны стать относительными, и разные взгляды на них должны быть признаны равноценными и равнозначными, свободно обмениваемыми друг на друга и свободно компилируемыми. Конечной категорией в их оценке должен стать уровень личного комфорта, благополучия и благосостояния, т. е. полный конформизм в рамках монопольного господства норм общества потребления.

4. Разрушение целостности картины мира, релятивизация представлений об устройстве мира, плюрализм и множественность противоречащих друг другу «научных истин», расшатывание и разрушение методологических канонов, игнорирование формальной логики, «гуманизация и гуманитаризация науки» (т. е. ее подмена эмоциональным словоблудием), разрушение авторитета научного знания и монополии науки на истину, распространение антинаучных и паранаучных взглядов и представлений, формирование мозаичной, фрагментарной, лоскутно-кусочной, клиповой картины мира. Цель — формирование усталости, отвращения и равнодушия к вопросам истины и объективной реальности, формирование мировоззренческого конформизма и оппортунизма, снижение барьера критичности к поступающей информации, облегчение манипуляции сознанием.

Совокупность описанных установок и приемов десакрализации, деканонизации, релятивизации, фрагментации, формирования мировоззренческого, эстетического, этического и социально-политического равнодушия и конформизма, навязывания эклектического, мозаичного мировоззрения составляет феномен так называемого «постмодерна». Постмодерн проявляет себя во всех без исключения сферах и областях, начиная от искусства и заканчивая политикой, начиная от науки и философии и заканчивая бытом и структурами повседневности. Не имея в себе и всячески отрицая единство и целостность, он в то же самое время претендует на монопольность и безальтернативность.

При этом важно обратить внимание на то, что хотя постмодерн позиционирует себя как литературный, архитектурный и т. д. стиль, как общее направление современного искусства и культуры или как ментально-ценностную характеристику современного общества, на самом деле он представляет собой в чистом виде «соцзаказ». Это не более и не менее чем инструмент формирования сознания и поведения масс в интересах заказчика — транснациональной капиталократической олигархии, а — говоря еще конкретнее — мировой банковской олигархии и ее высшего менеджмента. Описанные культурные феномены — это всего лишь средство обеспечения монополии рыночных отношений и универсальности денежных эквивалентов как меры ценности. Это способ включить в сферу товарно-денежных отношений все без исключения стороны человеческих проявлений и отношений, включая знания, мышление, творчество, картину мира, самовыражение, эстетические и этические представления, человеческие отношения и т. д. А конечная цель проста — добиться полного и абсолютного контроля над каждым отдельно взятым человеком посредством произвольно создаваемых олигархией денежных знаков, превратить человечество в целом и каждого человека в отдельности в «дрессированную собачку», у которой в соответствии с методами Павлова вырабатывают условные рефлексy.

В каждом конкретном случае необходимо помнить, что так называемая «культура постмодерна» есть инструмент власти и господства, а агенты и распространители этой «культуры» суть «наемные дрессировщики» — идеологическая и даже социально-инженерная обслуга существующей системы власти.

Необходимо понимать, что «аполитичность» постмодерна мнима. Формируя аполитичность, социально-политическую индифферентность, равнодушие и апатию масс, постмодерн делает это для обеспечения экономических, социальных и политических интересов крайне узкого слоя мировой олигархии и по ее политическому заказу. Поэтому сам по себе постмодерн от начала и до конца есть явление сугубо политическое и только в таком качестве может быть адекватно понято и

оценен. По своему существу постмодерн есть продолжение либерализма, восторжествовавшего над всеми иными конкурентными по отношению к нему доктринами и, в силу снятия определявшего его «иноного», снявшего и самое себя как идеологию, но продолжившегося как способ и образ общественного существования.

Если в сфере культуры, искусства, науки и т. д. политический характер постмодернистского проекта достаточно завуалирован и имплицитен, то некоторые его проявления носят открытый и эксплицитный политический характер. Речь идет о таких неразрывно связанных с постмодерном идеологических категориях, как толерантность и политкорректность.

Для того чтобы понять, что такое «толерантность» в современном общественно-политическом значении этого слова, необходимо четко осознать, что любая мировоззренческая, культурная, этическая, поведенческая норма, скрепляющая общество и не позволяющая ему распадаться в «человеческую пыль», существует постольку, поскольку на практике работают механизмы наказания за ее нарушение. Эти механизмы далеко не обязательно должны быть формальными и юридическими. Они вполне могут существовать в неписанном виде как форма общественной нетерпимости, осуждения, порицания и остракизма. Тем не менее, они должны существовать, потому что если нарушение тех или иных норм не влечет за собой наказания, эта норма перестает существовать. Под так называемой «толерантностью» (буквальный перевод на русский язык — «терпимость») сегодня подразумевается обязанность приверженного традиционным для конкретного социума этическим, культурным, поведенческим и иным нормам большинства терпимо сносить нарушения данных норм представителями не приверженных им меньшинств и индивидов. При этом меньшинствам дана полная свобода унижать и оскорблять господствующие и присущие большинству религиозные, национально-культурные, поведенческие и бытовые нормы, традиции и ценности.

Подчеркнем, что активная приверженность тем или иным ценностям, традициям и нормам, имеющим общественный характер, неразрывно связана с болезненным восприятием их нарушения и поведенческой реакцией, направленной на пресечение такого нарушения. Именно в этом и состоит механизм социобразующего и социально-организующего действия таких норм, скрепляющих совокупность индивидумов в коллективный субъект, четко разделяющий людей на принадлежащих к нему «своих» и не принадлежащих «чужих». Наиболее яркий пример такого рода — отношение к религиозной святыне, неразрывно связанное с ее активной защитой от поругания и осмеяния. Отношение к бытовым и поведенческим нормам менее ярко и эмоцио-

нально насыщено, поскольку имеет многократно более низкий ценностный статус, но принципиально природа приверженности этим социальным нормам аналогична.

В рамках идеологии «толерантности» разнообразные меньшинства (национально-этнические, религиозные, субкультурные, половые и проч.) не только получают право и возможность, но и подстрекаются к активной демонстрации своих норм, отрицающих, нарушающих и разрушающих нормы большинства, что в ряде случаев оскорбляет и унижает представителей большинства, переживается ими крайне болезненно. Например, проведение «культурных мероприятий» типа скандальных выставок «Осторожно, религия!» воспринимается верующими как кощунство, как оскорбление и поругание их святынь. Практически столь же болезненно воспринимается здоровым большинством общества поведенческие демонстрации гомосексуалистов и иных половых извращенцев. Может быть, чуть менее остро, но также весьма болезненно воспринимается представителями коренного национального большинства поведение этнических меньшинств, особенно некоренных и пришлых, нарушающее (зачастую демонстративно) присутствующие большинству культурные, этические, поведенческие и даже бытовые нормы.

С какой же целью в рамках навязывания толерантности меньшинства поощряются к нарушению норм и правил, принятых большинством общества, а большинство принуждается терпеливо сносить и покорно терпеть постоянное и систематическое оскорбление и разрушение его норм и традиций? Цель этой политики предельно проста и прагматична: путем систематического оскорбления и разрушения скрепляющих и связующих общество святынь, традиций, норм и правил, добиться распада самого общества, структуры которого ограничивают манипуляцию сознанием и поведением. Параллельно с этим у большинства общества воспитывается полная социальная пассивность, формируется эскапизм (бегство от социальной реальности, ее игнорирование), вырабатывается предельное отчуждение. По существу общество толерантности есть система полного взаимного игнорирования, в которой люди всеми силами стараются не видеть и не замечать друг друга, перетерпеть (скрепя сердце и сжав зубы) факт существования друг друга как нечто заведомо болезненное и неприятное, в идеале — полностью друг от друга абстрагироваться. Однако подобные автономность и «самодостаточность» индивида крайне обманчивы: лишившись защиты традиционных социальных структур, он становится предельно зависим и управляем посредством виртуальных денежных знаков и средств массового внушения и оболванивания.

Путем привития терпимого, равнодушного и индифферентного отношения к оскорблению, низведению и нарушению общественных норм достигается размывание самих этих норм и, как следствие, атомизация и десоциализация индивидов. Тем самым уничтожается вся совокупность социально-культурных кодов (религиозных, национальных и т. д.), и их место занимает универсальный юридически-договорной и товарно-денежный протокол взаимодействия между предельно отчужденными друг от друга индивидуумами. В пределе каждый индивидуум оказывается абсолютно одинок и беззащитен перед лицом капиталократической машины управления и зомбирования. Таким образом, мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что десоциализация, маргинализация и атомизация общества являются не побочными продуктами, а сознательной и непосредственной целью внедрения толерантности.

Другим в явном виде политическим проявлением постмодерна выступает так называемая «политкорректность» — специфическая форма цензуры смыслов, выходящих за рамки культуры потребления. Если классическая цензура состоит в явном запрете на публичное высказывание и выражение тех или иных идей, то «политкорректность» этим не ограничивается и стремится к тому, чтобы путем реформы языка сделать целый пласт идей попросту невозможными не только на уровне высказывания, но и на уровне мысли за неимением соответствующих понятий. В отличие от классической цензуры, политкорректность — это и не столько система запретов на внешние высказывания и самовыражение, сколько метод реформирования внутреннего мира человека и самой структуры его мышления путем изменения понятийного аппарата, т. е. путем выведения ряда слов и понятий из языка либо существенной мутации их значений.

В связи с этим вспоминается описанный в антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» новояз — специфический язык, искусственно построенный таким образом, чтобы исключить самую возможность сформулировать на нем неудобные правящей клике идеи. Поскольку мышление человека осуществляется в понятиях, то исключение тех или иных понятий не просто не позволяет изложить и словесно сформулировать определенные идеи, но даже и прийти к ним на уровне мысли. Пределы человеческой мысли ограничиваются доступным ему понятийным аппаратом, поэтому изменение языка изменяет образ и характер мышления. А дальше, в точности по Оруэллу, на «политкорректный» новояз переводятся ранее написанные книги, статьи, фильмы и т. д. (вплоть до Библии), и вся человеческая культура задним числом подгоняется под требования господствующей олигархии.

Какие же смыслы и значения в первую очередь исключаются в рамках внедрения политкорректности из человеческого языка и мышления? В первую очередь, все понятия, связанные с национально-этнической самоидентификацией, различием своих и чужих, естественным неравенством между национальным большинством и этническими меньшинствами. Цель этого уже была описана выше: разложение традиционных структур общества, разложение общества в бесструктурную, аморфную, легко манипулируемую и управляемую массу, подрыв и разрушение национальной государственности и переход к единому общемировому открытому рыночному пространству.

Далее, в рамках парадигм политкорректности исключаются из языка понятия, связанные с различием физической, психологической и интеллектуальной нормы и отклонений от этой нормы, с различием здоровья и патологии. Исключаются понятия, обозначающие как физические недостатки и уродства, так и психические отклонения, половые извращения, умственную неполноценность и т. д. Вместо этого вводятся в оборот «политкорректные» термины, построенные таким образом, чтобы внедрить в сознание людей идею равенства между нормальными людьми, с одной стороны, и всевозможными извращенцами — с другой. Все понятия, маркирующие различие нормы и патологии, табуируются, внедряется мысль о «нормальности» и равенстве с нормальными людьми всевозможных психических и умственных дегенератов и вырожденцев. Преследуемая цель — та же: разрушить общепринятые представления о психической, умственной и поведенческой норме, о различии между красотой и уродством, физическим, умственным и духовным достоинством и недостатком и т. д. — т. е. те общественные представления, которые, собственно, формируют и удерживают социум как структуру, не позволяют ему рассыпаться на совокупность индивидуумов.

Наконец, в-третьих, в рамках политкорректности табуируются и уничтожаются понятия и языковые структуры, выражающие естественное различие полов и соответствующее этим различиям разделение социальных ролей, функций и моделей поведения. Цель — уничтожение нормальных традиционных отношений между мужчиной и женщиной и — в перспективе — полное уничтожение традиционной семьи как базовой ячейки общества. На этом вопросе мы остановимся подробнее ниже, когда речь пойдет о феминизме.

Пока же констатируем, что в рамках навязываемой обществу культуры постмодерна и связанных с ней политических проявлений — реализации принципов толерантности и политкорректности — капитало-лократия целенаправленно разрушает традиционную социальную структуру, систему социальных связей и отношений, не вписываю-

щихся в формат договорных и товарно-денежных рыночных отношений. В людях целенаправленно воспитываются социальная пассивность, теплохладность, равнодушие к святыням и социально-значимым нормам и символам, скрепляющим общество, ко всему, что выходит за рамки товарно-денежных отношений, вопросов уровня потребления и личного комфорта.

Цель данной политики — уничтожение общественных институтов, связей и ценностей, которые не в полной мере контролируются и регулируются через финансовые механизмы, а потому самим фактом своего существования подрывают монополию капиталократической системы на власть над душами, сознанием и поведением людей.

Мультикультурализм

Одним из важнейших инструментов капиталократии является насаждение так называемого «мультикультурализма», т. е. активное и целенаправленное замещение традиционных моноэтнических и монокультурных обществ, составляющих основу национальной государственности, полиэтническим населением, не имеющим единства культуры, мировоззрения интересов и исторической судьбы, а потому неспособным к самоорганизации, осознанию и защите своих культурных интересов, а потому обреченным на разобщенность.

Мультикультурализация общества осуществляется путем, с одной стороны, активного поощрения этнически, культурно и даже биологически чуждой миграции, перемешиванию населения Земли. С другой стороны — путем препятствования ассимиляции, т. е. путем поддержки сохранения этнической, культурной, религиозной и языковой инаковости мигрантских диаспор, что позиционируется как «защита прав и культуры национальных меньшинств».

Смысл насаждения мультикультурализма достаточно очевиден. Традиционная форма национальной государственности формируется путем национально-этнической консолидации. Иначе говоря, изначально формирование общества неразрывно связано с выделением группы «своих» из множества «чужих» для коллективной защиты и отстаивания своих коллективных интересов. Именно поэтому в обществе, объединенном на основе защиты коллективных интересов «своих» от посягательств оставшихся за рамками этого объединения «чужих», естественным образом возникает категория права.

Аппаратом такого общества становится национальное государство, смысл существования которого состоит в том, чтобы защищать интересы своих граждан в их столкновении с интересами «чужих» — т. е. от тех, кто вошел в иные, конкурирующие, национально-государственные общности.

Принцип сознательной этнической консолидации для защиты и реализации своих коллективных интересов создает основу для гражданского права, легитимной национальной государственности, институтов гражданского общества, в конечном счете — политической системы демократии, т. е. суверенного самоуправления национальных общностей в своих коллективных интересах. При этом исходный базовый этнический национализм (принцип выделения «своих» из массы «чужих») создает обязательные и необходимые предпосылки для развития гражданского национализма и гражданского самосознания, в конечном счете — для формирования правовой государственности.

И напротив, разрушение национального единства общества, его этническое и культурное разобщение приводит к распаду коллективного субъекта национальной государственности. Государство из слуги интересов этнически консолидированного общества превращается в равноудаленного арбитра в конфликтах и столкновениях интересов чуждых друг другу этнических групп. Иначе говоря, государство становится национально-индифферентным, отчужденным от национальных, а потому и общественных интересов аппаратом. С другой стороны, распад расово, этнически и культурно единого общества на чуждые друг другу диаспоры приводит к распаду институтов гражданского общества, осуществляющих контроль над государством и обеспечивающих обратную связь с ним. В результате лишенное контроля со стороны общества, но сохранившее все административные полномочия чиновничество с неизбежностью перерождается в замкнутую клановую корпорацию, функционирующую исключительно в своих внутрикорпоративных интересах. Утрата этнического и культурного общества, таким образом, есть в первую очередь источник коррупции и распада правовой системы и демократии.

Это очень важный момент, который необходимо подчеркнуть и зафиксировать: легализация иноэтнической иммиграции в страну и предоставление инородческим иммигрантам гражданских прав суть акт борьбы коррумпированного чиновничества против институтов демократии, гражданского общества, прав и свобод граждан. Цель этой войны: стремление чиновника превратиться из подконтрольного обществу служащего, наемного менеджера суверенной нации в представителя господствующей над населением корпорации, в хозяина государства и распорядителя (а затем и собственника) общенациональных ресурсов и благ. Попросту говоря, цели этой войны — освобождение государственного аппарата от контроля общества и «приватизация» государства чиновничьей корпорацией. Средством же выступает этническое и культурное разобщение общества, раздробление его на чуждые друг другу группы, между которыми ведется непрерывная холод-

ная война, которая периодически может разогреваться до горячей — т. е. до прямых уличных столкновений, погромов и взаимного террора.

Однако при этом не чиновничество национальных государств изначально является инициатором данной войны. Инициатором является транснациональная мировая финансовая (банковская) олигархия, стремящаяся ликвидировать свободу суверенных наций, а равно и демократические свободы и права составляющих эти нации граждан. Их место должны занять ничем не ограниченная диктатура и прямой произвол финансовой банковской олигархии, реализуемый в общемировом масштабе через систему экстерриториальных центров силы — транснациональных корпораций и монополий. Государства при этом должны переродиться из инструментов национального суверенитета и отстаивания национальных интересов в местные локальные администрации мировой капиталократической диктатуры. С целью обеспечить это перерождение мировая капиталократия всячески поощряет рост коррупции и стремление чиновников освободиться от общественного контроля и превратиться из «слуг народа» в сатрапов мировой олигархии, которым дана власть держать в вечном страхе, несправедливости и рабстве местное население.

Необходимо понимать, что система демократии и гражданского права не может быть для всех. Как совершенно справедливо отмечает в своей книге «Четвертая политическая теория» философ А.Г. Дугин, «Демократия ни в коей мере не признает индивидуального равенства. В ней есть жесткая черта, разделяющая тех, кто допускается к участию в “политическом экстазе решения”, а кто — нет. Поэтому реальными участниками демократических процедур во всех обществах признавались лишь конкретные социальные группы. В разных обществах их структура была различной, но принцип включения одних в демократический процесс и исключения из него других — фундаментальный признак всех типов демократий». Хотя дальнейшие рассуждения А.Г. Дугина представляются сомнительными, но данная формулировка бесспорна. Причем с не меньшим основанием она может быть отнесена не только к демократии (т. е. сфере политических прав), но и к гражданским правам и свободам в целом.

Гражданское право существует до тех пор, пока существует его коллективный субъект — ясно очерченный гражданский коллектив, объединенный и сплоченный совместным отстаиванием своих интересов и привилегий перед лицом совокупности «чужих», в этот коллектив не входящих. Для Римской республики таким субъектом была община римских граждан, противопоставленная массе покоренных подданных, не имеющих прав римского гражданства. Для ранних буржуазных демократий Европы — класс буржуазии, который фактически и

составлял буржуазную нацию. Позднее по мере развития капитализма в состав буржуазной нации вошли и прежде исключенные из ее состава народные массы. Но важно отметить, что гражданские права они получили не раньше, чем обрели социальные и экономические привилегии от принадлежности к нации, распространение которых на все население стран стало возможным в Европе и Северной Америке только вследствие развития колониализма и империализма. Иными словами, политическая субъектность европейских наций основывалась на противопоставлении интересов мировой метрополии и колониальной периферии.

Однако в случае распространения гражданских прав на все население, коллективный субъект, очерченный в своем противопоставлении «чужим», растворяется. Соответственно право обесценивается и фактически исчезает, становясь пустой бессодержательной формой. Это было прекрасно показано еще в древнегреческих полисах, когда распространение демократических прав на все общество с неизбежностью приводило к охлократии, к торжеству демагогов и, в конечном счете, — к установлению тирании. То же самое произошло в Римской империи, когда распространение гражданских прав на все свободное мужское население эдиктом императора Каракаллы привело к гибели римского гражданского правового общества и его перерождению в тиранию эпохи домината.

То же самое происходит сегодня в современных западных демократиях. Когда гражданские права были предоставлены неграм, злые языки предсказывали, что следующим шагом будет предоставление их животным (не будем забывать, что еще в XVIII в. вопрос о том, следует ли считать негров людьми или животными, оставался дискуссионным). Тогда подобные предсказания были восприняты как злостная расистская пропаганда, однако сегодня это предсказание подтвердилось самым буквальным образом: в 2008 г. в Испании парламентом был принят закон, предоставляющий человекообразным обезьянам юридические права на жизнь и свободу, т. е. по существу ограниченные (пока?) гражданские права. В ряде стран животные *de facto* приобрели права наследования имущества — т. е. права собственности. А в отдельных наиболее продвинутых странах животные уже и сами могут быть привлечены к суду! В Израиле существует даже специальная тюрьма для нарушивших закон собак, в которую животные в качестве наказания могут быть заключены на тот или иной срок по решению суда. Теперь осталось только наделить правосубъектностью растения, а потом и бытовые приборы — и гражданское право в привычном значении слова будет окончательно похоронено под спудом торжествующего маразма.

Под аккомпанемент трескучих и громогласных слов о демократии, о правах и свободах личности категория права сначала доводится до гротеска и пародии, до абсурда, приводится в полное противоречие со здравым смыслом — чтобы затем было легко отменить ее и ввергнуть население в состояние полного бесправия и неограниченной тирании. Примеров доведения «прав и свобод личности» до полнейшего абсурда, несовместимого с существованием общества, европейская, а тем более, американская юридическая система дает бесчисленное множество. Ни один гражданин не может быть сегодня уверен в своей безопасности со стороны доведенной до коллективного помешательства юридической системы. Он может оказаться преступником и получить тюремный срок за то, что задержал взгляд на проходящей мимо женщине (сексуальное домогательство) или не купил игрушку собственному ребенку (моральное насилие над детьми), неодобрительно высказался о половых извращениях или выразил сомнение по поводу неправдоподобного количества евреев, согласно официальной мифологии умученных в порядке холокоста. Он может быть объявлен преступником за то, что послушал нелегальную музыку или сфотографировал предмет, являющийся объектом чей-то «интеллектуальной собственности». Предсказать, в сколь причудливую форму выльется очередной эксцесс современной западной юридической системы, стало совершенно невозможно по причине ее полного безумия и разрыва со здравым смыслом. Юридическая система в своей иррациональности стала походить на стихийное бедствие или на кирпич, который с равной вероятностью может упасть с крыши на голову как преступнику, так и самому законопослушному гражданину. «Защита прав личности» превратилась в едва ли не главную угрозу этим правам, и недалек момент, когда граждане западных демократий будут настолько запуганы непредсказуемостью шизофренических эксцессов борьбы за якобы их права, что добровольно предпочтут этому рациональное и понятное бесправие по типу современного российского или латиноамериканского.

Подчеркнем еще раз, так называемые мультикультурализм, толерантность и политкорректность, прикрывающиеся словами о демократии, правах и свободах личности и т. п., на самом деле являются инструментами уничтожения прав и свобод личности, инструментами ликвидации базы народовластия. Свобода иноэтнической иммиграции и последующий мультикультурализм (т. е. право иммигрантов жить по своим законам и своим традициям, со своим языком и своими нормами поведения, не перенимая веры, языка, норм поведения и образа жизни коренного населения) есть путь от правового и безопасного европейского общества в пучину уличных этнических войн, криминаль-

ного разгула, наркоторговли, погромов, резни и терроризма. Все это делается сознательно и целенаправленно для того, чтобы заставить запуганное уличным беспределом и терроризмом население отказаться от личных и гражданских прав и свобод, достигнутых на протяжении всей истории европейской цивилизации, отказаться от национальной свободы и суверенитета. Там, где начинается мультикультурализм, там начинается террор. Там, где начинается террор, — там начинается борьба с террором. А там, где начинается борьба с террором, — там заканчиваются права и свободы.

Необходимо помнить о том, что национализм, демократия и правовое общество неразрывно связаны между собой и являются разными сторонами одного и того же типа организации общества. Разрушение национализма неизбежно ведет к разрушению демократии и правовой организации общества, к уничтожению права как категории. Иммиграция, мультикультурализм, насаждение толерантности и политкорректности — это война узкой кучки мировых олигархов против свободы и суверенитета народов, а также против прав и свобод граждан. Война, в которой в ходе террора и антитеррора массово уничтожаются люди, причем в лице мирного населения. Цель этой развязанной мировой олигархией войны — ликвидация предпосылок и самой возможности народовластия и установления мировой тирании.

Феминизм

В современном западном обществе феминизм выступает по существу как часть господствующей государственной (а точнее — надгосударственной и трансгосударственной, т.е. глобалистской) идеологии. В этом качестве он жестко и безальтернативно навязывается по линии школы, университета, средств массовой информации, закреплён в законах. Весьма значительные финансовые ресурсы вкладываются в пропаганду феминизма, в проведение «гендерных исследований», в деятельность «факультетов женских наук», в издание феминистической литературы и т. д. Вопрос о том, кто и с какой целью осуществляет финансирование феминистического движения, представляется риторическим. Субъектом такого финансирования в капиталистическом обществе может выступать только коллективный владелец капитала, т.е. транснациональная финансовая олигархия. Другого субъекта, способного в рамках современного капиталоκραтического общества обеспечить столь значительное финансирование, сочетающееся с привлечением как карательных, так и образовательно-воспитательных функций государства (или, точнее, постгосударства — региональной администрации Нового мирового порядка), просто не существует.

Ответ на вопрос «кто финансирует?» автоматически дает ответ и на вопрос «с какой целью?». С единственно возможной: с целью обеспечения своих классовых (или, если угодно, корпоративных) интересов. Остается только понять механику дела. А механика проста. С кем можно бороться «за права женщин»? Кто выступает в роли «угнетателя» и «дискриминатора»? Ясное дело — мужчины. В итоге одна половина общества противопоставляется другой половине общества в рамках искусственно созданного противоречия. Соответственно в тень уводятся реальное противоречие: противоречие интересов подавляющего большинства населения и узкого круга монополистической финансовой олигархии. Расколотое, атомизированное общество утрачивает способность к консолидации в отстаивании своих реальных интересов. Т. е. интересов по природе своей социально-классовых, фактически совпадающих (в результате монополизации капитала и замыкания буржуазии в крайне узкое, отчужденное от нации олигархическое сословие) с интересами общенациональными.

Но помимо создания искусственного, раскалывающего общество противостояния по половому признаку капиталократическая олигархия решает еще одну важную задачу: разрушает традиционную семью — какая уж там семья, когда женщины объединены и мобилизованы против мужчин, а мужчины — против женщин. Стремление мировой капиталократии разрушить традиционную семью как базовую ячейку общества в последние годы не только не скрывается, но и вполне открыто декларируется. В частности, выступая почти сразу после окончания Всемирной встречи семей, которая прошла в январе 2009 г. в Мехико, один из руководителей Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) Ари Хокман заявил, что разрушение традиционной семьи, высокий уровень разводов и рост числа внебрачных детей — не показатели кризиса общества, а «торжество прав человека над патриархальностью».

Разрушение семьи помимо все той же атомизации общества имеет очевидную цель: максимально ослабить роль родителей в воспитании детей и обеспечить беспрепятственную формовку «нового человека» силами школы, СМИ и иных находящихся в руках капиталократии институтов. На выходе олигархия стремится получить качественно нового человека — идеального потребителя с управляемыми одномерными желаниями и устремлениями, неспособного к самостоятельному мышлению и поведению. Передача знаний, мировоззрения, этических норм от поколения к поколению в рамках традиционной семьи мешает олигархии переформатировать человечество в соответствии со своими интересами. Поэтому семья как институт подвергается целенаправленному разложению и разрушению путем противопоставления женщины

— мужчине, а ребенка — родителям, путем активного вмешательства государства во внутрисемейные отношения под предлогом «защиты от бытового насилия», путем пропаганды несовместимого с созданием семьи образа жизни и принятия разрушающего традиционную семью законодательства. Феминизм как идеология межполовой розни и противопоставления интересов полов является одним из идеологических инструментов решения данной задачи.

Таким образом, следует констатировать, что заказчиком и организатором так называемый «борьбы за права женщин» выступает капиталократия, которая таким образом разобщает, разрушает и атомизирует общество. На самом деле, это борьба противоречит интересам не только мужской, но в равной мере и женской части населения и ведется не в интересах женщин, а в интересах узкого круга капиталократии. Смыслом этой борьбы является не достижение каких бы то ни было конкретных прав, а само по себе разобщение между представителями разных полов, состояние взаимного озлобления, недоверия и ненависти между ними. Помимо олигархии от такого разобщения общества по половому признаку в выигрыше могут остаться разве что половые меньшинства.

Феминизм позиционирует себя как движение за равноправие женщины. В реальности номинальная цель феминизма была в полной мере достигнута еще до его появления, если, конечно, отсчитывать историю современного феминизма с выхода книги «Второй пол» Симоны де Бовуар в 1949 г., а не с суфражизма конца XIX — начала XX в. или первых требований избирательных прав для женщины, озвученных в США, Франции и Англии в конце XVIII в. Уже к середине XX в. в странах Европы и Северной Америки, не говоря уже о Советском Союзе, женщины были полностью уравнены в избирательных, имущественных и всех иных юридических правах с мужчинами. Таким образом, современный феминизм, бурно развивавшийся начиная с 1960-х гг., не имел никакого реального отношения к борьбе за равноправие.

В действительности, даже наиболее умеренные формы феминизма ставили своей целью достижение не равных прав и равных стартовых возможностей, а равного конечного результата, т. е. не равноправия, а равенства в смысле идентичности и стирания половых различий, по меньшей мере, в любой публичной, общественно значимой сфере. Более радикальные формы феминизма открыто требовали неравноправия и дискриминации в пользу женщин и/или полового апартеида — обособления, раздельного развития и проживания, половой сегрегации. Наиболее крайние формы американского феминизма открыто провозгласили своей доктриной разрушение семьи, борьбу с нормальными гетеросексуальными половыми отношениями, пропаганду биологиче-

ского превосходства женщин, ненависти к мужчинам и даже идею полного уничтожения мужчин.

Наличие «дискриминации» и «угнетения» женщины обосновывалось феминистками не различием юридических прав (поскольку такого различия уже не существовало), а исключительно различием фактического социального статуса и преобладанием мужчин в бизнесе, сфере управления, искусстве, науке и ряде иных областей деятельности. Однако сам по себе факт неравенства представительства полов в тех или иных общественных сферах нисколько не доказывает наличия дискриминации, поскольку является прямым и непосредственным следствием биологических различий между мужчиной и женщиной, выраженными не только на генетическом и анатомическом, но также и на психофизиологическом уровне и проявляющихся в психологическом складе, особенностях интеллектуальных, волевых и ряда иных качеств.

Для того чтобы обойти данный очевидный факт, феминистками в порядке создания политкорректного новояза было введено особое понятие «гендер», обозначающее социальную роль, сформированную общественным воспитанием. Соответственно была сформулирована аксиома феминизма, состоящая в том, что гендер имеет чисто социальную природу и никак не связан с биологическим полом. Иначе говоря, все психические, эмоциональные, поведенческие различия между мужчиной и женщиной определяются согласно утверждениям феминизма якобы не биологической природой, а разницей социального воспитания. Соответственно само различие поведенческих ролей и моделей мужчины и женщины — ведущее в дальнейшем к неравному представительству в различных социальных сферах — было объявлено результатом «заговора» и источником «дискриминации».

Понятно, что данная теория с научной точки зрения абсолютно беспочвенна и безосновательна. Давно доказано влияние половых гормонов на поведение. В частности, хорошо известно, что стремление к лидерству, которое, в конечном счете, и определяет положение в социальной иерархии, в значительной степени регулируется мужским половым гормоном тестостероном. Он же существенным образом влияет на ориентацию в пространстве, что также имеет существенное значение для ряда профессий. Точно так же не вызывает сомнений и гормональная регуляция материнского инстинкта. Хорошо известны межполовые различия в функциональной асимметрии полушарий головного мозга, что определяет различия в характере мышления и обработки информации в целом. Не вызывает сомнений связь гормонов с общим эмоциональным фоном, характером мотиваций, уровнем работоспособности и рядом других психических характеристик. Наконец, фемин-

нистический постулат о внебиологической, социально кодируемой природе «гендерных» поведенческих моделей полностью опровергается тем, что эти модели у человека принципиально аналогичны таковым у всех высших приматов.

Таким образом, различия поведенческих моделей представителей разных полов не сформированы, а лишь оформлены культурой. По природе же своей эти различия являются биологическими: детерминируются они генетически, а реализуются гормонально, и притом имеют важное адаптивное значение для вида в целом. Причем сформированы они задолго до возникновения не только человека разумного как вида (*Homo sapiens*), но даже и человека вообще как рода (*Homo*), т. е. к началу антропогенеза эти модели в основных чертах уже были сформированы, достались человечеству по наследству от обезьяноподобных предков и сохранялись в практически неизменном виде в течение всей человеческой истории. Менялось лишь их культурное оформление. В соответствии с этими биологическими отличиями в поведении, мотивациях, характере мышления, волевых качествах и творческих способностях определяются социальная роль и социальная ниша, занимаемая в обществе представителями каждого из полов. В то время как мужчина в силу своих биологических (генетических, гормональных, физиологических, психических) характеристик ориентирован в большей степени на общественную активность и профессиональную деятельность, женщина в большей степени ориентирована на организацию внутрисемейного быта, рождение и воспитание детей.

Различие соотношения мужчин и женщин в сфере политики, бизнеса, ряда профессий (а также и пресловутая разница средних зарплат) при полном равенстве стартовых возможностей определяется не «дискриминацией», а простым фактом наличия психофизиологических отличий между полами, т. е. отражает биологическую норму, приблизительно одинаковую как в современном человеческом обществе, так и в обезьяньей стае.

Феминизм, игнорирующий научное знание и научные доказательства, предпринимал, тем не менее, попытки обосновать свой гендерный миф экспериментально. В частности, феминистками проводились опыты на детях с целью сломать межполовые различия в поведении мальчиков и девочек и воспитать из них в поведенческом отношении нейтральных (т. е. «бесполох») особей.

Следует констатировать, что идеология феминизма антинаучна по своему характеру, а воплощение этой идеологии в жизнь неизбежно обретает открыто человеконенавистнические формы, вполне сопоставимые в этом отношении с практикой нацизма.

Характерно также, что, выступая против биологического человеческого естества, феминизм в то же время столь же враждебен и традиционной человеческой культуре, в том числе всем без исключения духовным и религиозным Традициям (включая все три мировые религии — христианство, ислам и буддизм), нормам традиционной морали, традиционным устоявшимся в культуре практически всех народов и этносов моделям поведения и социальных отношений.

В отношении любой традиционной культуры феминизм выступает как один из инструментов деструкции — и в этом состоит еще одна его роль в разрушении социальных связей и в атомизации человеческого общества.

Таким образом, феминизм — независимо от того, выступает он в обертке «левой» или «правой» риторики — объективно является одним из инструментов мировой капиталократии, используемых для разрушения традиционных социальных институтов (семья, нация) и связей. Фактически он направлен на решение двух задач: атомизацию общества и разрушение системы семейного воспитания. Таким образом, он выступает как составляющая программы построения так называемого «Нового мирового порядка» — переформатирования человечества в легко управляемую массу потребителей.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Эсхатология современного мира в философии хозяйства *

*Елене Серафимовне — софийной душе
философии хозяйства посвящается*

Аннотация. В данной статье анализируется «метафизический исход» современного мира и человека, выделяются его основные типы. Есть софийно-хозяйственный исход, представленный домостроительным проектом жизни в философии хозяйства. Есть призрачно-экономический исход, представленный инновационными «прожекторами» политической экономии. Есть инфернально-антихозяйственный исход, представленный ростовщическими «флюками» финансизма. Но станет землей обетованной лишь софийный проект устройства грядущего мира и сохранившихся людей на основе богодомохозяйства.

* Редакция склонна рассматривать данную статью в координатах оригинального авторского мнения, могущего иметь место в рамках философско-экзотерического подхода.

Ключевые слова: мир, человек, хозяйство, экономика, призрак, конец.

Abstract. In this article the metaphysic final of modern man and world is analyzed. There are several variants of this final. First of all, there is a sofian-economical final, which is represented by the projects of life in the philosophy economy. Secondly, there is a phantom-economical final, which is represented by modern projects of political economy. Thirdly, inferno-uneconomical final — vessel of finance. The god's project of a future world and alive human on the base of nature, spirit, work will be at paradise place.

Keywords: world, human, economy, phantom, final.

Современный мир вызывает у людей автомугирующий страх, истерический паралич воли, гипнотически внушая какую-то абсолютную и неуловимую мерзость. Поэтому объективное изучение его, видимо, невозможно по причине неопределяемости его причин, хотя последние все же сохраняют свою власть даже после пропажи своих подданных. Современный мир и человек напоминают преступников, которые пустились в бегство с места злодеяния, оставив разбегающуюся Вселенную физиков и море нечистот бессознательно мегаполисного безумия.

Во-первых, современный мир, его человека, их связи невозможно описать просто потому, что таковых нет. Нет, извольте, а что же есть? А есть вселенская размазня, которая размазывается все больше вплоть до виртуальной мути. «Размазня» — это точный термин неофизики, строго следящей за фазовыми переходами от курицы к яйцу, от яйца — к яичнице, от яичницы — к... отбросам, составляющим материю современного мира, который постмодернизм восторженно назвал Хаосмосом; только это безмыслие не завершено, ибо рядом с Хаосмосом идут еще Мусоросмос и Отбросмос. Соответственно и человек — это уже не «микрокосмос», а тип таких отбросов, которые меньше всех прочих сопротивляются своей утилизации¹.

¹ Ужасающе безотрадную картину Запада как Мира-Отброса изобразил Ж. Бодрийяр: «Хуже всего не то, что мы завалены со всех сторон отбросами, а то, что мы сами становимся ими. Вся естественная среда превратилась в отбросы, т. е. в ненужную, всем мешающую субстанцию, от которой, как от трупа, никто не знает, как избавиться. Вся биосфера целиком в пределе грозит превратиться в некий архаический остаток, место которого — на помойке истории. Впрочем, сама история оказалась выброшенной на собственную помойку, где скапливаются не только пройденное нами и отошедшее в прошлое, но и все текущие события; не успев закончиться, они тут же лишаются всякого смысла

Во-вторых, идеал современного человека, отринувшего Бога и по своему хотению свободно преобразующего посредством науки и техники природу, — этот идеал рухнул вместе со своим оригиналом. Ну, изменил природу, перевернул ее, потом еще раз перевернул и вернулся к исходному состоянию, в котором вместо природы — ядовитейшие отбросы. И теперь, сколько ни переворачивай отбросы, ничего кроме отравы, получить из них нельзя. Ситуация еще не вполне осознана современным человеком: отбросы нельзя устранить, переработать в другие вещества, ибо на такое дело нет у человека средств, энергии, технологий и здравого ума. Нет, и не будет, ибо страшно Господь осудил технобесию, которая обречена на создание лишь медленно убивающих ядов.

Мир вместе с человеком стал вдруг ненужным самому себе, не зная, что с собой поделаться, ибо суицид — это банально, не гламурно, не скандально, не по-французски, вульгарно, а иное не дано. И Западный мир вместе со своим человеком попал в жуткий, безвыходно магический лабиринт, когда все, к чему только они не прикоснутся, вызывает лишь отвращение, а наслаждение становится кошмарной карой. Царь Мидас мечтал о том, чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. Боги исполнили его желание, и он чуть было не погиб от золотого мяса, но вовремя покаялся, отдав часть золота цыганам, а вторую часть ищут до сих пор. «Западоиды» желали бесконечных наслаждений, но добились их ценой отрицания идеальной ценности жизни.

И что же? С убытием идеальности катастрофически испаряются позитивные наслаждения, превращаясь в порочные, разрушительные силы жизни. И поскольку порочные наслаждения не легализуются судом совести, они быстро обесцениваются, сменяясь беспросветной тоской и тотальным отвращением к самой жизни. «Наши действия, наши затеи, наши болезни имеют все меньше объективных мотиваций;

в результате демпинга средств массовой информации, способных превратить их в субстанцию, непосредственно готовую для употребления, а затем и в отбросы. ...Как же может ненавидеть и презирать самое себя цивилизация, которая с самого начала производит себя, причем умышленно, в виде отбросов, трудится над своим собственным бесполезным построением. ...Сами человеческие существа бесконечно воспроизводят себя в виде отбросов или в виде обыкновенных статистов. ...Горька участь этого персонала, которому суждено перейти в отбросы. ...Наша культура превратилась в производство отходов. Люди становятся отбросами своих собственных отбросов — вот характерная черта общества, равнодушного к своим собственным ценностям, общества, которое самое себя толкает к безразличию и ненависти» [1, 99—100].

они все чаще исходят из тайного отвращения, которое мы испытываем к самим себе, из тайной выморочности, побуждающей нас избавляться от нашей энергии любым способом; это следует считать скорее формой *заклинания духов*, нежели проявлением воли. И в той же мере возрастает отвращение, вызванное отсутствием отвращения» [2, 106—107, 109]. Да и природные, и техногенные катастрофы выражают отвращения природы к своему царю.

Незаметно извращается смысл наслаждений: уже не люди наслаждаются, а нечто иное наслаждается людьми. Поэтому наслаждения становятся агрессивной, принуждая индивидов наслаждаться вопреки их естеству и воле. Ж. Бодрийяр глубокомысленно замечает: «И в этом — большая проблема нашего времени: ничто не является само по себе источником наслаждения — надо заставить наслаждаться и самого себя, и других» [2, 69]. Это — действительно кошмар! Миллионы людей страдают от голода, а в Европе страдают от того, что наслаждения вызывают отвращения! Действительно, уж лучше терпеть неизбежное зло, чем страдать от принудительного добра. «Западоиды» с избытком наслаждений потеряли их вкус. Идет гедонистический террор, который «сталкивает нас с совершенно нереальным миром, существующим вне принципа истины и реальности» [2, 64]. Этот новый мир мы увидим позже, а пока не будем отрываться от наслаждений.

Гедонистическое насилие неотвратимо и радикально изменяет жизнь, направляя пресыщенных богатых тварей искать наслаждения в убийствах. «Все наши категории вошли в эру неестественного, где речь идет не о желании, но о том, чтобы заставить желать, не о действии, но о том, чтобы заставить делать, не о стоимости, но о том, чтобы заставить стоить [как это видно на примере любой рекламы], не о познании, но о том, чтобы заставить знать. И, наконец, последнее по порядку, но не по значению — не столько о наслаждении, сколько о том, чтобы заставить наслаждаться» [2, 69]. И познание становится средством террора; ведь «информация — это не знание, а то, что заставляет знать» [2, 68]. А заставляет не истина, а мировой Икс; к нему с метафизическим аудитом и направляется «Варяг» философии хозяйства, чтобы выяснить судьбы мира и человека.

В-третьих, даже если бы мир и человек благоденствовали, познать их все равно невозможно, ибо изучать-то нечем. Частью гнуснейшего демонического разрушения СССР стала методологическая катастрофа, повредившая все имеющиеся познавательные органы человечества. Большинство философских и социально-политических принципов создавалось именно в рамках предметного противоборства двух мировых лагерей. Исчезновение этих лагерей оставило без работы три важней-

шие научно-философские категории: *развитие, диалектику и систему*. И современный мир в головах интеллектуалов сразу же начал сползать в пучины хаоса; их категории к началу XXI в. стали вовсе не пригодными к анализу неопределенностей, ибо они создавались для познания организованных, структурных объектов, а не диффузных неразрешимостей. Парадокс, но дальше всего от понимания этой катастрофы оказались именно методологи и сапожники! В итоге применяемые сегодня принципы развития, цивилизации, системы, диалектики, культуры, ума и др. порождают не знания, а плодят незнание, гносеологический идиотизм и рыночный примитивизм. Большинству интеллектуалов даже легче жить, ибо думать не надо, смыслов искать тоже нет смысла. Интеллектуалы не печалются, ибо можно преуспевать и без интеллекта в качестве туалатов. В общем, кока-колу дуй, резину жуй, час твой последний приходит, холуй!

Ж. Бодрийяр полагает, что есть-де какая-то хитрая истина, требующая, чтобы «общество само посредством угрозы СПИДа производило противоядие против своего же принципа сексуальной свободы» [2, 97]. А не хранят ли нас и наркотики от еще «худшего зла — от умственного отупения, нормативного обобществления, универсальной запрограммированности? То же самое можно сказать и о терроризме: это вторичное, вызывающее реакцию насилия, возможно, защищает нас от эпидемии согласия, от политической лейкемии и упадка» [2, 98]. Итак, да здравствует чума, восславим СПИД, наркотики и терроризм! Ведь в них противоядия ото всех бед, залог спасения людей в обликах нелюдей! Бедная Франция! Спасибо, Господи, что мы не во Франции!

Христианство полагает, что так и должно быть, ибо мудрость мира сего стала безумием, которое и творит новое мировоззрения². Да, но

² Ап. Павел предостерегал: «Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом». Постмодернизм попытался превратить истину апостола в некий метод исследования: «Коль скоро мир движется к бредовому положению вещей, то и мы должны смещаться к бредовой точке зрения» [2, 6]. В итоге получится метод шизоанализа, посредством которого только и можно изучать капиталистический рай, в котором человек и мир существуют за счет энергии распада, гниения, разложения, расщепления всякой формы и нормы, за счет порока, превращая в итоге все сущее в хаос — сырье. Если обычную шизофрению лечат в клиниках, то методологическая шизофрения все исцеляет суицидом. Поэтому «ничто как отрицание воли» клинической шизофрении сегодня сменяется в методологической шизофрении «волей к ничто», страстным поиском наилучших форм цивилизационного

не следует забывать, что у всех народов безумие почиталось и как священная болезнь, посредством которой Всевышний своеобразно вразумляет людей³. Только кто найдет сакральный, исцеляющий смысл нынешнего безумия? Кто сможет сегодня переплавить безумие, научные, философские знания, мистические прозрения, оккультные тайны в единое мировоззрение?

Создание цельного мировоззрения кажется невозможным. Кант полагал, что «мир как целое» недоступен уму, загоняя его в неразрешимые противоречия. Посему категория «мир» выражает не позитивное знание, а незнание, непостижимость ужасающей и гипнотизирующей бесконечности. Но вот Хайдеггер с экзистенциальной ностальгией и тоской простонал: «Нас всегда зовет Нечто как целое. Это “в целом” есть мир» [4, 119].

И он прав. Без цельного мировоззрения нельзя решать даже частные проблемки. Нельзя изготовить очки, не зная, сколько глаз у чело-

суицида, который и конституирует новую реальность, где в полной мере проявит себя свобода всех желаний человека [1, 748—752].

Свою «безумную хворостинку» в общий inferнальный костер безумия XX в. принесла и квантовая физика, которая предъявила огромный спрос в начале века на «безумные идеи», поступая по правилам всех безумцев, которые считают здоровыми только себя, а всех остальных людей — больными. Как можно искать «безумные идеи», не видя того, что само это выражение и есть основная безумная «демонодея», плодящая в режиме цепной реакции ядерных безумцев века сего, не понимающих, что «идея» и «безумие» — несомнимые явления даже в безумных головах! Безумие наступает тогда, когда люди начисто забывают смысл идеи как откровения софийной мудрости, а видят в ней лишь элемент «псипатичных» физиков. А властвование идей дает смысловое устройство жизни, преображающей импульсы безумия, присущие неустроенной и безработной материи, в энергии ума. А небесные послания, идущие через безумие, идеи включают в смысловой строй культуры. В безумии есть свой ум, своя мудрость, свое откровение, но постичь их хотя бы отчасти может лишь религиозная рациональность, частью которой является и философия хозяйства.

³ Так, для Платона совершенно бесспорно то, «что бог уделил пророческий дар человеческому умопомрачению» [3, 517], которое имеет крупнейшее эвристическое значение. Ведь именно в бессмысленных речах безумцев врачи и жрецы древности находили рецепты от страшнейших эпидемий, обретали нужное вдохновение для вполне рациональных смысловых поисков их причин. Да и само учение Платона — не просто философия, а целостное религиозно-философское мировоззрение, соединяющее в стройный ансамбль различные духовные, научные, практические, психологические, мистические, эзотерические идеи. (Понятно, что все эти пророки-безумцы находились под неусыпным взором «отцов» полиса. Экспертов и аналитиков древние греки не допускали к живому, органичному и творящему.)

века; нельзя сшить перчатку, не зная, сколько пальцев на руке; нельзя избрать президента, не зная, кто его избрал для нашего избрания и т. д. Говорят, что без труда не вытащить рыбку из пруда. Как сказать! Без простейшего мировоззрения, дающего нехитрые сведения о рыбе и прудах, ловчий труд напрасен. Мировоззрение лежит в основе всех знаний и дел людей.

Так, если мир и человек — творенья Божьи, то в своем хозяйствовании человек никогда так и не узнает слова «экология». Если мир и человек суть феномены только природы, то ум человека толкает его к тому, чтобы стать жестоковейным царем(!) Бесконечной(!) Природы, забывая о том, что вскоре черви станут царями этого самозванного царя. Если мир и человек — чистая материя, то отсюда следует право на абсолютный произвол; чтобы человек с материей не сотворил, она останется той же материей, сменив лишь форму. Если мир и человек суть продукты своего творчества, то человек посредством техники и труда прямо-таки должен создать искусственный мир, который удивит даже Всевышнего. Если мир и человек состоят из одних законов [Ш. Монтескье], то все существующее должно в срочном порядке обретать лицензии на бытие, иначе ЕС и НАТО примут резолюцию, отменяющую Россию. Если мир и люди суть знаково-символические реалии, то человек должен исписать все стены, заборы и другие места, дабы сотворить бесконечный текст постмодерна. Если мир и человек суть виртуальные феномены, то они должны обретать навыки призрачного бытования. А если мировоззрение реально, то рыбка золотая сама приплывет к человеку и подскажет, чем заменить ему пищу, основная часть которой превращается в inferнальную материю. Поэтому мировоззрение нужно было древним людям столь же, сколь и оружие, сколь и жилье, ибо мир — это, прежде всего, жилье души, ума и сознания.

Жизнь человеческая в этом плане всегда есть осуществление определенного мировоззрения — осознанного или неосознанного, сакрального или превратного. Есть мировоззрение — растет жизнь, люди плодятся; нет мировоззрения — жизнь умирает, а люди совершенствуют искусство, технику абортотворения и убийства⁴. Без мировоззрения человек не

⁴ Эту житнетворящую силу мировоззрения с наивной мудростью детства доказало австралийское племя акильпа, жизнь которого глубоко исследовал М. Элиаде. Мировоззренческим символом этого племени был чистый ствол эвкалипта, представляющий для них вертикальное измерение мира и человека. И вот однажды ствол сломался. Племя отчаялось и... приняло добровольную гибель. «Они не могут жить без этой вертикальной оси, которая осуществляет “прорыв” в трансцендентное и в то же время дает им возможность ориентироваться в пространстве. Как только контакт с трансцендентным прерывается и

живет, а служит донором паразитам и смерти. И если люди все еще живут, то этому они обязаны неведомому им мировоззрению, хранящему в себе минимум жизнотворных знаний. Жажда мировоззрения есть жажда самой жизни; и неутоленность этой жажды не возместит никакое иное благо, даже — смерть. Ибо мировоззрение есть послание миру сему не от мира сего. Поэтому оно жизнотворно работает лишь в качестве *мета*мировоззрения, раскрывая не только истоки мира, человека, их взаимодействия, но и необходимость самого себя как практически-духовной формы, посредством которой общаются видимые, невидимые и символические силы бытия. И приставка «*мета*» указывает основное — мировоззрение лелеет жизнотворящие силы Духа, а не материи, которой вся эта музыка смыслов ни к чему. И человек в *мета*мировоззрении выступает как *мета*физическое существо, которое служит универсальным медиатором видимых и невидимых реалий. Удивительно точно запечатлел этот факт М. Хайдеггер: «Метафизика есть основное событие в человеческом бытии. Она и есть само человеческое бытие» [7, 43]. Да и все вещи в этом плане тоже заряжены, снаряжены, наряжены метафизическими функциями, выполняя предписанные им мировоззренческие задачи и миссии.

Волшебная приставка «*мета*» выражает целостность мировоззренческой картины, которую человек дописывает, переписывает, марает, добавляет, убавляет, исправляет, пока не приходит к выводу, что ее нужно менять целиком вместе с пропавшим на ней миром, поскольку именно человек осознает, выделяет себя как субъекта, который способен вести диалог с миром на языке целей, смыслов, символов.

Смысловой строй любого мировоззрения организуется тремя троичностями, тремя парадигмами.

1. *Антропологическая троичность* (парадигма) — человек состоит из духа, тела и языка.

нарушается система ориентации, существование в мире становится невозможным — именно поэтому люди акильпа и обрекли себя на смерть» [5, 40]. Современные евроамериканские кильпы тоже сломали свой мировоззренческий столб, но обрекают на гибель за него другие народы.

Л.Н. Толстой подвигом личным доказал, что мировоззрение выражает основной закон бытия, требующего непрямого участия каждого существа в биологическом и трудовом продолжении жизни [6, 365]. Иначе начнется атрофия самой жизни, которая, подменяясь соблазнительной смертью, незаметно вырабатывает в себе искусственную привычку умирать до смерти; и люди воюют, убивают друг друга, ибо не знают, что делать со своей жизнью, зачем и для чего она им дана.

2. *Космологическая троица* (парадигма) — мир состоит из невидимого (трансцендентного, метафизического), видимого (имманентного) и символически-знакового миров.

3. *Динамическая троица* (парадигма) — откуда, зачем появились мир и человек и куда они направляются?

Единой священной троицей (парадигмой всех этих парадигм) является *христианство*, утверждающее нераздельность и неслиянность божественного, человеческого и мирского в содержании мировоззрения. Есть божественный взгляд, видящий мир в плане вечности и бессмертия. Есть богочеловеческий взгляд, видящий мир в плане преображения смертного в вечное. Есть человеческий взгляд, видящий в мире гуманизм и благосостояние. Есть демонический взгляд, видящий мир в плане порока, смерти и ничто. Полноценным и самостоятельным является лишь богочеловеческий взгляд, ибо человеческий и демонический взгляды не самостоятельны; они «работают», лишь скрыто воюя смысловой огонь Бога. И так как сегодня мир и человек не имеют ни самостоятельных обликов, ни мировоззрений, то поиск пропавших ценностей становится уделом самих пропадающих на основе методологической оптики христианства.

Итак, что-то вроде бы есть, шебаршится, именуя себя миром и человеком. На поверхности мировоззренческого водоема плавают источенные фекальными словесами айсберги либерализма, системы капитализма, диалектика социализма, развитие национализма. Но употребление сегодня этих принципов дает обратный эффект, производя не знания, а наукообразные пузыри, в которые тем больше верят, чем меньше в них осталось смысла. Эти термины сегодня уводят разум в пустыню Гоби, посвящая там его в призрачные тайны вуду, бодо и вирту. Но в реальности сегодня уже нет нигде никаких систем, никакого развития; а диалектика стала монолектикой однополярного мира; не работают вертикали власти, уступив все права горизонталям криминала, бесправия и беспредела. Мир и человек становятся беспределом, безмирьем, хаосом, бесчеловечностью.

И все ж, не плачь девчонка, пройдут те дни, мир, воин-порядок возвратится, ты только верь и жди! Ибо есть у эволюции начало, значит будет этой эволюции конец. Беспредел страстно жаждет предела, хаос мечтает о порядке, бесчеловечность ищет человечность, порочность ждет-не дождется великой порки! Безмирье жаждет снова стать миром! И пусть далече ныне сей светлый мир, любовь сильнее всех черных дыр!

И воссоздать новый мир человека и порядка реально может лишь одна сила — христианство; и у этой силы лишь один помощник — философия хозяйства, и супостат ее тоже один — призрак Вавилона. Со-

временная природа и социум жаждут демиурга-диктатора, оформили заказ на него и ждут, ибо все мироздание уже устало от царящей вокруг трансвестийской свободы смерти. Невозможно больше терпеть симулякров жизни; чувствуются глухие раскаты небывалых мятежей самого бытия, которое готовится к самому главному событию своей беспросветной экзистенциальности — ко Второму Пришествию⁵. Беспредел, бесконечность, беспорядок, хаос, бесчеловечность, безобразность и бесподобность бытия нуждаются в новых пределах, нарядах, нормах и формах. А метафизическим портным этих мировоззренческих одеяний может быть только Он, но при содействии земного духа философии хозяйства.

Поэтому духовником нашего метафизического разведпохода может быть лишь христианская эсхатология, ибо современный мир уже исчерпал антихристианский потенциал своего конца. *Конец* — вот та черная дыра, сквозь которую в Русь со всех сторон ползут неведомые метафизические хари, стремящиеся стать в ней физическими и юридическими лицами. Конец — вот тот магический кристалл, сквозь который можно узреть некоторые очертания грядущего мира и человека.

Во всех мировоззрениях мир ограничен Творцом и своим концом. Даже неуловимо безначальная и бесконечная материя все же нахально возводит себя в ранг самодержца мудрости, определяющего начала и концы ею же аксиоматически установленного бесконечного матери-

⁵ Подобное предупреждение необходимо для осмысленного обсуждения темы *нищенского бытия современного мира*, тенденции его акциденций, трансценденции его имманенций, его конечного превращения в какое-то неизвестное состояние, превосходящее своими живоподобными кошмарами пепельно лунные ландшафты небытия, фиолетово дымящиеся эстрадные фабрики ничто, огнедышащие свежей серой бездны, смертельную пустоту африканских черных дыр.

Трудно, очень трудно, почти невозможно видеть, что наше время есть и конец величайшей эпохи (Первого Пришествия Сына Божьего), и начало новой эпохи (Второго и Последнего Пришествия Сына Божьего), и сам переход от одной эпохи, непонятой и невоспринятой во всем ее смысловом и небесном величии, к другой, еще менее понимаемой и воспринимаемой, эпохе. Богочеловеческий Дух уходит из своего прежнего наличного мира и его знаний, погружая их в тайны своей памяти и работая над их преобразованием в новый мир. Но этот новый мир рождается внутри философии и хозяйства, незаметно выходя вовне, о чем свидетельствуют лишь некие несущественные с первого взгляда симптомы. «Легкомыслие, как и скука, распространяющиеся в существующем, неопределенное предчувствие чего-то неведомого — все это предвестники того, что приближается нечто иное. Это постепенное измельчение, не изменившее облика целого, прерывается восходом, который сразу, словно вспышка молнии, озаряет картину нового мира» [7, 6].

ального мира. Поэтому конец столь же сложен и непостижим, как и сам Творец. Есть конец как крайняя степень упадка, а в итоге — исчезновения. Есть конец как зародыш другой конечности. Есть конец-убийца, воплощенный в острие оружия. Есть конец как начало уже иного и нового.

Так, есть конец как утрата веры, что ведет к медленному самоотравлению жизни ненужными без веры делами. Есть конец как итог рокового поединка с чуждой волей в наконечнике и в пуле. Есть конец как завершение учебы в школе и переход к учебе в вузе. Есть конец высшего и научного образования, за которым, как правило, следует пресмыкательство по изгаженным тропам карьерного кретинизма. Но если софийная благодать затронет своего соратника, начинается переход от высшего и научного образования к философии хозяйства, в которой представлена иная учеба, образование Иное. Есть конец как заблудившееся начало, о котором говорят: «конченный человек», хотя выражение «начатый человек» русский язык не приемлет. И есть «конец всех концов» как *продолжение* той трансцендентной реальности, которая в равной мере присутствует в началах, концах, серединах всех вещей, но которая утверждает свое незыблемое право лишь в вечном *продолжении*... Но так продолжается лишь творящий дух, утверждающий свой мир Логосом и Софией правды небесной. Творческий конец доступен лишь избранникам творящего Духа⁶.

⁶ Таковым был Н.В. Гоголь, который изумительно просто, ясно и убедительно раскрывает глубочайшую метафизику христианства. «Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружавшие, и знает, зачем произносит» [8, 240]. Недаром в торжественном богослужении звучит как бы небесный набат: «Свет Христов освещает всех!», «Свет просвещения!» — и ничего более к этим словам не прибавляется. Прибавить к ним можно только гильотину, придуманную французскими просветителями.

Христианство выявляет, освещает, просвещает и освящает жизнь, превращая ее в неодолимую тягу к высшему благу вечности. «По обыкновенному, естественному ходу человек достигает полного развития ума своего в тридцать лет. От тридцати до сорока еще кое-как идут его силы; дальше же этого срока в нем ничто не подвигается, и все им производимое не только лучше прежнего, но даже слабей и холодней прежнего... Самые способные и самые даровитые из людей, перевалившись за сорокалетний возраст, тупеют, устают и слабеют. Перебери всех философов и первейших всесветных гениев; лучшая пора их была только во время их полного мужества; потом они понемногу выживали из своего ума, а в старости впадали даже в младенчество... Но для христиани-

на этого не существует, и где для других предел совершенства, там для него оно только начинается. Для христианина нет законченного курса; он вечно ученик и до самого гроба ученик... Пересмотри жизнь всех святых: ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти. Даже и те из них, которые от природы не получили никаких блестящих даров и считались всю жизнь простыми и глупыми, изумляли потом разумом речей своих. Отчего ж это? Оттого, что у них пребывала всегда та стремящая сила, которая обыкновенно бывает у всякого человека только в лета его юности, когда он видит перед собой подвиги, за которые наградой всеобщее рукоплескание, когда ему мерещится радужная даль, имеющая такую заманку для юноши. Угаснула перед ним даль и подвиги — угаснула и сила стремящая. Но перед христианином сияет вечно даль, и видятся вечные подвиги... Оттого и все его силы не только не могут в нем заснуть или ослабеть, но еще возбуждаются беспрестанно; а желание быть лучшим и заслужить рукоплескания на небесах придает ему такие шпоры, каких не может дать наисильнейшему честолюбцу его ненасытимейшее честолюбие. Вот причина, почему христианин тогда идет вперед, когда другие назад, и отчего становится он, чем дальше, тем умнее! Христианин всегда идет вперед» [8, 219].

Но если даже одареннейший человек теряет способность к учебе вечной, его сразу же покидает мудрость и он попадает в жуткую тьму, как Соломон в последние дни свои. Все становится суетой сует, умножением скорби, если человек прекращает искать печать Божью на всем существующем. Духовную крепость и мощь человеку дает мудрость христианского просвещения-просветления, а потому отказ от него, забвение его духовно разоружает человека, незаметно превращая его в донора и в сырье демонического мира. Вообще, отрицание не только христианского просвещения, но и умаление любой учебы, любого образования для Гоголя было равнозначно автоматическому зачислению на inferнальный факультет. Спасительная миссия Христа в мире осуществляется посредством просвещения, культуры и образования, которые есть, которые должны стать органами созидания христианского общества.

Христианское Просвещение и Просветление выявляют, обучают, освящают ту вечную Силу, которая присуща жизни, побуждает ее, по словам даже религиозного атеиста, Ленина, «учиться, учиться, учиться», вдохновляет ее «совершенствоваться, совершенствоваться, совершенствоваться», призывает ее «преобразаться, преобразаться, преобразаться», наставляет ее в «самопознании, самообразовании, самообуздании», чтобы в итоге вся жизнь стала одним духовным горением вечности. Просвещение человеческое есть естественный и культурный отклик души на зов христианского Откровения и жизни вечной, искусство одоления завалов, устроенных демонами, бесами, призраками, пошляками, бездушными живыми и мертвыми душами, чтобы «дойти, дойти, дойти», и в вечности учиться и трудиться, чтобы стать учеником Софии небесной, Премудрости Божьей, которая была до творения мира художницей Бога, став в мире сотворенном смыслом и мудростью.

Но современный мир целиком, до последнего наночубайсика, превращается в последний конец, в котором исчезают все концы и даже конец самого продолжения...

Но часто, ой, как часто и неосознанно осуществляется довольно-таки банальная подмена конца как гонца смерти и конца как вестника вечного продолжения, конца всех концов имманенции с концом как продолжением трансценденции. С мировоззрением шутки плохи, ибо быть свободным в мире от его идей нельзя.

В этой устремленности людей за пределы их психотелесного устройства, за пределы их прагматических нужд проявляется исконная метафизическая натура человека как тройственного существа, таинственно сочетающего в себе *тело, дух и слово*, заключившего жизненно важные обеты с *видимыми, невидимыми и символическими мирами*, вступившего в рискованные контакты с *имманентными, трансцендентными и виртуальными силами*. Наиболее существенной и определяющей является трансцендентная сфера, ибо оттуда идут творящие силы духа и слова, даются откровения, пророчества, знамения, туда уходят телесные формы, с ней люди связывают надежды на справедливость, там местообитание истины. В трансцендентном — родина человека, там прописаны его метафизическая конституция его блага, его жизненно смысловые ценности.

Наиболее полно трансцендентность мира и человека действует в их *началах* (их еще нет, но они уже действуют), в их *концах* (они уже исчезают, но что-то в них неподвластно исчезновению), в их *продолжении* (куда это они идут и куда-то они придут, куда?), в их *смысловых загадках* (а что же все-таки есть и прячется за словами «мир» и «человек»? Что же на самом деле было с нами и чем были мы?).

В гипотетически спокойные времена, которых вовсе никогда и нигде не было, да и быть не может, познавательный интерес к миру в большей мере был развлекательно любопытствующим. Те же греки без своей философии жили бы все равно так же; обязательно засудили бы другого Сократа за то, что тот не воспринимает думской науки; также затеяли бы Пелопоннскую войну, в которой бы перебили друг друга..

Но в беспокойные, смутные времена, во времена кризисные и виртуальные, во времена банальные и ирреальные, во времена бахвальские и бесславные, во времена бездушные и спидушные, во времена inferнальные и финальные мир и человек настолько деформируются, что их уже нельзя никак понять — ни оптом, ни поодиночке.

В XX в. возникла очень «вумная» околонатура — синергетика, которая учит европапуасов тому, что мир на деле является хаосом, и как нужно правильно понимать этот хаос, хотя хаос, как велос издревле,

понять нельзя. Понять что-либо — значит о-предел-ить, установить границы, нормы, формы; о-предел-ить хаос — значит выявить в нем его же скрытую форму, или же загнать его в математико-логические нормы науки. В любом случае хаос ухаосится. Если познать скрытые формы хаоса, значит это не хаос; если хаос извне упорядочить, значит исказить его хаосную натуру. А познать надо хаос!

М-да, зачем и кому же нужна такая наука, которая не может познать хаос, а если и познает, то уничтожит его? Но Нобелю виднее, раз он ее пометил своей печатью.

Для нас наука сия интересна понятием «бифуркации», которая учит, что любая система законно, весело и бодро развивается до тех пор, пока не вляпается в хаос, неважно в какой — в свой родной или в чужеземный. Вот тогда система становится абсолютно неуправляемой игрушкой. Чтобы ни делали элементы-управленцы системы, действуя нормально или аномально, итог определяется не их усилиями, а всемогущим хаосом, который будет носить потрепанную и еле живую систему по всем парижским «кабардакам». Знания и незнания бесполезны, ибо они не помогут страдающей от блудохаоса системе.

Ситуация кардинально меняется в точке бифуркации, где система наконец-то одумывается и выбирает правильное направление, на котором она вновь обретает законы, управляемость, свежее пиво, устойчивое бездумье и отсутствие занудливого смысла.

Ну, так вот, мудрость синергетическая говорит: «Брось-ка ты, человек, свои пустые затеи с познанием современного состояния мира и людей! Хаос есть хаос, и в нем знание и незнание суть равноценные, вернее, равнобессмысленные и равноненужные величины! Правит бал Ее Инфернальное Превосходительство *Н-е-о-п-р-е-д-е-л-е-н-н-о-с-т-ь!* И пока она не устанет от самой себя, пока ее не стошнит внутренняя пустота, до тех пор оставь надежду что-либо понять, всяк к ней подходящий! Неопределенность хаоса сильнее Провидения; хаос сделал Провидение Главвиртуалом мира, где зарождаются проекты управления хаосом, проекты новых бифуркаций, новых ситуаций, чреватых новым хаосом». Откровенные и объективные речи! Но кто же подлинный владыка хаоса? Каков его конечный проект устройства мира на безначалиях хаоса?

Чтобы как-то подобраться к этому мировоззрению, несущему в себе зародыши нового мира и человека, наметим рабочую гипотезу о последовательной смене царящих в жизни человека мировоззрений. Всего их *семь*: *шесть* уже известных, а *последнее* — неизвестное, неизвестно даже, будет ли это вообще мировоззрением или же типом коллективной магии? Но метафизический «Варяг» философии хозяй-

ства не сворачивает с курса истины, хотя и догадывается, что и кто его ждет на островах Тихого, подозрительно тихого, океана.

Итак, человечество в своем историческом бытии испытало шесть *метамировоззрений*: *мифологию, жречество, язычество, Священные Писания, Просвещение, социализм*. Каждое из этих *метамировоззрений*, определяясь своим корнем, в то же время архивно содержит в себе все остальные мировоззрения⁷. Каждое из этих *метамировоззрений* состоит из четырех базовых разделов, вокруг которых разворачивается их содержание.

Мифология содержит в себе теогонию, космогонию, историю и антропологию. *Жречество* — космологию, психологию, физику, медицину. *Язычество* — метафизику, физику, логику, этику. *Христианство* — четыре Евангелия. *Просвещение* — идеологию, технологию, атеизм и деизм. *Социализм* — философию, политэкономия, научный социализм, историю КПСС.

Седьмое метамировоззрение, нелегально формирующееся сегодня, содержит в себе, как минимум, психоанализ, информацию, виртуальность и магический демонизм. Но общее название этого мировоззрения пока не озвучивается⁸. Конструкт «Новый мировой порядок» не приживается в силу своего смыслового бессилия.

Но подлинно единым и целостным метафизическим мировоззрением, содержащим в себе все возможные мировоззрения, науки, религии, проекты, является христианство. Оно допускает, содержит в себе любые образы и конфигурации мироздания, которые никогда и не присятся всем наукам. В то же время христианство допускает и содержит в себе бесконечные минимумы и бесконечные максимумы проявления человеческой природы: человек может уйти в тайные глубины своего «Я» и души; но человек может целиком отдать себя другим, пойти на полное самопожертвование ради «други своя». Христианство — единственное мировоззрение, которое не только не приемлет насилие, но и категорически запрещает его своим adeptам. Вернее, допускает его лишь как аскезу для власти над своим «Я»; и даже парадокс о любви к врагам тоже имеет глубочайший смысл, ибо истинное различие по-

⁷ А.Ф. Лосев чуть не заплатил жизнью за открытие того факта, что марксистская философия есть по сути мифологический материализм, а мифология есть разновидность материалистической диалектики. Открытия, не оспоренные и поныне никем!

⁸ Может быть, метафизическая суть всякого мировоззрения наиболее полно выявляется в последней его форме? Хотя составные части седьмого мировоззрения явно говорят о том, что полная гласность ему вредна, ибо она может послужить его опасным конкурентам — христианству, исламу.

бед от поражений людям не под силу. Важно во всех материальных поражениях сохранить вечные ценности ума и сознания. И тогда материя возвратит им временные потери.

Христианство есть единственная метафизика и мировоззрение победы; ведь Христос умер и для того, чтобы стать царем не только живых, но и всех умерших. Но Христос придет еще раз, чтобы, нет, не наказать своих врагов, ибо он пришел служить миру и глупым людям, не требуя от них каких-либо воздаяний себе. Христос придет, чтобы дать людям непобедимую истину, преобразующую ничто и все ничтожности в подлинное бытие. Христос выполняет свою священную миссию в мире, но смысла в воспитании людей не видит, ибо даже их антихристианская жизнь в итоге все равно обернется его правдой. Так, смерть, отрицающая Христа, сама становится отрицаемой его воскрешением, превращаясь через него в позитив. Поэтому даже смерть имеет бытие благодаря бессмертию Христа. Христианство дает самознание самой смерти, которая не знает, где она пребывает до своего поселения в мертвом, куда она исчезает после воскрешения мертвых, зачем она вообще нужна? И вообще, кто или что дает смерти бытие? Где находится ее будущее и прошлое? В чем она обретает и находит себя?

От смерти не уйти. Но смерть есть телесная, допускающая исправление несправедного решения, и смерть духовная, вычеркивающая существо из священных списков вечности. Вот эта смерть-то и ужасней всего, ибо ее приговор не оспорит даже Господь — ведь все документы дела стерты безвозвратно!⁹ «Тебя не было, нет, и никогда больше не будет!», — таково резюме несправедной, неудачной смерти.

Поэтому постичь современный мир и человека, претерпевающих последнюю трансформацию в сфере божественного и софийного бытия, может лишь христианское мировоззрение, которое является метафизической инфраструктурой Западного мира и Руси, их метафизическим позвоночником, независимо от того, знают ли они об этом или нет, верят ли они в это или нет. Все их умственные и практические

⁹ «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку; а хула на Духа не простится человеку; Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мф. 12, 31—32). Христос знал, что основной путь совершенствования человека идет не через посты и молитвы, а через развитие Духа, разума, понимания. Посты, молитвы, аскеза тоже важны, но не сами по себе, а как часть сознания, интеллекта, развивая и углубляя их субъективные силы. Поэтому Христос спокойно относился даже к отрицанию своей личности, зная, что и Отец, и Сын явятся в мире еще и в ипостаси Духа Святого, духа истины, которому нужно поклоняться уже и теперь.

деяния в мире все равно будут определяться метафизическими и смысловыми координатами христианства.

Ибо только христианская методология сохранила в неповрежденном виде макро- и микроинструменты для изучения богочеловеческой реальности во всех ее соблазнах, измерениях, падениях, валяниях, вставаниях, демогуляниях и демовоняниях. Христианство владеет методологией вечности, не подвластной катастрофам всегда хмельного времени, постоянно спешащего в кабаки Аида. Так, категория «система» есть часть категории «целостность»; категория «диалектика» есть часть категории «триалектика»; категория «развитие» есть часть категории «творение» и т. д. Поэтому методологическая катастрофа XX в., разрушившая все логические категории, не затронула методологические файлы христианства, а до жесткого диска его вечности никакому времени никогда и вовсе не добраться. Все записанное на нем сохранится до Судного Дня.

Из методологической сокровищницы христианства для понимания тяжких людских грехов, разрушающих Божий мир, в наибольшей мере значима эсхатология, учение и метод о том, как все это произойдет, какие шансы кому «светятся».

Итак, близится Судный День! Близится конец нашего времени! Судьи уже расселись, а подсудимые ищут веселья, похмелья, не замечая, что они сами уже найдены, взвешены, идентифицируются, разделяются на здоровое, творящее, жизнерастущее и бесплодное, извращенное и паразитическое. Специфика современного мира и его людей определяется скрытой сакральной работой по отделению зерен от плевел.

Оригинального, генетически не модифицированного зерна остается совсем мало, поэтому и забота небесная о нем будет немалая. А большая часть зерна человеческого будет проходить длительную и мучительную санацию по выделению здоровых семян и отделению их от семян изувеченных, от плевел здоровых и меченых.

Западный мир прагматически хорошо знает эту сакральную градильню христианства; знает он и то, что места ему может не оказаться даже среди меченых плевел. Итак, жизни грядущей не видать, смерти — не избежать, а христианское воскресение опасно, ибо там встретит он все жертвы всей своей подлости и коварства. В божественное прощение Западный мир ни капли не верит, и, наверное, он в этом прав. Если Бог простит все грехи Запада перед миром, то эти грехи возмутятся, восстанут и не простят Богу этого прощения; они могут даже провести независимое расследование преступлений земной элиты и наказать их прощением, которое превзойдет любую кару¹⁰.

¹⁰ Этот сюжет художественно развернул Н.В. Гоголь в повести «Страшная месть».

Вот Запад, почуяв финиш своего гламура, зная недоступность Рая и неизбежность Ада, стал искать свое спасение посредством технологического использования призраков, влачивших до сих пор странное внебытие среди inferнальных персон, которые их не вполне признавали, гордясь тем, что у них есть постоянное жилье с пропиской, а призраки так себе — ни в раю свечка, ни чертям — кочерга.

Итак, анонимным субъектом современного мира становятся призраки. Стоп! А что же это за реалии такие? Какие науки их изучают?

Речь идет вовсе не о галлюцинациях психики, а об особых реалиях, которые, балансируя между противоположностями, ускользают от логических сетей одномерного рассудка и синтезов диалектического разума.

В древнейших мировоззрениях всех народов бытуют сверхъестественные существа — духи всех вещей и людей, имеющие свои чины и статусы, строгую внутреннюю и внешнюю специализацию. Парацельс называл духов земли, воды, воздуха и огня *гномами, ундинами, сильфами и саламандрами*. В олимпийской деревне Зевса, помимо множества низших богов, мятежных титанов и чудовищ, выделялись особые духи: *демоны, ламии, керы, гарпии, горгоны, эриннии, менады, сирены, гении* и др.

Эти духи похожи на человека, обладают невидимыми телами, но недоступны большинству людей вследствие неразвитости их ума и переразвитости чувства алчности. Будучи частично зависимыми от богов, людей и природы, в целом они все же сохраняют свою автономию. Поэтому наряду с кастами жрецов, духовенства, туалов, ведающих культами, богами, идеями, и до наших дней процветает каста колдунов, знахарей, магов, шаманов, ведающих этими духами, их уникальной институционализацией и организацией. Влияние их на жизнь огромное, но большие и серьезные люди считают все это ерундой.

Среди этих духов выделялись *тени*, выражающие посмертное бытие людей; нет у них ума, речи и памяти, хотя сохраняется в них что-то от жизни и возможность воскрешения. Одиссей в Аиде питает кровью животных тени умерших и беседует с ними. Сами по себе они бессильны, не могут быть причинами чего-либо. Далее, выделяются *демоны* (в более ранних редакциях — *видемоны*); это уже активно действующие духи, соавторы многих событий — хороших и не очень. Есть знаменитый демон, сыгравший не последнюю роль в казни Сократа. Есть (или были) демоны Декарта, Лапласа, Максвелла, Юнга, Дирака и др. В христианстве демоны спелись с падшими ангелами и стали *бесами*, вредными, мелко злотворными, страдающими и от креста, и без креста.

И вот особое место среди сверхъестественных существ занимают *призраки*, наводящие ужас на людей всех эпох, не исключая и наши юмористические времена. Существа эти не вполне мертвые, но они и не вполне живые; они могут перебираться через пространство и время в разных направлениях; они не совсем духи, но не совсем и телесные твари; они не совсем материальны, хотя способны к телесным метаморфозам; они лишены сознания, хотя способны воздействовать на него; они не субъекты, хотя способны брать на себя их роль; они не объективны, хотя превосходят своей силой материю и субъекта. Они чуть-чуть материальные, чуть-чуть идеальные, чуть-чуть объективные, чуть-чуть субъективные и чуть-чуть... познаваемые. Призраки — это какие-то живые «чертежи», живые проекты организмов, которые должны отелесниться и которые начали это делать в массовых масштабах именно в наши времена; они бессмертные, но стремятся избавиться от бессмертия путем обмена его на тела людей¹¹.

Серьезная наука и философия презрительно отворачивались от темы призраков¹², что их вполне устраивало в деле создания общества, которое будет уже непрерывно работать над превращением людей в разнообразные призраки¹³.

Бред? Фантастика? Мистика?

А призрак рынка Экона? Призрак убитого отца Гамлета? А призрак коммунизма? СССР разрушили не армия, а призраки рынка! А современный мир рушат не войны, а нечто незримо призрачное! Что с этими реалиями делать, господа реалисты?

Дело в том, что возникновению ума и сознания предшествовала, видимо, жесточайшая война в бессознательных безднах вечности, о

¹¹ Драматический конфликт призрака и личности Ф.М. Достоевский изобразил в романе «Братья Карамазовы». Чего же призрак этот желает? Призрак жалует Ивану Федоровичу, что по непонятному решению ему назначена странная роль в мире. Все отрицать и разрушать — для этого достаточно бесов и чертей. Зачем же тогда в мире призраки? Похоже, что призракам назначено следить за исполнением закона: «В жизни всегда есть место грехам и страданиям!» [9, 654]. Призрак — это и есть существо без Бога. Поэтому человек без Бога с необходимостью осужден стать призраком.

¹² Исключением в этом плане является К.Г. Юнг, пытавшийся создать науку о законах заключения сделок с призраками. Но, увы, коллеги испугались такой инновации [10, 146].

¹³ Исключением является книга Ж. Деррида «Призраки Маркса», в которой он мастерски показал, как призрак коммунизма сначала перевоспитал Маркса, а затем с помощью его учения пытался превратить весь мир в фабрику и гипермаркет призраков, где люди меняют свои тела на призрачные блага призрака [11].

чем остались мифологические следы, воспоминания о чудовищах, уродах, которые, кстати, вовсе не глупы, не лишены сознания, но ведут себя как американские политики. Они не знают нравственности, ибо их закон — подлость, коварство, воровство, обман, убийство. Медуза Горгона, Тифон, Левиафан, Дьявол, Кощей, Карла, Баба-Яга вовсе не глупцы, но аморальные наглецы.

В итоге борьбы за право быть светом божественной мудрости победили ум и сознание, и права их утверждены советами Логоса и Софии. А безнравственные умники и сознательники оставлены в мрачной тине бессознательного секса, доставляющего одни мучения, которые могут вытерпеть лишь призраки. Они не могут победить, ибо лишены совести, понимания себя, границ силы и насилия; но они не могут избавиться от мучающего их бессмертия, коим они наказаны за свою аморальность. И коль скоро человек теряет моральные качества ума и сознания, то эти побежденные ими претенденты-уроды и чудовища вновь всплывают в обликах призраков. Сила и опасность призраков коренятся в союзе ума и сознания с диким аморализмом бессмертия¹⁴.

Элита Западного мира уже в XIV в. отодвинула в сторону Судный День, христианское бессмертие, надеясь с помощью науки и техники достичь искусственного бессмертия. Но оказалось, что искусственное бессмертие требует искусственного человека с искусственным интеллектом и сознанием. А искусственный интеллект, искусственное соз-

¹⁴ Уникальный портрет призрака написал Н.В. Гоголь. Вий — своеобразный призрак, превосходящий все известные нам чудовища своей таинственностью и магической неуязвимостью. Состоит он из земли, железа и какого-то ужасающе убийственного в прямом смысле слова взгляда и знания. Вий отчасти напоминает Медузу Горгону; своим взглядом она превращала людей в камни, но от нее можно было защититься зеркалом, сознанием, образом. Вий — умерший, но держащий у себя в плену часть жизни; не принят раем и адом, устроился под землей где-то в сфере темной материи и бессознательного. Гоголь доказал, что без помощи людей и нечистой силы смерть не работает, но загадка в том, что они не могут не помогать ей. От Вия защиты нет, или же она неизвестна людям. Даже вся дьявольская рать не добровольно служит почему-то Вию. Самое поразительное, что даже христианская вера не может спасти от смертоносных взглядов Вия. Единственное спасение от Вия в том, чтобы не глядеть ему в глаза, но это как раз и невозможно.

Феномен Вия — это не постигнутый пока образ той живо- и мыслеподобной субстанции, идущей на смену реальности, материи, бытию, мысли, человеку в последние времена истории, в период «конца всех концов». Но и человек тоже соавтор чудовищной мощи Вия. Ведь сам-то он не может поднять свои тяжелейшие веки, скрывающие его смертоносный взгляд нежити и человека. Вий — это президент грядущего мира призраков.

вание потребовали сорвать затворы с бездн виртуальных миров, откуда в наш мир хлынула не только информация, но и массы безработных и страдающих от своего бессмертия призраков, которые создали даже специальные технологии и производства, обслуживающие их далеко не призрачные интересы. Речь идет о кинематографе, телевидении, СМИ, Интернете, ЕГЭ, МВФ, ОАО, ОБСЕ, ОБДК.

И главным врагом на пути трансформации современного мира и человека в Призрокосмос стали естественное сознание и естественный ум, которые посредством рефлексии тоже возвращают для себя своих ручных призраков, но не допускают их саморазмножения. Поэтому сознанию и уму объявлена оккультная война, призванная заменить их более послушными и зависимыми от призраков виртуальными силами.

Исторически типы мировоззрений определялись пониманием сути ума и сознания. Вначале ум и сознание воспринимались как творящие органы Бога; затем — как особые функции высокоорганизованной материи; затем — как орудия истории; затем — как функции труда; затем — как функции и органы знаково-символических структур; затем — как функции мозга и нервной системы. Затем — как функции искусственного интеллекта и виртуальных сетей, т. е. по сути — как органы демонического мира.

И вот постепенно виртуально-демонически-информационное понимание сознания и ума начинает исчезать из науки. Это можно понять и так, что конструирование современного мира и человека по эскизам призраков стало основной задачей эпохи. *Пока еще конструирование это идет примитивно, ибо пока еще призраки творятся из информации о людях; но скоро, очень скоро сами люди будут превращаться в призраков и в информацию.* А виртуальность послужит средством создания искусственного ума и сознания, работающих не по законам спонтанного творчества, а по матрицам inferнальных программ. И вот это производство призраков вытесняет труд и капитал с их проблемами в китайский мир, становясь глобальным субъектом, творцом бравого виртуального мира. Пока он еще не совсем виртуален, но идет он именно в эту сторону.

Опасно и опрометчиво быть наивным в метафизике и мировоззрении, отбрасывая проблему призраков как плод больного сознания. «Враги — везде, и даже там — где никого нет» (Шекспир). Чем внешне незначительней враги, чем менее они материальные, несерьезные, тем более сокрушительным будет их материальный удар.

И все же сильных сокрушают не силой, а тем, что Он делает известными дела их. Победит в итоге тот, кто сумеет создать новую реальность посредством ума и сознания при содействии божьей Благода-

ти. А богочеловеческий смысл ума и сознания, их софийные, логосные меры сохранились лишь в христианстве и в... философии хозяйства.

Н.В. Гоголь увидел именно в христианском православии *полное и конкретное понимание реальности*, которая охватывает в единую целостность Творца и творение, живых, нерожденных и усопших, ангелов и демонов, оригиналы и копии, бытийное и фальшивое, иллюзорное, симулятивное, чудесное и магическое, известное и неизвестное, воображаемое, виртуальное, призрачное и невозможное. Гоголь пошел против р-р-революционного мракобесия XIX в., поколебав наивную уверенность людей в том, что вера православная в союзе с государством надежно защитит их от всех напастей, твердо сказав им: «Нет, не защитит! Нужны христианское просветление и христианское общество, а не просвещение и христианство в нехристианском обществе!»¹⁵.

И Гоголь обратился к православной церкви — самому тайному и необъяснимому феномену земной истории. Поистине, *в нашей церкви есть нечто столь же загадочное и непостижимое, как и в Боге, как и в ангелах, как и в inferнальных колхозах. В ней есть и орудия оккультной и реальной брани с призраками.*

Особо ненавидят призраки Русь, открыто, нагло заявляя ослиными речами Смердякова, что «русские должны быть истреблены для блага человечества, как вредные паразиты» [9, 172]. В качестве средств реализации этой цели оккультист Шигалев предлагает использовать ЕГЭ, разращение и умственный геноцид. «Он предлагает... разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятиями. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем,

¹⁵ Брань с призраками — крайне опасное дело, ибо встреча с ними для живых всегда завершается фатально. Они являются не для того, чтобы попугать, а чтобы взять себе тело жизни. Поэтому нужна специальная религиозная, аскетическая и метафизическая подготовка, сакральная санкция даже для простых контактов с этими реалиями. Иначе контакт с ними означает эвокативное призывание смерти. Поэтому Платон и предупреждал, что исследователи призраков, ничто и мрака должны быть готовы к тому, что не всем им «удастся уйти отсюда невредимыми» [3, 377]. Уже Ветхий Завет категорически запретил любые несакральные связи с миром мертвых и призраков (Вт. 18, 11). Царь Саул в нарушение этого сакрального запрета при посредстве Аэндорской волшебницы вызвал дух пророка Самуила, который явился в облике призрака и высказал свою непреклонную волю о кончине Саула и его дома. Живые живите, а смерть и призраков оставьте Христу и его священному спецназу, умеющему обезвреживать это зло.

будут работать. <...> У него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. <...> Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. <...> Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство. <...> Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно чтобы не было скучно» [9, 312, 322—323].

Составной частью великой христианской брани с призраками является философия хозяйства, в которой ее создатель-открыватель, С.Н. Булгаков, увидел еще в 1912 г. свет будущей жизни [12, 49]. Это — составная часть метафизического, философского и научного мировоззрения христианства. Философия хозяйства рассматривает мир и человека как единую целостность, пронизанную смысловыми софийными связями бытия.¹⁶ Поэтому философия хозяйства выражает свои знания не столько в категориях, теориях, принципах, сколько в хозяйственных формах, делах, решениях, творениях. Чем бы человек ни занимался — поиском истины или сочинением лжи, наукой, теорией, искусством, воспитанием детей, уходом за больными, богослужением, отдыхом, он занимается одним и тем же — хозяйствованием, которое и есть основная реальная форма всякого знания как жизнетворящей силы, которую вовсе не нужно применять, ибо она вне работы не существует. Это знание отражательно-откровенческое, жизненно-рефлексивное, творяще-мировоззренческое, софийно-смысловое, символически-божественное. В философии хозяйства «познание есть тру-

¹⁶ Да что там мир! Каждая мельчайшая вещь есть микрокосмос этой правды, о чем старец Зосима говорил: «Будешь любить каждую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать все долее и более, на всяк день» [9, 568].

довая, хозяйственная деятельность, преодолевающая раздвоение субъекта и объекта. ...Все знание есть хозяйственное моделирование в ставимых вопросах будущих ответов. ...Хозяйство есть процесс знания, сделавшийся чувственно осязательным, выведенный наружу, а познание есть тот же процесс, но в идеальной, нечувственной форме» [12, 128—129]. Основным плодом познания должны быть не термины, понятия, конструкты, а хозяйственные плоды жизни. Поэтому в ней нет призраков даже в качестве прислуги. Хозяйство, а в строжайшем смысле — богодомохозяйство, — вот ключ ко всем тайнам и проблемам современного мира и человека; это и ключ к спасению всего того, что должно быть спасенным и что можно еще спасти. Это — целый переворот в познании, несознаваемый наукой, имеющей дело не со знанием-оригиналом, а с его копиями.

Философия хозяйства не участвовала в революциях, войнах, перестройках; она не плачет, не смеется, не хулит, не хвалит, а знает мир и человека. В ней нет насилия, рекламы, конвенций, формул, она никому не навязывает себя, а спокойно ждет, когда все ложное само сокрушит себя и обратится к ней за помощью. «Vincit omnia Veritas»¹⁷.

Поэтому только философия хозяйства может дать адекватную мировоззренческую картину современного мира и человека. И картина эта создана в работах Ю.М. Осипова, главного метафизического эксперта и диагноста современной Руси. Что есть мир и человек в сей миг? Ответ: «Это пересотворенный человеком по своему подобию мир; мир, созданный человеком и только человеком, искусственный мир, неприродный, в котором уже ничего от Природы и Бога; мир, который уже не данный человеку мир, а мир, человеком взятый, более того, мир, даваемый человеку человеком; покоривший природу и отделавшийся от Бога мир, а потому мир обездуховленный, соответственно, обесмысленный и обесуществленный, несубстанциальный, но при этом и позитивно нетрансцендентный; мир, который пуст — мир-оболочка, мир-футляр, мир-фикция, который подлежит постоянному импровизационному и имитационному наполнению со стороны его же создателя — человека, превратившегося по факту того же самого общемирового опустошения в человека-упаковку, или попросту в чиповея; мир, занявший господствующее положение в планетарном мире, он наверху и в центре, он непременный паразит, хоть и деятельный, пожирающей среду и весь мир, их нещадно эксплуатирующий; мир-растлитель, ибо иного выхода кроме растления всего и вся у него нет, а потому мир без тени сомнения, без совести, без нравственных оков;

¹⁷ «Истина побеждает все» (лат.).

свободный мир — в своих желаниях и действиях, не стесненный и не стесняющийся; мир-пересотворитель, мир-агрессор, мир-убийца; апокалиптический мир» [13, 58—59]. Все указанные признаки мира-убийцы составляют обычный аморальный кодекс призраков!

Христианство этот мир сотворило, и оно, только оно может его познать, указать причины его гибели. Но спасти его оно вряд ли сможет, ибо приговор ему уже вершится самими грешниками. И только благодать Св. Троицы может все же найти моральные основания для возрождения этого мира из хаоса, информации, бифуркации и виртуальных проектов призраков. Впереди три пути: хозяйство как софийный путь к благам вечности, доступный немногим избранныкам Божиим; экономика как виртуальный путь к призракам, открытый для всех обреченных на то, чтобы стать вечными симулякрами; антихозяйство как путь в inferнальные бездны, открытый для всех званых и незваных, но предназначенных стать донорами потомства смерти. Но станет землей обетованной лишь софийное устройство мира людей на основе *богодомохозяйства*.

Папа Римский Иоанн Павел Второй в энциклике «Доминум ет Вивификантем» [«Господу и Животворящему», 1986] дал священную оценку современному Западу как «цивилизации смерти», символом веры которой является убийство неродившихся детей — аборт. Не является ли сама эта цивилизация абортom непримиримого врага жизни, который придумал это убийство, а сегодня усовершенствовал его до уровня превращения нерожденных и рожденных в бессмертных призраков? Господи Милосердный! Все, что угодно, только не это!

Литература

1. Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
3. Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. I. М., 1971.
4. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9.
5. Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. М., 2002.
6. Толстой Л.Н.. Соч.: В 22 т. Т. 16. М., 1983.
7. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. Т. 4. М., 1959.
8. Гоголь Н. В. Соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1986.
9. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 1973.
10. Юнг К.Г. Аналитическая психология. М., 1995.
11. Деррида Ж. Призраки Маркса. М., 2006.
12. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
13. Осипов Ю.М. Эпоха Постмодерна. М., 2004.

М.Р. ЭЛОЯН

**История философии хозяйства:
буддистская философия хозяйства**

Метафизический аспект буддизма¹⁸

Аннотация. В данной статье впервые исследуется буддийская философия хозяйства, религиозно-метафизическими и сотериологическими основами которой являются атеизм, антикосмизм, «антиатмантзм», земледельческий абсентеизм, отрицающие понятие труда и земли в качестве источников создания богатства, а понятие крестьянства как производительной силы сельского хозяйства. Показаны религиозно-метафизические и соответствующие им религиозно-кастовые истоки неудач в аграрных преобразованиях Индии, начиная с попыток англичан и заканчивая индийскими националистами-конгрессистами середины XX в. Впервые ставится и решается на уровне философии хозяйства проблема «буддизм и капитализм». На примере Индии доказывается, что именно буддизм оказал влияние на становление «азиатского капитализма», если под «азиатским капитализмом» понимать производство компьютерных и технологических услуг.

Ключевые слова: философия хозяйства буддизма, сотериология, антикосмизм, атеизм, земледельческий абсентеизм, азиатский капитализм.

Abstract. This article provides the first research of the Buddhist philosophy of economics that is based on the positions of atheism and anticosmism, «antiatmantism», agricultural absenteeism which reject the importance of labour and land as sources of wealth and the concept of peasantry as a productive force of agriculture. Religious metaphysical and corresponding religious caste causes of fails in the agrarian transformations in India from the attempts of the English to the Indian nationalists-congressists in the middle of the 20th century have been given. For the first time the problem of «Buddhism and capitalism» is raised and solved. After the example of India it is proved that Buddhism namely influenced the process of formation of «Asiatic capitalism», if «Asiatic capitalism» is understood as a production of computer and technological services.

Keywords: philosophy of economy of Buddhism, soteriology, anticosmism, atheism, agricultural absenteeism, Asian capitalism.

¹⁸ Буддизм гиньяны (Палийский канон).

Несмотря на то, что Будда считал свое учение по преимуществу этическим, решающим задачи практического характера с поиском средств к прекращению зла и страдания, т. е. исключительно учением о спасении, тем не менее в системе его мировоззрения он дает если и не всегда явное, то скрытое решение так называемых конечных (метафизических) вопросов, под которыми традиционно понимаются проблемы Бога, мира, души. В этих вопросах буддизм, по сути, является логическим выводом из учения брахманизма и выделившейся из него философии Санкхья.

В брахманизме во имя общей, единой всеобъемлющей сущности доказывалась идея ничтожества мира и жизни. Оставался, таким образом, центр бытия — неизменный и неподвижный, вечно-тождественный себе, неразделимый Брахма. Тем самым, брахманизм проповедовал Бога без материи и этим отрицанием спровоцировал создание атеистической системы Санкхья, которая отодвинула на второй план божественное начало — Мировой дух (Пурушу) — и содержала в себе концепцию вечной материи (пракрити), которая была началом самопроизводящимся и саморазвивающимся без всякого Бога.

Концепция уничтожения Бога

Именно система Санкхья, особенно у ее основателя Капилы, включающая веру в Бога, не просто повлияла на философское развитие буддизма, она буквально расчистила почву для нового мировоззрения — атеистической религии. Переходным мостиком к этому мировоззрению, конечно же, явилась неразрешимая с точки зрения буддизма дилемма между всеведующим Брахмой и допустительством им наличия зла в этом мире. Из этого противоречия буддизм вышел атеизмом. Бога нет! — основной вывод буддизма в решении проблемы Бога.

И в этом смысле буддизм есть единственная религия, отрицающая Бога. И вместе с тем, этот атеизм стал религией, и притом одной из самых распространенных в мире религий, ведь с отрицанием Бога не исчезает религия. Если остановиться на этимологическом разборе термина «а-теизм», то он дословно означает следующее: «нет Бога-Личности, стоящей над миром». А это, в свою очередь, вовсе не исключает религии, как веры в сверхъестественное и поклонения уже не Богу-Творцу, а, к примеру, Совершенному человеку, каким, собственно, и предстал сам Будда, обожествление которого и стало возможным в позднем буддизме — буддизме магаяны. И здесь дело даже не в том, что сам Будда был категорически против своего обожествления. А то, что это все-таки действительно произошло через тысячу лет после его смерти. Здесь дело не в помыслах самого Будды, а в общей тенденции

развития всей индийской философии, которая уже изначально наметила стержень своего существования в образе Арты, Вселенского Знания и Правды, а потом лишь меняла имена, обозначающие этот божественный порядок мира, начиная от Брахмы, Вишны, Шивы, затем Кришны и, наконец, Сиддартхи, более известного нам под именем Гаутамы, или Сакия-Муни (что значит мудрец из рода Сакиев), — имени, которое ему впоследствии дали его восторженные последователи, видя в нем человека, превосходящего всех остальных людей своими умственными, нравственными и даже физическими свойствами. Таких будд до Будды Гаутамы насчитывалось от 25-ти до 94-х, и они являлись ничем иным, как заимствованием из ведического брахманизма в воплощении Брахмы под видом и формой Кришны [1, 95]. Имя же, данное ему при его рождении — Сиддартхи, означало собой нечто совершенно иное, а именно — «Совершенный во всех вещах», или, другими словами, новое олицетворение Арты, понятое как Истина и Знание, которое Будда сам, собственно, и завещал своим ученикам под именем «дхармы». Да, в буддизме нет понятия Бога, но есть понятие «дхармы» как безличного воплощения Арты (Правь) Рты.

Непонимание этой метафизической основы буддизма породило споры относительно того, является ли буддизм религией или этикой. С точки зрения сторонников этического подхода, буддизм своим отрицанием Бога не может подходить под общее понятие религии и религиозной веры, а поэтому является этикой, или философией¹⁹. А отсюда и не верное понимание новейшей наукой главного понятия буддизма — «дхармы», которое во многом рождено лингвистическими и этиче-

¹⁹ «Взгляд на буддизм как на философию, нравственность и этику в основном восторжествовал в необуддизме, который отошел от исторического буддизма, выхолостив из него все самое существенное и коренное и сделав противоположные ему выводы, исходя из своих задач, в которые входило не восстановление аутентичного буддизма, а формирование мировоззрения, противоположного христианству. Необуддизм появился только как антитеза христианству, проще говоря, если бы не было христианства, не было бы и необуддизма, чего не скажешь об историческом буддизме, возникшем раньше христианства. Буддизм, по характеристике Т. Шульце, есть не безбожная, а освобожденная от Бога религия, и, быть может, единственная в этом роде на земле. Слово религия, поясняет Олькот, неприменимо к буддизму; он не религия, а нравственная философия, атеистическая этика, по мнению Тильбе. Буддизм, по выражению Дальке, в одинаковой степени противоположен всем другим религиям; все они не что иное, как разные формы веры; он один — облеченное в стройную форму неверие. Начало божественного откровения, в каком бы то ни было виде, ему чуждо; он зиждется исключительно на внутренних, духовных условиях человеческого существа» (цит. по: [2, 11]).

скими переводами и отождествляется с мудростью. Перевод слова «дгамма» очень затруднителен и все более затруднен переводчиками. Этимологически оно тождественно с латинским *forma*. Дгамму переводили словом «закон», но она никогда не имела ни одного из тех разных смыслов, какие имеет «закон» в английском языке. Она скорее, если употреблять термин в этом направлении, означает «хорошую форму», поведение согласно установленным обычаям. Таким образом, оно никогда не означало в точности религию, а скорее то, что подобает делать человеку, правильно чувствующему, или же, с другой стороны, то, что здравомыслящему человеку подобно признавать в качестве убеждения. Дгамма — совсем в стороне от всякого вопроса ритуала и богословия [3, т. 1, 167].

С точки зрения генетического метода Назарова, выводящего все основные понятия индийской философии из божественного космического принципа — Арты (Правь) Рта, метафизический смысл Дхармы раскрывается в том, что Дхарма — тайное имя Арты (Правды). Согласно ведийской космологии, «Дхарма, как и Арта, означает Правду, Закон, порядок, праведность, державу, путь, долг... Дхарма моложе Арты и менее распространена в мире... Дхарма — это лишь обитель и оболочка Арты... Арта — это внутреннее содержание Дхармы. Словом Дхарма ведийцы заменили запретное имя юного Рты и Арты. Ведийский закон: “На Земле была, есть и будет только одна религия — санатана Дхарма, вечный Дух!” следует дополнить словами: “Дхарма — это тайное имя Арты”... — Наука освобождения от реинкарнации называется Дхарма — Мокшина Правда» [4, 28]. Король умер! Да здравствует король! Умер Высший Брахман, но не Дхарма буддизма, которая лишь является другим именем Арты (Рта) Правь — божественного космического принципа. Дхарма призвана в этот мир, чтобы освободить человечество от реинкарнации, от жизни-страдания. И в этом смысле буддизм есть учение (знание) о спасении. Нет понятия Бога (Брахмы), а есть понятие знания (Дхармы), т. е. понятие о спасении как избавлении от страдания. И в этом смысле буддизм есть религия знания.

Концепция уничтожения мира

Буддизм в своем отрицании мира пошел дальше брахманизма. В брахманизме даже если мир и не обладал собственными источниками развития, все же он имел первопричину своего существования в Брахме и поэтому обладал бытием, пусть и феноменальным, но все же бытием — существованием. После низвержения буддизмом Брахмы мир лишился божественной первоосновы своего существования, а свою

собственную не приобрел. Позицию философии санкхьи, которая определила материю-«пракрити» как самопроизводящую и творческую силу и тем самым наделила мир собственным источником развития и бытия, буддизм не принял. Несмотря на то, что некоторые исследователи, используя биографический факт рождения Будды в Капилавасте, на родине Капилы — основателя санкхьи, доказывали близость позиций санкхьи и буддизма относительно материального мира — такая точка зрения не соответствует основным позициям буддизма в решении им проблемы мира.

Согласно буддизму, основным законом всего существующего является всеобщая закономерность. Мир, согласно буддизму, представляет из себя бесконечную связь причин и следствий, причем исчислить, а тем более назвать первопричину этой всеобщей закономерности — перводвигатель или первотолчок, не представляется возможным. Да, наверное, это и не имеет смысла, во всяком случае, для буддизма, который отказал метафизической проблематике в преобладании над этической, потому что такой метафизической сущности — вечной и неизменной, какой в брахманизме выступил Брахма, в буддизме нет. А вместе с тем нет и ничего постоянного, ничего устойчивого. Каждый предмет, как одушевленный, так и неодушевленный, есть всего лишь сцепление элементов — «дарм», частей, или «частиц пыли». И в этом сочетании нет ничего, что принадлежало бы этому предмету независимо от этих частей, было бы его самоосновой. Или, как говорят буддисты, все лишено личной основы, все — таково, каково оно есть (каковым оно может быть), а не каким оно должно было бы быть, если бы была принята концепция метафизической сущности. Поэтому в буддизме нет онтологической проблемы, учения о бытии, потому что нет самого бытия, как чего-то устойчивого и стабильного, а есть бесконечные становление и изменение, есть перемена или бывание. И в этом смысле, окружающий мир по своей природе есть мучение, ибо он, постоянно кружась, не знает покоя. Время как стихия, которая сносит своим потоком все, становится главной характеристикой мира. Зародившееся в очень древнюю пору воззрение на зависимость вещей от одряхлевших и мертвящих сил Времени получило в буддизме свою новую философскую жизнь. Эта властная космическая сила Времени в буддизме сливается с представлением о закономерности и правомерности всего совершающегося: «все видимое, все, что существует, осуждено на гибель, и причина этому — рождение и смерть». Эту несравненную истину он и будет проповедовать миру.

Вывод буддистской философии: весь мир — материальный и духовный — пуст по своей природе, все предметы — лишь пыль, и сущ-

ности нет никакой, а есть одна пустота, и эта-то абсолютная пустота есть самая главная истина об этом мире. Все пусто — бессодержательно, голое ничто. Подлинная сущность всего — абсолютная пустота. Сюда относятся боги, чувственный мир, все другие миры и их божества: «все пусто — внутренне и внешне... пусто всякое бытие, немислимо пусто, бестелесно пусто; телесное и бестелесное бытие пусто»; «Все вещи имеют характер пустоты, не начинаются, не кончаются». Таким образом, понятие пустоты отрицает всякую возможность существования; сущность мира абсолютно пуста. «Все является рожденным из ничего: при этом рождаются только на один момент, во время которого воспринимаются, и сейчас же вслед за тем исчезают». Существует только явление, и более ничего нет. «Абсолютное — это чистое ничто, иллюзия: философия буддизма — философия абсолютного иллюзионизма». «Все, что называется бытием, на самом деле есть небытие». «Чистое бытие, или буддистская пустота, есть, таким образом, то же, что небытие, ничто. Оно — “ни есть”, ни нет, ни одно, ни другое». Каково ничто, таково истинное бытие, а что не таково, то глупость». Истинная сущность его — нет. Чистейший нигилизм и стал неизбежным логическим выводом при решении буддизмом вопроса о конечной сущности мирового бытия.

Таким образом, мир, лишенный божественного первоисточника, первоосновы своего бытия, оказался лишенным всякого бытия и превратился в не-бытие. Если мир не определяется сверху, и не имеет собственных источников развития, то он, освобождаясь от бремени бытия, превращается в ничто — абсолютную пустоту, в «царство не-бытия». И это закономерный вывод из буддийской философии, или, как ее называли, «мудрости не-бытия» [2, 90—91]. И мы уже имеем дело не столько с брахманистским акосмизмом, который, отрицая реальность мира, все же признавал его бытие — его феноменальное существование, сколько с буддийским антикосмизмом, который отказывал миру в существовании вообще и не признавал его бытие. И в этом смысле в буддизме как нет онтологической проблемы, так нет и космологической постановки проблемы, учения о мире, потому что самого мира нет, а есть иллюзия, фантом, призрак.

Новое (буддистское) представление о мире как пустоте внесло существенное изменение в брахманистское понимание Майи. Майя, как в брахманизме, так и буддизме, есть главное определение мира. Это привело к тому, что многие исследователи не видят принципиальной разницы между обоими этими пониманиями. Например, Кожевников считает, что буддизм полностью перенял брахманистское понимание мира и вообще общиндусское представление об иллюзорности мира.

«Индусская космология построена на учении о космической иллюзии эмпирического мира. Ее главным элементом является понятие Майи. Майя — мифологическое олицетворение материальной природы, которая как раз и мыслилась как “греза”, “иллюзия”. Концепция призрачности мира, составляющую альфу и омегу индусской космологии, представление о Майи были включены в буддизм» [3, т. 1, 195].

Кольбрук, а вслед за ним Мюллер, считают, что в Упанишадах и в древней философии Веданты такой идеи Майи — как иллюзии, призрака, ничто — не было. Истинные ведантисты, согласно Мюллеру, всегда учили, что за этим видимым миром есть полная реальность Брахмы. Они верили и поклонялись истинному Богу, Вечному Брахме, непостижимому источнику всего сущего. Вильям Джонс также хорошо понял, как и Кольбрук, истинный характер древней Веданты, когда он писал: «основное положение школы Веданты состояло не в отрицании существования материи, то есть плотности, непроницаемости, протяженной фигуры (отрицать это было бы безумием)», а в понимании того, «что внешний вид и ощущения — призрачны, и обратились бы в ничто, если бы божественная энергия, поддерживающая их, остановилась бы в своем действии хоть на момент» (цит. по: [5]). Таким образом, в брахманизме и в его последнем слове — ведантизме Майя есть причина мира феноменального, но не фиктивного, иллюзорного, призрачного.

Представление о том, что мир Майи есть иллюзия, возникло только в буддизме как логический вывод из его теории пустоты. Конечно, все предпосылки такого понимания Майи буддизм почерпнул из общей склонности индусского мировоззрения видеть в мире материальном, чувственно-познаваемом только заблуждение субъективного, человеческого духа или ошибку Брахмы. Но только буддизм, как утверждает основатель ведантизма Шанкара, договорил эту мысль до логического конца, включив это учение в свою доктрину о пустоте мира, в котором Майя и была представлена как иллюзия, сон Божества, а окружающий мир стал восприниматься не как феноменальный, а как фиктивный, иллюзорный, призрачный.

Концепция уничтожения мира получила свое отражение и в буддистской догматике, где было дано представление о Майе, как земной матери Будды. Правда, исследователи отмечают, что истинное имя матери Будды забыто и заменено именем Майи. Буддийская догматическая мысль пожертвовала исторической матерью Будды, но сохранила ее в философском смысле. Философское значение Майи сводится к признанию призрачности всего вещественного. Соответственно с этим представлением телесная мать нужна была буддийской догмати-

ке только для телесного проявления Будды и для внешнего же восприятия его окружающими. И как только в образе Будды открылась Вечная Истина, Майя оказалась не нужна. И буддийская догматика уничтожила ее точно так же, как до этого уничтожила мир. Мир Майи, иллюзии всего материального, кончается там, где восходит Солнце Истины. Поэтому, исполнив свою кратковременную функцию, Майя умирает через 7 дней после рождения Будды. И если смерть ее приурочена не к самому моменту рождения Будды, то это для того, чтобы не подумали, будто обнаружение истины сопряжено со злом (умерщвлением матери). Да и само рождение Будды в сущности и не было утробным зачатием и развитием, это не зачатие, не воплощение в физическом смысле, а только механическое перемещение. Не зародышем возник Готама в лоне Майи; он, наоборот, обладал уже всеми частями и членами тела. Тело его в материнской утробе имело вид вполне сложившегося человека — мальчика 12 лет в позе лотоса. Уже целую «долгую жизнь» до этого пребывал «Пробужденный» в блаженной форме, и через тело матери появился на свет, физически воплотившись [3, 201—202]. Таким образом, Майя, выступив временным пристанищем Арты (Рты) Правь, дала жизнь новому воплощению ее как Совершенного знания в лице Будды.

Концепция уничтожения души

Буддистский нигилизм не мог остановиться на полпути и пошел дальше. Отрицание Бога (атеизм) и мира (антикосмизм) должно было привести в конце концов и к отрицанию существования души (антиатманизму), а вместе с тем — к отрицанию концепции бессмертия души, которую исповедовали все философские системы Древней Индии.

Концепция уничтожения души есть закономерный вывод из концепции уничтожения мира. Согласно учению буддизма все в мире иллюзорно, бессодержательно, призрачно. Призрачно не только тело, но и духовная составляющая человека — сознание. Разрушаемость — такова природа человека, и нет в нем ни единого атома устойчивости и неизменности. А если так, то ни одна из составных частей, сил и способностей человека, равно как и совокупность их не могут быть приняты за душу в ее устойчивом смысле, т. е. за определенную, целостную, самобытную, устойчивую сущность. Душа — это только бегущая «тень нашей тени».

Соответственно с этим буддийское учение о душе является продолжением учения об элементах, из которых состоит мир в представлении буддистов, только применительно к человеку эти элементы называются «скандами». В.П. Васильев в своей работе «Буддизм, его

догматы и история» дал такое определение сканд: сканды — скопление, куча. Всего их пять — одна материальная — тело, «руна», человека, и четыре духовных — чувство, восприятие, воля (добрые или злые дела, всякая вообще деятельность человека, смена явлений в мире, мировая жизнь — то же, что сансара) и сознание (истинное познание — знание, постигающее предметы в их подлинной сущности).

Итак, вместо одной души, которой вовсе нет, мы имеем тело, чувствования, восприятия, волю и сознание. Человек представляет из себя только связь сканд и ничего более, только цепь причинно соотносящихся элементов, а жизнь человека — это агрегат сканд. И больше в человеке ничего нет — это к вопросу о вечной и неизменной душе, которую буддизм посчитал ересью (заблуждением) брахманизма. Поэтому говорить о какой-то сущности в человеке, о личности, «я», душе как о чем-то самостоятельном, как об этом говорил брахманизм, не имеет смысла. Подобно тому как нет сущности мира, сущности вещи, так нет и сущности человека как чего-то постоянного и устойчивого — все сложено из элементов. Будучи сгруппированы известным образом, эти элементы получают форму определенного предмета и название — имя. Поэтому признание особого «я» как пребывающей самости, субстанциональной «души» Атмана, личности, только скрывает истину и препятствует истинной жизни. С признанием «я» невозможно освобождение. «Всякое тело, какое бы оно ни было и где бы ни было, оно не мое, не я, не моя самость. Надо освободиться от всего того, что порождает тело, чтобы получить свободу». Первое представление о частной собственности — это христианское представление о теле, принадлежащем исключительно данному человеку.

Буддизм же предложил самое глубокое (метафизическое) отрицание концепции частной собственности в результате последовательного проведения им идеи отрицания души. Ф.И. Щербацкий первым из известных нам исследователей подчеркнул внутреннюю связь этих двух концепций: «Идея отрицания души, в конечном итоге, приводит к отрицанию частной собственности в буддизме. Там, где есть личность, есть и собственность, принадлежащая ей, где есть “я”, там есть и “мое”; а где есть “мое”, там есть личная собственность, необходимо возникает любовь к ней, в том или другом виде. Привязанность же к личной собственности есть корень как личного проступка, так и всякой социальной несправедливости. Отрицание существования души, буддизм, таким образом, дает нам самое глубокое обоснование для отрицания права на личную собственность. Какая возможна личная собственность там, где и личности-то нет? Сообразно этому настоящий буддист только тот, кто отказался от частной собственности раз и

навсегда, и не только от собственности, но и от семьи, родины и проч. В истории мировых религий, христианства и мусульманства, мы неоднократно встречаемся с учениями, отрицающими частную собственность и советующими от нее отказаться, но наиболее радикально поставлен этот вопрос в буддизме» [6, 47].

Тот же Ф.И. Щербацкий фиксирует кажущееся, на его взгляд, противоречие буддизма: между отрицанием в буддизме концепции души и вместе с тем принятием в том же буддизме концепции переселения души, кармы. Многие исследователи, подмечая это несовпадение, объясняли это непоследовательностью буддийского ума. Ф.И. Щербацкий, наоборот, подчеркивает логичность буддийского мышления, которое, по его мнению, и в этом вопросе оказалось последовательным. Буддизм объяснил закон кармы из той же идеи о сущем как о цепи причин и следствий, а существование человека сложил из элементов (сканд) предшествующей жизни — физических и духовных, где физические переходят к нам от наших предков, а духовные — частью от них, частью приобретаются нами самими. В конечном итоге, закон перерождения душ в буддизме прозвучал так, как он прозвучал в научной форме, — как закон наследственности, или генетического кодирования индивида.

Тем самым, концепция бессмертия души, принятая в брахманизме, трансформировалась в буддизме в концепцию наследственности, где представление о бессмертии человека впервые было сформулировано как идея продолжения человеческого рода. Отказавшись от понимания души, целостной личности, совечной Богу, буддизм первым понял бессмертие души как наследственность и рассмотрел рождение человека как перерождение его предков. Соответственно с этим спустил закон кармы с небес на землю и представил ее как дела предков, а сансару как наказание за их дела и более ничего.

Таким образом, Будда видел в представлении о душе как о целостной, неделимой, вечной личности препятствие для достижения спасения, потому что индивидуальное сознание и индивидуальное существование привязывают человека к жизни, в которой буддизм, разделяя общеиндусское мировоззрение, видел источник зла и страдания.

Буддийская сотериология

Этот раздел хотелось бы начать словами Гурия, не потерявшими своей актуальности в современном мире, а, может, наша современность еще более усилила их актуальность: «Известно, что за последнее время буддизм все более и более интересует собой образованный мир. Его мораль хотят поставить выше христианской, его идеал хотят счи-

тать лучше идеала Христа. Толкуют о близком соотношении буддизма и христианства, о несамостоятельности христианства. Есть даже попытки объяснить все события жизни Христа из буддийских сказаний. В пресловутой религии будущего (необуддизм. — *М.Э.*) хотят видеть обновленный вариант философии буддизма, и миссионеры этого учения в значительном количестве уже появляются в Европе. Но в действительности настолько ли морален буддизм в своих принципах и возвышен в идеалах, чтобы его можно было бы сравнивать с христианством и даже ставить выше идеала Христова? Желая определить подлинную нравственную ценность буддизма в сравнении с христианством (в виду всевозможных противоречивых суждений по этому вопросу), мы и решили к анализу того и другого учения приложить вышеуказанную мерку, т. е. сравнить их в учении о спасении, в учении о том идеале жизни, к которому по каждому мировоззрению должен стремиться человек в своей жизни. Этот сравнительный анализ в той области, где интенсивнее всего сказывается подлинная сущность всякого воззрения, быть может, даст нам более безошибочный сравнительный взгляд на истинный характер того и другого учения и более правильно осветит вопрос о действительной нравственной ценности и идеальной высоте прославляемого буддизма» [2, 10].

Религиозно-метафизическая доктрина буддизма является предпосылкой концепции спасения буддизма, самой жизненной части буддийского учения, напрямую связанной с практическими вопросами человеческого существования. Проблемой человеческого существования интересовались практически все религиозно-философские системы Древней Индии. Благодаря им общеиндусским убеждением стало представление о жизни как о зле и страдании, как о мучительном круговороте существования, всеобщей причиной которого является неведение, заблуждение чувств, к которым буддизм сохранил свое неприязненное отношение. Кожевников называет Будду рационалистом, деятельность которого преимущественно была направлена на воспитание сердца как источника и органа чувств, приносящего зло. «Все зло происходит от сердца». Вот почему в своей проповеди он будет обращаться не к сердцу, а к разуму и только к разуму, отрезвляющему чувства и жажду бытия — и в этом его принципиальное отличие от Христа. Христос пришел спасти все человечество, а не только праведников, поэтому он обращается к человеку такому, какой он есть — со всеми его слабостями, пороками, грехами — и этим он открывает путь к спасению всем. И путь этот лежит не через рассуждение, не всем доступное, а через доступную всем область чувств, через обращение к сердцу человека. По Будде, спасение — в полноте знания, по Христу,

— в полноте любви. Поэтому буддизм есть книжная религия, христианство — религия покаяния, не отвлеченная и школьная мудрость, а жизненная проповедь. Этим объясняется и разительный контраст, существующий между объемом священных книг христианства и буддизма: 4 Евангелия в противоположность Трипитаки (Три корзины) с 39 томами палийского канона южного буддизма, 225 томов в 1000 страниц северного буддизма, с 2000 томов, напечатанных на китайском языке в конце XVII в. Конечно, такой первоисточник буддийской концепции спасения является существенным препятствием к спасению для его последователей, ибо оно основывается прежде всего не на поведении, не на святости, а на ясном и безошибочном знании, без которого невозможна и праведность.

Учение Христа неразрывно связано с его личностью, его яркой индивидуальностью, чего не скажешь об учении Будды. Буддизм выработал многие идеи из религиозного арсенала превосходным образом — так в вопросах мистики он был просто непревзойден. Он и його поднял, а может, наоборот, спустил с небес браханизма, где йога была путем слияния человека с божеством, на уровень самообожествления и сомоусовершенствования человека²⁰. Но в одном вопросе буддизм никогда не сравняется с христианством — в вопросе о роли личности в истории, тем, что привнесло в мир именно христианство самим образом Христа как живой богочеловеческой личности. Вот сумма и сущность всего христианства от начала до конца, великая сила его обаяния на все времена, его великое чудо, прерывающее цепь железной необходимости и говорящее о том, что в этом мире есть свобода — свобода личности как высшее проявление власти жизни над смертью, как прерыв бездушной закономерности.

В символе веры четырех основных буддийских истин — истины страдания, причины страдания, уничтожения страдания, пути к уничтожению страдания — нет самого Будды. По легенде, перед смертью Будда предостерегал своих последователей от обожествления его как

²⁰Вот как Назаров говорит об изменении брахманистского смысла йоги в буддизме: «Йог не ждет Арти-благодати от Бога, а сам взращивает ее в себе. Йога идет не к Богу, а к самообожествлению. Праведность для йога — это его йогическая сила, а неправедность — это его слабость. Йог не ждет Правды от Бога, но растит Правду внутри себя. По христиански йог — это безбожник, сатанист, ведьма, баба — йог (бабаежка). Йоги, у-шу, кун-фу и карате, особенно в КНР и СССР, были атеистами сатанистами» [4, 17]. Вот эту устремленность буддизма на самоусовершенствование посредством йоги необуддизм поставил в центр доктрины совершенного человека, который сам, без Спасителя, спасается одними собственными силами.

не имеющего смысла, потому что он оставляет нечто большее, чем он сам, — знание, истинный путь спасения. Ибо спасает не Будда, а путь, указанный им, следуя по которому каждый может спастись собственными силами. И с этой точки зрения буддизм есть учение о спасении без Спасителя, а Будда есть Путеводец, указавший этот путь. Таким образом, учение буддизма не только оттесняет на второй план учителя, оно само по себе, отвлеченно (абстрактно) и безлично, и в этом отношении дхарма буддизма — лишь другое имя безличной Арты (Правь) Рты, содержание которой и будет дано в символе веры буддизма.

В первых двух истинах Будда излагает теоретическую (метафизическую) часть своего учения, а в двух следующих — практическую: как избавиться от страдания. Первая истина разделяет общеиндусское убеждение о том, что жизнь есть страдание, что она не содержит в себе ничего радостного, даже всякое удовольствие есть страдание, потому что оно достигается путем усилий, труда и, следовательно, страдания. Чем больше мы прилагаем усилий, тем больше мы страдаем. Вот первая святая истина, так называемая истина страдания.

Вторая истина указывает на происхождение страдания. Источником страдания выступает сама жизнь, полная страстей, жадности, стяжания, просто стремления жить и пользоваться жизнью. Источником поддержания жизни и связанного с ним страдания является индивидуальное сознание человека, его воля, обозначаемая в буддийских книгах «танхой» — «жаждой» бытия, которая и ведет человека от возрождения к возрождению, заставляет его возвращаться в круговороте жизни, кружиться в вихре сансары. И даже физическая смерть не спасает человека от сансары. Телесная смерть — это еще не все, если осталась жажда бытия (танха), которая и переносит существование человека за пределы видимой смерти, чтобы затем возродиться в будущем, в пониженном или повышенном состоянии в зависимости от предшествующих дел (кармы).

И здесь не поможет брахманистская концепция созерцания как путь к спасению. Несмотря на то, что буддизм вбирает в себя созерцательный характер индийской и, в частности, брахманистской философии и в нем подчеркивается преобладание ума и отвлечения над сердцем и волей, буддизм выводит созерцание из своей концепции спасения. Ведь у созерцателей замечалось чрезмерное увлечение самим состоянием господства духа над телом, приятным внутренним ощущением его. Слишком рельефно выделялось личное «я» — самость человека, являлось пристрастие к индивидуальному существованию. Из этих внутренних стремлений вытекали соответствующие теоретические положения, признание существования «я», индивидуальности. Будда

же называл брахманистское представление о человеке-личности «ересью» (заблуждением) индивидуализма, подпитывающим жажду бытия и препятствующим делу спасения. Он стал искать новых путей, новых обоснований. Испытывая неудовлетворенность духа, Будда искал успокоения, а не господства — не только господства над миром, но и господства души над телом.

Третья истина буддистского вероучительной догмы говорит о новой истине прекращения страдания. Разрушение страдания есть уничтожение жажды жизни, победы до конца над страстями, стремлениями, усилиями, погашение воли к жизни. И этим единственным путем к спасению от бесконечных перевоплощений является нирвана. Индийская философия выработала два понятия нирваны: в положительном и в отрицательном смыслах. В положительном — брахманизм — в понятии Брахма-нирвана, согласно которому нирвана предстала как успокоение, умиротворение, блаженство, как благополучный исход всяких перемен и страданий, связанный с этапом слияния души с Брахмой.

В противоположность брахманистскому пониманию нирваны как блаженства, буддизм выработал собственное нигилистическое понимание нирваны как абсолютного небытия (а потому и полного безразличия и ничтожества), что, собственно, и соответствовало доктринальной, догматической точке зрения буддизма. При решении вопроса о конечной сущности человеческого существования буддизм должен был прийти к тому же, к чему он пришел при решении вопроса о конечной сущности мирового бытия, а именно — к чистейшему нигилизму, к абсолютному ничто — нирване, которая и решила главную проблему буддизма — проблему освобождения (спасения) от бремени бытия, «безвозвратного исхода из бытия». На такое понимание указывает и этимологический смысл термина «нирвана» («*nirvāṇa*» — угасший, развеявшийся). Таким образом, содержанием буддистской дхармы является нирвана, которая прерывает цепь реинкарнаций и является единственной религией спасения.

Четвертая и последняя святая истина буддизма говорит в том, что имеется верный путь, ведущий к спасению, так называемый восьмичленный путь, состоящий в правильной вере, правильном стремлении, правдивой речи, добром поведении, честном способе добывания средств к жизни, истинном старании, правильной памяти и правильном самоуглублении в мыслях, а по сути заключается ни в чем ином, как в сознательном заглушении умом и волей человека всяких жизненных проявлений в себе, жажды бытия для достижения нирваны.

Все, независимо от своего кастового положения, а затем и национальности, могли достигнуть нирваны и обрести спасение — и в этом смысле это было безусловным достоинством буддизма, его демократи-

ческий вызов, во всяком случае по отношению к брахманизму, в котором нирваны могли достичь лишь брахманы — все, кроме доброй половины человечества — женской ее половины. Кожевников убедительно показал, что из всех религий, буддизм есть та, которая относится к женщине наиболее враждебно, именно в догматической своей части. Подобно тому, как в метафизике буддизм уничтожил мир, а в догматике — Майю — мать Будды, так точно он должен был прийти и к уничтожению власти женщин в этом мире.

«В самой природе женщины заложена жажда бытия — как матери, как представительницы длительного рода, а, следовательно, и жизни. По природе своей женщина является действительным врагом того закона спасения, который высшей своей целью ставил достижение нирваны, а вместе с тем и избавления от возрождения. Поэтому женщина до тех пор, пока она сохраняет свою отличительную черту женственности, была не способна к спасению. Если бы в дхарме было подлинное понятие о грехе, половой акт был бы для нее грехом по преимуществу. Но дхарма боролась не с грехом, а с заблуждением, потому, с ее точки зрения, половой акт являлся величайшим заблуждением, противодействующим выходу из мук бытия, ибо он, продлевая потомство в роде человеческом, для отдельной личности является орудием кармы, поводом и средством к возрождению. Половое воздержание, абсолютная целомудренность, это — освобождение и себя и других от цепей бытия» [3, т. 1, 301]. И факты говорят сами за себя. Когда англичане проводили первую перепись населения, они обнаружили, что в северо-западных провинциях Индии более 200000 людей, принадлежащих к знаменитым и относительно образованным классам, живут под угрозой особых карательных законов, потому что они с незапамятных времен убивают детей женского пола.

Таким образом, спасение Будда определяет как избавление от всякой жизни, от всякого страдания. Согласно пессимистическому мировоззрению буддизма, само бытие — зло, и притом зло изначальное, независимое от грехопадения, в этом смысле дхармой и не признаваемое. Зло не в грехе человека, не в искажении смысла и цели бытия, оно в природе самого бытия: всякое бытие неустойчиво, изменчиво, преходяще, смертно, скоротечно для всего живущего, не исключая и богов. А отсюда и благая весть Будды для всего живущего: есть надежда на то, что это бытие — не вечно, что время жизни может быть свергнуто и прекращено навсегда. Нирвана — это и была его надежда, его путь освобождения от жизни с ее дурной бесконечностью перевоплощений. Это весть о смерти вечной, о конечной победе небытия (смерти) над жизнью. А отсюда призыв Будды — «Не любите ничего земного», в отличие от призыва Христа — «Да любите друг друга».

Отсюда цель буддизма — «небытие вечное», тогда как христианства — «жизнь вечная». Согласно оптимистическому христианскому мировоззрению, Бог зла не создавал и «Бог не сотворил смерть...» (Прем. Солом. 1, 13), и в ней нет своей силы бытия. «Бытием обладает жизнь, даже смерть существует лишь благодаря жизни и в свете ее, смерть есть не-жизнь, отрицание жизни есть ее единственное определение, она лишь тень жизни, и вне жизни она ничто, ее нет» [7, 36]. И в этом смысле благая весть Христа есть весть о жизни вечной, есть проповедь Воскресения, торжества жизни над смертью. Вот существенная противоположность между единственной «дверью» ко спасению, раскрываемая благодатью Христа, и 108 дверями спасения, указываемыми Буддой [3, т. 1, 275—276].

Философия хозяйства буддизма

Концепция С.М. Соловьева о влиянии географического фактора на хозяйственное развитие народов, предложенная им в работе «Феософический взгляд на историю России», дала объяснение ряду принципиальных вопросов, связанных с хозяйственной жизнью России и Европы, но она оказалась лишена эвристического эффекта, когда речь зашла о сравнительном анализе хозяйственной жизни Индии и России с точки зрения географического фактора. Потому что как раз-таки с точки зрения географического фактора Индия и Россия — страны похожие, с одинаковыми запасами природных ресурсов и высоким уровнем плодородия земли. И тем не менее Россия — крупнейшая аграрная держава мира, способная прокормить полмира, а Индия, будучи аграрной страной мира по ее природным задаткам, в действительности представляет из себя страну, где проблема голода стала ее судьбой, по крайней мере за последние 300 лет. И причина только одна — религия. Какая же концепция хозяйственной жизни следует из буддийской концепции спасения в противоположность христианской? Или, более конкретно, в чем принципиальное отличие между христианством и буддизмом в определении ими двух базовых понятий хозяйственной жизни — земли и труда?

Буддизм, с его идеей антикосмизма, в вопросе о земле оказался еще более решительным, чем брахманизм. С точки зрения брахманистского акосмизма земля хоть и была лишена самостоятельных производительных функций, но она все же существовала как производящая реальность, подобно тому как существовал феноменальный мир. Буддизм напрочь закрыл землю для производственного процесса, объявив ее неприкосновенной. Концепция «неприкосновенности земли», запрет на нарушение ее целостности, рождена страхом, боязнью причинить вред всему живому. Ведь согласно концепции метепсихоза, которой

буддизм придал нравственный аспект, во всем живом пребывает душа, проходя свой путь очищения. На это работала и сама легенда о перевоплощениях Будды от богов до животных, а отсюда и жалостливое отношение буддизма, впрочем, как и всего индусского мировоззрения, ко всему живущему.

Буддизм, во многом под влиянием джайнизма, расширил область живых существ, создав своеобразную классификацию «безжизненных и живых существ». По этой системе не только растительный мир (не говоря уже о животных) представлялся одушевленным, но и минеральный. Ибо и «в земляных телах» есть душа, способная обитать в них, а следовательно, имеющая право на неприкосновенность их со стороны человека, знающего этот основной закон всемирного существования. Жизнь неприкосновенна в силу «закона сострадания», ведь все подвержены страданию, отсюда вывод: никто не должен быть убит. Вот квинтэссенция мудрости «не убивать никого», «самому не убивать, ни через других, ни соглашаться на убийство другими».

Под влиянием такого жизневоззрения сельскохозяйственная культура страны должна была не повышаться, а понижаться, что и случилось на самом деле, по крайней мере, на родине буддизма. Легенда повествует о том, что Будда родился в городе Капилаваста — в плодородной местности, изображаемой чуть ли не земным раем в древних индусских сказаниях. Будда принадлежал к клану кшатриев, которые приписывали себе царственное и воинское происхождение. Однако борясь им приходилось не столько с людьми, сколько с природой, отвоевывая у нее плодородные земли. При трудолюбивых кшатриях здесь было изобилие риса, который считался священным даром. Во всяком случае это объясняет появление именно здесь единственной философской системы Индии (философской концепции санкхьи), которая увидела в природе самопроизводящую и творческую силу. Будда ушел из дома как раз накануне нападения на его местность хищных соседей. Земляки Будды не раз обращались к нему с просьбой вернуться и помочь отстоять родную землю, но он не внял их мольбам. После истребления трудолюбивых кшатриев ухоженная и плодородная местность приходит в упадок. «Теперь здесь всюду — только мусор да запустение». Немало содействовало этому и распространение в этой местности учений буддизма и джайнизма, запретивших людям заниматься земледелием, ибо «ничто так не губительно для насекомых, как земледелие: причиняя смерть животным, оно может вести к греховному, дурному образу жизни» [3, т. 1, 234].

В Пятимокше именно земледелие, прежде всего, считалось греховным, потому что копанье земли рассматривалось как «раздирание»

лона земли, ибо плуг, вооруженный острым железом, раздирает землю и находящихся в ней животных. Поэтому этот способ приобретения средств к жизни считается совершенно неприемлемым для доброкачественных людей. По причине землевредительства, нарушающем целостность и неприкосновенность земли, осуждается гончарное дело, основанное на обжигании, испепелении земли. В эту же вредоносную группу попали группы каретников и плетельщиков корзин, мебели и других вещей из тростника — ведь в растениях тоже обитала душа; по аналогии с плетением оценивалось и ремесло ткачей, а по аналогии с производством изделий из тростника и все изделия из дерева, а с ними и их производители стали презренными, плотники и столяры; кожевенное ремесло считалось презренным, потому что материалом его был результат убиенных животных; греховными были профессии охотников и рыболовов как истребляющие живых существ, и даже пастухи. В классификации мирского труда безгрешным занятием считается только торговля, так как она не вредит жизни. В настоящее время в Индии смотрят на людей, занимающихся торговлей, как на более почтенных, «безгрешных», в отличие от землевладельцев и всех остальных.

Такое отношение к земле, которое продемонстрировал буддизм, противоположно христианскому. В противоположность буддийской «неприкосновенности к земле» христианство во исполнение заповеди Божьей исповедует: «обладайте ею (землею) и владычествуйте» (Быт. 1, 28), и уважительное, прежде всего, отношение к земледельческому труду: «трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов» (11 Тим. 2, 6). Понятие «священной» земли, данной в пользование человеку во имя сохранения жизни, рождает иное к ней отношение. В христианстве (особенно в православии) отношение к земле благостное, любовное, как к Матушке-Земле — родительнице и кормилице. Именно к ней крестьянин обращал свои взоры, крестился-молился, прося у Бога помощи — хорошей погоды. Православный крестьянин в своей жизни никогда не уповал на помощь извне — на доброго дядю или на государство, а находился во внутреннем взаимоотношении с природным процессом, с его непредсказуемостью, а потому уповал на чудо — Бога, да в общем-то и прожить мог без государства, всю жизнь кормясь от земли. Вот это соучастие Бога, земли, земледельческого труда и стало основой, именно в рамках христианской культуры такого явления, как крестьянство. Замечательно, что в русском языке слово «крестьянин» обозначает не что иное, как «христианин» [8, 236]. Понятие трудника-земледельца, как крестьянина — чисто христианское определение, вытекающее из хозяйственного отношения к земле, к

труду, вовсе не подходит к индусскому пониманию труженика-земледельца с его негативным отношением к земле и труду. Другими словами, вряд ли возможно говорить о крестьянском труде применительно к индусской культуре земледелия.

Нужно сказать, что буддизм превзошел всех своих предшественников неприязненным отношением к труду. Уже в брахманистской концепции распределения труда, согласно которой земледельческим трудом могло заниматься только третье сословие, тогда как первые два были освобождены от него, была дана низкая оценка физического труда. В Артахаштре нет ни одной главы, тем более раздела, имеющего отношения к проблеме труда; в предметно-терминологическом указателе напрочь отсутствует понятие «труд», тогда как понятию «земля» отводится составителями четверть страницы. Это говорит только об одном — в брахманизме нет понятия общезначимости труда, что и нашло свое отражение в тексте Артахаштры. Но именно в буддизме физический труд был назван греховным (и не только сам по себе, исходя из идеи метепсихоза, — это уже было прочувствовано брахманизмом, а скорее потому, что он был препятствием к спасению).

Согласно христианской концепции спасения с ее апологией «вечной жизни» в этом мире «жизнь жительствоует» как смертная жизнь, под угрозой подстерегающего ее небытия. А отсюда, борьба за жизнь с силами смерти есть самое общее определение существования — и не только в смысле онтологическом, но и в биологическом. И в первую очередь борьба за жизнь есть борьба за пищу, за удовлетворение материальных потребностей, и это сближает человека со всем животным миром, которому приходится отстаивать свое существование, расширяя территорию жизни различными орудиями труда — от примитивных инструментов до новых современных достижений науки и техники. И в этом смысле труд есть средство спасения жизни против сил смерти. А хозяйственная жизнь есть трудовая жизнь во имя жизнеутверждения. Ведь жизнь возникает без сознательного приложения труда, как «дар Божий», но поддержание ее уже оплачивается трудом, волевым усилием человека, вырывающим ее из железной хватки смерти. «И в этом смысле хозяйственная жизнь есть трудовая деятельность воспроизведения или завоевания жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению» [7, 39].

Таким образом, христианское понимание труда как наказания за грехи рождало напряженную активность человека во исполнение Божьего слова: в поте лица своего добывай хлеб свой. Христианство реабилитировало любой труд, особенно хозяйственный, и в этом его историческое значение и по отношению к греко-римской культуре с ее

низкой оценкой физического (рабского) труда, и индийской — с буддийской оценкой земледельческого труда как греховного. Именно христианство в целом подняло значение труда, особенно хозяйственного труда, на высоту исторического прогресса. И эта христианская оценка труда была оформлена в теории трудовой стоимости, где труд, и только труд, был назван единственным источником стоимости. В католицизме — труд есть путь восхождения человека к Богу. А уже в протестантской концепции — профессиональный труд был назван единственным источником спасения. В конечном итоге, в христианской культуре восторжествовала точка зрения, что жить за счет своего труда — достойно, причем любого труда («не трудящийся да не яст» (11 Фесс. 3, 10)). А отсюда следовал общезначимый характер труда, которым занимался и Христос, и апостолы Христовы.

В буддистской концепции спасения, с ее апологией «вечной смерти», материальное начало в человеке выступает препятствием к спасению, поэтому вместо удовлетворения материальных потребностей с целью сохранения и расширения жизни, человек должен исповедовать аскетизм. «Буддистский аскетизм и был следствием и спутником пессимистического мировоззрения, выросшего на этом убеждении. С этой точки зрения отказ от соблазнов земной жизни должен был считаться правильным путем и средством к избавлению от ига бывания вообще, ведь основная проблема буддизма — не спасение, а именно избавление; конечная цель мудреца — не упрочение жизни, не бессмертие, которого нет, а упразднение жизни, «полное освобождение». Буддийский аскетизм — дело и не богоугодное, и не человекоугодное, как и вообще не жизнеугодное» [3, т. 1, 256]. Труд с его напряжением, волевыми усилиями есть помеха в деле спасения, которое мыслилось как погашение жажды жизни, погашение воли и волевых усилий. К числу настоящих грехов в буддизме относились работы в рудниках и изготовление орудий и машин (тяжелый физический труд). Это свидетельствует об осуждении и самого труда и средств его выполнения. Если в христианстве жить за счет своего труда — достойно, то в буддизме — унижительно. Жить за счет своего труда считалось презренным, не подобающим людям благородным, тогда как жить за счет другого — в виде принятия даров или чужими трудами — считалось почетным.

Вот как об этом пишет Кожевников: «В буддизме, в отличие от христианства, нет “искушения хлебами”. В отличие от Плотника Назаретского, знавшего цену хлеба насущного, в трудовом поте лица добывающего, Будда, хотя и избравший добровольную бедность, был все же царевич Сиддхартха, выросший в холе и роскоши. Его ли соблазнять хлебом? Да еще не в каменистом, скудном ущелье Палестины, а

среди роскошной природы Индии, почти без труда дарующей прокормление, манящей к апатии, не к труду. Будде и буддизму, с самого начала и поныне равнодушным к социальному вопросу, его основа — искушение хлебами — была не понятна в момент возникновения учения. Была не оценена и по отношению к будущему. Забота о хлебе насущном есть главная забота и задача жизни. И Спаситель мира решил вопрос единственным верным образом. Он не пренебрег им, как учитель неделания, осудивший земледелие, воспротививший его ученикам своим, но дозволивший им, созерцателям, питаться даровым хлебом, добываемым и предлагаемым осужденными труженниками. Христос же, освятивший труд и плод его хлеб, включил вопрос о хлебе даже в основную молитву. Но в эту же молитву он включил прошение о хлебе лишь насущном, не избыточном, лишь о хлебе трудовом. О том, о котором апостол говорит: «кто не работает, тот пусть и не ест!» [3, т. 1, 267].

Таким образом, если в христианстве труд есть наказание за грехи — «в поте лица своего будешь добывать хлеб своей», то в буддизме труд, и все что создано трудом, есть грех сам по себе. И соответственно с этим, трудовой образ жизни признавался греховным, тогда как «воздерживание от труда» рассматривалось как праведный образ жизни. А раз так, то «надо покинуть все предприятия, все начинания ради спасения души». Домашнее и сельское хозяйство, столь возвеличенное индусским бытом, законом и религией, здесь развенчано под предлогом греховности его: «домохозяева поистине — убийцы живых существ и приобретатели собственности», то и другое — страшный грех; но «они не удерживаются от грехов, совершают грехи любви и ненависти...». Если в брахманистской концепции мирской жизни, хозяйство хоть и не обладало самостоятельной ценностью и собственной логикой развития — выгодой, но все-таки существовало, то буддизм предложил расстаться с ним и с делами его, отказаться от «себя», от собственности (вот где сработала концепция отрицания души как отрицания частной собственности), от активной жизнедеятельности и только строгим самоограничением и самоотречением придти к безусловному, полному освобождению (Мокше).

И буддизм оформил эти мысли в идею монашеской общины. То, что брахманизм знал лишь в форме отшельнической жизни отдельных, не связанных друг с другом аскетов, то буддизм превратил в монашество. И первым делом Будда запретил монахам самим заниматься земледелием, позволяя другим заниматься им и получая свою часть произведенного ими продукта. Таким образом, они, по его мнению, ведут праведную жизнь, не запятнав себя виной уничтожения живых су-

ществ пахотой и орошением полей. Община Будды жила не своим трудом, а трудом тех, кого она презирала, чей трудовой образ жизни считала недостойным существованием и чьи скромные труды, без которых было немисливо ее собственное существование, она принимала, довольствуясь малым, но даровым, созданным чужим трудом. В этом его принципиальное отличие от монашеского труда в христианстве с его принципом послушания. Послушанием в православных монастырях называются всякие работы, которые возлагаются на иноков и одинаково рассматриваются как необходимые, совершаемые по воле Божией во спасение души, вне зависимости от того, в каком бы социальном положении иннок не существовал.

Современные пропагандисты буддизма, приспособивая его к западным вкусам, подчеркивают его выдающуюся роль в области нравственной деятельности. На самом деле, в духе своего рационализма убеждение для буддиста несравненно важнее дела, знание куда выше добродетели, потому что добродетель не только не ведет к спасению, а является ему помехой. Эта мысль является выводом из основного закона буддийской этики — закона кармы. Всякое дело — источник и возможность будущих перевоплощений. «Колесо дел» и есть причина рождений, и неважно каких: как злые дела ведут к пониженному существованию в будущем, так и добрые дела не вырывают человека из круга дурных перевоплощений, а повышают человека вплоть до богов и вместе с тем привязывают его к этой жизни, уводя его в сторону от столбовой дороги спасения. Вот почему добродетель не только не спасает человека, сколько мешает ему в деле спасения. Исход из этого нескончаемого круга, следовательно, один: стремящийся «совсем угаснуть до конца», без возможности возобновления бытия, должен «почить от дел», отказаться как от злых, так и добрых дел, как от царства людей, так и от царства богов (к которому приводят добрые дела), освободиться от какого бы то ни было бремени — вот единственный исход для вступления в несравненную ни с чем нирвану.

Отказавшись от мира и обитателей его, буддийский монах отрекся и от дел его, причем от «ига дел»: «отдающийся делам остается в мирских цепях: он не знает закона, ведущего к освобождению». «Знай же, кто не предпринимает новых действий, тот не приобретает и кармы: он становится великим героем, невозрождающимся и неумирающим». Поэтому нужно отказаться от активности и приобрести бездейственность: перестав действовать, мы не получаем новой кармы и разрушаем ранее приобретенную карму. В итоге в буддизме и восторжествовал «принцип не-имения и не-делания».

Если в буддизме добрые дела не ведут к спасению, а только про­длевают страдания, привязывая его к бытию, не прерывая круга беско­нечных перевоплощений, то в христианстве дана совершенно иная оценка добродетели. Прежде всего, нигде в христианской аскетике мы не встречаем отрицания конечной пользы и важности деятельной доб­родетели («вера без дел мертва»), нигде — принижение ее до помехи спасения, каковой она оказывается для спасения буддизма в смысле препятствия дел, даже и добрых, конечному избавлению от бытия. На­конец, если в первоначальном христианстве спасает человека не «за­слуга внешних дел», а чудесный процесс благодати Божьей и «вера, только вера делает блаженным», то уже в католицизме путь к спасе­нию человека был проложен «логикой добрых дел».

Таким образом, если в христианстве земля и труд являются основ­ными производительными силами общества, то в буддизме — и не земля, и не труд. Выступив религиозным реформатором и провозгла­сив демократический принцип — все способны достичь нирваны (вне зависимости от своего кастового положения) — в области социальной жизни дух демократических преобразований был чужд буддизму, и он остался в рамках брахманистской концепции мирской жизни, где ос­новной производительной силой общества является государство, при­сваивающее даровой, неоплаченный труд непосредственного произво­дителя. Тем самым буддизм своим путем пришел к идее Артхашастры: собственник (государство, субвладельцы) имеет право на получение дохода, не занимаясь личным (физическим) трудом. И это есть логиче­ский вывод из всех предшествующих идей буддизма, и в области хо­зяйства буддизм должен был прийти к тому же, к чему он пришел в области метафизики и сотериологии, — а именно к нигилизму. От от­рицания Бога (атеизма), мира (антикосмизма и аскетизма), души (анти­атмантизма), добродетели (апофатизма) — к отрицанию крестьянства как основной производительной силы общества (абсентеизму). Земле­дельческий абсентеизм — от латинского *absentio* — отсутствие (отри­цание) крестьян как самостоятельной производительной силы общест­ва и замена ее управленческой структурой. Применительно к земле­дельческой культуре Индии это понятие раскрывает форму землевла­дения, при которой собственники земли (государство, заминдары, джигирдары и др. типы субвладельцев), не участвуя в процессе сель­скохозяйственного производства, получают денежный доход в виде ренты или прибыли.

Буддизм и капитализм

Проблема «буддизм и капитализм» менее академична и абстрактна, чем проблема «христианство и капитализм». Она наполнена конкрет-

ным содержанием — ведь Индия два с половиной века была колонией Англии, капиталистической Англии. А там проблема «буддизм и капитализм» вышла за рамки кабинетного изучения и была сосредоточена на решении практических задач. Так индийский буддизм и английский капитализм столкнулись друг с другом лицом к лицу, и капитализм показал свое бессилие хоть что-нибудь изменить в том мире.

Географически и исторически хозяйственная судьба Индии связана с аграрным развитием, если под аграрным развитием понимать весь комплекс природных ресурсов страны, главным из которых, безусловно, является земля. Известно, что когда Англия подчинила Индию, она предпочла ничего не менять в ее законодательстве, основанном на законах Ману и Артхашастре. Согласно древнему праву, верховным собственником земли в Индии было государство, которому в силу этого права и принадлежала известная часть доходов от нее, или рента. Английская корона заняла место верховного земельного собственника, как до нее это делали их предшественники — завоеватели Индии — династия Гупта и Маурья и Великие моголы. Хотя в самой Англии уже несколько столетий не существовало такого права на землю, когда земля была бы единственным источником государственных доходов.

В условиях Индии Англия лишь позаботилась о том, чтобы империя получала регулярные доходы в форме налогов на землю. С этой целью англичане превратили сборщиков налогов побежденных местных династий (брахманов и кшатриев) в некое подобие английской земельной аристократии — в заминдаров (от ведийского *samahartr*)²¹, а коренных землевладельцев (вайш и шудр) — в арендаторов-райотов. Таким образом, повествует часто повторяемое предание, в Индии якобы была введена частная собственность на землю. Но большинство исследователей [10—13], анализируя исторические факты, говорят о другом — как раз-таки введение частной собственности на землю не осуществили ни Корнуоллис, ни его преемники. «Результатом же всех мероприятий, осуществленных англичанами в конце XVIII и в XIX вв. по земельно-налоговому устройству Индии, является то, что ни одному владельцу не было предоставлено исключительного права на владение, пользование и распоряжение землей, что является фактически основой права частной собственности на Западе. Без этого качества исключительности о подлинной частной собственности не может быть и речи. Частная собственность на землю так окончательно и не сложилась в Индии и до настоящего времени» [13, 35].

²¹ В Артхашастре главный собиратель доходов назывался *samahartr* — заминдарт — заминдари [9, 589].

На самом деле, в современной Индии сложился весьма своеобразный аграрный строй, который представляет из себя «пирамиду владельческих прав». На вершине пирамиды находится государство как верховный земельный собственник, ниже располагаются заминдары, джиггирдары и другие субвладельцы, а основание составляют многочисленные слои арендаторов. В результате образовалась целая пирамида неработающих, собирающих ренту посредников. Эти посредники присваивали непрерывно увеличивавшуюся разницу между установленной планкой государственного налога и возрастающим доходом от земли. Так появилась непомерно выросшая фигура владельца земли, наделенного привилегией присваивать доход от сельского хозяйства без приложения личного труда и часто даже не жившего в деревне, а потому вообще и не интересующегося сельскохозяйственным производством. Целью этого хозяина земли было не увеличение сельскохозяйственного дохода путем применения более совершенных методов ведения хозяйства, а потребление (производство для потребления) и укрепление своего социального престижа, путем уклонения от физического труда. Дело усугубилось тем, что право пользования стало продаваться, и в деревне появился значительный слой дельцов-ростовщиков, которые торговыми махинациями окончательно довели индийскую деревню до обнищания. На повестке дня Индии был поставлен аграрный вопрос, первым исследователем которого стал Даниэл Торнер.

История решения аграрного вопроса в Индии начинается с англичан, которые на протяжении всего XIX в. неоднократно издавали законы в защиту прав арендаторов, с предоставлением им пожизненных или даже наследственных прав на землю, чтобы защитить их интересы и поддержать сельскохозяйственного производителя. Но, как показала жизнь, со временем и эта группа арендаторов пошла по пути своих предшественников-субвладельцев — без непосредственного участия в производстве стала присваивать ренту, сдавая в аренду землю безземельным.

В 1920 и 1930 гг. активисты индийского национального движения обвинили Британскую империю во всех бедах индийского сельского хозяйства и даже возложили на нее ответственность за национальное бедствие Индии — голод, уносящий сотни тысяч жизней ежегодно. Суть основного аргумента националистов сводилась к тому, что англичане навязали индийскому крестьянству бесполезных посредников и укрепили власть крупных землевладельцев. С приходом к власти Конгресса в 1947 г. националистические силы получили возможность самим решить аграрный вопрос в интересах земледельцев-тружеников,

поэтому основными лозунгами аграрных реформ в Индии были — «долой посредников» и «землю тем, кто ее обрабатывает»²².

Причем в заявлениях Конгресса указывалось, что его программа направлена на создание новой эры в аграрных отношениях, главным принципом которой является: «Владеть землей — значит обрабатывать ее», а это значит, что земля не должна быть средством извлечения ренты, а должна обеспечивать занятость населения. Смысл принципа предельно ясен: те, кто владеют землей, но не обрабатывают ее, утратят свои права (на доход). Таким образом, власть на землю перешла бы из рук собственников или арендаторов, не обрабатывающих землю, непосредственно в руки земледельцев-тружеников. Однако, как показала история, «ликвидация» посредников и «защита» интересов земледельцев-тружеников не затронула основ аграрных отношений в стране. Вопрос о том, как передать землю подлинным труженикам и обеспечить их права на нее, остался открытым.

Д. Торнер называет истинную причину неудач аграрных реформ в Индии в 1950-ых гг., а именно — существование мощного «религиозного депрессора», о котором ничего не знали англичане, когда затевали свои аграрные преобразования, и в действительности которого лишний раз убедились национальные прогрессисты. Е. Ламанский пишет, что когда англичане приступили к исследованию вопроса о причинах неурожая в Индии, они назначили в 1880 г. парламентскую комиссию для подробного изучения этого явления. Комиссия чрезвычайно добросовестно исполняла возложенные на нее обязанности и выработала целый ряд мер для борьбы с последствиями неурожая, а также целую систему экономической политики для ограждения от них государства в будущем. Парламентская комиссия 1880 г. исследовала: местные, физические, экономические условия, права владения и пользования землей; свойства климата и почвы; значение плотности населения; способов обработки земли и других обстоятельств; усиление или ослабление последствий недорода: устройство орошения, пути сообщения (железные дороги и т. д.) — почти все, но ничего о религии, и в этом была ее большая недоработка, рожденная высокомерием британского рационализма [10]. Индия так и осталась ими неразгаданной, а потому и непокоренной. А тайна Индии в ее религии. Прав Мюллер [14, 3], когда говорит о том, что в Индии нет ничего из традиционных ценностей

²² Поразительно, но именно так эта идея «земля должна принадлежать тем, кто на ней живет и кто ее обрабатывает», — была сформулирована С.Н. Булгаковым в книге «Капитализм и земледелие» в 1900 г., применительно к решению аграрного вопроса во всем мире.

западной культуры, но у нее есть шесть систем религиозной философии, где проявился национальный дух народа, и этого вполне достаточно, чтобы Индия существовала вечно. В этом ее сила, независимость, ее каменная крепость против всех попыток рационализма овладеть ею, начиная с «железного коня» (империи) Александра Македонского до английского империализма.

Две идеи являются причинами недорода, неурожая в Индии — мы бы их определили как «верхнюю» и «нижнюю», — и обе они освещены религией. Под «верхней» преградой мы понимаем отрицание самостоятельности земледелия по отношению к государству. Или, что то же самое, невозможность существования земледелия без государства. Эта мысль нашла свое оформление в идее верховного права государства на землю еще в древнем законодательстве. В Артхашастре, единственном политико-экономическом трактате Древней Индии, совершенно четко была сформулирована идея науки о государственном управлении хозяйством для извлечения доходов. Отрицание самостоятельности земледелия по отношению к государству привело к идее отрицания самостоятельности земледельцев-тружеников, которые только и могут осуществлять свою деятельность под руководством собственников. Это прослеживается на примере Мадраса, по которому можно совершенно четко уяснить причины, которые заставляют помещиков выступать против проведения аграрной реформы. В глазах мирасдаров-собственников широко разрекламированный «труженик земли» — это мифическая фигура, не существующая в действительности, и поэтому нет нужды умиротворять ее земельной реформой. А землевладелец, наоборот, незаменимая личность, без «умственного руководства и помощи которого ничего нельзя сделать».

Соответственно с этим, под «нижней» преградой мы понимаем низкую производительность земли в Индии, что само по себе для экономиста западного образца звучит парадоксально в условиях одной из самых первых аграрных держав мира, богатой своими природными ресурсами, позволяющей ей в некоторых районах собирать урожай два раза в год. И тем не менее, в условиях высокого плодородия земли мы говорим о низкой производительности земли Индии, преграду которой поставила концепция метепсихоза, возникшая в брахманизме, а в джайнизме и буддизме дошедшая до идеи неприкосновенности земли, что и установило нижнюю преграду для развития сельского хозяйства Индии, подорвав его эффективность, и привело к необходимости ввоза продовольствия в страну, который осуществляли англичане и который считается и правительством, и специалистами единственным средст-

вом спасения Индии от голода. Все та же логика дарового труда, причем в масштабах всей страны.

Из идеи низкой производительности земли следует низкая оценка земледельческого труда (также ремесленного, гончарного, кожевенного и т. д.), которая уже содержалась во всех законодательствах Древней Индии, но именно в буддизме получила свою религиозную санкцию — земледельческий труд есть греховный труд. Эта идея была закованна в железные цепи вековой кастовой системы, освященной брахманизмом и оставшейся практически без изменений и в настоящее время, — во всяком случае именно она задает тон и основу хозяйственной жизни современной Индии, а не всевозможные законодательные акты, начиная от англичан и заканчивая собственными национальными реформаторами, сводя все усилия в этом направлении на нет.

Современная индийская деревня состоит из собственников («малики»), трудящихся крестьян («кисаны») и наемных рабочих («маздуры»). А кастовые законы и обычаи не признавали общеобязательный характер труда. Ссылаясь на «авторитет вед», обе высшие касты оказывались уже избавленными от труда физического и перекладывали эти обязанности на третью касту — вайш, которым законы и позволяли заниматься земледелием, скотоводством и т. д.. Убеждение, что низшие касты рождены, чтобы трудиться, а высшие — пользоваться результатами чужого труда, разделяют в значительной степени и первые, и вторые. Реформаторы как раз-таки столкнулись с тем, что во многих провинциях представления о социальном положении запрещают выходцам из высших каст — брахманам, кшатриям — заниматься определенными видами физического труда, в частности вспашкой земли, что считается незазорным только для земледельцев из низших каст или сельскохозяйственных рабочих. А именно представители этих высших каст с незапамятных времен считались земледельцами. Если применение физического труда рассматривать как неперемное условие, то большее число подобного рода людей, которые в настоящее время получают средства к существованию от земли, будут исключены из понятия «земледелец».

Именно эти принципы и стали основным препятствием в деле проведения аграрных реформ, которые были прежде всего направлены именно на уничтожение землевладения. Так заминдари, которые, не прикладывая физического труда, присваивали не ими созданное — доход. Заминадари, в духе предложенных реформ, чтобы сохранить свое положение, должны были доказать только одно: что они являются

земледельцами, физическим трудом принимающими непосредственное участие в производстве.

Пример штата Уттар Прадеш, который привел Торнер, является показательным случаем того, как заминдари выкрутились из достаточно сложной ситуации, сохранив свои позиции: оставшись в кастовом предназначении, в духе преобразовательных реформ приобрели новый статус — земледельцев. Понятно, что самым принципиальным вопросом, вокруг которого шла дискуссия между конгрессистами и заминдари, это был вопрос о «физическом труде как необходимом условии статуса земледельца». Сначала заминдари добились промежуточного результата в свою пользу, подняв вопрос о невозможности определить минимум физического труда в сельском хозяйстве, а затем использовали формулу буддизма, которая и привела их к окончательной победе.

Проповедуя равенство всех в религиозном вопросе — в деле спасения и достижения нирваны, в независимости от кастовой принадлежности («все способны достичь нирваны»), буддизм в социальном вопросе признавал и сохранял кастовые различия, но в отличие от брахманизма, который стоял на жестких позициях относительно того, что ни при каких условиях брахманы и кшатрии не могут заниматься земледелием (а если же это все-таки случилось, то как те, так и другие просто изгонялись из своих каст), буддизм предложил иную формулу в обосновании жизни за чужой счет, а заминдари оказались достаточно сообразительными, чтобы воспользоваться ею. Не изменив своей концепции греховности труда, буддизм разрешил высшим кастам заниматься земледелием, но не применяя физического труда. Это убеждение вполне явствует из следующих текстов законодателя сборника Гаутамы: «земледелие и торговля также законна для браминов, если только он сам не будет выполнять труда, к ним относящегося; или еще дополнительным способом приобретения для брамина есть принятие даров, для воина — завоевание и только для вайш и шудр подобным средством является только добыча (личным) трудом» (цит. по: [3, т. 2, 35]).

Законы штата Уттар Прадеш, принятые конгрессистским правительством, привели к защите прав заминдаров уже в новом их качестве — земледельцев: «лицо, которое постоянно либо периодически использует наемный труд для выполнения всего или части комплекса полевых работ, следует рассматривать как земледельца при условии, что оно финансирует сельскохозяйственное производство или осуществляет надзор за ним и берет на себя связанный с этим риск» (цит. по: [13, 51]). При этом не требуется, чтобы надзор осуществлялся лично,

на месте, чтобы надзиратель проживал в деревне, а имел возможность передавать другим лицам функции планирования, руководства и физического осуществления всего цикла сельскохозяйственных работ. Таким образом, Комитет оставил все на своих местах и даже постоянно подчеркивал, в духе прозападной терминологии, что собственник, не вкладывающий в процесс производства своего труда, подобен предпринимателю западноевропейского образца.

В. Зомбарт, много сделавший для выработки предпринимательской теории Запада, исходил из того, что западноевропейский капитализм есть отклонение от традиционного, естественного, привычного хода вещей, в рамках которого тогда существовала большая часть населения аграрного мира, а Индия, добавили бы мы, прибывает и до сих пор. Зомбарт в своей книге «Буржуа» [15] попытался ответить на вопрос, почему капитализм стал достижением исключительно Запада, почему другие народы не знали капитализма западноевропейского образца. И ответ его известен — потому что остальной мир не знал религии, подобной католицизму. И доказал историческое значение католической церкви в деле становления капиталистического землевладения. Если раньше, в рамках традиционной культуры землевладения, сеньор мог находиться в паломнических походах или при дворе короля и т. д., а вместо него его непосредственные функции как землевладельца могли исполнять вторые и третьи лица, а он только получал денежный доход, то католическая церковь выдвинула принцип «запрета на получение процента» и потребовала участия в производстве первого лица. Этот принцип запрещал, во-первых, систему патроната, а именно осуществление производственной деятельности другими лицами, во-вторых — ростовщическую деятельность, под которой понималась жизнь на проценты, что то же — на доходы, не заработанные собственным трудом. И только та прибыль санкционировалась католической церковью, которая была извлечена первым лицом из производства, сопряженного с риском и напряжением. Таким образом, католическая церковь вернула первое лицо в деревню и изначально поставила западноевропейский капитализм на производственные рельсы, а не коммерческие, разорвав пуповину, связывающую его с традиционным обществом. И в этом заслуга католицизма, много сделавшего для уничтожения земледельческого абсентизма Западной Европы сначала на уровне церковной санкции, а затем и на уровне законодательства — принятия закона о частной собственности на землю.

В духе нашего сравнительного анализа буддизма и католицизма, мы бы и хотели сделать следующий вывод: Индия не знала религии, подобной католицизму, поэтому она и не стала капиталистической страной западноевропейского образца. Индусская религия, в лице двух

основных ее течений — браманизма и буддизма, сохранила земледельческий абсентеизм и остановила английский капитализм.

Запад и Индия — противоположные полюсы мира, и пропасть между ними огромна и, по большому счету, непреодолима. Схема А.Дж. Тойнби «вызов—ответ» [16], предложенная им к решению вопроса о взаимоотношении цивилизаций на примере древнейшей цивилизаций мира — Индии — не работает. На «вызов» Запада в лице английского капитализма Индия в очередной раз не ответила, погрузившись в безмолвие, бездеятельность, созерцательность, что, собственно, и стало причиной самостоятельного ухода с ее территории Англии, потерявшей к ней экономический интерес, так ничего и не сумевшая сделать для искоренения низкой эффективности сельскохозяйственного производства, связанной с низким уровнем производительности труда. Раздел книги Тойнби «Индия и Запад» оказался слабее всех других сопоставлений Тойнби («Запад и Россия», «Запад и Ислам» и т. д.), потому что схема «вызов — ответ» не сработала, а конкретным содержанием — исследованием — эта проблема не была им наполнена. Тойнби лишь ограничился констатацией факта дружбы индийской аристократии с английской в знак благодарности за то, что Англия дала независимость Индии. На самом деле, индийская аристократия испытывала теплые чувства к англичанам еще задолго до их ухода из Индии, потому что именно они укрепили их экономические позиции в современной Индии, которые никакие реформы националистов не смогли даже пошатнуть, и много сделали для процветания (образования в том числе) верхушки индийского общества за счет обнищания народных масс.

Что же из себя представляет современная Индия? Все чаще и чаще мы слышим об «азиатском чуде» — и о перемещении центра мировой цивилизации с Запада на Восток, точно так же как триста лет тому назад произошло обратное противоположное — перемещение центра мировой цивилизации из Китая в Европу. И в этом «азиатском чуде» Индия представляется как одна из самых экономически развивающихся стран мира — «набирающий силу евразийский исполин». Об этом говорят и цифры — ВВП Индии растет на 7% в год, и планируется 10%-ный рост ВВП в течение ближайших 2—3 лет. Этим буйством цифр порождается впечатление, что Индия вскоре может стать второй экономикой в мире.

Но сама общеиндусская философия научила нас не доверять представлениям и впечатлениям, которые, согласно ее метафизике, ведут к заблуждениям или, используя ведийскую терминологию, к дурашраи. Что на самом деле происходит в Индии? За счет чего Индия сделала такой рывок, благодаря которому мы не слышим уже несколько лет о

национальной беде Индии — голоде, терзающем эту страну на протяжении трехсот лет?

На самом деле Индия, после всех аграрных преобразований так и не стала аграрной державой, не пожелала пачкать руки землей. Об этом не умалчивают и цифры. На сегодняшний день сельскохозяйственный сектор Индии дает только 20% (одну пятую часть) от валового национального продукта, хотя там и занято больше половины населения Индии, т. е. больше полумиллиарда человек. Поэтому крайне скромно звучат цифры, говорящие о том, что Индия является мировым экспортером зерна, чая, кофе и специй, ибо только в специях она занимает около 30 % мирового рынка. Религиозный депрессор продолжает свою антиаграрную работу, сдерживая развитие сельского хозяйства страны. Так что с хозяйством в Индии все по-прежнему.

А вот с экономикой все в порядке. Индия включена в мировую экономику как центр оказания услуг и славится как «рай для аутсорсинга», которому пророчат мировое будущее. Она — государство-обслуга, потому что значительную часть ВВП дает сфера услуг. Современные данные говорят о том, что более половины из 500 крупнейших компаний США пользуются услугами индийских фирм в части разработки технологий и программ. А, согласно прогнозам американских экспертов, в течение ближайших шести лет в Индию переместятся 15% рабочих мест в сфере информационных технологий из США. Безусловно, этому способствует и то, что Индия англоязычная страна — наследие английского господства.

Отказавшись от земледелия, Индия сосредоточилась на компьютерных программах. Вот где сработал «буддийский рационализм», превращенный в технологический процесс. Значительная часть населения Индии, не желая копать в земле, села за компьютеры и стала мировым поставщиком компьютерных программ. Здесь нужно совершенно четко понимать, что Индия умеет копировать и безукоризненно выполняет свою работу, но не производить новое. Науки как производительной силы общества здесь нет. Есть концепция знания для знания или для образования, трансляции и повторения созданного не ею. Производство нового знания для Индии закрыто, точно так же, как земледелие. И в этом та же религиозная установка — концепция знания, как повторение пути, пройденного самим Буддой.

Это получило свое отражение в системе образования, выстраиваемой сегодня во всем мире, как это ни парадоксально звучит, побуддийскому образцу, вытесняющей преподавателя из системы образования, как первого лица, и заменяющей его технологическим процессом, точно так же, как в буддизме произошло замещение Будды его учением, приводящим к спасению. И в этом смысле христианская кон-

цепция образования, ставившая на первое место преподавателя-личность, подобную Христу, сдала свои позиции буддийской концепции образования, которая вместе с поставкой компьютерных программ протащила и идею бессубъектной системы образования.

Если Европа в XVII в. перетаскала к себе центр мировой цивилизации, то сделала она это в результате развития науки. А сейчас центр экономического развития перемещается в Индию за счет демографического взрыва — появления массы дешевой рабочей (инженерной) силы. Как показывают современные данные, при сопоставимом качестве работы индийский инженер работает менее чем за 80 дол. в месяц, а американский или австралийский — за 30 дол. в час. Вот, что является основой индийской экономики и ее лидерства, даже по отношению к Китаю.

Основная причина, по которой Индия может стать второй экономикой в мире, вытеснив Китай, это серьезный демографический кризис, который наступит в Китае, из-за реализации в стране политики «одна семья — один ребенок», что приведет к дефициту молодых рабочих рук. По прогнозам Всемирной организации труда, к 2020 г. в Индии будет 116 млн трудоспособных лиц этого возраста, а в Китае только 94 млн²³. Вот что лежит в основе оптимистических заявлений правительства Индии, хотя религиозный депрессор делает свою работу и здесь. Индусские студенты, обучающиеся в России, частенько используют практику, которую мы с вами определили, как систему субвладельческих прав, во взаимоотношении с российскими студентами, когда предлагают им вместо себя за низкую цену выполнить данный им компьютерный заказ. Вместо того, чтобы самим за свой труд получить полную оплату, что свойственно западной практике разовой подработки, они предпочитают иметь меньше, но не работать. Вот он религиозный депрессор, согласно которому трудиться есть не благородное дело, не подобающее уважающему себя человеку. В свое время, как мы показали, такое отношение к труду свело на нет все аграрные преобразования Индии, не разрушив систему субвладельческих прав, освобождающей владельцев прав от физического труда — истинное стремление индуса, в котором отражается его представление о достойной жизни, то же самое мы наблюдаем и в мире технологий.

В XX в. идея М. Вебера о влиянии протестантизма на становление западноевропейского капитализма имела ошеломляющий успех. И первой страной, которая пригласила М. Вебера для чтения курса лекций по данной теме, были США. Это и понятно, США — протестантская страна, где идеи Вебера работают, как нигде в другом месте. Но

²³ Все фактические данные взяты из интернет-источника [17].

второй страной мира, пригласившей М. Вебера, была Япония, которая у многих исследователей вызывала удивление, ибо в Японии есть капитализм, а протестантизма западноевропейского образца нет. Зато в Японии были синтоизм и буддизм, которые и оказали влияние на становление «азиатского капитализма». Идея Вебера о влиянии религиозного фактора на становление капитализма сработала и здесь. В этом смысле можно говорить о буддизме, как об «азиатском протестантизме». На примере Индии мы видим, что именно буддизм оказал влияние на становление «азиатского капитализма», если под «азиатским капитализмом» понимать не производство товаров, а производство компьютерных и технологических услуг. Подобно тому, как Марксово понятие «азиатский способ производства» отражает взаимоотношение между государством и древним кастовым обществом, так и вводимое нами понятие «азиатский капитализм» соответствует современным отношениям между транснациональными корпорациями и экономикой восточных азиатских стран, обслуживающей мировой капитализм.

Но что может получиться в дальнейшем? Индия завязана на американском долларе, который может стать фантомом, призраком для ее экономики. В условиях ее соперничества с Китаем, не имея собственного национального хозяйства, Индия может пойти с протянутой рукой по миру, спасаясь от голода, который своей зловещей тенью так и нависает над этой цивилизацией, презревшей плодородящую природу и достоинство трудящегося человека.

История повторяется. Подобно тому как в XIX в. право пользования в Индии стало продаваться, и в деревне появился значительный слой дельцов-ростовщиков, которые торговыми махинациями окончательно довели индийскую деревню до обнищания, так и сегодня знакомые черты пробиваются в мире больших технологий, только теперь уже Индия ищет рынок дешевых компьютерных услуг, обладая владельческими правами на них, сбрасывая на него свою работу, заботясь об укреплении своего престижа уже на мировом рынке. И очень бы не хотелось видеть Россию, предлагающей дешевые компьютерные услуги, ибо рынок компьютерных услуг уже занят восточными азиатскими странами, стимулируемыми религиозным депрессором. Тот же религиозный депрессор, который в свое время закрыл путь для английского капитализма, теперь открыл для Индии путь азиатского капитализма.

Литература

1. Сакия-Муни (Будда): Его жизнь и философская деятельность: Биограф. очерк (К.М. Карягина). СПб., 1897.
2. Гурий. Буддизм и христианство. М., 1913.

3. *Кожевников В.А.* Буддизм в сравнении с христианством. Т. 1, 2. 1916.
4. *Назаров П.Г.* Происхождение ведийской Артхи, шумерской Аратты, суб-арты и арьяварты (3107—2025). Ч. 13. Челябинск, 1997.
5. *Мюллер М.* Философия Веданты.
6. *Щербацкий Ф.И.* Философское учение буддизма. П., 1919.
7. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
8. *Булгаков С.Н.* Православие и хозяйственная жизнь // Булгаков С.Н. Православие М., 2001.
9. Артхашастра, или Наука политики М.,
10. *Ламанский Е.* Индия. О неурожаях в Индии Современная Индия. Экономический этюд. СПб., 1893.
11. *Рославлев У.* Аграрный кризис в Индии. М., 1932.
12. *Синг Б.* Продовольственная проблема Индии. М., 1951.
13. *Торнер Д.* Аграрный строй Индии (Итоги реформ и оценка перспектив). М., 1959.
14. *Мюллер М.* Шесть систем индийской философии. М., 1995.
15. *Зомбарт В.* Буржуа. М., 1994.
16. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М., 1995.
17. <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/india.htm>.

И.И. РУДЯК

Игры вместо экономики: глобальный детсад и ракоходное ретирование масс

Аннотация. Данная статья представляет собой междисциплинарный анализ игрового паразитического поведения масс, превративших планету в глобальный детсад.

Ключевые слова: глобальный детсад, ракоходное ретирование масс.

Abstract. This communication is between subject analysis of playing parasite behaviour of people mass, who make planet as global kindergarten.

Keywords: global kindergarten, crawfish retirement of people mass.

1. *Глобальный детсад.* Маклюэн считал, что в XX в. техника, СМИ и средства коммуникации сделали Землю «маленькой», превратив ее тем самым в «глобальную деревню». В середине XX в. Маклюэн предсказал «большое слияние»: руки с кнопкой, телевидения с глазами, мозга с компьютером, а цельного человека — с сетью. Сегодня

«большое слияние» Маклюэна породило «глобальный детсад». Таким образом, глобальный детсад получился не как продукт реальной истории, а как возврат-материализация из виртуальной сферы компьютерных игр — в сферу реальной жизни: при этом игровая виртуальная (идеальная) деятельность — сохраняется и в сфере реальной жизни. Массовый человек не подвешен к ветке, как фрукт: ему для поддержания жизни (Дефо, «Робинзон Крузо»; Верн, «Таинственный остров») тоже необходима умственная и социальная деятельность. Но если взрослый массовый человек не учится и не работает, если у него отсутствует внутренняя потребность реализовать свой мыслительный аппарат, то — чем он заполняет внутреннюю пустоту? «Человекообразные обезьяны в буквальном смысле слова могут умереть от скуки, особенно если животное держать в одиночестве в очень тесной клетке» [1, 69]. Сегодня массовый человек начал заниматься деятельностью, сопоставимой с детской игрой (толкиенисты). Детская игра ничего другого (вовне) не производит, кроме личности (изнутри) играющего ребенка. У взрослого же детская игра поддерживает личность (деятельность в беличьем колесе), как спортивные тренажеры поддерживают в тонусе мышцы. Это происходит — вместо экономического производства, семейной жизни, образования, науки, искусства. В терминах Маркса это — надстройка вместо базиса: детские игры — вместо экономического производства.

Играющий во взрослого (врача, продавца, мать куклы) ребенок есть маргинальный взрослый. В фильме «Игрушка» играющий во взрослого (т. е. повторяющий действия собственного отца — издателя газеты) ребенок превращает безработного (т. е. маргинального взрослого человека) в свою игрушку, потому что сама по себе игрушка есть только «оболочка», повторяющая внешнюю форму предмета (игрушка — маргинальный предмет: так старик Хоттабыч наколдовал драгоценный, но неработающий телефон). В конце концов в условном мире игрушек маргинальный журналист стал игрушечным журналистом (якобы нашел работу) в игрушечной же газете... которая неожиданно начала оказывать влияние на настоящую, реальную жизнь. И тогда ребенок сменил реального отца на игрушечного отца, чтобы подражать уже ему — и самому стать игрушкой, которая правит миром. Так игрушечная маргинализация общества превратила мир в глобальный детсад.

2. *От игры актера к игре ребенка: от Шекспира до Вайды.* Шекспир писал, что мир — это театр, а люди в нем — актеры. Сегодня общество играющего актера преобразовалось в общество играющего ребенка. Дидро (задолго до Гротовского) устраивал театральные пред-

ставления,водя людей по залам дворцов (на время превращая реальную жизнь в искусство). Желание интеллектуалов (придворных, Серебряного века, Постмодерна) превратить мир в искусство, где люди могли бы действовать, как актеры, течением реальной жизни преобразовалось в превращение мира в детсад, где люди могут действовать, словно дети. В фильме «Все на продажу» герой-актер переходит от профессиональной актерской игры — к игре в реальной жизни (Гротовский) — и постепенно к детской игре (в качестве подарка он жене покупает игрушечного плюшевого мишку, хотя жена ему и напоминает о его сорокалетнем возрасте). В фильме детские игры показаны как специфическое продолжение участия героя в войне (и там присутствовали игровые моменты). К тому же игра в ребенка исключает наличие так называемого кризиса среднего возраста (постареть герою не было суждено).

У некоторых видов животных распространен детский паразитизм: явление, когда взрослая особь, чтобы получить пищу или избежать «порки», демонстрирует детское поведение. Сегодня массовый человек, выполняя заветы Мопертюи, экономит собственную энергию (Обломов), делая при этом общество энтропийным: подобно животным, такие люди делают это в форме детского паразитизма. Если раньше тяжелый гнет обстоятельств заставлял людей работать и выполнять другие социальные обязанности, то сегодня, когда интеллектуалы науки придумали способы облегчения жизни, а либеральная демократия оторвала права человека от их обязанностей, люди, получили желательную возможность избегать труда и социальных обязанностей, впад тем самым в детскую безответственность. Так развился массовый запоздалый инфантилизм (детский паразитизм): массы превратились в «детей» интеллектуалов. В общем, как писал поэт Николай Майоров: «Где старики впадают в детство, А дети метят в стариков». В фильме «Взрослые дети» родители пытаются отучить собственных инфантильных (уже женатых!) детей от роли ребенка (потому что они стали опасны — даже для собственного ребенка). Сегодня вместо производительного труда (под ложным предлогом превращения жизни в искусство) возникла детская паразитическая игра (экономический симулякр).

3. *Свобода и слияние материального с идеальным.* В одном из своих стихов Мандельштам задается вопросом: «Дано мне тело: что мне делать с ним?». Если детская игра может заменить материальное производство (словно Шариков вернулся в первобытное состояние), то стирается граница между телесным, материальным и образным, идеальным. В статье «Существует ли сознание?» Уильям Джеймс писал,

что вещи и смыслы сделаны из одного и того же материала. Эта мысль была близка Бахтину. «Но был философ, который позволил развиваться и квантовой механике, и теории относительности, — Эрнст Мах, который сказал, что не тела вызывают ощущения, а комплексы ощущений вызывают тела, которые, в свою очередь, есть лишь логические символы этих комплексов, соответственно то, что мы называем материей, есть только известная закономерная связь ощущений» [2, 1]. Исчезновение границы между материальным и идеальным порождает невиданную свободу: свободу от законов материального мира (поэтому сегодня люди свободно меняют пол). А функционирование в мире, свободном от материальных законов и есть игра детей, которая похожа на волшебство. Создав «империю зла» гламура, современная экономика засеяла рекламой огромное поле потребительских желаний. Стремление к волшебству в исполнении недостижимых желаний побуждает взрослого умственно стать ребенком, чтобы хоть поиграть в желанное потребление. Такие взрослые дети (в рамках игры) практикуют в реальности — вседозволенность, превращаясь в обезьяну с гранатой. Поэтому теми, кто не способен контролировать себя изнутри (как того хотели анархисты), необходимо управлять (путем законов) снаружи.

4. *Экономическая шизофрения и игровая природа шизофрении.* Существует специфическая болезнь, при которой взрослые солидные люди приходят в специальное помещение, чтобы за деньги играть в младенцев. Превращению Земли в глобальный детсад способствовала рыночная экономика, которая отказалась от дарвиновской конкуренции между более и менее качественными товарами, а пошла по пути дизайнерской конкуренции между товарными упаковками как маргинальными оболочками продукта как такового (рама вместо картины). Жан Бодрийяр («Символический обмен и смерть») пишет о симулякрах. В фильме «Сережа» дядя (видно, он вспомнил детство и решил с ребенком поиграть в магазин) дает ребенку вместо конфеты — фантик (оболочка конфеты как симулякр), свернутый, как конфета: такова модель современной рыночной экономики (торговля симулякрами: дизайнерскими фантиками — маргинальными оболочками, модными торговыми марками). Если до конца 1950-х гг. господствовала «производственно-ориентированная стратегия», то в начале 1960-х гг. Т. Левитт и другие выступили с лозунгом «ориентации на маркетинг». Уже в 1980 — 1990-е гг. в ходу был общий лозунг: «удовлетворять потребителей»: и восторжествовала методология японского инженера Тагучи, который сильно преувеличивал роль дизайна в рамках товара. Акцентированный дизайн отвлек внимание производителей и потребителей от качества самого продукта (что способствовало повышению

доли искусственных добавок в продукте). Однако люди не жаловались — ведь они теперь артистически потребляли: превратили все-таки жизнь в искусство! Недалеко и до виртуального потребления фантика вместо конфеты (итальянская сказка «Жена, которая сыта ветром»): так, играя, ребенок вместо хлеба в игре «потребляет» камни, а шизофреник себя считает Наполеоном (игровая природа шизофрении).

Игровая симуляция потребностей перестраивает пирамиду Маслоу в детскую пирамидку. Рекламным симуляком является надбавка к цене товара известных торговых марок (здесь сама торговая марка имеет цену, подобно модному рисунку на фантике): и это — цена условности. Таким же симуляком является и рекламное заявление: оно ведь не содержит достоверную информацию! В глобальном детсаду всюду идет игра в магазин! Так плата за условность (игру), плата за идеальное (за престиж) теми же деньгами, что и за материальное, делает достоверными идеи Джеймса и Маха о единой природе материального и идеального (хотя бы в процессе оплаты). Торжество системы Станиславского в реальной жизни («вера в предлагаемые обстоятельства») доводит дело до экономической шизофрении (появляются шопоголики и геймеры-психопаты). «Искусственные потребности» (Чаадаев) и вседозволенность (а самым свободным человеком является шизофреник) вызывают опасный побочный эффект чрезмерного расширения товарных линий (если мир не материален, а виртуален, то почему бы не сделать?), что ведет к резкому росту накладных расходов, вызванному увеличением издержек сложности. Одним словом, дизайнерский пузырь вздулся... И вдруг — кто бы мог подумать? — лопнул! И вот вам — мировой экономический кризис. Врача вызывали?

5. *Карнавал как продукт игры: порнография подсматривания вместо материального производства.* Эйзенштейн писал о том, что Фрейда нельзя понимать прямо. Фрейд считал, что сексуальность присуща уже ребенку. Но роль детской сексуальности может быть только уравнивающей. Детский интерес к сексуальности — это выражение тяги ребенка, которому надоела идеальная природа игры, к телесности. Маленький ребенок еще не обладает большой способностью к абстрагированию образов, у него пока преобладает ручное мышление: поэтому он не играет образами (беспредметные этюды студентов актерского факультета), а «назначает» камешек — хлебом. В отличие от Джеймса с его слиянием, ребенку тяжела чрезмерная идеальность: а что же может быть телеснее «низа»? Исторически из идеальной игры ребенка, порождающей сексуальность, формируется карнавал. «Итак, в карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жиз-

ню... нельзя вывести и объяснить из практических условий и целей труда... никакая “игра в труд” и никакой отдых... сами по себе не могут стать праздничными... к ним должно присоединиться что-то... из мира идеалов» [3, 13—14].

Изучая эйзенштейновские «озорные рисунки», которые шокируют обывателей, Вяч. Вс. Иванов выявляет их философский смысл. Действительно, «озорные рисунки» Эйзенштейна есть изобразительный карнавал (фильмы «Да здравствует Мексика!» и «Иван Грозный») — как нарушение табу изображать на рисунке «низ». «Низ» для Эйзенштейна (как для ребенка) есть материальное как обратное идеальному (игре, но не детской, а в рамках фильма). Ребенок «сбегает» к материальности секса — от надоевшей ему игровой идеальности. Однако глобальный детсад пустился в разгул карнавального неприличия в обратном смысле: здесь виртуальная порнография (телевидение и Интернет) есть уход в идеальное (идеализация) материальных супружеских отношений (телесности) — и в этот идеальный карнавал порнографии (аналог детского подсматривания) вкладываются деньги: вместо их вложения в материальное производство (карнавал экономики). Да и само условное превращение взрослых в детей представляет собой карнавал в понимании Бахтина и Вяч. Иванова.

б. Авангард как проявление карнавальности. В «Трех сестрах», создавая образ Наташи, Чехов предвидел наступление Авангарда. Когда-то в рамках Авангарда происходило выдвижение второстепенного фрагмента на первый план («кто был ничем — тот станет всем»: так в рамках карнавала раб рядился царем). На картинах Шагала козел женился на девушке (в рамках карнавала люди выворачивали шубы мехом наружу — и представляли животных: отсюда и «трагедия» — как «козлиная песнь»). Сегодня карнавальное телевидение есть детская игровая площадка (похожая на произведение Авангарда), где школьник может задать вопрос ректору университета о «низе», где чемпион мира выступает в паре с простым физкультурником, а приз за лучший дизайн получает «новое платье короля», где безголосые — поют, а Крошка Цахес получает награды за красоту. Фактом (как у Маха) большой ребенок считает то, что предварительно велит ему телевизионная «мама». «Средний человек, который идет в музей и смотрит картины... Рембрандта... он считает ее прекрасной, так как знает, что это от него ожидают. Тот же феномен очевиден... при рассмотрении самого акта восприятия» [4, 178]. Силой карнавала телевизионный эфир стал виртуальным, как компьютерная игра. «Это основа игры — создание мнимых ситуаций. Это новая степень абстракции, произвольности и свободы» [5, 224]. Такова природа и детской игры. «В тот момент, когда палочка... становится опорной точкой для отрыва зна-

чения “лошадь” от реальной лошади... он заставляет одну вещь как бы воздействовать на другую в смысловом поле... ребенок принимает слово за свойство вещи, не видит слова (теория стекла), а видит за ним обозначаемую им вещь... он мысленно видит вещь за словом» [5, 232] Отсюда и Крошка Цахес.

7. *Игра в войну, переходящая в карнавал.* 6 августа 1945 г. Томас Ферреби одним нажатием кнопки над Хиросимой убил 140 000 человек. Сегодня, с изобретением беспилотников (несерьезная авиация, которой управляют любители игрушечных авиационных моделей), реальная война психологически превратилась в настоящую компьютерную игру. «Это оборотная сторона “детскости” военных, точнее, “детскости” ситуации военного действия, точно подмеченная Акутагавой в “Словах пигмея”: “Военные недалеко ушли от детей... Лишь в начальной школе можно увидеть, как уважают механические упражнения, как ценится животная храбрость. Еще больше военные напоминают детей, когда, не задумываясь, устраивают резню... то, чем гордятся военные, всегда похоже на детские забавы. Взрослого человека не могут прельстить блестящие доспехи и сверкающие шлемы”... Мышление войны иное, чем мышление нормальной жизни. Можно назвать его детским, примитивным, неклассическим... Надо понять, что это другое мышление» [6, 52—53]. В компьютерной игре есть люди-убийцы («вера в предлагаемые обстоятельства»), но нет убитых людей. А в войне беспилотников — откуда ни возьмись! — убийц настоящих нет (есть играющие дети), а трупы (вполне материальные) есть. Здесь произошел карнавал материальности-идеальности (как у сбежавшего от игры к подглядыванию ребенка): идеальная игра в самолетики породила вдруг материальные трупы. Играющий ребенок превратился в робота-убийцу. «...человек перестает быть самим собой... и полностью становится таким, как другие, и какими они его ожидают увидеть... Этот механизм можно сравнить с защитной окраской, характерной для некоторых животных... Человек, который уничтожил свое индивидуальное “Я” и стал автоматом, идентичен с миллионами других автоматов... это потеря самого себя» [4, 172—173]. Если в рамках эволюции человека уровень интеллекта вида зависит от количества шагов в его логической цепочке действий по направлению к цели, то в данном случае этический уровень человека определяется количеством шагов в его этическом дискурсе: от нажатия на кнопку — до опосредованного убийства через промежуточный ряд машин.

В фильме «Усатый нянь» взрослый парень ведет себя, как ребенок. В конце концов он становится опасным для общества, но его — не в милицию отправляют, а на работу в детском саду. Там, в своей стихии, он становится с детьми на одну доску — и начинает приносить пользу,

что его прекрасно готовит для службы в армии. Спортивные игры представляют собой слияние детской игры со взрослой войной. Слово играя в войну (истории известен случай настоящей войны между двумя латиноамериканскими странами из-за игры в футбол), спортивные болельщики часто убивают болельщиков противоположной команды (игра перешла в войну). При этом в спорте глобальный детсад проявляется как огромные гонорары спортсменов (в то время как ученые, врачи и учителя прозябают в бедности). Сегодня отношение к спорту карнавально переменялось. Если в Древней Греции спортивные состязания в каком-то смысле заменяли войну (на время Олимпийских игр даже останавливали войны), то сегодня спорт — это игрушечная война.

8. *Пафос колбасы: слияние дизайна с товаром.* Последнее время опасно участились массовые отравления населения пищевыми продуктами. Травятся все: от детей-инвалидов — и до петербургских политиков. Причиной этого является слияние дизайна с товаром. Известно: маргинальные художники с психическими проблемами иногда съедают свои же произведения. Сегодня все поставлены в ситуацию не совсем здоровых художников. Сравним два варианта развития экологической экономики: «дизайн вместо колбасы» и «пушки вместо масла». Хотя делать пушки вместо масла и плохо, но пушки, тем не менее, не едят. А вот дизайн — в буквальном смысле слова — едят, потому что колбасу — красят. Чтобы колбаса имела «товарный вид». Чтобы нехороший дядя над мальчиком Сережей не подшутил. И йогурты красят... свеклой, как уверяет реклама. Слияние дизайна с продуктом похоже на изобразительные шалости Эйзенштейна, только наоборот: вместо пресловутого «низа» с его мясной материальностью, в который «опускал» зрителей Эйзенштейн — здесь присутствует карнавальное превращение мяса в «розу» с ее возвышенной идеальностью: как «возвышение» в пафос. Фигурально говоря, фантик нарисован непосредственно на конфете, а роза — на колбасе. Слияние дизайна с продуктом есть единство идеального и материального (Джеймс).

В фильме «Доживем до понедельника» директор школы путает материальное с идеальным: «Принципами не пообедаешь, не поправишь здоровья, не согреешься». А вот учитель истории взглядов Джеймса не разделяет: «А принципы — не шашлык, не витамин В-12, не грелка. Некоторые чудаки ради них жертвовали обедом. А бывает плата и подороже. В сорок первом году под Вязьмой мы с тобой это хорошо понимали». Сегодня победила линия директора школы: в глобальном детсаду живые яблоки настолько пропахли химией, что почти превратились в пластмассовые игрушки. «В скрытой зеркальной подпорке был закреплен идеальный телесный канон того времени, и каждый

мальчик, если он “благородно воспитан”, должен был втискиваться в этот жесткий контур лордовской позы... Подпорка — типичная “обманка”» [7, 72—117]. Потребление симулякров — это игровое виртуальное потребление. Как поется в песне из фильма «Мужской разговор»: «Даже если будет сердце из нейлона, Мы научим беспокоиться его». Установка на симулякры учит человека не замечать, что именно он достает из вакуумной упаковки, какую химию вдыхает и выпивает. Зато реклама, как афиша, зовет к игре — покушать крашенную художниками бутафорскую колбасу: жизнь как искусство!

9. Обратный отчет: ракоходное ретирование масс. Ортега-и-Гассет писал, что интеллектуальная элита отделилась от масс. При этом предполагалось, что сами массы остались на прежнем месте: они работают на автомобильных заводах, игрушечные яблоки не едят, вместо виртуальной порнографии имеют жен и детей... Однако жизнь показала, что это совсем не так. По принципу реактивного движения отрыв интеллектуальной элиты произвел значительную отдачу — и массы по инерции оказались отброшенными назад. Главный голливудский теоретик сценарного мастерства по имени Слип пишет, что фильм «Титаник» создан был в расчете на интеллектуальный уровень шестилетнего ребенка. Биологи считают, что воспитанная людьми горилла Коко тоже достигла интеллектуального уровня шестилетнего ребенка. Виртуальная эволюция движется и вперед, и назад, вызывая как появление человека-волшебника, так и ракоходное ретирование масс. В фильме «Собачье сердце» гениальное открытие интеллектуала Преображенского, словно реактивной отдачей, отбросило (в лице Шарикова) массового человека назад. «Создавая искусственный порядок в какой-то области замкнутого пространства, мы в окружающих его областях преимущественно генерируем хаос» [8, 54]. Виртуальная революция осуществляется не только как линейное возвышение человечества, но и как кубистический разруб человечества на две неравные части. В фильме «Сказка о потерянном времени» силою волшебства пожилые люди находятся в положении школьников — и, как дети, играют. А в это время интеллектуалы изучают геронтологию, чтобы стать и вечно оставаться физически молодыми. Исторически скоро все экономическое производство станет интеллектуальным — а что тогда будут делать массы, не склонные к интеллектуальной деятельности? Играть.

Литература

1. *Лоренц К.* Кольцо царя Соломона. М., 1980.

2. *Маслов В.П.* Математика + физика = философия // Российская философская газета. 2009. № 11 (37).
3. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
4. *Фромм Э.* Автоматический конформизм // История зарубежной психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждана. М., 1986.
5. *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М., 2004.
6. *Тарасенко В.В.* Фрактальная семиотика. М., 2009.
7. *Подорога В.А.* Второй экран С.М. Эйзенштейна и кинематограф насилия // Московский психотерапевтический журнал. 2000. № 3.
8. *Доброчеев О.В.* Русский хаос — тот же немецкий порядок, но только для очень большой страны // Философия хозяйства. 2010. № 6.

М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ

«Хрематистика» российской бюрократии

Здесь замурован тот в глубокой нише,
Кто жил на ренту, а чуть-чуть пониже
Тот, кто от этой ренты в свой черед
Весьма изрядный получал доход.

*Французская классическая
эпиграмма*

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды различных систем знаний на экономику — «экономия» и «хрематистику». Автор анализирует направления развития российской бюрократии — либо путь к сокращению хрематистики в ее поведении, либо эта стезя должна быть проложена в обратном направлении — от хрематистики к экономии.

Ключевые слова: бюрократия, хрематистика, экономия.

Abstract. In the article viewpoints of various systems of knowledge towards economy — «economy» and «chrematistics» are considered. The author analyzes directions of development of the Russian bureaucracy — either a way to reduction of chrematistics in its behavior, or this path should be laid in the opposite direction — from chrematistics to economy.

Keywords: bureaucracy, chrematistics, economy.

За одним и тем же термином могут скрываться по своей сути совершенно противоположные системы знаний. В итоге они приводят к взаимоисключающим друг друга выводам и рекомендациям. Не явля-

ется исключением в этом смысле и термин «экономика»²⁴. Одна система ее знаний ориентирована на общественно полезные решения, на удовлетворение потребностей большинства населения. Другая же система знаний индифферентна к интересам большинства. В ее задачи входит разработка методов персонального обогащения за счет «паразитического» поведения с обоснованием на основе юридической базы. Различие этих систем знаний, а следовательно, исходя из определения экономики, и типов хозяйственной деятельности (производства, распределения и обмена продуктов и услуг) сформулировал уже Аристотель (384—322 гг. до н. э.). Один тип — *экономия* — хозяйственная деятельность, связанная с производством продукции и услуг, с созданием. Это — производство и торговля в целях удовлетворения потребностей. Другой тип — *хрематистика*²⁵ (современное звучание — рыночная экономика) — хозяйственная деятельность, целью которой является прибыль, накопление богатства.

Происходящие в России по настоящее время социально-экономические реформы представляют собой смену типов хозяйственной деятельности, буквально совпадающих по содержанию с обозначенными выше. Постепенно социально-экономические отношения в России перешли от экономии к хрематистике. И наша доморощенная бюрократия в этом смысле не является исключением. Ее хрематистика проявляется в чрезмерном рентоориентированном поведении.

С позиций использования принципа методологического индивидуализма, непосредственно связанного с понятием рациональности агента, отдельный чиновник (бюрократ) может характеризоваться как индивид, поведение которого в системе социально-экономических отношений ориентировано на максимизацию индивидуальной (персонализированной) полезности, получаемой от присвоения благ и услуг [1, 4—9]. За счет исполнения должностных обязанностей бюрократ удовлетворяет в первую очередь свои материальные потребности. Возможность истолкования и применения норм законодательства в интересах того или иного субъекта предоставляет в распоряжение бюрократа некий ресурс, который отличается по своей сущности от остальных ресурсов, однако результатом его использования является присвоение ренты²⁶ — бюрократической ренты.

²⁴ Экономика — введенный в научный оборот Ксенофонтом (430—354 гг. до н. э.) термин, означающий в буквальном смысле правила управления домашним хозяйством.

²⁵ Хрематистика — искусство наживать богатство и делать деньги.

²⁶ Рентой называется доля дохода сверх минимальной суммы, которая необходима для того, чтобы работник согласился выполнять определенную работу.

Бюрократическая рента возникает и присваивается представителями чиновничества, рассматривающими функции государственной власти и управления, как свои частные и персонифицировано доходные. Эта рента²⁷ может возникать и в других сферах — в образовании, здравоохранении, в правоохранительных органах, в вооруженных силах и др., если работник такой сферы извлекает дополнительный доход на основе своего должностного положения. Свои должностные функции бюрократ выполняет за определенное вознаграждение — заработную плату. Но некоторые свои функции он может выполнять, а может и не выполнять. Как правило, рента возникает вследствие дефицита — естественного или искусственного. Это отражает неопределенность институциональной среды. И, как следствие, за свои услуги бюрократ требует дополнительную плату — ренту. Первоначально рента является аномалией, так как остальные чиновники не требуют дополнительного вознаграждения. Если же такая аномалия не встречает сопротивления со стороны системы норм, то она возрастает и превращается в норму, оттесняя бывшую норму на позиции аномалии. Таким образом, бюрократическая рента становится нормальным явлением в социально-экономической системе общества. Не случайно теневые отношения, коррупция, взяточничество стали за последние годы практически повсеместными явлениями. Все это позволяет говорить о том, что теневые отношения приобрели системные качества, а получение теневых доходов превратилось из аномалии в норму.

Представители российской бюрократии в ходе рыночных преобразований фактически приватизировали свои рабочие места и стали выполнять должностные обязанности (или не выполнять их) — насколько это отвечает их частным персонифицированным экономическим интересам. Этот процесс протекает следующим образом. Хозяйствующий субъект обращается в государственный орган власти за защитой своих экономических интересов. Но ее он не получает, вследствие приватизации чиновником своего рабочего места. Тогда хозяйствующий субъект нанимает в частном порядке сотрудников этого же государственного органа власти и напрямую выплачивает им вознаграждение как работникам своей фирмы, чтобы получить желаемое.

Так, работник, который ранжирует определенные виды работ только с точки зрения заработной платы и которому предложена работа со ставкой заработной платы «w», получает ренту в размере «w-w^{*}», если «w^{*}» — максимальная заработная плата, которую он может получить при работе в любом другом месте.

²⁷ В данном контексте корректнее говорить о так называемой статусной ренте.

Население и хозяйствующие субъекты вступают с представителями бюрократического аппарата в неформальные отношения как с частными лицами. А с органами государственной власти стремятся иметь дело не как с формальной организацией, призванной выполнять властные функции, а как с множеством частных лиц, каждое из которых обладает определенной властью и может оказать частные услуги. Иначе говоря, произошла приватизация функций государства отдельными группами чиновников. В итоге население и хозяйствующие субъекты попали в зависимость от бюрократии. Одновременно приумножается неопределенность функций, прав, возможностей, потенциалов и ответственности (безответственности) бюрократов разного ранга — неопределенность институциональной среды.

Благодаря существованию взятки рентоориентированные чиновники ведут активные поиски в сфере барьеростроения вплоть до требований введения государственной монополии на наиболее коррупционных товарных рынках (в частности, на рынке алкогольной продукции). Подобные институциональные инновации объективно способствуют расширению административных барьеров. Безусловно, в такой ситуации при входе на рынок неизбежно возникают определенные экономические отношения между хозяйствующими субъектами и чиновниками, заключающиеся в даче взяток. Если хозяйствующий субъект не вступает в эти отношения, он не сможет осуществлять хозяйственную деятельность на данном регулируемом рынке.

Такие условия взаимодействия субъектов бюрократического рынка целесообразно объяснить, основываясь на теории стратегического поведения и теории игр, в частности «равновесия Нэша²⁸». Тем более что в последние два-три десятилетия теория игр стала использоваться как эффективный инструмент анализа взаимодействия небольшого числа субъектов, называемых участниками игры или просто игроками. В роли последних могут выступать предприятия (в теории организации промышленности), наниматели и работники (в экономике труда), отдельные страны (в мировой экономике), а также субъекты бюрократического рынка — хозяйствующие субъекты и бюрократы (в теории общественного выбора).

В теории игр равновесием Нэша называется тип решений игры двух и более игроков, в котором ни один участник не может увеличить

²⁸ Джон Форбс Нэш (род. в 1928 г.) — американский математик, работающий в области теории игр и дифференциальной геометрии. Лауреат Нобелевской премии по экономике 1994 г. «За анализ равновесия в теории некооперативных игр» (вместе с Райнхардом Зелтенем и Джоном Харсани).

выигрыш²⁹, изменив свое решение в одностороннем порядке, когда другие участники не меняют решения. Иначе говоря, равновесие Нэша — это профиль стратегий, при котором стратегия каждого игрока является ответом на действия других не худшей из доступных ему стратегий.

Тип игры, известный под названием «Конфликт полов», действительно можно представить в виде матрицы выигрышей игры «Конфликт субъектов бюрократического рынка», в частности хозяйствующего субъекта и бюрократа (табл. 1).

Таблица 1

Матрица выигрышей игры «Конфликт субъектов бюрократического рынка»

Хозяйствующий субъект	Бюрократ	
	Взятка «+»	Взятка «-»
Взятка «-»	«-» / «+» давать / брать 1 / 2	«-» / «-» давать / не брать 0,5 / 0,5
Взятка «+»	«+» / «+» не давать / брать 0 / 0	«+» / «-» не давать / не брать 2 / 1

Источник: составлено автором.

Таким образом, анализируя представленную матрицу, равновесное по Нэшу решение достигается при реализации стратегии «давать/брать взятку», и ни у бюрократа, ни у хозяйствующего субъекта не существует весомых стимулов менять ее в одностороннем порядке. Следовательно, бюрократ будет стремиться к сохранению своей экономической власти, дающей право на получение взятки (извлечение ренты), осознавая, что наилучший и продуктивный вариант адаптации хозяйствующих субъектов — это дача взятки.

Выделяя такую форму извлечения бюрократической ренты, как *взятка*³⁰, нельзя не отметить роста издержек общества, связанных с затратами ресурсов и искажений решений в результате отношений между агентами, возникающими на бюрократическом рынке. Эти издержки получили название издержек влияния.

²⁹ Можно поставить под сомнение точность формулировки «не может увеличить выигрыш», поскольку в случае изначально плохого решения — если таковое существует — игрок может улучшить ситуацию до «нулевого варианта».

³⁰ Взятка, полученная за противозаконные действия, а не за выполненные должностные обязанности, рентой не является, а должна рассматриваться как криминальный доход.

По мнению некоторых аналитиков, издержки влияния составляют одну из самых больших статей издержек любого из правительств [2]. Когда принимается большое число решений, каждое из которых оказывает значительное влияние на законы перераспределения, многие из наиболее способных и талантливых членов общества считают чрезвычайно эффективным занятием попытки повлиять на эти решения исходя из собственных эгоистических экономических интересов или из интересов своих клиентов. Это часто приводит к неэффективности принятия государственных решений. Частные лица и организации расходуют ресурсы с одной лишь целью — оказать влияние на распределительные аспекты подобных решений. Причем расходы правительства — это лишь верхушка айсберга. Затраты ресурсов другими сторонами в целях оказания влияния на законодателей и разработчиков нормативных документов, инспекторов, аудиторов, судей и присяжных, агентов по закупкам, чиновников налоговых органов и других государственных служащих могут значительно превосходить затраты самого правительства на выработку и на практическое осуществление решений, на процесс принятия которых было оказано влияние.

Анализируя данную ситуацию, необходимо принимать в расчет тот факт, что конкретные представители государственной власти — бюрократия в лице чиновников всех уровней — принимают хозяйственные решения (в частности, заключают контракты с негосударственными фирмами), распоряжаясь при этом не собственными, а чужими (государственными) ресурсами. При этом эффективность использования последних лишь косвенно сказывается на уровне индивидуальных доходов чиновников. Тем самым, в такого рода ситуациях объективно имеются стимулы для возникновения так называемого рентоориентированного поведения — стремления получить персонифицированную выгоду от принятия хозяйственных решений в пользу их конкретного исполнителя.

Следовательно, рентоориентированное поведение заключается в перемещении богатства в форме ренты, условием существования которой является монопольное положение тех или иных субъектов экономических отношений. Более точно, по мнению Р. Эжелунда и Р. Толлисона, — в «деятельности по монополизации, связанной с попытками получить от государства защиту против конкуренции и тем самым обеспечить себе монопольную ренту» [3, 6].

Бюрократическая рента, возникающая в результате монополизации выполнения определенных должностных функций, далеко не всегда имеет денежное измерение, денежную форму. Во многих случаях она выражается в предоставлении льгот, преференций при совершении сделок или при распределении общественных благ. В подобных случа-

ях действует правило «услуга за услугу». Размеры неденежной формы бюрократической ренты зависят, во-первых, от степени вовлеченности индивида в рентоориентированные отношения, и, во-вторых, от официального статуса и связанной с ним возможностью влияния. При достаточно высокой степени этой возможности — даже при отсутствии со стороны бюрократа сигналов о его готовности оказать услугу — индивиды, в ней заинтересованные, будут стремиться предоставить эти преференции заранее, авансом³¹.

Таким образом, сам по себе должностной статус уже является источником бюрократической ренты, даже в виде так называемых «неплохих отношений» со стороны потенциальных потребителей бюрократической ренты к заказчикам бюрократической услуги. А все привилегии и преференции были и продолжают оставаться легитимными формами бюрократической ренты, выступая непосредственным следствием должностного положения (статуса) индивида, придавая этому статусу дополнительную ценность. Именно за счет исполнения должностных обязанностей чиновник удовлетворяет не только свои материальные потребности, но и получает удовлетворение от самой власти над людьми и своего социального положения. Соответственно, и доход он может получать либо в денежном выражении, либо в виде всевозможных преференций, либо в виде участия в произвольном предприятии, включения в Совет директоров.

Неденежная форма изыскания бюрократической ренты также может выражаться в так называемом «эффекте вращающихся дверей», широко используемом представителями российского чиновничества. Сущность концепции «вращающихся дверей» сводится к тому, что накопленные на государственной службе опыт и связи в дальнейшем используются в бизнесе, что не исключает последующий переход вновь на государственную службу с повторением цикла, но, по всей вероятности, уже на более высоком уровне.

В сложных социально-экономических условиях специалисты всех отраслей знания должны понимать существо каждой из систем подходов, обозначенных в начале данной статьи, к принимаемым решениям, ибо только в этом случае они будут владеть работоспособной методологией и алгоритмами различения того, на какую конкретно концепцию они работают. Либо путь к сокращению «хрематистики» в пове-

³¹ В качестве ренты могут выступать различные услуги, позволяющие экономить издержки, например такие, как предоставленная возможность получать бесплатное образование в обход конкурса, доступ к информации, позволяющей опередить возможных конкурентов, если такие существуют и т. п.

дении бюрократии пролегает через ограничение пространства, в котором оно проявляется — это точность закона и однозначность нормы. Либо эта стезя должна быть направлена в обратном направлении — от «хрематистики» к «экономии».

Литература

1. *Скаржинский М.И.* Институциональная среда и гражданское общество // Проблемы новой политэкономии. 2001. № 3.
2. *Милгром П., Робертс Дж.* Экономика, организация и менеджмент. СПб., 1999.
3. *Ekeland R.B., Tollison R.P.* Mercantilism as a Rent-Seeking Society: Economic Regulation in Historical Perspective. College Station, Tex., 1981 // http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs /2003/01/10 /0000038692 /greif_c.pdf.

В.Я. ИОХИН

Испытание глобализмом

Аннотация. Системный кризис капитализма выявил химерический характер навязываемой западной модели глобализации, необходимость перехода на новую парадигму социально-экономического развития. В XXI в. Россия становится центром геополитических сдвигов в мире, что требует от нее адекватной внутренней и внешней политики по сохранению государственности и сбережению народа.

Ключевые слова: глобализм, системный кризис, финансово-спекулятивный капитал, коммунизм, фашизм, колониальное иго, Запад, модель глобализации, регионализация, кризис международно-валютной системы, Россия.

Abstract. System crisis of capitalism has revealed chimerical character of imposed western model of globalization and necessity of transition to a new paradigm of social and economic development. In the 21st century Russia's becoming the centre of world geopolitical displacements and it requires an adequate internal and foreign policy of preservation of statehood and people.

Keywords: globalism, system crisis, the financially-speculative capital, communism, fascism, a colonial yoke, the West, globalization model, regionalization, crisis of international currency system, Russia.

В последние 20 лет началась настоящая атака на все мировое сообщество по навязыванию идеи глобализации, обеспечивающая последнюю техническими, экономическими, социальными, политическими, геополитическими и заканчивая милитаристскими подпорками. Для тех, для кого критерием истины выступает практика, в настоящее время, после разразившегося так называемого финансово-экономического кризиса, стал очевидным *химерический характер глобализационного проекта*. Мало того, стало очевидным, что наступил системный кризис капитализма, о котором, надо заметить, заговорили даже люди либерального толка. Однако нам мало дела до них, ибо остается туманным само содержание, которое они вкладывают в него. Поговорим о том, что стало очевидным.

А очевидным стал факт кризиса самого ядра современной капиталистической системы, которое инициировало идею глобализации и ее реализацию путем осуществления целого ряда практических шагов финансового, экономического, политического, дипломатического и военного характера с целью ускорения реализации данного проекта. Как известно, командные высоты в этом ядре занимает финансовый капитал, прежде всего в его фиктивно-спекулятивной форме, который пытался использовать достижения прежде всего в области развития средств связи и коммуникаций в качестве средства для формирования единого виртуально-финансового пространства путем взламывания национальных границ и суверенитетов, выдаваемых за архаику, с целью проникновения во все уголки мирового пространства в интересах осуществления свободных спекулятивных операций и сделок, а так-же подчинения периферии интересам центра.

Но разразился кризис, который поставил целый ряд острых вопросов как перед мировым сообществом, так и перед самой системой капитала. Во-первых, в самом центре пришло некоторое осознание опасности той власти, которой стал обладать виртуально-фиктивный капитал, ставший основной причиной разразившегося мирового кризиса. Кроме того, не только на уровне науки, но и в реальной хозяйственной жизни все и везде почувствовали на собственной «шкуре» паразитизм финансового капитала, на фоне которого паразитизм капитала в эпоху начального империализма, описанного В.И. Лениным, оказался всего лишь бледной тенью. Все вдруг заговорили о бонусах, о несоответствии сформировавшегося финансового капитала требованиям реальной экономики, включая физический капитал, о необходимости его обуздания силой государственной власти. Но в то же время все явственно увидели, что подавляющая часть финансовой помощи со стороны этой власти во всех так называемых развитых рыночных экономиках в условиях кризиса была оказана именно тому, кто стал основным его ви-

новником, — финансово-спекулятивному капиталу. И всем стало понятно, где «собака», а где «хвост».

В дополнение к вышесказанному оказались расстроеными мировые финансовая и валютная системы, резко возросло недоверие к банковской системе и ТНК, которые, несомненно, вынуждены будут сменить свое наступление на страны периферии на оборону от наступления последних. Выход из кризиса и послекризисное развитие, несомненно, будут сопровождаться обострением противоречий между Севером и Югом, между Западом и Востоком, что окончательно похоронит идею установления «нового мирового порядка», в основу которого закладывались однополярность и моноцивилизационность мира.

В связи с вышесказанным становится очевидным, что сложившаяся система капитала страдает недугом, а больное, ущербное ядро не может быть центром притяжения, не может ни вызывать, ни провоцировать центробежные силы, которые препятствуют реализации глобализационного проекта в его задуманных контурах. А то, что в мире начнут с еще большей интенсивностью действовать центробежные силы, не вызывает сомнения, так как в еще докризисный период начались процессы формирования новых центров мировых сил в противовес действующему во главе с США. Мало того, мы убеждены, что в мире с нарастающей силой будут осознаваться вся надуманность и эфемерность самой идеи глобализации, но не как изначально всемирно исторического и объективного процесса, а как международного империалистического по своей сути проекта, к реализации которого со всей энергией и мощью приступили США в последние два десятилетия XX в. и первые годы XXI в.

Во-первых, идея глобализма — дитя разрушения Советского Союза как одного из двух центров мировых сил, когда, казалось бы, отчетливо обозначились контуры однополярного мира. Во-вторых, она стала результатом идеологической ловушки инерционного мышления, когда показалось, что вместе с идеологическим противником исчезли и препятствия для освоения «нового» пространства. В-третьих, она — жертва переоценки собственных возможностей и сил Западом, прежде всего США, которые, отбросив наработанные финансово-экономические инструменты и идеологическое прикрытие о правах человека и демократии, вернулись к «политике канонеров» и тем самым раскрыли перед миром тоталитарно-фашистскую природу «нового мирового порядка». В-четвертых, она стала результатом ошибки в оценке наличия объективных предпосылок для реализации глобализационного проекта на переломе двух веков. Речь идет, прежде всего, об игнорировании и пренебрежении национальными, геополитическими, политико-стратегическими устремлениями других крупных держав и возможных

объединений различных групп стран. Что же касается экономических предпосылок, то их отсутствие со всей очевидностью продемонстрировали страны Латинской Америки, которые отвергли все попытки Вашингтона навязать им идею единого американского рынка и единого американского экономического пространства, но готовы обсуждать самые разнообразные варианты объединения стран Южной Америки без участия США. Уже отсутствие или обособленность данного региона мира указывают на неполноту, ущербность глобальности, глобализации.

В мировом сообществе существует немало явлений и процессов, которые указывают на то, что мир в лучшем случае вступил в процесс его регионализации, но никак не глобализации, которая является мертворожденным дитем. Совершенно очевидно, в любом интеграционном процессе нельзя перескакивать через определенные этапы, которые могут быть различными по своей продолжительности, но они неизбежны. В условиях, когда еще смутно просматриваются контуры будущей регионализации мирового пространства, вряд ли имеет смысл рассуждать о глобализации как о практическом международном проекте, что, однако, не исключает возможности теоретического осмысления этой проблемы, тем более что ее контуры, структура, внутренние взаимосвязи видятся далеко не однозначными.

Что же касается глобальных проблем, несущих с собой определенные угрозы мировому сообществу, то они неразрывно связаны опять-таки с господствующей системой капитала, порождением которого является так называемое общество потребления. Капитал с целью собственного самовозрастания, развития и установления своего господства во всей системе капиталистических общественных, экономических отношений использует такие инструменты навязывания потребления, как реклама, мода, демонстративное и престижное потребление. В результате, во-первых, имеют место расхищение денежных ресурсов потребителей и снижение роста их богатства, во-вторых, происходит в колоссальных масштабах расхищение невозпроизводимых ресурсов в результате того, что имеющие еще ценность блага выбрасываются и заменяются «новыми». Следовательно, угроза истощения и исчерпаемости невозпроизводимых ресурсов, а вместе с ней и угроза экологической катастрофы, есть прямое порождение функционирующей системы капитала.

Отсюда вытекает вывод, что она не может вписаться в контур требований реализации концепции устойчивого развития, так как капитал сориентирован на кратко- и среднесрочные цели, тогда как «устойчивость» предполагает учет интересов будущих поколений. Именно поэтому капиталистическая система в ее современном виде неадекватна

попыткам консолидировать мировое сообщество в рамках глобального проекта для предотвращения нависших над ним угроз.

Наконец, та система господства капитала, которая установилась в мире в настоящее время и является порождением всех предшествующих этапов его развития и трансформации и связана с установлением буржуазной плутократии, завуалированной под «демократию», несет всю полноту ответственности за все развязанные войны, начиная с колониальных и кончая Первой и Второй мировыми войнами, за все многомиллионные жертвы, слезы, страдания, горе, которые пережило человечество. Именно эта система порождала локальные войны в Азии, Африке, Латинской Америке, Европе (Югославия) после Второй мировой войны. В настоящее время она ведет оккупационные войны против народов Ирака и Афганистана, прикрываясь борьбой с терроризмом за демократию и свободу. Можно сказать, что главной чертой так называемого глобализационного этапа господства капитала стала политика государственного террора в отношении суверенных государств.

При этом адепты и апологеты капитала лезут вон из кожи, чтобы возложить равную ответственность на фашизм и коммунизм (читай, Россию как правопреемницу Советского Союза) в развязывании Второй мировой войны. Красноречивей всего об этом свидетельствует резолюция ПАСЕ, принятая по данному поводу осенью 2009 г.

Возня вокруг «вины» коммунистов вызвана следующими обстоятельствами. Во-первых, необходимо отвлечь внимание мировой общественности от агрессивных оккупационных войн американского империализма и его клеветов, которые ведут военные действия способами, напоминающими о фашизме. Во-вторых, посредством жупела коммунизма попытаться воздействовать на нынешнее политическое руководство России с целью получения от него определенных политических, экономических, дипломатических уступок, хотя в 1980-е и 1990-е гг. Россией было сделано так много и таких огромных уступок, что с точки зрения национальных интересов они граничат с государственными преступлениями. В-третьих, весь этот эпатаж затеян теми буржуазными партиями — от либерального до консервативного толка, — которые: а) в свое время все делали для вскармливания Гитлера, направляя его агрессию против СССР (России) (здесь и мюнхенский сговор, и оккупация Чехословакии, и аншлюс Австрии, и отказ от создания вместе с СССР антигитлеровской коалиции, и отказ пропуска советских войск на границу Польши с Германией, и полное бездействие при нападении Германии на Польшу); б) не организовали должного отпора немецким войскам, оккупировавшим территории их стран, напротив, либо отсиживались, либо сотрудничали с фашистскими оккупацион-

ными властями, т. е. были коллаборационистами; в) скрывая свою трусость и предательство, они пытаются вытравить из памяти народов Европы тот факт, что именно коммунисты (особенно в Греции, Италии, Франции, не говоря уже о Югославии) организовали движение сопротивления фашистским оккупантам и гибли с оружием в руках в реальной, а не мифической войне с фашизмом; г) не могут никак пережить тот факт, что именно коммунистическая Россия (СССР) внесла решающий вклад в Великую победу над чумой XX в. — фашизмом и тем самым даровала им свободу и права, которые они опять уже успели утопить в словоблудии и фальши. Согласитесь, трудно принимать «свободолюбивым демократам» Европы свободу из рук «рабского» русского народа и его «тоталитарного» коммунистического режима, без которого, надо заметить, никогда бы не состоялись ни Великая победа, ни современная Европа, ни ПАСЕ.

В дополнение к вышесказанному напоминаем представителям всех мастей антикоммунизма, что именно коммунисты первыми в мире на деле создали систему социального равенства, всеобщей доступности образования, здравоохранения, культуры, установили равноправие мужчин и женщин, продемонстрировали возможность реального функционирования института равноправных межнациональных отношений, который внес неоценимый вклад в победу советского народа над фашизмом. Наконец, только благодаря всесторонней поддержке и помощи коммунистического Советского Союза народы Азии и Африки в 1960-е гг. сбросили колониальное иго борцов с коммунизмом. По нашему мнению, колониализм и был первой формой проявления зарождающегося фашизма в недрах капитализма. Это факты истории, которые никому и никогда не удастся ни оспорить, ни опровергнуть.

После разразившегося системного кризиса капитализма стала еще более очевидной химеричность иерархической модели глобализации на вершине с единственным полюсом, который олицетворял бы собой так называемое высокоорганизованное пространство, обитатели которого господствовали бы над периферией (остальным миром), которая, в свою очередь, обеспечивала бы им должное качество жизни. Совершенно очевидно, что если и необходимо строить «всемирный дом», то опять-таки необходимо определиться с теми силами, без которых это сделать невозможно. Такими участниками разработки реализации глобальных проектов будущего человечества должны стать следующие субъекты международного права:

- технико-экономически развитые страны;
- страны, по своему уровню развития и социально-экономическому потенциалу, приближающиеся к первой группе стран;
- страны, обладающие мощным демографическим потенциалом;

- страны, богатые природными ресурсами;
- отсталые в технико-экономическом отношении страны.

Как видно, группировка произведена, исходя из определяющих параметров, характеризующих состояние этих стран в мире на сегодня, что не исключает возможности пересечения их интересов и поисков различных путей их сближения и интегрирования. Но в данной горизонтально-равноправной модели глобализации все участники признаются равными между собой при принятии тех или иных решений, касающихся всего мирового сообщества, что предполагает готовность к взаимным уступкам, компромиссам на пути к общему консенсусу. Именно такая модель «нового мирового порядка» (или близкие к ней) выступает в качестве альтернативы вертикально-иерархической его структуре, навязываемой миру Западом.

Исходя из интересов различных групп стран, попытаемся преломить их через призму острых, кричащих, не терпящих отлагательства решения глобальных проблем. Первой такой проблемой является следующая — прекращение и недопущение применения военной силы в межгосударственных отношениях. Мы уже затрагивали частично эту проблему, но здесь необходимо поставить окончательно точки над «i». Речь идет прежде всего о технико-экономически развитых странах, которые, казалось бы, призваны быть гарантом мира на планете, однако являются инициаторами осуществления военных операций и прямой агрессии против других субъектов международного права. Поэтому отказ от права, базирующегося на силе, должен быть краеугольным камнем в здании глобализованного мира. Готовность стран Запада, прежде всего США и стран НАТО, к закладке такого камня в фундамент будущего «сооружения» вызывает огромное сомнение.

Осознание всеми того факта, что существующее оружие массового уничтожения, не говоря уже о вновь появляющихся его видах, качественно изменяет все параметры возможного военного противоборства в мире и его последствия и требует покончить с практикой провоцирования капиталом военных конфликтов с целью реализации своих интересов. Поэтому, если капитал готов к своему перерождению или его поведение будет ограничено рамками государственно-правовых норм и общественного контроля, перспектива всемирного дома просматривается. Но это скорее из области фантастики. Следовательно, остальные усилия — как по закладке фундамента, так и по возведению стен и крыши такого сооружения — окажутся в конечном счете бесполезными, ибо в один «прекрасный» момент все это будет сметено и стерто с лица земли.

Бесперспективность западной модели глобализации обусловлена и целым рядом неразрешенных финансово-экономических проблем.

Среди них, несомненно, первые места занимают сформировавшиеся валютные и финансовые системы, вокруг которых концентрируется внимание всего мирового сообщества с начала системного кризиса капитализма, хотя об угрозах их неустойчивости и необходимости их реформирования задолго до него говорили и политики, и экономисты, и финансисты. Здесь достаточно назвать только одно имя — Дж. Сорос, чтобы развеять всякие сомнения.

Разразившийся первоначально финансовый кризис с предельной точностью указал на то звено капитализма, которое оказалось пораженным злокачественной опухолью, метастазы которой распространились по всему социально-экономическому организму капиталистической системы. Вот уже больше года собираются различного рода консилиумы мировых «гуру» на различных уровнях и в различных составах, не говоря уже о различного рода конференциях и симпозиумах ученых и практиков, на которых в лучшем случае предлагаются паллиативы, тогда как речь должна идти о радикальной операции по удалению опухоли.

Такой опухолью является виртуально-спекулятивный капитал. Простейшей операцией является отсечение у него щупалец по спекулятивным сделкам с фиктивным капиталом, который, по всеобщему признанию, оторвался от реального, физического капитала на несколько порядков. Но никто не высказывается даже в пользу этой самой простой операции, тем более за радикальное вмешательство по отсечению главного узла этой опухоли — *процента*, который является основой всей сегодняшней системы капитала. Он выступает в качестве цены на рынке денежного капитала, он принимает непосредственное участие в формировании курса ценных бумаг и цены на недвижимость, на него ориентируются при осуществлении инвестиций, он выступает в качестве критерия функционирования физического капитала и т. д. и т. п. Следовательно, имеет место процентная экономика, которая стала олицетворением победы и торжества бизнеса над индустрией, о чем высказал опасения еще в начале XX в. Т. Веблен. А если использовать терминологию Аристотеля, то можно с полным правом констатировать победу «хрематистики» над «экономикой», что указывает на факт установления господства самой паразитической части капитала в его системе. В связи с этим вопрос о том, чтобы государственная власть указала бы ей на должное место в системе капитала, смехотворен, ибо сама эта власть была «избрана» ею для реализации своих интересов.

Здесь мы оставляем за рамками статьи вопрос о беспроцентной экономике, но вернемся к проблеме кризиса и связанного с ним паллиатива. Звучат призывы к установлению контроля над премированием, бонусами в банковской системе, раздаются стенания по поводу

оторванности финансов (в широком смысле этого слова) от реального сектора экономики, о страданиях физического капитала и т. п. Но на самый простой и очевидный шаг никто не решается — запретить банкам и прочим кредитным организациям участвовать в операциях на рынках ценных бумаг³². Это, во-первых, повернуло бы банковский капитал лицом к реальному сектору экономики, во-вторых, уровень спекулятивности фиктивного капитала понизился бы на порядки, в-третьих, реальный сектор экономики и население получили бы свободный доступ к относительно дешевым кредитам, в-четвертых, это снизило бы уровень финансово-экономической напряженности между странами в условиях либерализации экономических отношений, так как существенно снизился бы риск обвала национальной экономики зарубежными инвесторами.

Если этого не произойдет, ни о какой устойчивости системы говорить нельзя, ни на каком доверии между странами настаивать нельзя. Конечно, апологеты действующей системы капитала укажут нам на то, что рынки ценных бумаг, особенно фондовые рынки, выступают в качестве барометров, указывающих на погоду в экономической жизни общества, градусников, с помощью которых измеряется «температура» экономики. Однако это целенаправленная ложь, о которой свидетельствуют сами признания об отрыве фиктивного капитала от физического. Мало того, даже сейчас, в условиях кризиса, СМИ постоянно сообщают о состоянии биржевых индексов, которые якобы отражают экономическую конъюнктуру. В таком случае необходимо объяснить: почему в непосредственной преддверии кризиса барометр указывал на «ясно», а градусник фиксировал нормальную «температуру» «пациента», тогда как на самом деле надвигалась «буря», а пациент находился в тяжелейшем состоянии, что было подтверждено его летальным исходом, т. е. разразившимся кризисом?

Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что на подобные шаги страны Запада не пойдут, ибо финансовый капитал — это то средство, с помощью которого они могли бы контролировать финансовые потоки, осуществлять по всему миру без границ и преград виртуально-спекулятивные операции в собственных интересах. Иначе говоря, стремление у них будет одно: сохранить статус-кво, что явно будет не устраивать других участников международных экономических отношений, в связи с чем опять-таки реализация западного глобализационного проекта встретит сопротивление с их стороны.

Кризис международной валютной системы также указывает на необходимость существенного ее изменения или принципиальной моди-

³² Подобная мера действовала в США со времен Великой депрессии до 1990-х гг.

фикации, так как в дальнейшем она не может базироваться на национальной валюте отдельной, хотя и мощной в экономическом отношении страны, ибо в ней всегда и повсеместно будет превалировать американский интерес. Последний реализуется, прежде всего, через механизмы эмиссионного центра США в виде сеньоража, или, иначе говоря, поборов со всех стран мира. Мало того, США, принимая те или иные решения в области эмиссионной деятельности, затрагивающей интересы других стран, делают это самостоятельно. Поэтому перед мировым сообществом остро стоит вопрос о едином международном эмиссионном центре и о единой мировой валюте (например, «мундиаль»). Проще всего, конечно, казалось бы, решить эту проблему в рамках МВФ и на основе использования международной счетной единицы — СДР. Однако движение в этом направлении ничего не изменит. Так как в МВФ господствующие позиции занимают США, которые заранее определяют принятие тех или иных решений. В результате может произойти лишь смена декораций, тогда как роли останутся за прежними актерами, которые уже хорошо усвоили действующие правила игры.

Принципиальное решение лежит в плоскости создания международного эмиссионного центра по выпуску единой мировой валюты. Однако его функционирование и принятие решений в нем должны базироваться на совершенно иных основах, чем это делалось до настоящего времени в МВФ. Речь идет, прежде всего, о представительстве всех основных групп стран, которые бы на сбалансированной основе принимали решения. При этом возникающий сеньораж от эмиссионной деятельности центра следовало бы направлять для поддержки экономически отсталых стран и преодоления пропасти в социально-экономическом развитии, разделяющей развитые и развивающиеся страны.

Реализация любого из двух этих проектов (модифицируемого и радикального), несомненно, натолкнется на сопротивление со стороны США, которые не готовы поступиться своим привилегированным положением среди стран мира. А без участия США любые глобальные проекты окажутся непродуктивными. Вполне возможно, что мировое сообщество остановится на комбинационном варианте, в основе которого будут лежать региональные валюты. Однако и здесь возникают существенные проблемы, так как кроме евро в остальных регионах мира еще не сформировались ни региональные интегрированные рынки, ни валюты, что, несомненно, осложнит решение проблемы поиска всемирного консенсуса в валютной сфере. Но это является еще одним свидетельством того, что требуется осознать необходимость регионализации как неизбежного этапа к переходу к глобализации, а не навязывать преждевременно ее миру.

Другим камнем преткновения в отношениях между Севером и Югом являются транснациональные корпорации (ТНК)³³, для которых развитые страны стремятся обеспечить свободу действий в мировом масштабе за счет ущемления национального суверенитета независимых государств, открытости национальных экономик. А в последние годы предпринимались попытки добиться для ТНК статуса субъекта международного права со всеми вытекающими отсюда экономическими, политическими, репрессивными, военными и прочими последствиями для действительных субъектов международного права — суверенных государств. Рассуждения об утрате ТНК национального характера и превращения их в каких-то космополитических экономических субъектов, у которых нет родины, а если она и есть, то это весь мир, несостоятельны. Малоубедительно и стремление представить ТНК в образе локомотивов глобализации. Здесь единственная правда заключается в том, что эти локомотивы олицетворяют собой таран по разрушению национальных границ, подавлению национальных экономик периферии с целью подчинить их интересам так называемого высокоорганизованного пространства с его «золотым миллиардом».

Но самое главное заключается в том, что разразившийся кризис мировой капиталистической системы сорвал маски и интернационалистов, и космополитов, и глобалистов как с ТНК, так и с их покровителей-государств, продемонстрировав всему мировому сообществу в каждом отдельном случае национальное мурло буржуа. Глобальная ответственность, с которой недавно носились как «с писаной торбой», оказалась никому не нужной, но зато оказался востребованным национальный интерес. Это лишний раз указывает на глобализацию как на фикцию, которая была необходима для достижения своих корыстных интересов, втягивания все большего числа стран в орбиту, зону своего влияния и установления однополярного мира с моноцивилизацией, т. е. денежной бездуховной цивилизации «общества потребления».

Что касается России, то она всегда будет находиться в центре событий, какой бы проект глобализации ни реализовался в силу того, что она неизбежно становится объектом и субъектом геополитических сдвигов в мире.

Это обусловлено следующими обстоятельствами:

³³ Следует различать международные корпорации двух типов: ТНК — это корпорации национальные по происхождению своего капитала и международные по сфере своей деятельности; МНК — многонациональные корпорации и по происхождению капитала, и по сфере своей деятельности. Львиная доля современных международных корпораций приходится на ТНК.

- она остается обладателем мощного ядерного и военного потенциала;
- она располагает огромной территорией и богатыми природными ресурсами, борьба за которые уже четко вырисовывается;
- для нее характерна слабая заселенность при сохраняющейся тенденции к депопуляции населения, тогда как перед другими странами и регионами остро стоит проблема перенаселения;
- в силу политико-исторических процессов и своего географического положения она оказывается в зоне столкновения социально-политических (Север—Юг) и цивилизационных (Запад—Восток) сил;
- она остается, кроме того, самостоятельным объектом для очередного устремления к ее расчленению, порабощению и уничтожению ее народа (как говорил А. Даллес, самого непокорного) со стороны Запада — ослабленная Россия подает ему надежды на осуществление реванша за многовековые поражения и несбывшиеся мечты о ее разделе.

Вытекающие из вышесказанного угрозы для нашей страны указывают на то, что вне зависимости от характера политической власти в России и социально-экономического строя в ней необходимо постоянно держать в центре внимания две главные проблемы: обеспечение демографического роста и заселение территорий России как ее гражданами, так и гражданами стран СНГ; поддержание и качественное наращивание оборонного потенциала с целью предотвращения и упреждения агрессивных намерений наших «партнеров» и «доброжелателей».

В.В. СМИРНОВ

О влиянии философия хозяйства на развитие экономической науки

Аннотация. Объяснение категории «полезность» приобретает новый ракурс в свете философии хозяйства. Ее методология существенно обогащает экономическую теорию, избегая субъективизм маржиналистской школы.

Ключевые слова: философия хозяйства, методология, потребление, полезность, трудовые затраты, цикл.

Abstract. The explanation of «utility» category gets a new viewpoint in the light of philosophy of economy. Its methodology appreciably enriches the economic theory, avoiding subjectivity of marginalistic economic school.

Keywords: philosophy of economy, methodology, consumption, utility, labour inputs, cycle.

Философия хозяйства, согласно Ю.М. Осипову, призвана «видеть ... в хозяйстве жизнь, а в жизни — хозяйство» [1, 15]. Рассматривая хозяйство человека и общества на общей канве эволюции жизни, она проникает и в предисторию хозяйства, и в его эсхатологию. Не испытывая зашоренности догматизированными категориями экономической теории, она сверяет закономерности хозяйственной деятельности человека и общества с законами жизни и природы в целом, открывая широкие возможности для корректировки вроде бы уже устоявшихся теоретических представлений. В рамки философии хозяйства, например, легко вписывается философия потребления, к разработке проблематики которого экономическая наука никак не может приступить (см.: [2, 81—88]). В настоящей статье мы ставим задачу показать с высоты методологии философии хозяйства, как выявление законов присущего всему живому потребления предметов природы приводит к новому пониманию полезности потребительных благ и ее измеримости. На этой основе мы постараемся также показать несущественность некоторых противоречий между отдельными ветвями экономической науки, в частности — между теориями трудовой стоимости и предельной полезности.

К каким новым выводам может привести широкий философский подход, подход с позиции философии жизни, при анализе такого, например, уже забываемого экономической теорией понятия, как полезность?

1. Потребление, обмен веществ и энергии с природой, с окружающей средой — вот та общая канва, на которой развиваются процессы, присущие всему живому, в том числе хозяйствующему человеку. То, что объединяет общественное хозяйство, экономику с другими живыми системами, — это метаболизм, включающий в себя потребление поступающих из среды продуктов и возврат в среду продуктов жизнедеятельности. Трудовая, производственная деятельность, осуществляемая человеком, лишь опосредствует потребление им элементов природной среды. А законы и технология производства представляют собой лишь видоизмененные законы и технологию потребления.

Потребление человека как часть его обмена веществ с природой опосредствуется трудовой, производственной деятельностью по изготовлению и использованию орудий труда и средств производства, с помощью которых он преобразует данные природой продукты, приспособляя их к своим потребностям. Потребление, воспроизводство

жизни каждого человека и общества в целом — цель труда и общественного производства.

2. Потребление представляет собой присвоение и преобразование вещественных элементов среды, воплощающее их в живое органическое тело то ли непосредственно, то ли в результате ряда опосредствующих процессов. С веществом природы в живой организм поступает энергия. В то же время преобразование предметов природы само требует затрат времени и энергии (например, на поиск пищи, ее измельчение, переваривание и т. п.)

Процесс потребления, энергетический по своей сути процесс, предполагает наличие у живого организма некоего предварительного, первоначального запаса энергии, необходимой для преобразующего воздействия на среду. И только этот запас, вне зависимости от тех различных вещественных форм, в которых он воплощен, может быть авансирован, затрачен на потребление — т. е. на воспроизводство живого организма. (Например, животное получает такой стартовый запас жизненных сил при рождении от организма матери.) Для того, чтобы получить от потребления новый запас овеществленной потенциальной энергии, живой организм уже должен обладать некоторым ее начальным запасом. Таким образом, говоря о закономерностях потребления, мы прежде всего должны не упускать из виду *затраты* на потребление.

3. Для возобновления процесса потребления организму необходимо, чтобы израсходованный на потребление первоначальный запас энергии не только возобновился, но и возрос. Иначе говоря, чтобы полученная в результате потребления овеществленная энергия количественно была больше, чем необходимо для воспроизводства самого организма, чтобы она смогла расширенно воспроизвести также и первоначальный запас. И этот запас должен сохраняться на протяжении всех повторяющихся актов потребления. Поэтому для характеристики потребления чрезвычайно важны его энергетические *результаты*.

4. Часть результатов потребления выступает как ресурс для последующих затрат на потребление и поэтому должны быть сравнимы с затратами и по вещественной форме, и, когда это нужно, по единице измерения. Переход результатов в затраты, а затем затрат в результаты (именно в такой последовательности, а не наоборот!) образует их подлинную диалектическую связь. Никакие другие затраты невозможны, кроме как затраты предварительно полученных результатов. Эта диалектика может быть понята только при условии понимания затрат как аванса, как своего рода «кредита», который должен быть возвращен из последующих результатов. В кругообороте результатов и затрат происходит воспроизводство живого организма. (Для прояснения разницы

между двумя формулами кругооборота («результаты — затраты» и «затраты — результаты») скажем, что это воспроизводство, т. е. процесс потребления, фактически будет прекращен не тогда, когда закончится запас предметов потребления (например, сена для коровы), а когда закончится запас энергии, необходимой для потребления (когда даже при появлении сена корова уже не сможет его жевать.)

5. Источником авансирования, «кредитования» затрат на потребление может служить как энергия, полученная в процессе собственного потребления живого организма, или первоначального энергетического «толчка», но и постоянно поступающая извне, из запасов, накопленных косной природой или живыми экологическими системами. Например, энергия солнца для зеленого растения, энергия органических химических соединений, запасенных в плодородной почве или другими живыми организмами. И возвращать этот «кредит» живому организму придется не только самому себе, авансируя свое дальнейшее потребление, но, возможно, и другим живым существам — в общий энергетический «банк» жизни.

6. Потребление живыми существами элементов окружающей среды должно характеризоваться определенной эффективностью, т. е. превышением энергетических результатов потребления над энергетическими затратами, которых требует процесс потребления. Потребление должно приносить организму некоторый *энергетический избыток*. Ведь кроме энергии, которая нужна для обеспечения процесса потребления и поддержания своей целостности, организму необходим также, к примеру, и некоторый страховой запас энергии на случай перебоев с пищей или появления других неблагоприятных обстоятельств. Чем больше такой страховой запас, тем больше жизнеспособность организма. Тем больше овеществленной избыточной энергии он может передать другим формам жизни. Поэтому очевидно, что непрерывный процесс воспроизводства жизни в целом обеспечивается на основе того, что каждое отдельное живое существо потребляет элементы окружающей среды эффективно. Энергетический избыток, таким образом, выступает и предпосылкой процессов потребления, и их результатом.

7. Энергетический избыток может для разных форм жизни принимать различные вещественные формы. Этот избыток, не будучи потребленным, накапливается и может послужить базой для укрепления жизнеспособности существующих организмов. (На тучных черноземах травы растут гуще.) Или для возникновения иных форм жизни и иных форм потребления. (Так, накопленный атмосферный кислород, произведенный растениями, сделал возможным появление на Земле животных.) Или для возникновения новых форм деятельности у животных. (Например, по исследованию окружающей среды. Или по ее преобра-

зованию.) Таким образом идет постоянный прирост произведенного потреблением *запаса избыточной энергии*, воплощенной в живом и биогенном веществе.

8. На определенном этапе эволюции жизни этот энергетический избыток (энергетический эффект от потребления каждого отдельного организма) приобретает наглядную, доступную фиксации и измерению временную форму, начинает выражать себя в количестве свободного от потребления времени. «*Время свободы от потребления*» выступает как одна из форм энергетического избытка. Оно выражает положительное сальдо баланса энергии в метаболизме организма и среды. При этом процесс потребления приобретает прерывистый, циклический характер. Цикличность возникает как результат эффективности потребления, как результат того, что время жизни биологического организма, обеспечиваемой получаемой в потреблении энергией, оказывается заметно большим, чем время, затрачиваемое на потребление.

Отдельно взятый временной цикл потребления выделяет себя во времени существования живого организма, отделяет себя от предыдущих и последующих циклов неким временным избытком, в течение которого организм приобретает определенную свободу от потребления данного продукта природы. Но и в отношении всего их потребляемого комплекса время потребления имеет некие объективные границы: оно не может быть равно времени жизни. Организм не может непрерывно потреблять, у него должно оставаться время и для других жизнепроявлений.

Возможность количественного измерения энергетического избытка в форме свободного от потребления времени, которым может располагать живой организм, подтверждает существование этого избытка, а также существование его кругооборота, на фоне которого происходит развитие форм живых организмов и форм их потребления, а также их сообществ.

9. Свободное от потребления время образует необходимую предпосылку, дает первоначальный энергетический толчок возникновению новой формы потребления предметов природы человеком — при посредстве трудовой деятельности. Нужно подчеркнуть, что затраты на такое потребление первоначально обеспечивались вовсе не результатами труда, а результатами потребления «нетрудовых», даровых природных благ. Это природа выдала человеку «аванс» на эксперименты с трудом. И человек этот аванс успешно отработал.

Трудовая деятельность лишь опосредствует обмен веществ человека с природой, но непосредственно потребностей воспроизводства его жизни она не удовлетворяет. Труд, прежде всего, — это изготовление орудий труда, и лишь затем — изготовление с их помощью предметов

потребления. И то и другое представляет собою вычет из времени, которое человек мог бы потратить непосредственно на потребление. Или даже прямой вычет из потребления, как это происходит, например, при посеве съедобных семян в землю. Неудовлетворенные потребности поэтому не могут выступать силой, понуждающей человека к труду. Наоборот — предпосылкой, условием и движущей силой возникновения трудовой деятельности выступает достаточная степень удовлетворенности потребностей, обеспечивающая воспроизводство его жизни с избытком, выражающимся в наличии у человека некоторого «времени свободы», т. е. избытка, которым он волен распоряжаться. Иначе говоря, чтобы производить орудия труда и предметы потребления, человек должен располагать избытком последних. К. Маркс отмечал, что «...животное производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее...» (цит. по: [3, 93]). Человек трудится не ради текущего, а ради будущего потребления.

10. При достижении определенного уровня сбереженного от рассеивания избытка энергии, содержащейся в природных благах, человек стал получать с ними некоторое «время свободы», которое позволило ему выбрать на его основе вид деятельности, не являющейся непосредственно потреблением (изготовление и использование орудий труда), но приводящей в итоге к увеличению объемов потребительных благ. Человек трудится, не ощущая инстинктивно в этом потребности. Поэтому вторым условием перехода от непосредственного потребления к хозяйственной деятельности является возникновение у человека способности осознавать отдаленные последствия предпринимаемых им действий. В частности, для того, чтобы выбрать из возможных форм активности, которые открывает перед ним образовавшееся «время свободы», именно труд (а не, предположим, усиленное размножение), человек должен осознавать целесообразность и эффективность возможных затрат своего свободного времени на труд. А именно, что в результате потребления произведенных трудом продуктов количество времени, свободного от потребления, не уменьшится, а увеличится. То есть, иначе говоря, что трудом будет произведено больше потребительных благ, чем те, которые создали ему способность к труду.

Переход человека к потреблению, опосредствованному трудом, предполагает, что при этом у него появляется и развивается способность сознательного управления эффективностью труда. Сознание человека при его зарождении было целиком и полностью подчинено практическим задачам управления экономикой. Исторически первона-

чально формирующемуся экономическому сознанию человека предстают две сопровождающие его труд наглядные количественные характеристики: время труда, которое он затрачивает на изготовление какого-либо блага, и время жизни (и труда), которое ему дает потребление этого блага. Экономическое сознание людей называет эту вторую объективную характеристику блага (продукта труда) его *полезностью* (подробный анализ понятия «полезность» (см.: [4, 210]). Полезность продукта труда и есть результат его затрат. Абсолютную необходимость *сознательного исчисления полезности* каждого блага для эффективной организации трудовой деятельности подчеркивал известный представитель австрийской школы маржинализма Ф. Визер [5, 434—449]. Без сознательного сравнения затрат и результатов труда, без исчисления полезности благ в трудовых единицах трудовая деятельность человека была бы невозможна. Собственно, с такого «хозяйственного расчета» и начинается хозяйствование человека. Ю.М. Осипов подчеркивает, что «хозяйствование — ...это всегда информационное действие» [3, 228], что «...экономика... есть непрерывный и беспрерывный, особого рода счет...» [3, 228] (см. также: [6, 222, 223]).

Полезность каждого блага сводится к тому, что оно обеспечивает или способствует обеспечению жизни человека на определенный промежуток времени. Блага оцениваются и сравниваются потребителями по времени жизнеобеспечения. Наиболее наглядно возможность сознательного исчисления полезности продуктов труда представлена в предметах питания: каждый человек знает, через какое время, в каком количестве и какие именно пищевые продукты ему следует в очередной раз потребить, чтобы быть готовым к трудовой или какой-либо другой деятельности в течение того или иного времени. Потребителям ясно, что полезность, к примеру, половины килограмма мяса, килограмма хлеба и двух килограммов картофеля почти что одинакова, потому что потребление каждого из этих благ даст ему возможность прожить один день. Но и остальные продукты труда полезны лишь настолько, насколько они связаны с удовлетворением самых основных потребностей — потребностей получения энергии с пищевыми продуктами. Многие жизненные блага заменяют или дополняют друг друга, и поэтому полезность одних может быть выражена через полезность других. Например, посуда и тепловая обработка повышают усвояемость пищи и поэтому сокращают потребность в ней, одежда и жилище сокращают расход энергии человека и опять-таки снижают потребность в пище. Их полезность, следовательно, может быть оценена по времени жизни, которое обеспечили бы заменяемые ими пищевые блага. Несколько более опосредствовано, но по тому же принципу, можно оценить полезность транспортных средств, средств про-

изводства, информационных продуктов — практически абсолютного большинства благ.

Полезность продукта труда характеризует результаты трудовых затрат, и, поскольку у них одна и та же единица измерения — время труда — позволяет их соизмерять, рассчитывать эффективность затрат и тем самым предвидеть целесообразность трудовой активности в любой ее форме. Будучи осознанной и исчисленной хозяйствующим человеком, полезность блага служит для него критерием целесообразности его производства, т. е. делает оправданным само появление затрат. Трудовая полезность продукта труда поэтому изначально соизмерима с затратами труда.

Воспроизводство жизни человека неотделимо от воспроизводства его способности к труду. В условиях, когда потребитель благ выступает одновременно и как их производитель, оценка их полезности временем жизнеобеспечения может быть без затруднения модифицирована в оценку рабочим временем. Достаточно лишь приравнять день жизни к рабочему дню, а долю дня жизни — к соответствующей доле рабочего дня. Все свое время, которое обеспечивается потреблением, хозяйствующий субъект рассматривает как рабочее время. В результате и его производство, и его потребление получают один и тот же количественный измеритель, становятся соизмеримыми друг с другом. А сам производитель получает возможность сравнивать свои трудовые затраты с их конечными результатами, определять эффективность своей трудовой деятельности и управлять ею.

Таким образом, в результате измерения полезности благ временем трудоспособности, которое обеспечивает их потребление, каждый продукт труда получает две сравнимые количественные характеристики: труд как затрату и труд как результат. Первый представляет собою время затраченного на производство продукта конкретного труда, второй — время потенциального, можно сказать — абстрактного — труда, к которому будет способна воспроизведенная потреблением продукта рабочая сила. Сравнение воплощенных в каждом продукте труда затрат и результатов есть одновременно и сравнение полезности потребленных рабочей силой благ с полезностью благ, произведенных ею. Очевидно, что, находясь под сознательным контролем хозяйствующих субъектов, результат их труда (полезность каждого блага) должен превышать затраты. Очевидно также, что без такого контроля, основанного на соизмеримости затрат и результатов, было бы невозможно ни возникновение трудовой деятельности, ни эффективное развитие общественного производства.

Благодаря измерению единообразной мерой — количеством потенциального абстрактного труда — полезности всех продуктов оказываются соизмеримыми друг с другом.

12. Эффективность трудовых затрат принимает вид доступного сознанию трудящегося человека *избытка* измеренной временем полезности произведенного продукта над измеренной таким же образом полезностью продуктов, которые были потреблены при его производстве. Для того, чтобы трудиться, человек должен иметь способность осознавать, исчислять и соизмерять затраты и результаты своего труда. И те, и другие можно представить себе как предметы потребления, обладающие способностью воспроизводить жизнеспособность и трудоспособность человека на определенное время. Тот энергетический избыток, который обеспечивается потребительной деятельностью живых существ и который проявляется у них лишь *a posteriori*, в хозяйственной деятельности людей, принимая вид *избытка полезности продукта труда*, сознательно заранее рассчитывается и поэтому, как правило, подтверждается последующим фактом эффекта от потребления. Возможность сознательного, предварительного, до труда, исчисления избытка полезности, содержащегося в каждом продукте труда, подтверждает наличие энергетического избытка и в каждом потребляемом природном благе. В экономической деятельности людей, следовательно, действует та же закономерность, что и в потребительной деятельности всех остальных живых организмов. Труд как новая и дополнительная по отношению к потреблению форма жизненной активности также возник на основе определенного уровня потребительного избытка и привел к дальнейшему его увеличению.

13. Развиваемое здесь на методологической основе философии хозяйства понятие полезности как количества потенциального труда, производимого потреблением блага, открывает, по нашему мнению, новые возможности для сравнения, поиска связующих звеньев и преодоления противоречий между классической и неоклассической экономическими теориями, одним из которых является противоречие между теориями трудовой стоимости и предельной полезности.

Отметим, прежде всего, что в экономической теории К. Маркса категория полезности не нашла подробного отображения. Ее вытеснило отличное от нее понятие потребительной стоимости. Но в марксистской политической экономии полезность сохранила свое категориальное значение как объективное свойство продукта труда удовлетворять в определенной степени конкретную потребность человека. Такое понимание полезности было развито в советское время в работах В.Т. Смирнова, В.А. Сибирцева, других экономистов, специалистов в

области квалиметрии. Но в них остался без ответа вопрос о соизмерении полезностей разных благ. В.И. Сиськов и В.Я. Ельмеев предлагали это сделать на основе учета экономии труда в потребления продукта, превышающей, по их мнению, затраты труда на его производство. Но метод расчета этой экономии ими не был разъяснен. Дальнейший процесс развития теории полезности в России был существенно подорван переносом усилий экономистов на неоклассическое направление. Ну а там возможность измерения и соизмерения полезностей даже не рассматривается. Полезность, признают, например, К.Р. Макконнелл и С.Л. Брю, — понятие субъективное и не поддается количественному измерению (см.: [7, 31]).

В политической экономии понятие трудовой стоимости применялось в основном к условиям равновесной экономики, когда все товары производятся как потребительные стоимости, количественно и качественно соответствующие общественным потребностям. В этих условиях количественно стоимости товаров пропорциональны затратам на их производство, превышая их на одну и ту же, нормальную, долю. Именно единая норма превышения свидетельствует о равной степени удовлетворенности потребностей хозяйствующих субъектов во всех товарах. Сумма затрат труда может быть конкретно исчислена, но вот размер этого превышения над затратами принципиально неизвестен, так что даже сама возможность его выявления делает понятие стоимости излишним. По К. Марксу, величина стоимости определяется не суммой затрат, даже если они включают в себя, помимо понятных и конкретных затрат живого и овеществленного, еще и затраты некоего прибавочного труда, а количеством простого абстрактного труда, общественно необходимого для воспроизводства товара. Абстрактный труд у К. Маркса — это будущая затрата рабочей силы как абстрактной же, потенциальной способности человека к любому труду. Эта способность содержится в организме человека и, добавим мы, воспроизводится потреблением произведенных им благ. Так что на воспроизводство любого блага общественно целесообразно направлять лишь такое количество абстрактного труда (абстрактной способности к труду), какое способно воспроизвести потребление этого блага. Следовательно, в условиях равной степени удовлетворенности потребностей количественные определения трудовой полезности и трудовой стоимости совпадают. Кроме того, эти определения стоимости содержат присущие каждому благу две характеристики, два различных количественно и качественно вида труда: конкретный труд — затрата и абстрактный труд — результат. Так же, как и величины стоимостей благ, величины их полезностей пропорциональны затратам на их производ-

ство. Таким образом, в условиях равновесной экономики трудовые стоимости товаров равны их трудовым полезностям и одновременно выступают в качестве объективных количественных оснований для равновесных рыночных цен. Однако при этом остается открытым более важный вопрос: чем объективно определяются неравновесные цены, отклоняющиеся от стоимости, или, точнее говоря, цены, приводящие общественное хозяйство к равновесию?

Теория предельной полезности, как бы не подчеркивали ее основатели субъективный характер этого понятия, тем не менее не лишена многих объективных оснований. Так, если степень удовлетворенности потребности в том или ином благе может определяться по субъективным ощущениям потребителя, то предел ее насыщения — это уже объективная, предсказуемая величина, которую мы можем определить как объем потребности в благе. Как бы не отклонялись друг от друга индивидуальные пределы насыщения, на рыночные процессы они не оказывают существенного влияния, поскольку статистически выравниваются в общественную норму индивидуального потребления. Отталкиваясь от условия насыщения всех потребностей всех потребителей, теория предельной полезности тем самым отталкивается от условия равенства объемов общественного производства объемам общественного потребления. Т. е. признает, что ведет свой анализ в рамках точно такого же ограничения, что и теория трудовой стоимости. И поэтому совершенно правильно делает вывод, что чем бы не определялись в этих рамках величины полезностей благ, именно они будут определять количественно и ценности благ, и их рыночные цены. Точно так же, как и абстрактно обозначенные величины трудовой стоимости.

Не случайно, что в трудах теоретиков маржинализма понятие предельной полезности не занимает монопольного категориального положения. Во многих случаях оно дополняется у них понятиями «абсолютной», «собственной», «совокупной», «ожидаемой» полезности, каждое из которых имеет скорее объективный, чем субъективный характер. И свою методiku расчета. Причем, по их мнению, «расчет по предельной полезности является гораздо более простым, чем расчет по совокупной полезности» [5, 449], т. е. «методом упрощения» [5, 474], применимым лишь в частном случае. Это не противоречит нашему представлению о том, что понятие «предельной полезности» обозначает собою лишь частный случай определения полезности при жестко ограничивающем условии соответствия объемов производства объемам потребления. Таким образом, и теория предельной полезности, как и теория трудовой стоимости, не раскрывает механизма ценообразования — механизма регулирования общественного хозяйства, при-

водящего его к равновесному (и «стоимостному», и «предельному») состоянию.

Вместе с тем обе теории не закрыты от взаимодействия с понятием объективной полезности благ, измеряемой потенциальным трудом, который воспроизводит их потребление, и поэтому соизмеримой и с затратами на их изготовление, и друг с другом. Трудовая стоимость ничего не потеряет, если приобретет скалярную измеримость стоимости благодаря приравниванию к измеренной трудом полезности. Не потеряет своего субъективного характера и предельная полезность, если откажется от принципиальной «неизмеримости», и будет измерена не частным «упрощенным», а предложенным выше универсальным методом измерения объективной полезности благ. Но при этом обе эти теории приобретут возможность объединения и дополнения друг друга в рамках единой экономической теории.

Тем более что на основе понятия измеряемой количеством потенциального труда полезности может быть теоретически смоделирован механизм образования неравновесных цен, приводящих общественное хозяйство к равновесному состоянию.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Быть или не быть? // *Философия хозяйства*. 2001. № 3.
2. *Смирнов В.В.* Философия хозяйства и хозяйственное потребление // *Вопросы новой экономики*. 2009. № 3.
3. *Осипов Ю.М.* Информация // *Философия хозяйства*. 2004. № 1.
4. *Смирнов В.В.* Теория трудовой полезности. СПб., 2008.
5. *Визер Ф.* Теория общественного хозяйства // *Австрийская школа в политической экономии*: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. М., 1992.
6. *Осипов Ю.М.* Экономическое сознание // *Философия хозяйства*. 2007. № 5.
7. *Макконнелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс.: Принципы, проблемы и политика. Т. 2. М., 1992.
8. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42.

||

КРИЗИС

Р.М. НИЖЕГОРОДЦЕВ

Модернизация на фоне кризиса: задачи российской экономики *

Аннотация. Статья посвящена обсуждению модернизации как нового лозунга макроэкономической политики России. Основные цели и инструменты этой политики подлежат коренному пересмотру. Глобальные технологические сдвиги порождают новую реальность, в которой не остается места для либеральной экономической политики.

Ключевые слова: модернизация, экономическая политика, современная российская экономика, процентная ставка.

Abstract. The paper is devoted to discussion of modernization as a new slogan of macroeconomic policy in Russia. The main goals and instruments of the policy are to be radically revised. The global technological shifts evoke a new reality where it's not any place for liberal economic policy.

Keywords: modernization, economic policy, contemporary Russian economy, interest rate.

Лозунг модернизации, выдвинутый в последнее время руководством страны, нуждается в конкретном наполнении и в постановке ясных целей. На фоне откровенно признанных неудач в технологических сдвигах, в инновационном развитии [1] выдвигается идея модернизации. Почему это так?

Думаю, именно потому, что стратегия инновационного прорыва еще на стадии разработки опирается в экономические интересы частных агентов. Поэтому, не меняя институционального облика экономики, не предпринимая усилий по развитию механизмов взаимодействия этих агентов, рассчитывать на инновационные успехи было бы недальновидно.

Модернизация не сводится к чисто технологическим изменениям, хотя и без них не обойдется. Это еще и модернизация институтов, структур и механизмов, причем не только в экономике.

Тем самым появляется возможность перейти от вполне конкретных целей технологического развития к более расплывчатым и абстракт-

* Статья написана по мотивам выступления на пленарном заседании Международной научно-практической конференции «Российская экономика: от кризиса к модернизации» (г. Сочи, 28—30 января 2010 г.).

ным целям модернизации, которые можно утопить в бесконечных прениях о путях, сценариях и критериях эффективности.

Забавно и то, что та самая политическая сила, которая заявляет о своей приверженности консервативным традициям, выдвигает лозунг модернизации. В такой ситуации надо определиться в том, во имя чего эта модернизация предполагается — во имя сохранения некоей системы ценностей, координат, точек отсчета (например, территориальной целостности страны — почему бы нет?) или во имя создания возможностей для дальнейшего развития?

Для того, чтобы идти вперед, надо разобраться, где перед.

Но ни на каком этапе нельзя забывать о том, что задача технологического развития все же является ключевой. Именно невнимание к реальностям технологических сдвигов порождает многочисленные коллизии, связанные с неверным выбором путей выхода из разразившегося кризиса и попыток выстроить «посткризисную» экономику по образцу «докризисной».

Эти попытки обречены на провал, и виной тому — прежде всего необратимость глобальных технологических сдвигов, переживаемых сегодня мировым хозяйством.

Не случайно многие специалисты утверждают, что теория длинных волн Н.Д. Кондратьева (так называемых больших циклов конъюнктуры, длящихся по 50—55 лет) позволила и предсказать случившийся кризис, и в какой-то степени объяснить его природу. В самом деле, с середины 1950-х гг. ведет отсчет внедрение элементов нового технологического уклада, связанного с серьезными успехами в компьютеризации производственных процессов и с промышленным освоением атомной энергии. В свое время этот сдвиг был назван началом научно-технической революции. Согласно расчетам экспертов в области технологического прогнозирования, середина 1950-х гг. ознаменовала старт очередной восходящей волны (или, если угодно, «дно» очередного кондратьевского цикла). Отсчитываем от этого срока 50—55 лет — получаем 2005—2010-е гг. Именно сейчас многие страны столкнулись с необходимостью радикальной модернизации производства. Поэтому обычный промышленный кризис, порожденный рецессионным разрывом, заметно усиливается и обнажает противоречия, связанные не просто с обновлением основного капитала, а с необходимостью перехода к новому технологическому укладу.

Именно этот глобальный технологический сдвиг обусловил коренной пересмотр наших представлений о макроэкономической политике, ее целях и инструментах. Чем большую долю ВВП составляют информационные продукты и услуги, следовательно, чем более интенсивно

воздействие на макродинамику внешних эффектов по сравнению с прямыми коммерческими эффектами, тем меньше шансов, что механизмы саморегуляции приведут систему локальных рынков в равновесие. Обилие внешних эффектов приводит к тому, что агенты на локальных рынках получают искаженные ценовые сигналы и просто не в состоянии на них адекватно отреагировать. Следовательно, по мере развития информационного производства тает надежда на то, что «невидимые» руки и прочие части тела способны эффективно выполнять функции стабилизаторов макроэкономических систем.

Итак, один из важнейших уроков последнего мирового экономического кризиса заключается в том, что либеральная модель управления экономикой обнаружила практическую несостоятельность и полное теоретическое банкротство. Мы являемся свидетелями заката целой эпохи — *эпохи либерализма* в экономической политике современного государства.

Можно утверждать, что периодические колебания между дирижизмом и либерализмом, о которых часто говорят эксперты, накладываются на вполне отчетливый тренд, логика которого заключается в неуклонном возрастании роли государства. Можно сказать, что маятник, последовательно качающийся в сторону то дирижизма, то либерализма, характерен для экономической политики эпохи индустриального производства. На этапе перехода к информационному производству для либеральной экономической политики не остается достойного места [2; 3].

Не следует думать, будто интенсивное участие государства в экономике является гарантией сбалансированного и устойчивого роста. Целый ряд моделей (как неоклассических, так и кейнсианских) делает вывод о том, что задачей правительства является лишь поддержание «естественных», «гарантированных» темпов роста, обусловленных приращением предельного (наиболее дефицитного для данной макросистемы) ресурса, и существенное превышение этих темпов в долгосрочной перспективе невозможно. Однако этот вывод верен только для «равновесных» макросистем, в которых объем инвестиций равен объему сбережений. В реальных макросистемах, к счастью, такого не бывает, поэтому, повышая норму накопления, государство может активно вмешиваться в процессы стимулирования экономического роста, обеспечивая модернизационный рывок на долгосрочных горизонтах.

Ясно, что поначалу «видимая» рука государства тоже будет давать сбои. Во многих странах мы столкнемся с так называемыми «провалами государства», когда именно из-за вмешательства правительства будет трудно сбалансировать локальный рынок. Например, помогая

науке, можно раздавать деньги всем подряд, не отличая новатора от прожектера. Такие перегибы, безусловно, будут. Но это не причина, чтобы снова вернуться к «автопилоту», отказавшись от «ручного» управления. Сегодня, в период становления эпохи господства информационных технологий, применение либеральных инструментов регулирования невозможно, потому что макросистемы просто перестают их слушаться.

Хорошим примером такого рода является снижение ставки рефинансирования правительствами разных стран мира. В любом учебнике написано, что управление ставкой рефинансирования помогает центробанку регулировать коммерческую учетную ставку: поднимается ставка рефинансирования — ползет вверх prime rate, а с ней и вся система коммерческих учетных ставок, опускается ставка рефинансирования — за ней снижается и prime rate, а следом — и среднерыночная ставка процента по кредитам. В современном мире этого не происходит, и не нужно быть пророком, чтобы уверенно утверждать, что этого не будет и впредь.

Справедливости ради заметим, что отсутствие этой связи в российской экономике стало очевидным не вчера. В середине 1990-х гг. наша страна уже пережила период жесткой монетарной политики и максимально возможного сжатия объема денежной массы. Это привело к тому, что правительство фактически перешло к проведению политики дорогих денег, не объявляя об этом прямо. Дефицит ликвидности, как легко понять, привел к взлету коммерческой учетной ставки, а ставка рефинансирования вынуждена была догонять ее запоздалыми и совершенно нелогичными прыжками. Тем самым, ставка рефинансирования перестала быть инструментом монетарной политики.

Кроме того, удорожание кредитных ресурсов привело к развертыванию инфляции издержек, поскольку их привлечение выступает статьей издержек практически любого производственного процесса. Таким образом, в результате проведения жесткой монетарной политики никакого инфляционного эффекта не достигается, а, напротив, раскручивается маховик инфляционной спирали [4].

Помимо этого, взамен полноценных ликвидных денежных агрегатов каналы денежного обращения наводняются низколиквидными агрегатами (векселя, сертификаты, долговые расписки, деривативы и проч.), которые частные агенты вынуждены принимать в уплату. Эмиссию этого финансового хлама, как легко понять, правительство не способно контролировать, а между тем, эти «плохие» деньги, с которых можно не платить налоги, вытесняют из оборота «хорошие»

деньги, так что истинный объем платежных средств, обращающихся в такой экономике, остается тайной прежде всего для правительства.

Таким образом, вероятно, по иронии эксперты МВФ называют жесткую монетарную политику инструментом обретения контроля над финансовой системой. В результате реализации предлагаемого ими комплекса мер правительство почти полностью *утрачивает* контроль над монетарной системой страны.

Нечто подобное (хотя и не в столь жесткой форме) имеет место сегодня в большинстве развитых стран, практикующих снижение ставки рефинансирования. В результате проведения этой беспомощной монетаристской политики напряжение в экономике ничуть не уменьшается (поскольку коммерческая учетная ставка не собирается опускаться), зато банковский сектор, которому деньги достаются практически даром, получает невиданные возможности для спекулятивных операций на финансовых рынках. Проблема заключается в том, что коммерческая учетная ставка по-прежнему ползет вверх, а это значит, что политика дешевых денег, декларируемая правительством, касается исключительно банковской сферы. Вся остальная экономика (в первую очередь, реальный сектор) по-прежнему живет в условиях дорогих денег. Тем самым, банковская система перестает эффективно выполнять одну из важнейших своих функций, а именно — перекачивать сбережения в инвестиции.

При этом надежд на то, что банковская система одумается и облегчит доступ к деньгам для частных агентов, нет на самом деле никаких. Ни на каком квазимонопольном рынке цена блага не зависит от издержек его производства, она определяется только спросом. Если цена нефти падает, отсюда не вытекает, что должна упасть цена на бензин. Точно так же и на рынке денежных активов. Ставка рефинансирования — это издержки банковской системы, по которым ей достаются кредитные ресурсы, а коммерческая учетная ставка — это их продажная цена. Снижение издержек *не приводит* к снижению цены реализации: на рынке кредитов в точности такая же ситуация, что и на рынке бензина.

В этих условиях правительство России до недавнего времени сохраняло относительный контроль над развитием банковского сектора во многом именно благодаря тому, что ставка рефинансирования в нашей стране не опускалась до безобразно низких пределов (как в США и Евросоюзе), а догоняла prime rate. По возвращении с Давосского форума в январе 2009 г. премьер-министр В.В. Путин твердо заявил, что в России не ожидается снижение ставки рефинансирования, поскольку правительство намерено и впредь придерживаться из-

бранной логики антиинфляционной политики. Хотя лично для меня антиинфляционная ценность этой логики сомнительна (темпы инфляции определяются, естественно, не ставкой рефинансирования, а коммерческой ставкой процента по кредитам), но, во всяком случае, правительство удерживало под некоторым контролем доходы банковской сферы, не становясь заложником ее интересов, как это произошло во многих развитых странах.

В начале 2009 г. ставка рефинансирования составляла 13%, что не так уж много с учетом спрогнозированных на 2009 г. двузначных темпов инфляции. Однако в конце апреля 2009 г. банковскому сектору впервые удалось пролоббировать снижение ставки рефинансирования, а впоследствии она снижалась еще несколько раз.

Этот факт свидетельствует о двух взаимосвязанных аспектах. Во-первых, не случаен момент, когда этого удалось добиться: после того, как было официально объявлено, что ВВП в первом квартале 2009 г. оказался на 9,5% меньше ВВП первого квартала 2008 г., правительство предприняло соответствующий шаг, пытаясь вызвать оживление банковской деятельности и за счет этого замедлить спад ВВП. Однако нужен ли сегодня России такой прирост ВВП, основная часть которого достигнута за счет финансово-торговых операций, — это большой вопрос. К тому же этот шаг, приводящий к приросту ВВП в краткосрочном периоде, в среднесрочной перспективе усугубляет стагнацию производственных отраслей, поскольку увеличивает возможности банковского сектора наращивать прибыль, минуя кредитование и финансирование реального сектора. Тем самым (и это во-вторых), предпринятая мера по своей сути ошибочна и свидетельствует об отсутствии у правительства внятной программы действий и о подверженности его решений текущим обстоятельствам без учета долгосрочных интересов экономического развития.

Сегодня взамен внятной инвестиционной политики мы наблюдаем беспомощное накачивание деньгами банковской сферы, которая использует эти деньги не для инвестирования реального сектора отечественной экономики, а преимущественно для скупки иностранной валюты, что, естественно, повышает ее курс, ослабляя российский рубль. Иными словами, банковская система готовится к тому, что предприятия реального сектора скоро обратятся за долларовыми кредитами, столкнувшись с необходимостью погашения внешнего долга, так что банки будут обогащаться постольку, поскольку будут беднеть и разоряться агенты реального сектора, как это уже было в России в середине 1990-х гг., в период искусственно вызванного правительством кризиса неплатежей.

В этом смысле банковские учреждения, накапливая долларовую массу, ведут себя вполне рационально: они помогут предприятиям рассчитаться по внешним долгам, взамен прибирая к рукам их реальные активы. Однако как раз сейчас для России ослабление рубля опасно именно потому, что у нас огромный *частный* внешний долг (он превысил 600 млрд дол.), львиная доля которого номинирована в иностранных валютах. Поэтому низкий курс рубля уменьшает шансы фирм-должников, производство которых ориентировано в основном на внутренний рынок, вовремя расплатиться по долгам.

Таким образом, основная проблема нашей экономики заключается не в том, чтобы в ней было «много» денег, а в том, чтобы эти деньги работали на развертывание инвестиций и прирост производства в реальном секторе. Поэтому нужно вначале разработать федеральные инвестиционные программы, затем выстроить институциональные каналы, по которым пойдут в реальный сектор финансовые ресурсы, необходимые для запуска инвестиционных процессов, а после этого обеспечить накачивание этих выделенных каналов деньгами от Центробанка. Это очень непростой путь, усеянный большим количеством граблей, но, к сожалению, альтернативы нет. Пока что все происходит наоборот: деньги в банковский сектор идут уже давно, каналы доведения этих денег до реального сектора еще только обсуждаются, а о федеральных инвестиционных программах (не только в части их реализации, но и в части разработки) пока что нет и речи.

Важная причина, по которой необходимы разработка и реализация именно федеральных инвестиционных программ, заключается в том, что наша страна очень неоднородна как по уровню экономического развития, так и по характеру экономической динамики. Именно этот факт и затрудняет выполнение данной задачи. Некоторая часть российских регионов (например, г. Москва) испытывает рецессионный разрыв, другая часть (например, Ульяновская область) пребывает в состоянии инфляционного разрыва. В этом заключается основная причина того факта, что одни и те же решения, принимаемые на федеральном уровне, улучшают экономическое положение одних регионов страны и ухудшают динамику других (подробнее см.: [5, 6]). Более того, те же самые факторы, которые являются локомотивами развития одних регионов страны, выступают барьерами на пути развития других.

Налицо расхождение траекторий экономической динамики, при котором более сильные, развитые регионы упрочивают свое положение, а более слабые теряют и те немногочисленные ресурсы для развития, которые еще оставались в их распоряжении, постепенно превращаясь в

инвестиционную пустыню, в зону, свободную от производства. При этом попытки найти решения, которые обеспечили бы подъем экономики на всей территории страны, напоминают поиски волшебного лекарства, способного исцелить сразу всех пациентов многопрофильной больницы. Если у больных разные диагнозы, неразумно ожидать, что они поднимутся на ноги от одной и той же пилюли. Нашему правительству тоже пора осознать, что разные части и территории страны должны управляться в различных режимах. Поэтому никакие другие варианты правительственной инвестиционной политики, кроме разработки хорошо продуманной инвестиционной программы, действие которой должно охватывать всю территорию страны (с учетом непростых проблем неравномерности ее развития), в данном случае не помогут.

Заметим, что правительство, по-видимому, интуитивно ощущает глубину этой проблемы. Об этом свидетельствуют принятие инвестиционных программ поддержки отдельных депрессивных регионов и внимание к стратегическим программам развития некоторых территорий страны. Одним из шагов такого рода стало принятие стратегической программы развития Дальнего Востока и Забайкальского региона до 2025 г. Впервые в нашей стране утверждается документ столь длительного горизонта действия, сопровождаемый четко обозначенными источниками денежных средств, которые должны быть направлены на его реализацию.

Еще один ответ на сложившуюся региональную дифференциацию, который состоялся в январе 2010 г., — это выделение Северо-Кавказского федерального округа, где сосредоточены регионы, находящиеся в инфляционном разрыве, в отличие, например, от Краснодарского края, Ростовской и Волгоградской областей, пребывающих в состоянии рецессионного разрыва и оставшихся в составе Южного федерального округа. Основной целью данного шага, по-видимому, следует считать именно формирование особого режима управления регионами, испытывающими инфляционный разрыв. Это управление должно быть связано со стимулированием в первую очередь совокупного предложения, а не совокупного спроса.

Суммируя проблемы, с которыми столкнулась российская экономика, можно утверждать, что сроки выхода из кризиса и возвращения на траекторию устойчивого роста всецело зависят от действий правительства, от своевременности и правильности принимаемых мер.

Адекватный подход к сложившейся ситуации заключается не в том, чтобы подавить или преодолеть возникающие макроэкономические риски, а в том, чтобы научиться жить в условиях глобальной неста-

бильности и этими рисками управлять. Приспособить к возникшим условиям экономическую политику государства — задача невероятно сложная, однако другого пути не существует. Ближайшие годы должны выдвинуть в разных странах мира новых, широко мыслящих лидеров, которые примут этот подход и научатся действовать в системе глобальных рисков и неопределенностей и в этих условиях принимать на себя ответственность за развитие своих стран, за решение насущных задач экономической политики.

Литература

1. *Медведев Д.А.* Выступление на заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию России, 25 ноября 2009 г., Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова // <http://www.kremlin.ru/transcripts/6108>.
2. *Нижегородцев Р.М.* Стратегия инновационного прорыва для России // *Экономические стратегии*. 2008. № 1.
3. *Нижегородцев Р.М.* Управление беспорядком: глобальные уроки экономического кризиса // *Проблемы управления*. 2009. № 3.
4. *Нижегородцев Р.М.* Современная инфляция: формы, факторы, последствия и пути преодоления. Гомель, 2007.
5. *Нижегородцев Р.М.* Россия перед выбором: ключевые макроэкономические проблемы и возможные пути их решения // *Экономика развития региона: проблемы, поиски, перспективы: Ежегодник*. Вып. 7: В 2 т. Т. 1. Волгоград, 2006.
6. *Нижегородцев Р.М.* Парадигма неравновесной динамики макросистем и проблемы регионального развития // *Бизнес Информ*. Харьков, 2009. № 4(1).

М.Л. ХАЗИН

Почему нынешний кризис — системный?

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся современного системного производства в мировой экономике и экономике США.

Ключевые слова: мировая экономика, системный кризис, США, спрос и предложение.

Abstract. In the article the questions, concerning modern system production in world economy and economy of the USA are considered.

Keywords: world economy, system crisis, the USA, supply and demand.

Эти слова — *системный кризис* — все уже произносили столько раз, что они постепенно потеряли смысл. Да и, собственно, далеко не все из тех, кто их произносил, понимали, что они означают. Разумеется, дать точное и устраивающее всех объяснение сложно, или даже невозможно. В настоящей статье дается вариант объяснения, основанный на разработанной в начале 2000-х гг. рядом российских экономистов теории современного кризиса.

Суть этой теории состоит в том, что нынешний кризис вызван падением конечного спроса в США (ну, и во всем мире соответственно, поскольку США по паритету покупательной способности создает порядка 40% совокупного мирового спроса). Напомним, что спрос является конечным в том случае, если тот, кто купил товар или услугу, не переносит ее стоимость на продукты своего труда (в бухгалтерии это называется «амортизация»), не продает их. Все остальные экономические агенты что-то покупают с одной-единственной целью — перепродать то, что сами производят, но вся эта деятельность имеет смысл только в том случае, пока где-то там, в конце производственной цепочки, стоит конечный спрос. Если он исчезает — всё: экономическая машинка рано или поздно останавливается.

Конечный спрос бывает двух видов — со стороны государства и со стороны домохозяйств (мы пока оставляем более тонкую тему экспорта/импорта, которая возникает, если рассматривать отдельное государство). Поскольку спрос государства существенно ниже частного (для США раза в четыре, как минимум), то ключевое значение имеет как раз последний. Падать он может по двум причинам: снижения доходов и/или ослабления механизмов его стимулирования (например, за счет кредитов). Собственно, как только спрос по какой-то причине начал падать, по упомянутой выше производственной цепочке пошел сигнал, началось снижение производства, увольнение лишних работников, снижение зарплат и премий — и стали падать доходы домохозяйств и государства. Такое регулярно бывает в капиталистической экономике, которая по своей природе циклична. Падение бывает настолько сильным, что темпы роста экономики становятся отрицательными (если это происходит достаточно долго, это называется «рецессия»), но рано или поздно рост начинается снова. Сегодня, к сожалению, ситуация более серьезная, несмотря на то, что спад идет уже года полтора, никаких сигналов к росту не наблюдается. Почему?

Дело в том, что в предыдущие годы спрос домохозяйств активно стимулировался за счет кредитной накачки. Долги домохозяйств перед

кризисом быстро росли (примерно на 10% в год — существенно быстрее, чем их доходы, которые, в общем, по покупательной способности, с учетом реальной инфляции, не росли вообще), и это не просто стимулировало спрос, но и создавало в экономике постоянную ситуацию ускоренного роста денежной ликвидности. Иначе говоря, количество свободных денег все время росло ускоренными по сравнению с ростом экономики темпами.

В такой ситуации должен быть либо рост инфляции, либо (если избыток денег удастся сконцентрировать в отдельных секторах экономики) рост финансовых пузырей. Собственно, так и происходило: цены на фондовом рынке, стоимость недвижимости и цены на некоторые другие активы стремительно увеличивались. И чем больше они увеличивались, тем больше было желание взять под их залог новый кредит и попытаться либо получить дополнительный доход, либо просто потратить эти деньги, еще более увеличив потребление.

Но мы знаем, что долго жить в кредит невозможно — рано или поздно наступит момент, когда текущие доходы начинают полностью уходить на обслуживание долгов. В США политика стимулирования спроса («рейганомика») началась в 1981 г. (точнее, в 1981 г. началось стимулирование государственного спроса, частный же стали стимулировать с 1983 г.), но, вообще говоря, до сих пор такую политику никогда не удавалось продолжать долго. Это естественно: если человек берет кредит на пять лет, то в первый год его потребление действительно растет, но по итогам пяти лет оно реально падает, поскольку возратить нужно не только сумму кредита, но еще и проценты. И единственный способ удлинить срок действия такого стимулирования — постоянное рефинансирование задолженности.

Причем, поскольку реально располагаемые доходы домохозяйств за это время в действительности не росли, то новые кредиты должны не просто погасить старые, но и обеспечить ускоренный рост потребления и ограниченный (а лучше — нулевой) рост текущих платежей по возрастающей задолженности. Соответствующий механизм был реализован и состоял в том, что все это время — с 1981 по 2008 г. — снижалась стоимость кредита.

Для понимания этого достаточно посмотреть на график учетной ставки Федеральной резервной системы США, которая была равна 19% в 1981 г., и с тех пор, постепенно снижаясь, дошла в конце 2008 г. до нуля. Вот тут-то и стало понятно, что кризис неизбежен.

И вот теперь можно объяснить, почему текущий кризис можно назвать системным. Потому что за почти 30 лет была создана система перераспределения денег, выстроенная на трех базовых принципах:

постоянном росте спроса; постоянном росте денежного предложения; постоянном снижении стоимости кредита.

Эта система позволяла финансовым институтам, которые и работали с деньгами, существенно перераспределить в свою пользу общий объем прибыли, который создавался в экономике. Если в 1950-е гг. доля финансового сектора в общей прибыли корпораций составляла не более 10%, то сегодня она — более 50%. Если тогда долг домохозяйств не превышал 50% годового дохода, то сегодня он — более 130% годового дохода.

Понятно, что домохозяйства теперь будут больше выплачивать долгов, чем потреблять, а кредитов им никто не даст, поскольку вернуть их они не смогут. Объем денег в экономике тоже перестает расти, а значит, нужно менять систему, в частности, увеличивать долю прибыли реального сектора, поскольку иначе он работать не сможет, и зарплату платить тоже, а значит, не будет источников роста экономики. Но беда в том, что за прошедшие 30 лет именно финансовая элита стала определять «правила игры» в политике и системе государственного управления, а она — пока во всяком случае — категорически не желает менять систему, в рамках которой получает 50% всей прибыли в экономике. Особенно, с учетом того, что, вероятно, сократить ее придется более, чем в 5 (!) раз (с учетом падения масштабов самой экономики)! И различных рычагов для сопротивления изменению нынешней экономической системы у финансовой элиты есть множество.

Теоретически можно было бы для стимулирования спроса (т. е., по большому счету, всей экономики) списать с потребителей долги. Или хотя бы их реструктурировать. Но и здесь есть проблема: все эти долги — это активы той самой финансовой системы, их списание — массовые банкротства банков, страховых компаний и других финансовых учреждений. На это пойти очень страшно. Нужно еще не забывать, что «кто девушку кормит, тот ее и танцует»: за эти десятилетия все общество уже прочно усвоило, что основная прибыль образуется именно в финансовой системе, а значит, именно она и должна руководить экономикой. И под эту модель были пересмотрены и все программы обучения в университетах (пресловутый монетаризм), и система обучения менеджеров, и все остальное. Даже экономические чиновники в Белом доме — все, как один, — выходцы с Уолл-стрит.

В такой ситуации не получается не то что что-то сделать, а даже просто внятно обсудить создавшиеся проблемы, что хорошо видно по крупным мировым форумам типа G-20, на которых «почему-то» причины кризиса вовсе не обсуждаются. А сделать что-то в ситуации, когда сломан сам «мотор», который обеспечивал развитие, основанный на трех приведенных выше принципах, невозможно — нужен новый

«мотор», который не то что запустить, но даже обсудить пока что не получается.

И в этом, собственно, и состоит сегодняшняя проблема, или, если угодно, системность кризиса. Мы почти 30 лет ехали на машине, у которой на сегодня исчерпан ресурс двигателя. Починить его уже невозможно, можно только попытаться создать новый. Но это тяжелая, многолетняя работа, требующая публичных обсуждений, изменений всех институтов экономики, да и не только экономики, но и общественных, и государственных институтов, которые сложились за эти годы. Это — не рецессия, это — системный кризис.

Р.М. НУРЕЕВ, Д.И. КОНДРАТОВ

Автомобильная промышленность: тенденции развития

Аннотация. В статье рассматривается мировой рынок легковых автомобилей до и после кризиса, особенности его роста на рубеже веков, исследуются мировое производство транспортных средств по сегментам и крупнейшие компании производители. Показывается изменение производства автомобилей за последние 20 лет. Анализируется динамика структуры рынка легковых автомобилей в России в 2001—2009 гг. Рассматривается, как современный кризис повлияет на передел мирового рынка автомобилей и тенденции его развития (в страновом и ценовом аспектах). Авторы делают краткосрочный и долгосрочный прогноз развития российского рынка автомобилей.

Ключевые слова: рынок автомобилей, мировое производство, рыночные структуры, анализ издержки-выгоды, государственное регулирование, прогноз, особенности российского рынка.

Abstract. The article deals with the world car's market before and after economic crisis. The paper analyses features of its growth on a boundary of centuries is considered, manufacturers are investigated world production of means of transport on segments and the largest companies. Change of production of cars for the last 20 years is shown. Dynamics of a market organization of cars in Russia in 2001—2009 is analyzed considered, as modern crisis will affect repartition of the world market of cars and the tendency of its development (in country and price aspects). Authors do short-term and a long-range forecast of development of the Russian market of cars.

Keywords: market of cars, world production, market structures, costs-benefits analysis, state regulation, forecast, features of Russian market.

1. В преддверии кризиса

Автомобильный рынок переживает ныне черные времена. Спад в промышленности в мировом производстве оказался необычно глубоким. Он охватил все страны, но больше всего Россию. Каковы причины последствия и ожидаемые перспективы его развития — это проблемы, которые широко обсуждаются в печати. И чтобы правильно ответить на них, необходимо проанализировать тенденции развития, которые мы наблюдали в начале XXI в. Наша статья поэтому посвящена ситуации, сложившейся на этом рынке в преддверии и в период кризиса. Это позволит построить прогноз развития автомобильной промышленности на ближайшую и отдаленную перспективу.

1.1. Рынок легковых автомобилей: особенности роста на рубеже веков

Мировое производство автомобилей в последние годы росло довольно быстрыми темпами. С 1995 по 2007 г. оно увеличилось в 1,45 раза (рис. 1).

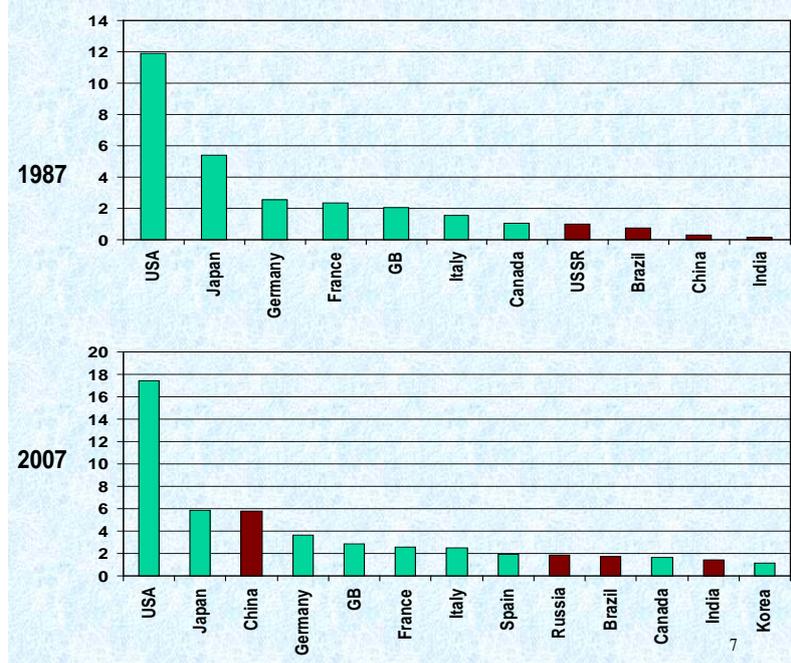

Рис. 1. Изменение рынка автомобилей за последние 20 лет

Источник: Ernst & Young.

Углубление рынка происходило за счет повышения роли стран БРИК. Традиционные рынки сборки автомобилей продемонстрировали в этот период довольно незначительные темпы роста. Что же касается Китая, Индии, Восточной Европы и России, то для них были характерны высокие темпы роста. Китай стал вторым по величине автомобильным рынком в мире, обогнав Германию. В результате доля Америки и Европы заметно снизилась (соответственно с 34 до 28% и с 35 до 32%). И наоборот, доля Азии и Океании в мировом производстве автомобильной техники увеличилось с 31 до 38%.

Так, автомобили азиатского производства приобретали популярность не только за пределами региона, но и внутри него. В 2007 г. одним из самых быстрорастущих рынков продолжал оставаться Китай, где производство увеличилось на 40%, а доля в производстве легковых автомобилей в Азиатско-Тихоокеанском регионе составила 39,2% [1] (рис. 2).

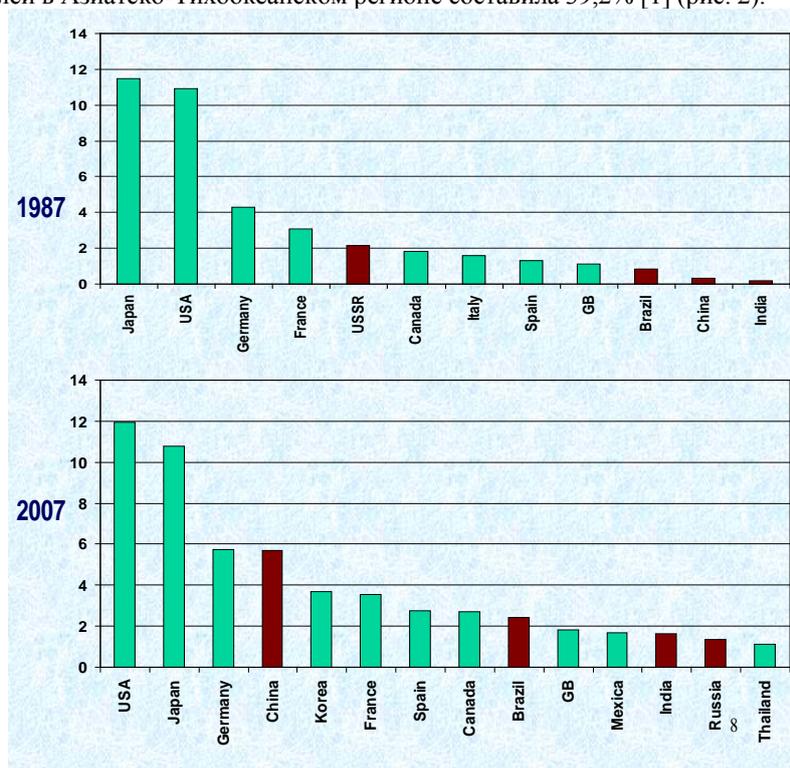

Рис. 2. Изменение производства автомобилей за последние 20 лет
 Источник: Ernst & Young.

Росла доля и Южной Кореи, еще одного крупного азиатского рынка. В 2007 г. она достигла 5,6% в объеме мирового производства и 19,4% в объеме производства стран Азиатско-Тихоокеанского региона. За последние несколько лет данная страна наращивала экспортный потенциал, ежегодно увеличивая его на 15—20% в год. Главными импортерами продукции были США и Европа, затем Индия, Китай и Россия.

Если посмотреть на изменение рынка за 1987—2007 гг., то увидим, что за последние 20 лет произошли некоторые структурные изменения (рис. 3). Если в 1987 г. на первом месте стояли Соединенные Штаты Америки с долей рынка 12%, на втором — Япония (5%), на третьем — Германия, то в 2007 г. вместо Германии на третье место переместился Китай (рис. 1). Что же касается США, то их отрыв от Японии на рынке автомобилей несколько увеличился. И даже в большей пропорции, чем увеличилось их производство (рис. 2).

Если в 1987 г. Япония занимала первое место по производству автомобилей, то в 2007 г. она уступила пальму первенства США. В 2007 г. на четвертом месте оказался Китай, а на пятом — Корея, которые отгеснили Францию и Россию (СССР). Если в 2007 г. в Китае было произведено больше автомобилей, чем во Франции, то в 2010 г., по мнению аналитиков, Индия превзойдет по этому показателю Великобританию.

Страны с развитой экономикой по мере возрастания их технологического и кадрового потенциала, а также в связи с ростом заработной платы постепенно переносят собственные производственные мощности в страны догоняющего развития, которые по своему технико-экономическому уровню следуют за ними [2, 43—50].

1.2. Рынок легковых автомобилей в России

Хотя общий уровень производства автомобильной техники России 1990 г. еще не достигнут, производство легковых автомобилей стало тем быстроразвивающимся сегментом, который позволил приблизиться к докризисным объемам производства. Динамика производства легковых автомобилей в натуральном выражении в России характеризовалась четко прослеживаемой тенденцией к подъему, начавшемся в 2002 г. Уже в 2004 г. в этом сегменте был достигнут уровень 1990 г.

Если посмотреть на динамику подержанных автомобилей, то видно, что идет замещение этого сегмента сегментом новых иностранных автомобилей (рис. 3). Уже сейчас основная доля подержанных иномарок принадлежит праворульным японским автомобилям. Объемы поставок подержанных автомобилей из Европы и Америки в последнее

время уменьшились в несколько раз. А поток легковых автомобилей из Японии (который идет через дальневосточную таможню) остался на стабильном уровне в объеме около 200 тыс. автомобилей в год. В дальнейшем машины распределяются по территории России по принципу — чем дальше от восточной границы, тем меньше праворульных машин.

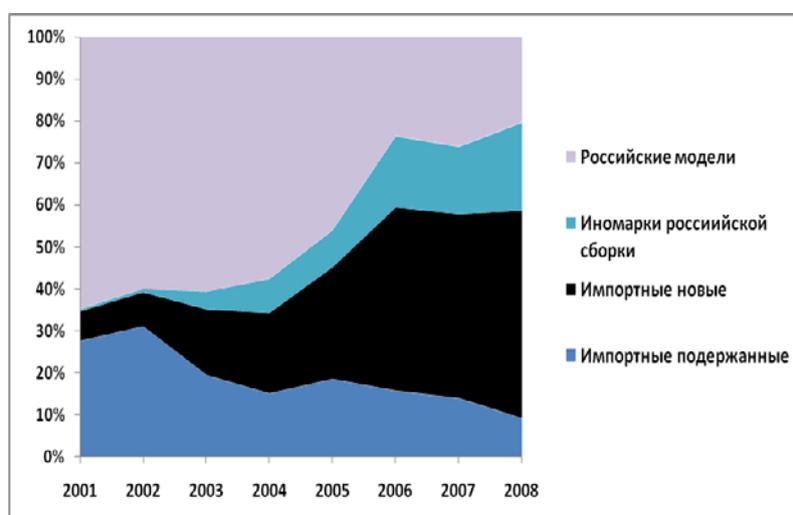

Рис. 3. Динамика структуры рынка легковых автомобилей, 2001—2008 гг.

Источник: АСМ-Холдинг.

В настоящее время автомобили, произведенные на территории Российской Федерации, принято подразделять на две группы, различающиеся как по своей сути (значению для экономики страны в целом), так и по темпам роста: отечественные автомобили; иномарки, собранные на территории Российской Федерации¹.

Динамика производства легковых автомобилей представлена в табл. 1.

¹ Автомобили иностранных марок, хоть и производятся в России, не могут быть отнесены к отечественным автомобилям, поскольку входят в международные отчеты соответствующих компаний.

Таблица 1

**Динамика производства легковых автомобилей
на территории РФ, тыс. шт.**

Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Всего	986	840	954	969	1022	981	1012	1110	1069	1174
в том числе отечественные а/м	973	830	50	965	1016	970	955	982	912	885
иномарки	13	10	4	4	6	11	57	128	157	289

Источник: данные ИНП РАН, Автостат, Росстат; <http://www.vedomosti.ru/newsline/index.shtml?2007/12/19/524803>.

Отечественные автомобили. Основной тенденцией за последние несколько лет в области производства отечественных легковых автомобилей стало сокращение числа крупных заводов, их выпускающих. Это число уменьшилось с семи в 1995 г. до трех (АвтоВАЗ, ГАЗ, УАЗ) в 2006 г.. Причины этого у каждого из них были разные: банкротство (АЗЛК), отказ от выпуска отечественных автомобилей в пользу иномарок (Камаз, Иж). Такое сокращение числа игроков, а также уменьшение выпуска на самих заводах, естественным образом сказалось на числе общего выпуска.

Иномарки, собираемые на территории России. С автосборочными предприятиями на территории РФ наблюдается совершенно противоположная картина. Их число, напротив, увеличилось с одного в 1999 г. до восьми в 2006 г. при постоянном росте выпуска на каждом из них. При этом тенденция увеличения количества заводов будет продолжаться — о своих намерениях в данной области уже заявили концерны «Пежо/Ситроен», «Дженерал Моторс», китайские автопроизводители; заводы фирм «Нисан», «Тойота» и «Фольксваген» уже построены.

Принятые российским правительством в 2005 г. решения также свидетельствуют о том, что чиновники сделали основную ставку на привлечение крупнейших мировых автоконцернов к созданию производства в России и, судя по всему, именно в этом видят будущее российского автопрома. Весной 2005 г. Правительство Российской Федерации отменило или снизило пошлины на 61 позицию автокомпонентов, ввозимых для промышленной сборки, и упразднило таможенные

сборы с некоторых видов технологического оборудования для автопрома².

Промышленная сборка имеет свои плюсы и минусы.

К первым следует отнести то, что промышленная сборка:

- частично замещает импорт;
- в перспективе ведет к организации производства автокомпонентов;
- способствует трансферу технологий.
- В качестве неблагоприятных последствий она имеет то, что:
- происходит снижение доли рынка российских автопроизводителей;
- возникает «скрытый импорт» готовых автомобилей.

Однако будет еще хуже, если такую промышленную сборку не развивать вообще. Бездействие тоже содержит в себе риски. К их числу следует отнести дальнейшее расширение импорта готовых автомобилей и низкий интерес инвесторов к российскому автопрому.

Обычно соглашение по сборке предусматривает требования к мощностям (не менее 25 тыс. в год) и составу производственных операций (сварка, окраска, сборка). Это способствует увеличению инвестиций в российское производство. Однако при этом необходимо уменьшение таможенных пошлин на ввозимые автокомпоненты. Лишь в дальнейшем по мере расширения промышленной сборки может быть сформулировано требование поэтапного сокращения ввоза автокомпонентов.

Внутренний рынок России формировался из следующих основных сегментов: автомобилей российского производства, подразделяющихся на машины отечественных марок и иномарки российской сборки, и иномарок зарубежного производства, подразделяющихся на новые машины и машины, бывшие в эксплуатации³.

Рынок автомобилей отечественных марок определяется объемами их производства, за вычетом относительно небольшой их части, иду-

² Постановление Правительства РФ № 166 от 29.03.2005 г. «О внесении изменений в Таможенный тариф Российской Федерации в части автокомпонентов, ввозимых для промышленной сборки».

³ В свою очередь, новые иномарки могут классифицироваться по странам происхождения, с выделением стран ближнего и дальнего зарубежья, в то время как бывшие в эксплуатации иномарки в подавляющем большинстве поступают в Россию из стран дальнего зарубежья. Новые иномарки в основном поступают в Россию путем организованного импорта, подержанные иномарки ввозятся в индивидуальном порядке и поэтому определяют объем «серого» и «черного» импорта.

щей на экспорт. В то же время иномарки российской сборки практически в полном объеме попадают на внутренний рынок.

Бурный рост продаж новых иностранных автомобилей в России начался с 2004 г. Практически с начала года многие самые дешевые иномарки оказались в дефиците, и за ними впервые начали выстраиваться очереди. Росту данного сегмента рынка способствовали развитие сборочных предприятий на территории России, а также повышение импортных пошлин на подержанные автомобили. Быстрый рост сохранился и в течение всего 2005 г. В итоге доля новых иномарок выросла до 31,8% первичного рынка России. Темпы прироста сохранились и в 2006 г. Продажи новых иномарок за год выросли на 50%, а ежемесячный объем к концу года практически сравнялся с объемом продаж отечественных автомобилей. 2007 г. в очередной раз стал рекордным. К концу года иномарки занимали уже почти 2/3 рынка, а ежемесячный объем их реализации превысил отметку в 100 тыс. машин. Увеличение импорта автомобильной техники стало важнейшим фактором стремительного роста импорта вообще (и машиностроения в особенности), который наблюдался в начале XXI в.

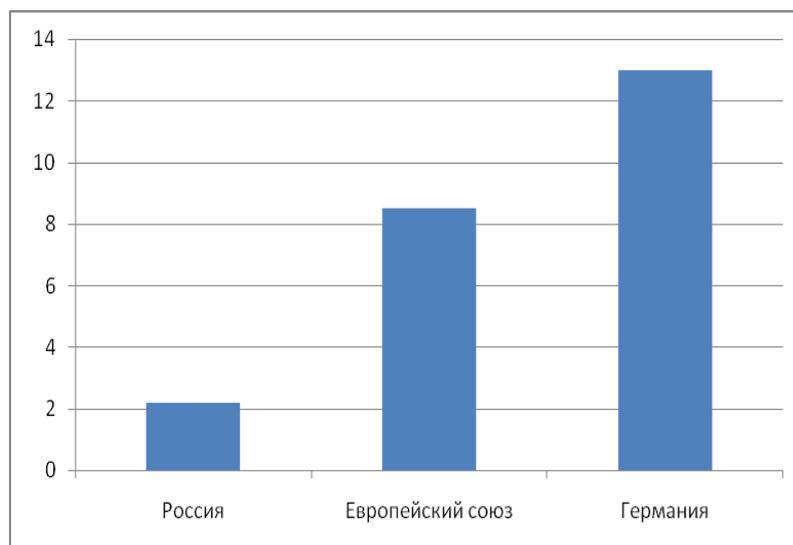

Рис. 4. Доля продукции автомобилестроения в ВВП, %

С ростом доходов населения увеличиваются покупки граждан Российской Федерации более дорогих машин. Однако по-прежнему про-

даже новых иномарок на 1 млн населения в России заметно отставали от других развивающихся рынков, и даже от менее развитых стран с переходной экономикой. Если в Словении на 1 млн. населения в 2007 г. покупали почти 30 тыс. автомобилей в год, а в Португалии и Греции — свыше 20 тыс., то в России — менее 12 тыс. Пока мы опережали по этому показателю лишь Латвию, Словению, Польшу, Украину и Белоруссию.

Ориентация на иномарки, наметившаяся в начале XXI в., привела к тому, что доля автомобилестроения в отечественной промышленности по основным экономическим показателям уменьшилась (рис. 4). Если в 2001 г. доля автомобилестроения составляла в общем объеме промышленного производства 3,9%, то в 2007 г. — только 3,7%. В этот период доля автомобилестроения уменьшилась и в машиностроении в целом: с 25,6 до 21%. Не росла и численность работающих в этой отрасли.

Рис. 5. Распределение парка автомобилей

Примечание: по федеральным округам на 1.01.2007 г. (тыс. шт.).
Общее количество автомобилей — 31851.

Если в 2001 г. доля численности работающих в автомобильной отрасли составляла 5,1%, то в 2007 г. — только 4,8%. Медленнее, чем в других отраслях промышленности (и в промышленности в целом) росли инвестиции в основной капитал. Если в 2001 г. они составляли 3,2%, то в 2007 г. — только 2,0%. Обращает на себя внимание низкая эффективность труда в отрасли. Численность работающих составляла 4,8%, тогда как доля в общем объеме промышленного производства — 3,7%, а в инвестиции — 2,0%. Таким образом, отдача от работающих

была меньше их численности. Более того, отмеченная негативная тенденция была характерна для всех семи лет, предшествующих кризису. Это означает, что неблагоприятная тенденция развития отечественной автомобильной промышленности до сих пор не преодолена.

Все это приводит к тому, что Россия до сих пор сильно отстает от передовых стран (например, Германии) и даже всех членов Евросоюза по доле продукции автомобилестроения в ВВП (рис. 4).

Несмотря на то, что распределение парка автомобилей по территории Российской Федерации кажется неравномерным (рис. 5), в действительности оно отражает пропорции регионов по населению (табл. 2). Небольшое исключение составляет лишь Центральный регион, в котором процент автомобилей выше численности населения. Наоборот, в Южном и Сибирском ситуация противоположна. Здесь процент автомобилей ниже численности населения. Однако эти расхождения не слишком значительны.

Таблица 2

Численность легковых автомобилей и населения по федеральным округам на 1 января 2007, %

	Центральный	Приволжский	Южный	Сибирский	Северо-Западный	Уральский	Дальневосточный	Российская Федерация
Численность автомобилей	29,1	20,0	13,6	12,1	10,7	9,5	5	100
Численность населения	26	21	16	14	10	9	5	100

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Основной проблемой для отечественного автопрома является то, что выбор в его пользу обусловлен только финансовыми ограничениями покупателя, а не приверженностью к марке (действует только конкуренция по цене), поскольку по качеству, потребительским характеристикам отечественные автомобили уже давно проигрывают зарубежным аналогам. Однако и этот главный козырь отечественных автомобилей (цена) в настоящее время все более теряет свою силу. В последние несколько лет значительно изменился ряд макроэкономи-

ческих факторов. Причем практически все они поменялись не в пользу отечественных производителей. Ежегодный рост тарифов и инфляция приводят к постоянному росту себестоимости производства по традиционным отечественным технологиям.

С начала 2000-х гг. цены на российские модели выросли на 70—75%. За счет откровенно протекционистских мер примерно на столько же выросли цены подержанных иномарок. При этом цены на новые иномарки фактически остались на прежнем уровне. Ежегодный рост доходов населения и постоянно растущая относительная доступность новых иномарок приводят к увеличению массового интереса и соответственно спроса на них. В последние 2—3 года включились в работу и банковские учреждения, предлагая все более интересные схемы автокредитования.

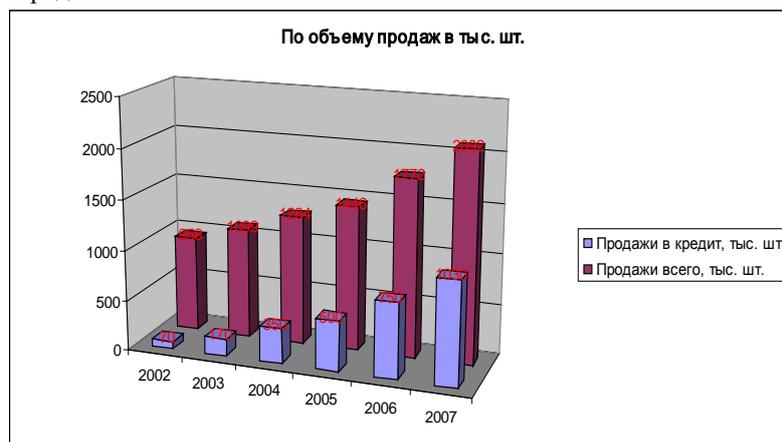

Рис. 6. Автокредитование в России

Развитие системы автокредитования происходит по трем направлениям: снижения процентной ставки, снижения обязательного минимального платежа, увеличения срока выдачи кредита. Помимо количественных изменений существенно упростилась процедура оформления кредита. Все эти условия привели к увеличению доли автомобилей, проданных в кредит, от менее 5% в 2001 до 25—35% (по разным оценкам) в 2007 г. (рис. 6). При этом есть существенные перспективы развития системы автокредитования. К примеру, в США продается в кредит около 80% автомобилей, а в Европе эта цифра составляет свыше 50%.

Развитие системы автокредитования воздействует как на объем совокупного спроса (смещение выбора в пользу более ранней покупки), так и на его структуру (трансформация выбора покупателя в пользу более дорогого/качественного автомобиля по отношению к более дешевому, или в пользу нового автомобиля по отношению к бывшему в употреблении (кредитные схемы на приобретение нового автомобиля выгоднее). В этом смысле показателен тот факт, что в том числе за счет развития автокредитования существенно снизилась доля продаж бывших в употреблении автомобилей.

Возвращаясь к разделению автомобильного рынка на отечественные и иномарки, следует констатировать факт неравномерного распределения кредитных средств по этим группам — большая часть кредитов идет на покупку иномарок.

Рынок автокредитования интересен банкам по следующим основным причинам:

- кредиты на покупку автомобиля в абсолютном большинстве являются обеспеченными, поэтому характеризуется более низкими размерами просроченной задолженности;
- ожидалось, что к 2010 г. рынок автокредитования будет развиваться более низкими, чем в 2004 — 2007 гг., темпами, однако в ближайшие несколько лет продукт будет обеспечивать банковским структурам стабильно высокие объемы выданных кредитов;
- стабильный рост рынка автокредитования обеспечивается растущей долей населения, готовой приобрести автомобиль в кредит, положительной динамикой автопродаж.

К факторам, способствующим росту рынка автокредитования в коммерческих банках, следует отнести: рост рынка автопродаж, наличие устойчивого постоянного спроса на автомобили, рост лояльности потребителей к банковской системе, наличие партнерских программ с автопроизводителями и страховыми компаниями, совершенствование технологичности автокредитов, изменение структуры автопарка в сторону более дорогих автомобилей.

Наоборот, в числе факторов, замедляющих рост рынка автокредитования через коммерческие банки, специалисты обычно называют: естественное постепенное насыщение рынка (предел насыщения рынка 50—60% от объема продаж новых машин), кредитование заемщиков через дочерние банковские структуры автопроизводителей, снижение срока пребывания кредита на балансе — по статистике 5-летний кредит «живет» на балансе банка 16 — 18 месяцев.

В то же время в начале XXI в. наметились перспективные тенденции развития рынка автокредитования. Не вдаваясь в подробности, назовем лишь основные из них:

- выход на рынок автокредитования дочерних структур производителей
- снижение темпов роста рынка в силу его насыщения
- снижение суммарного процентного дохода по автокредитам
- снижение интереса универсальных банков к классическому автокредитованию в силу снижения общей рентабельности продукта: (1) снижение процентных ставок участниками рынка, которые контролируются автопроизводителями; (2) увеличение комиссионных вознаграждений автосалонам; (3) увеличение рисков в связи с тем, что конкуренция сместится в область неценовых параметров — банки будут вынуждены упрощать процедуру выдачи автокредитов.

Однако самым скорбным для российского автопрома является не само отсутствие конкуренции с иномарками по качеству, а факт невозможности данного вида конкуренции как такового.

2. Автопром: особенности современного кризиса

Причинами кризиса 2008—2009 гг. в автомобильной промышленности стали перенакопление капитала, насыщение рынка, обострение конкуренции с азиатскими странами, падение покупательной способности населения в условиях социальной напряженности и роста безработицы.

Таблица 3

Реальный ВВП по странам ОЭСР (1984—2010), %

	Среднее 1984— 1994	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010 (прогноз)
Канада	2,5	2,8	5,2	3,0	2,9	2,5	0,4	-2,6	0,7
Эстония	—	—	9,7	9,2	10,4	6,3	-3,6	-13,9	-0,7
Финляндия	1,2	3,9	5,0	3,0	4,9	4,1	0,7	-4,7	0,8
Франция	2,2	2,3	4,1	1,9	2,4	2,3	0,3	-3,0	0,2
Германия	2,8	2,0	3,5	0,9	3,2	2,6	1,0	-6,1	0,2
Венгрия	..	1,5	5,2	4,1	4,1	1,2	0,4	-6,1	-2,2
Исландия	2,0	0,1	4,3	7,4	4,5	5,5	0,3	-7,0	-0,8
Ирландия	4,0	9,6	9,2	6,4	5,7	6,0	-2,3	-9,8	-1,5
Италия	2,2	2,9	3,9	0,8	2,1	1,5	-1,0	-5,5	0,4
Япония	3,5	2,0	2,9	1,9	2,0	2,3	-0,7	-6,8	0,7
Мексика	2,5	-6,2	6,6	3,2	5,1	3,3	1,4	-8,0	2,8

Продолжение табл. 3

Корея	8,5	9,2	8,5	4,0	5,2	5,1	2,2	-2,2	3,5
Испания	2,9	2,8	5,0	3,6	3,9	3,7	1,2	-4,2	-0,9
Швеция	1,4	4,2	4,5	3,3	4,5	2,7	-0,4	-5,5	0,2
Великобритания	2,5	3,0	3,9	2,1	2,8	3,0	0,7	-4,3	0,0
США	3,0	2,5	3,7	2,9	2,8	2,0	1,1	-2,8	0,9
Еврозона	2,5	2,5	4,0	1,8	3,0	2,6	0,5	-4,8	0,0
По странам ОЭСР	3,0	2,6	4,1	2,7	3,1	2,7	0,8	-4,1	0,7

Источник: OECD Economic Outlook, 2009.

По расчетам специалистов, в среднем реальный ВВП в странах ОЭСР сократится в 2009 г. на 4,1% (табл. 3). Наиболее сильно пострадали Эстония (спад на 13,9%), Ирландия (9,8%), Мексика (8%), Исландия (7%), Япония (6,8%), Венгрия и Германия (6,1%). Хотя падение реального ВВП в США было не столь глубоким, как в Евроне (снижение на 2,8 и 4,8% соответственно), отдельные отрасли производства (в том числе автомобилестроение) пострадали довольно сильно. Более глубокий характер спада в Европе был связан с обвалом на фондовых биржах Старого Света. Проведение мягкой монетарной политики со стороны Федеральной резервной системы сказалось на падении спроса на американские автомобили.

Таблица 4

Безработица в странах ОЭСР (1995—2010), %

	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010 (прогноз)
Канада	9,5	6,8	6,8	6,3	6,0	6,1	8,6	9,8
Финляндия	16,7	9,8	8,4	7,7	6,9	6,4	8,7	10,8
Франция	10,1	8,6	8,9	8,8	8,0	7,4	9,7	11,2
Германия	7,9	7,4	10,5	9,8	8,3	7,3	8,7	11,6
Греция	10,4	11,4	9,9	8,9	8,3	7,7	9,5	10,3
Венгрия	10,4	6,5	7,3	7,5	7,4	7,9	10,7	11,7
Исландия	4,7	2,3	2,6	2,9	2,3	3,0	8,4	9,9
Ирландия	12,3	4,3	4,3	4,4	4,6	6,0	12,2	14,8
Италия	11,3	10,2	7,8	6,8	6,2	6,8	8,4	10,2
Япония	3,1	4,7	4,4	4,1	3,9	4,0	5,2	5,7
Польша	13,3	16,1	17,7	13,8	9,6	7,1	9,0	11,6
Португалия	7,2	4,0	7,7	7,7	8,0	7,6	9,6	11,2
Словакия	13,1	18,8	16,2	13,3	11,0	9,6	11,8	13,6
Испания	18,7	10,8	9,2	8,5	8,3	11,3	18,1	19,6
Швеция	10,6	6,9	7,7	7,1	6,1	6,2	8,7	11,4

Продолжение табл. 4

Турция	7,5	6,3	10,0	9,7	9,6	10,4	15,2	16,4
Великобритания	8,6	5,5	4,8	5,4	5,4	5,7	8,2	9,7
США	5,6	4,0	5,1	4,6	4,6	5,8	9,3	10,1
Еврозона	10,4	8,2	8,8	8,2	7,4	7,5	10,0	12,0
В среднем по странам ОЭСР	7,2	6,0	6,6	6,0	5,6	5,9	8,5	9,8

Источник: OECD Outlook, 2009.

Как и всегда в период кризиса, начала быстро расти безработица. В США она достигла 9,3%, а в Евроне — 10%, в Испании, Турции, Ирландии и Венгрии она заметно превысила среднеевропейские данные (табл. 4).

В 2010 г., по прогнозам специалистов, большинство стран сумеют выйти из кризиса и начать экономический рост. Дольше всего кризисная ситуация сохранится в Испании и малых странах Европы. Предполагается, что в США уже начнется оживление (табл. 4). Однако высокий уровень безработицы в большинстве стран сохранится, это приведет к тому, что по показателю безработицы в 2010 г. европейские страны и США превысят показатели 2009 г. (табл. 4). Проблема безработицы в ближайшее время будет остро стоять в Испании (где она достигла 18,1% в 2009 г. и (по прогнозам) 19,6% в 2010 г.), Турции (15,2 и 16,4% соответственно), Ирландии (12,2 и 14,8%) и Словакии (11,8 и 13,6%).

Особенно сильно пострадало автомобилестроение Германии. В мае 2009 г. было объявлено о банкротстве «Opel». Та же участь постигла и американскую компанию «Chrysler LLC». Началась продажа большей части этой компании итальянскому концерну «FIAT». Несмотря на огромные вливания, осуществленные Правительством Бараком Обамы, спасти компанию «General Motors» (далее — GM) и предотвратить ее банкротство не удалось. «Процедура реорганизации автогиганта, по мнению специалистов, приведет к сокращению дилеров с 6000 до 3600 и предполагает сокращение персонала на десятки тысяч рабочих по всему миру, одиннадцать заводов GM будут закрыты, три приостановлены, а один перепрофилирован на производство малолитражных авто. Правительство США предоставит GM кредит в размере 30,1 млрд дол. на время прохождения процедуры банкротства (60—90 дней), которые впоследствии будут конвертированы в акции обновленной GM» [3].

Произошедшее в июне 2009 г. банкротство GM — четвертое по масштабам в истории США и самое крупное среди промышленных

компаний. Попытки реорганизации компании привели к отказу от производства «Pontiac»; а «Hummer» и «Saturn» проданы новому собственнику. Таким образом, в настоящее время в рамках концерна остаются лишь три марки («Chevrolet», «Cadillac» и «Buick»).

Теперь рассмотрим ситуацию на мировых автомобильных площадках. Аналитик «PricewaterhouseCoopers» по вопросам мирового автомобильного рынка Майкл Маккензи пишет: «Автомобиль возглавляет список товаров немассового спроса, и новая машина — это вторая по величине покупка после приобретения жилья. В настоящий момент потребители не спешат с покупкой автомобиля, и эта тенденция сохранится до тех пор, пока не повысится уровень их доверия. Отсутствие возможности получить кредит также весьма негативно сказывается на их финансовых возможностях, что естественным образом приводит к оттоку потребителей с данного рынка во всем мире»⁴. Его слова подтверждаются статистическими данными по производству автомобилей в мире и по странам (табл. 5).

Как видно из таблицы 5, больше всего из-за экономической рецессии пострадали страны Европейского союза, а именно Австрия (–33,8%), Финляндия (–24,4%), Бельгия (–13,2%), Франция (–14,8%), Испания (–12,0%) и Швеция (–15,6%). Среди стран Южной и Северной Америки стоит отметить государства, входящие в Североамериканскую зону свободной торговли (НАФТА): США (–19,3%), Канада (–19,4%). Однако показатели по Мексике увеличились. Прирост составил 4,6%. Далее отметим Азиатско-Тихоокеанский регион (Япония и Южная Корея). Японские и корейские автогиганты в период кризиса снижают объемы производства и сокращают численность рабочего персонала. Так, по данным «Toyota Motor Corp.», на основных заводах компании в 2008 г. объем международных продаж составил 8,328 млн машин, что на 11,7% меньше по сравнению с 2007 г. Однако 2009 г. стал самым черным за всю историю автоконцерна: объем продаж на мировом рынке снизится до 1,15 млн автомобилей.

Что же касается стран догоняющего развития, а именно БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), то ситуация более или менее стабильна. Так, индикаторы по Бразилии равны 8,2, России — 7,8, Индии — 2,7 и Китаю — 5,2%. Остановимся более подробно на этих странах.

Бразилия. На долю Бразилии приходится 75% объемов производства автомобилей в Южной Америке. Согласно статистическим показателям, рост в 2008 г. составил 2,7% по сравнению с 2007 г. Однако

⁴ «PricewaterhouseCoopers»: 2009 г. станет беспокойным для мировой автомобильной промышленности (20 января 2009 г.).

данная цифра меньше аналогичного показателя предшествующего года на 11,1% (13,8% — 2007 г.).

Таблица 5

**Производство автомобилей в мире
и в разрезе по странам (2007—2008)**

	2007			2008			Процентное изменение (2008/2007)
	Легковые авто-мобили	Коммерческий транспорт	Всего	Легковые авто-мобили	Коммерческий транспорт	Всего	
Австрия	199,969	28,097	228,066	125,436	25,441	150,877	-33,8
Бельгия	789,674	44,729	834,403	680,131	44,367	724,498	-13,2
Бразилия	2,391,354	585,796	2,977,150	2,561,496	658,979	3,220,475	8,2
Канада	1,342,133	1,236,657	2,578,790	1,195,436	882,153	2,077,589	-19,4
Китай	6,381,116	2,501,340	8,882,456	6,737,745	2,607,356	9,345,101	5,2
Финляндия	24	303	24,303	18	376	18,376	-24,4
Франция	2,550,869	464,985	3,015,854	2,145,935	423,043	2,568,978	-14,8
Германия	5,709,139	504,321	6,213,460	5,526,882	513,7	6,040,582	-2,8
Венгрия	287,982	4,045	292,027	342,359	3,696	346,055	18,5
Индия	1,713,479	540,25	2,253,729	1,829,677	484,985	2,314,662	2,7
Индонезия	309,208	102,43	411,638	431,423	169,421	600,844	46,0
Италия	910,86	373,452	1,284,312	659,221	364,553	1,023,774	-20,3
Япония	9,944,637	1,651,690	11,596,327	9,916,149	1,647,480	11,563,629	-0,3
Малайзия	347,971	93,69	441,661	419,963	110,847	530,81	20,2
Польша	695	97,703	792,703	840	110,908	950,908	20,0
Россия	1,288,652	371,468	1,660,120	1,469,429	320,872	1,790,301	7,8
Южная Корея	3,723,482	362,826	4,086,308	3,450,478	356,204	3,806,682	-6,8
Испания	2,195,780	693,923	2,889,703	1,943,049	598,595	2,541,644	-12,0
Швеция	316,85	49,17	366,02	252,287	56,747	309,034	-15,6
Тайвань	212,685	70,354	283,039	138,709	44,26	182,969	-35,4
Великобритания	1,534,567	215,686	1,750,253	1,446,619	202,896	1,649,515	-5,8
США	3,924,268	6,856,461	10,780,729	3,776,358	4,928,881	8,705,239	-19,3
Другие страны	420,77	282,019	702,789	332,917	170,993	503,91	-15,8
Всего	53,201,346	20,064,715	73,266,061	52,637,206	17,889,325	70,526,531	-3,7

Источник: OICA.

Индия. Автомобильный рынок в основном упал из-за недостатка финансирования. Почти 75% покупок автомобилей в этой стране осуществляются в кредит, и отсутствие должного привлечения средств стало главным фактором, отрицательно повлиявшим на продажи. Объ-

емы продаж легковых автомобилей в ноябре 2008 г. сократились на 27% по сравнению с 2007 г., а продажи коммерческого транспорта снизились на 33% [4].

Китай. Данная страна удивила экономистов достижениями в автомобильной промышленности. Согласно статистическим данным Ассоциации немецких автостроителей (VDMA), в 2008 г. Китай получил пальму первенства по производству автомобилей (17,2% от мирового объема), опередив Германию (14,7%) и Соединенные Штаты Америки (14,6%).

По нашему мнению, выход Китая на вершину олимпа мировых автомобилестроения вызван затяжной рецессией в странах континентальной Европы. Вместе с тем успехи Поднебесной основываются почти на двадцатилетнем опыте работы с ведущими мировыми автомобильными концернами, передававшими своим коллегам передовой опыт и знания.

При этом к 2012 г. в Китае будет построен третий завод «Ford Motor Co». По мнению специалистов, данная компания намерена вложить 490 млн дол. Такое решение было связано прежде всего с растущим спросом китайских потребителей на продукты и услуги международного класса.

Предпочтения европейцев в период кризиса оказались довольно консервативными. В условиях рецессии европейский потребитель сохранил предпочтения к отечественным моделям, исключение составил только «Ford». На фоне общего сокращения спроса обращает на себя внимание сохранение объемов продаж и даже рост покупок на отдельные марки концерна «Audi». Любопытно, что среди моделей, пользующихся особенной популярностью среди европейцев, остается старая модель «Volkswagen Golf». Что же касается новых моделей, то наибольший спрос выпал на новую «Audi A4» и «Ford Fiesta» [5].

Максимальные потери понесли те страны, которые в наибольшей степени были подвержены циклическим колебаниям, вызванным мировым финансовым кризисом. Такие государства, как Италия, Великобритания, Исландия, Ирландия и Норвегия, пострадали в большей мере. Отметим, что регистрация автомашин в странах с развитой банковской системой (например, Германия, Люксембург и Швейцария) выросла. Это скорее всего связано с грамотной политикой кредитования населения и предоставления оптимальных условий для покупки автотранспортного средства в кредит.

Что касается *России*, то финансово-экономический кризис здесь немножко запоздал и начался осенью 2008 г. Однако уже к декабрю 2008 г. общая численность персонала на предприятиях автомобилестроения

строения сократилась на 8,6% (по сравнению с декабрем 2007 г.), а средняя зарплата упала на 12,1% [6]. В первом квартале 2009 г. кризис приобрел более острый характер: было произведено уже на 65,2% автотранспортных средств (грузовых и легковых автомобилей и автобусов) меньше, чем за аналогичный период 2008 г.

Таблица 6

Производство автобусов в России (2000—2010), тыс. ед.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010 (прогноз)
Автобусы — всего	53,95	56,98	67,31	76,58	76,19	78,73	81,76	88,56	67,01	35,49	39,00
из них микроавтобусы	40,74	41,00	51,50	59,39	57,24	57,48	57,72	58,43	44,01	24,16	26,00
в том числе:											
отечественные модели	53,95	56,98	67,28	76,49	75,84	78,35	81,26	82,72	62,61	30,70	34,00
иностраные модели	0,021	0,036	0,03	0,09	0,35	0,38	0,50	5,84	4,40	4,79	5,00

Источник: АСМ-Холдинг.

Таблица 7

Производство грузовых автомобилей в России (2000 — 2010), тыс. ед.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010 прогноз
Производство — всего	187,11	174,39	173,63	194,55	202,36	207,00	248,74	290,46	256,71	91,09	100,00
в том числе:											
отечественные модели	187,11	174,28	173,56	193,65	201,83	204,06	239,74	273,46	238,28	83,99	90,00
иностраные модели		0,11	0,07	0,90	0,53	2,94	9,00	17,00	18,43	7,10	10,00

Источник: АСМ-Холдинг.

В 2008 г. производство автобусов снизилось до уровня 2002 г. При этом если производство иностранных моделей снизилось на 7,4%, то отечественных моделей — на 22,6% [7]. Особенно болезненно протекает кризис в производстве грузовых автомобилей и автобусов. В I квартале 2009 г. грузовых автомобилей было произведено на 75,7% меньше, чем в I квартале 2008 г., а автобусов — на 69,1% (табл. 6, 7).

Таблица 8

**Производство легковых автомобилей
в России (2000 — 2010), тыс. ед.**

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010 прогноз
Производство — всего	969,24	1021,98	980,68	1010,03	1110,08	1068,76	1176,34	1293,09	1469,90	595,81	800,00
в том числе:											
отечественные модели	969,24	1015,34	969,55	956,36	977,28	911,03	897,44	834,71	877,09	316,87	450,00
иностраные модели, всего		6,66	11,15	53,64	132,8	157,73	278,90	458,38	592,81	278,94	350,00
из них промышленная сборка						14,09	190,29	268,77	376,64	193,26	250,00

Источник: АСМ-Холдинг.

В условиях кризиса происходило заметное вытеснение отечественных марок иностранными. На фоне резкого падения сборки автомобилей отечественных моделей увеличилась сборка автобусов иностранных моделей. В результате, если в 2008 г. доля иностранных моделей в общем производстве легковых автомобилей составляла 40%, то в 2009 г. — уже 47%. Следовательно, доля отечественных автомобилей на российском рынке неуклонно снижается (табл. 8).

Последствия кризиса

Экономический кризис привел к заметному изменению рейтинга автомобильных компаний. Одни компании заметно сдали свои позиции, другие вырвались вперед. На этом фоне заметно выделяется японская «Toyota». Она лидер рейтинга автомобильных компаний сре-

ди 500 самых успешных бизнес-структур мира, составленного по итогам 2008 г. влиятельным в деловых кругах журналом «Financial Times». Даже среди всех фирм мира данный конгломерат обладает относительной устойчивостью. Список, ежегодно обновляемый экспертами ведущего журнала Старого Света, ориентируется преимущественно на рыночную стоимость компании. «Toyota», несмотря на очень серьезные проблемы, вызванные глобальной рецессией, увеличила оборот по итогам 2008 г. на 8%, доведя его до 262 млн дол., и сохранила свое 22-е место в рейтинге.

Заметно улучшили свое положение «Volkswagen», переместившийся с 61-го на 30-е место в рейтинге компаний, и «Honda», поднявшееся со 147-го места на 86-е. Наоборот, ряд немецких компаний сдали свои позиции. Так, «Daimler» переместился с 73-го на 179-е место, BMW — с 329-го на 263-е. Однако наибольшие проблемы возникли с японским концерном «Nissan». Вместо 227-го места он стал занимать 311-ю строчку в таблице о рангах.

Если у возглавляющей список автомобильных компаний «Toyota» чистый доход превысил 17 млн дол., то у занявшей второе место корпорации «Volkswagen» чистый доход достиг 6,2 млн дол., а у «Honda» почти 6 млн дол.

Разразившийся в Западной Европе и США кредитно-финансовый и экономический кризис отразился и на российском автомобильном рынке. Уже в ноябре—декабре 2008 г. наблюдалось снижение объемов месячных продаж новых иномарок. Хотя в целом в 2008 г. объем продаж вырос на 26,5% по сравнению с 2007 г. Общий объем рынка легковых автомобилей увеличился на 19,2%. Учитывая, что в Западной Европе и США произошло сильное сокращение автомобильного рынка, статистические данные России тогда выглядели довольно оптимистично. Однако наметившуюся понижательную тенденцию преодолеть в 2009 г. не удалось.

Последствиями кризиса стал передел рынка как в географическом аспекте (за счет снижения роли США и Германии и повышения роли Китая), так и за счет развития дилерской сети в Италии и в странах догоняющего развития.

Итогом сделки по приобретению итальянским «Fiat SpA» 20% американского автоконцерна «Chrysler Group LLC», по мнению представителя «Chrysler» Мишель Кэллендэ, может стать создание второй по величине в России дилерской сети, продающей автомобили «Fiat» и «Chrysler». «Fiat» получил долю в американском автоконцерне бесплатно, но взамен предоставит «Chrysler» доступ к технологиям, производственным мощностям, а также пустит в свою дилерскую сеть в России и Латинской Америке. Дилерская сеть и география продаж

«Chrysler» за счет «Fiat» может стать одной из крупнейших в России [8]. Большой дилерской сетью в России обладает лишь «General Motors». За ней следуют «Mitsubishi» и «Ford». В результате этой сделки, дилерская сеть «Chrysler—Fiat» может стать второй на территории нашей страны.

Благодаря кризису произошли понижение роли более дорогих марок и повышение значимости среднего и/или низкого ценового сегмента.

Кризисные явления конца 2008 — первой половины 2009 г. привели к необходимости выработки более действенной антикризисной политики Правительства РФ. В числе первоочередных мер обычно называют следующие.

1. Введение запрета на субсидирование процентных ставок по банковским кредитам на закупку техники зарубежного производства, в первую очередь на закупку автобусов и сельскохозяйственных машин;

2. Увеличение государственного финансирования НИОКР за счет проведения открытых конкурсов на реализацию новых проектов по автотранспортной технике и сельскохозяйственным машинам.

3. Поддержка комплектующих заводов, предоставление скидок (до 10—15% на их продукцию).

4. Разработка программы импортозамещения продукции машиностроения, в том числе автомобилестроения, за счет девальвации российского рубля по отношению к бивалютной корзине.

5. Обеспечение стимулирования заводов, которые создают конкурентные комплектующие с применением российских материалов.

6. Строительство заводов сборочного производства с японскими автогигантами.

7. Ограничение лизинговых закупок импортной сельскохозяйственной техники.

8. Разработка мер по отношению к ОАО «АВТОВАЗ».

9. Проведение политики ускоренной амортизации основных средств в автомобильной промышленности (подробнее см.: [7]).

Прогноз на будущее

Ближайшее будущее. Естественно возникает вопрос: сохранятся ли факторы роста авторынка в краткосрочной и долгосрочной перспективе?

Дело в том, что в условиях экономического подъема многие автомобильные заводы в Европе строились из расчета на увеличения спроса на их продукцию. Поэтому уже до кризиса возникли избыточные мощности в автомобильной промышленности. Кризис привел к суще-

ственному сокращению текущего спроса и сделал довольно мрачными перспективы заполнения существующих мощностей. Поскольку он оказался довольно глубоким, то возникла угроза закрытия ряда предприятий, особенно в тех странах, где стоимость рабочей силы довольно высока. К их числу относятся Италия, Англия, Испания и Франция.

Список автомобильных заводов в Европе, которые, по мнению специалистов, могут закрыться в 2009—2011 гг. довольно обширен. В их числе обычно называют: «Fiat» (Мирафиори, Италия), «Fiat» (Помильяно д'Арко, Италия), «Fiat» (Термини Имерезе, Италия), «Ford» (Саутгемптон, Англия), «GM Europe» (Антверпен, Бельгия), «GM Europe» (Элсмер-Порт, Англия), «GM Europe» (Бохум, Германия), «GM Europe» (Сарагоса, Испания), «GM/Renault» (Лутон, Англия), «LDV» (Бирмингем, Англия), «Mitsubishi» (Борн, Голландия), «PSA» (Мангальде, Португалия), «PSA» (Мадрид, Испания), «Renault» (Вальядолид, Испания), «Renault» (Флан, Франция), «Renault» (Сандовилль, Франция) [9].

Иная ситуация сложилась в России. Однако существуют свои трудности. Наиболее сильное влияние на развитие российского автомобильного рынка, на наш взгляд, окажут: развитие сборочных производств иномарок; снижение конкурентоспособности отечественных марок; сдвиг предпочтений и рост доходов населения.

Поэтому значимое влияние в краткосрочном периоде будут иметь:

- развитие дилерской сети до насыщения;
- финансовый сервис;
- маркетинговая активность импортеров и дилеров;
- высокие цены на недвижимость.

Затем произойдет ослабление этого эффекта.

Важнейшим фактором роста в 2010—2011 гг. станет развитие сборочных производств в России. К существующим компаниям («Chevrolet», «Hyundai», «Ford», «Renault», «Kia», «Chery», «SsangYong», «Fiat», «VW—Skoda», «Toyota», «Nissan»). В малых объемах: «BMW», «Cadillac», «Hummer», «Geely», «Lifan») добавится: «Chevrolet—Opel». Произойдет увеличение мощностей «Renault», «Ford», «Toyota». К тому же в 2011 г. начнут производить автомашины в России «Hyundai», «Suzuki», «Peugeot—Citroen», «Mitsubishi».

Долгосрочный прогноз. Если сохранятся существовавшие до кризиса тенденции, то объем продаж легковых автомобилей в России в 2012 г. составит почти 3,5 млн дол. Из них 4/5 будут составлять иностранные модели и только 1/5 модели отечественного производства. К тому же более 2/3 из импортных моделей будут составлять новые импортные марки (рис. 7).

Наш прогноз заметно отличается от прогноза АСМ-Холдинга, который оценивает возможности российского производства (иностраных и отечественных марок) гораздо более оптимистично, чем мы (табл. 9). Авторы этого прогноза полагают, что доля автомобильной промышленности в отечественном машиностроении вырастет в 1,5—2 раза (с 23% в 2007 г. до 36—40% в 2020 г.). Доля автомобильной промышленности в ВВП увеличится в 2,5 раза (с 2% в 2007 г. до 4,7—5,0% в 2010 г.), а внутренний оборот автомобильного рынка за тот же период возрастет почти в 3 раза (с 53,0 млрд дол. до 150,0 млрд дол.).

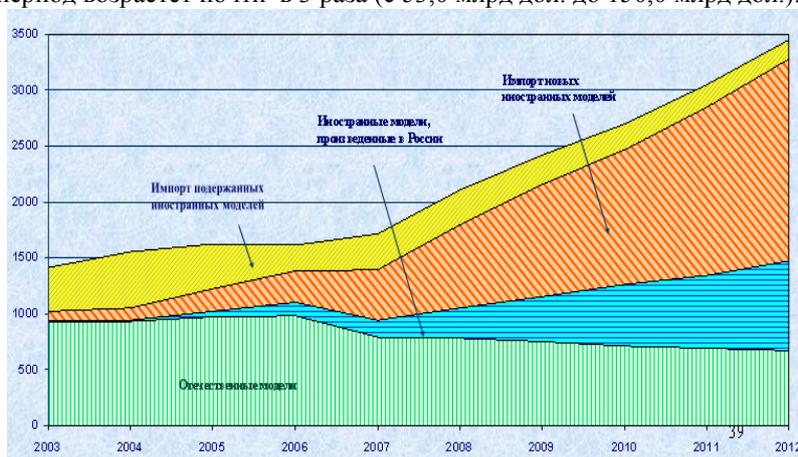

Рис. 7. Прогноз продаж легковых автомобилей в России, тыс. ед.

Источник: рисунок составлен по табл. 9.

Что же касается регионального развития автомобильной промышленности, то главным центром производства останется Поволжский кластер, включающий Нижегородскую, Самарскую, Ульяновскую области, Удмурдскую республику и республику Татарстан. На него будет приходиться 2/3 отечественного производства автомобилей.

С большим отрывом от Поволжского кластера будет происходить развитие Центрального и Северо-Западного кластеров, которые в сумме будут производить 1/3 от того, что будет производиться в Поволжье. Что же касается Сибири и Дальнего Востока, то они, вместе взятые, будут производить примерно столько же, сколько и Центральный кластер (табл. 9).

Подведем некоторые итоги. Финансовый кризис довольно сильно затронул автомобильную промышленность, поскольку автомобиль

является товаром немассового спроса, занимая второе место после покупки жилья. Естественно, что в условиях падения денежных доходов населения и повышения уровня безработицы, спрос на автомобили сократился. Поскольку значительная часть автомобилей покупается в кредит, то кризис в финансовой системе в ведущих странах мира, не мог ни отразиться на спросе на автомобили.

Таблица 9

Региональное развитие автомобильной промышленности до 2020 г., тыс. ед.

	2007	2012	2020
<i>Поволжский кластер</i> (Удмурдская Республика, Республика Татарстан, включая особую экономическую зону «Алабуга», Нижегородская, Самарская, Ульяновская области)	1360	2110	3240
<i>Северо-Западный кластер</i> (Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Новгородская области)	100	350	500
<i>Центральный кластер</i> (Москва, Московская, Калужская, Смоленская и Владимирская области)	190	350	600
<i>Сибирский кластер</i> (Челябинская, Омская области, Алтайский край)	10	100	300
<i>Дальневосточный округ</i>	—	50	300
<i>Итого автомобилей</i>	<i>1660</i>	<i>2960</i>	<i>4940</i>

Источник: АСМ-Холдинг.

Финансовый кризис отчасти продлил наметившиеся до кризиса тенденции, отчасти усилил их. В ходе современного финансового кризиса произошло резкое изменение глобальной структуры автомобильной промышленности. Произошли заметный рост автомобильных рынков стран БРИК и ослабление традиционных центров автомобильного производства (США и Германии в первую очередь).

Если наметившиеся тенденции сохранятся, то Китай уже в обозримом будущем будет производить автомобили для всего мира. Во всяком случае, финансовый кризис приблизил это будущее. В настоящее

время несомненно одно, что все современные финансовые гиганты становятся все более зависимыми от китайского рынка автомобилей.

Российский рынок автомобилей позже, чем американский и европейский, испытал на себе влияние мировой рецессии. К тому же сокращение спроса на автомобили произошло в России крайне неравномерно. Оно в большей мере затронуло отечественные модели, чем на иномарки. В ходе кризиса доля автомобилей иностранной сборки заметно возросла на российском рынке, потеснив отечественных производителей. Если наметившиеся в ходе кризиса тенденции сохранятся, то уже в обозримом будущем 4/5 продаж легковых автомобилей в нашей стране будут составлять иностранные модели.

Таким образом, анализ показывает, что автомобильная промышленность выйдет из рецессии далеко не той, какой она была накануне кризиса.

Литература

1. РБК. Рынок легковых автомобилей России и мира: Аналитический обзор. М., 2007.
2. Синцеров Л.М., Трофимов Д.А. Сдвиг мировой автомобильной промышленности в развивающиеся страны // Известия РАН. Серия географическая, 2008. № 2.
3. GM — банкрот // Коммерсантъ. 2009. 5 июня.
4. <http://pwc.com/ru/index/jhtml/>.
5. Орлов К. Кризис убивает продажи авто в Европе // Autonews. 2008. 22 дек.
6. <http://www.asm-holding.ru/news/108/>.
7. Автопром и авторынок в России: итоги 2008 года. М., 2009.
8. Хрипунов К., Столяров Г. Вдогонку за GM // gazeta.ru (2009. 11 июня).
9. <http://www.autonews.ru>.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

Может ли наука хоть чем-то нас удивить?

Аннотация. В статье наука рассматривается не как социальный институт, а как личный опыт человека. В современной науке на первый план выходит уже не физика, а неврология. Наука о мозге пытается стать и наукой о сознании.

Ключевые слова: наука, неврология, сознание, шизофрения, Рамачандран.

Abstract. In article a science is considered not as social institute, and as personal experience of the person. In a modern science on the foreground there is any more a physics, and neurology. The science about a brain tries to become and a science about consciousness.

Keywords: a science, neurology, consciousness, a schizophrenia, Ramachandran.

Отвечая на поставленный вопрос, сразу же хочется сказать — нет, не может. Но что-то не позволяет мне это сделать. Что же?

Наука

Науку изобрели аутисты и шизофреники, такие как Архимед. Наука стала их виртуальной крепостью, иллюзорным убежищем, в котором они спасались и до сих пор спасаются от своего вечного врага — социума. Социум ненавидит неистовство. Он не выносит молчания аутиста, его раздражает власть мании, сосредоточенность человека на чем-то одном, что не помещается в мире сущего. Аутисты и шизофреники, ускользая от объятий социума, создали великий симулякр. И этот симулякр они назвали истиной. Люди не от мира сего всегда будут опасны для общества, ибо общество построено на лжи.

Наука — это не способ деятельности человека, не социальный институт. Это воображаемый экскурс в то, что может оказаться истиной, путешествие туда, где грезы становятся объектами, а заблуждения — практически оправданными истинами. Для того чтобы быть ученым, нужно в глубине своей души быть немного шаманом, немного колдуном или, как Ньютон, — алхимиком. И всегда фантазером.

Создавая свой параллельный мир, шизофреник наделяет его тем, что никогда не было и, возможно, никогда не будет. Для него фантазм,

призрак реальнее реального. В его мире то, что уже умерло, может быть живее живых.

Современная наука

Наука уже немолода. Она, разучившись иллюминировать, незаметно для себя состарилась. Современная наука, как, впрочем, и современное искусство, возникает в тот момент, когда аутистов и шизофреников силы реального выдавили из их убежища, когда в науку пришли нормальные люди, так называемые реалисты. Наука без аутистической сосредоточенности, без шизофренических параллельных миров быстро скукожилась, сдулась. Наука стала массовой профессией, и ученый перестал чем-либо отличаться от обычного клерка. В современной науке нет места феноменам, подобным эйнштейновским озарениям. Ее оставило любопытство к тому, что только воображается. Современная наука — это теперь бизнес, пространство доминирования менеджера, а не мыслителя. В лучшем случае — это рутинная работа с девяти до пяти разного рода научных сотрудников, которых перестали посещать безумные идеи. И поэтому они принуждены донашивать те интеллектуальные лохмотья, которые остались им в наследство от фантазмов отцов основателей науки. Современная наука сама стала неотъемлемым элементом социальной реальности, утратив напряжение разрыва между воображаемым миром и реальным. Хочу заметить, что без этого напряжения не может существовать сознание не только ученых, но и любого человека вообще. Современная наука — это наука, в которой на место сознания встал язык. Социум раздавил в ней хрупкую интеллигенцию аутистов и шизофреников.

От физики к неврологии

Науки о природе теперь мало кому интересны, в них не много сознания и много языка. Физика перестала быть местом встречи сумасшедших. Философия, кажется, навсегда покинула дом науки. Жалкие попытки представителей синергетики хоть как-то расшевелить научное сообщество ни к чему не привели. Практика стала теперь самой популярной теорией в науках о природе.

В науке, представленной физиками и молекулярными биологами, все уже случилось, все высказалось. Гора современной науки родила мышшь под названием нанотехнологии. Эти технологии взяли в свои руки бюрократы власти, социальные инженеры. Наука больше не привлекательна для тех, кто еще только начинает что-то делать, у кого все еще впереди. Науку оставила надежда.

Не природа, а человек пока еще представляет хоть какой-то интерес для тех, кто привык воображать. Не физика, а неврология интересует

сегодня шизофреников в науке. Но и мозг интересен нам не потому, что в нем число связей между нейронами превышает количество элементарных частиц во Вселенной, а потому, что он, видимо, как-то связан с сознанием. Понятно, что человек — тайна, а сознание — это тайна этой тайны, удвоенная непостижимость человека. Сделать непрозрачное в человеке прозрачным, непостижимое постижимым хотят нейрофизиологи.

Проблемы неврологии

Нейрофизиологи хотят понять, каким образом деятельность нервных клеток мозга дает жизнь нашему сознанию. При этом они делают вид, что уже знают, что такое сознание. Но свое знание о сознании они вычитывают не из действия нервных клеток, не из неврологии, а из того факта, что они живут, сознавая свою жизнь. И это их сознание является неразделимо соединенным с жизнью, т. е. продуктивным синтезом реального и воображаемого. Результатом этого синтеза являются грезы — то, что не имеет пространственной локализации в мозгу.

Заранее зная о сознании, конечно, можно что-то вычитать из действия нервных клеток мозга. Но заранее зная устройство мозга, ничего нельзя сказать о сознании. Действиями мозга уже нельзя будет объяснить сознание, не впадая в порочный круг, не удваивая сущностей, при котором сознание понимает мозг, который понимает сознание. Нейрофизиологи хотят иметь дело с реальным, с мозгом. Они не хотят иметь дело с воображаемым, но, отделяя реальное от воображаемого, они теряют из вида сознание. В материи нет такого места, которое самим собой указывало бы на сознание. Материя не нуждается в сознании. Сознание никогда не отправляет к материи, отправляя только к самому себе. Нейрофизиологическое знание не входит в сознательный опыт человека, оно находится вне синтеза субъективирующего мышления, в основе которого лежит воздействие человека на самого себя. Следовательно, неврология — это наука о мозге вне его связи с сознанием. Тогда же как нейрофизиологи хотят создать такую науку о мозге, которая была бы одновременно и наукой о сознании. А это уже интересно.

Рамачандран

Иными словами, может ли, например, нейрофизиолог Рамачандран объяснить в терминах неврологии то, что он думает о себе самом? Рамачандран пишет: «Наука была моим “уходом” от социального мира с его произволом и парализующими устоями» [1, 4].

Ничего не понимая в неврологии, я могу сказать, что Рамачандран — аутист, который очень хочет стать реалистом. Но он не реалист.

«Помню себя, — рассказывает Рамачандран, — довольно одиноким и необщительным ребенком» [1, 4]. Что это значит? А это значит, что Рамачандран когда-то оказывал сопротивление социуму, множеству поименованных других. Социум хотел воспитать в нем ум, для того чтобы сделать его послушным. А Рамачандран не хотел быть послушным и поэтому противопоставил социуму свое одиночество, необщительность, сохранив свободу воображения.

Может ли Рамачандран объяснить свой «уход из мира» на языке неврологии?

Думаю, что нет, ибо это событие разворачивается в пространстве воображаемого, которое полагает себя как реальное. Мозг — это не причина, а функциональный орган этого полагания. Если Сократ сам идет в тюрьму, то не потому, что у него есть ноги, хотя они у него есть, и не потому, что мышцы этих ног сокращаются, хотя они и сокращаются, а потому, что его действия опосредованы его грезами. Он как бы спит наяву. Так и Рамачандран когда-то заснул, чтобы потом проснуться нейрофизиологом. И его мозг имеет к этому такое же отношение, которое имеют ноги Сократа к его готовности умереть.

Одиночество — «не событие мозга». В нейронах мозга нет ни сознания, ни одиночества, ни радости, ни грусти, но Рамачандран так не думает.

Он рассказывает трогательную историю о своем первом пациенте, который то бесконтрольно плакал, то бесконтрольно смеялся каждые несколько секунд. Рамачандрану оставалось выяснить, чувствовал ли пациент радость, когда смеялся, и был ли он печален, когда плакал. Хотя что же тут выяснять? Если он бесконтрольно плакал, то это значит его плач не вытаскивался на свет сознания, а оставался во тьме физиологии. Нет таких законов природы, которые бы не позволяли человеку плакать без сознания плача. Плакать — это не слезы лить, а терзать самого себя своими видениями. Рамачандран, глядя на своего пациента, не мог понять, льет ли он слезы или терзает себя видениями.

Рамачандран сделал иной, нежели я, вывод: «Наше настроение, эмоции, мысли, драгоценные жизни, религиозные чувства и даже то, что каждый из нас считает “собственным я”, — все это просто активность маленьких желеобразных крупинок в наших головах, в нашем мозгу» [1, 11].

Литература

1. *Рамачандран В.С.* Рождение разума. М., 2006.

В.И. ПУЗЬКО

**Феномен самоотчуждения человека
в условиях глобализации и постмодерна**

Без души ничего хорошего не
построить...

Мы приехали сюда строить
храм. Храм науки¹.

Е.В. Рогоза.

Материализация миллиардов

Аннотация. В статье описан феномен самоотчуждения как классическая форма отчуждения субъекта через предмет его деятельности, как результат господства рациональной функциональности и отчуждения людей в обществе. В условиях глобализации и постмодерна источники самоотчуждения — культурное отчуждение, экспансия социального целого в индивидуальное сознание, симуляция субъектности. Рассмотрены и некоторые возможности преодоления самоотчуждения.

Ключевые слова: отчуждение, самоотчуждение, рациональность, безличностность, глобализация, постмодерн.

Abstract. The article describes the phenomenon of self-alienation as classical form of subject's alienation via the object of his/her activity, as the result of predominance of rational functionality and human beings' alienation in society. In the age of globalization and post-modern the sources of self-alienation are cultural alienation, expansion of social unity into individual consciousness, simulation of subjectness. As well, the author of the article studies some possibilities for self-alienation overcoming.

Keywords: alienation, self-alienation, rationality, globalization, post-modern

Рационально функционирующий человек в мире

Наблюдая в СМИ те многочисленные бедствия, которые произошли на фоне экономического кризиса, и слушая всякий раз комментарии о «человеческом факторе», мы не можем не задаваться вопросом о глубинном смысле такого вопиющего небрежения человека к делу, человека к человеку, которые предстали перед нами, например, в трагедии на Саяно-Шушенской ГЭС и в случае с пожаром в ночном клубе г. Перми. Что произошло с человеком, который «не докручивает болт» на огромном техническом сооружении, не предусматривает пожарной безопасности в ночном клубе, в целом представляя последствия своего действия?

¹ Речь идет о Дальневосточном федеральном государственном университете — одной из строек объектов к саммиту АТЭС.

Предварительный ответ, который появляется у философски ориентированного автора, — это отчужденность человека как от своего дела, так и от самого себя в процессе деятельности. Но каковы источники и условия этого отчуждения? В первую очередь это активное формирование и продвижение в последние два десятилетия российскими средствами массовой информации образа рационально функционирующего «человека в мире», в то время когда онтологические связи человека с миром определяются еще и требованиями этики и эстетики [1].

Источником функциональной рациональности послужило развитие западной ветви в теории познания в лице диалектиков-схоластов, немецкой классической философии, что привело к доминированию в мыслительном пространстве над этикой и эстетикой разума, рассудка, позволяющих сформировать логически корректный, эмпирически аргументированный теоретический образ истины. В результате в поведении западных экономических субъектов, стремящихся получить максимум прибыли, оформились приоритеты прагматики: экономии, рациональности, эффективности, оптимизации в освоении ресурсов. На основе этих приоритетов экономические агенты принимают правильное рациональное решение о полезности продукта, его ранжировании на шкале потребностей, т. е. об удовлетворении потребления. Однако стало очевидным, что данный подход в современной экономической практике начинает давать сбои в непредсказуемых по масштабу кризисах. В условиях кризиса действия экономической элиты в очередной раз указали на отчуждение рационально обоснованной экономической прагматики от ситуации человека, создающего продукты этой экономики. И все же экономический анализ оставим экономистам-аналитикам. К задачам же философского размышления относится анализ источников и форм отчуждения и самоотчуждения человека и их последствий для сущности самого человека в современной ситуации социального бытия.

Соотношение форм отчуждения и самоотчуждения

Отчуждение — это категория, описывающая процессы, отношения и ситуации, в которых человек становится чужд своей собственной деятельности, ее средствам, результатам и самому себе [2, 397]. Из этого определения следуют и пути формирования основных форм отчуждения: в процессе деятельности, ее средствах и в результатах; в отношениях.

1. Отчуждение в процессе деятельности происходит, когда результаты активности или сама активность некоторого субъекта становятся самостоятельными по отношению к этому субъекту, отделяясь от него и определяя себя чуждым ему образом. Классические формы отчуждения

в связи с трактовкой человеческой деятельности как объективация, овещнение, опредмечивание раскрыла немецкая философская классика XIX в. Одновременно утверждается и форма *самоотчуждения* субъекта через предмет его деятельности, отчужденный от него.

2. Отчуждение в отношениях также предопределяет разные формы самоотчуждения. Это и отчуждение между субъектом и какой-либо его функцией, складывающееся в результате разрыва их изначального единства, ведущего к обеднению и изменению природы субъекта в связи с перерождением отчужденной функции или разрывом с ней. Это и такие формы самоотчуждения в социальных отношениях, как обезличивание, деиндивидуализация, обозначенные уже философами Нового времени в связи с передачей прав личности государству.

Классические формы и источники самоотчуждения фундаментально обоснованы Г. Гегелем и К. Марксом. Г. Гегель понимал отчуждение как овнешнение мирового разума в природе и истории и как опредмечивание, т. е. институализация сущностных сил человека. В его описании становление действительности (объективация) есть процесс *самоотчуждения* Абсолютного духа, который возвращается к себе в человеческом сознании. И человек, по Гегелю, оказывается одновременно результатом отчуждения и преодолевающим отчуждение существом: в той мере, в какой он принадлежит природе, человек является *самоотчужденным* духом; но в той мере, в какой он способен к познанию абсолюта, он преодолевает отчуждение [3].

В концепции отчуждения К. Маркса была сделана попытка отделить отчуждение человеческих сил от их опредмечивания, обобществления и объективации. Он рассматривал отчуждение как присвоение одними людьми сил, средств и результатов деятельности, принадлежащих другим, т. е. он трактовал отчуждение как общественное отношение, как отношение собственности. Но отчуждению подвергается и сам индивид: в той мере, в какой человеческая деятельность подлежит объективации, она отчуждается в форме производимых ею объектов, которые в дальнейшем имеют самостоятельное и независимое от человека значение и выступают как внешняя, поработочающая его сила. Определенное действие выступает как «утрата предмета и закабаление предметом» человека производства, а освоение предмета — как отчуждение и самоотчуждение [4].

Поразительно, как спрогнозировал Маркс формы самоотчуждения человека через утрату его связи с результатом своей деятельности, которые в драматических интонациях будут описаны в сменявших друг друга направлениях философии XX в.: экзистенциализме (Сартр, Ясперс, Хайдеггер), Франкфуртской школе, отдельных направлениях психоанализа. При этом преимущественно внимание будет уделяться тем соци-

ально-историческим формам отчуждения, присущим современному обществу, в которых выступает человек, лишенный части своих существенных характеристик и тем самым утративший свою природу, т. е. «обесчеловеченное Я».

Прояснение источника самоотчуждения отсылает нас к разным концепциям. Согласно концепции Э. Дюркгейма, в индустриальном обществе реализуются формы самоотчуждения, обусловленные утратой членами общества чувства общности, что ведет к росту индивидуализма, дезинтеграции личности. М. Вебер полагал источником обезличивания человека, утраты индивидуальной свободы формализацию социальной организации, ее бюрократизацию. Согласно концепции О. Шпенглера, источник самоотчуждения человека, свойственный периоду превращения культуры в цивилизацию, — это господство бездушного интеллекта, безличные механизмы социальной связи, подавляющие творческие начала личности. Г. Зиммель находил, что интеллектуализация общественной жизни может сопровождаться ростом свободы и ответственности индивида, но все же отчуждает его от социальных и культурных образований, приводит к «рациональной одномерности» и использованию застывших объективированных форм культуры [5].

Франкфуртская школа также видит причину отчуждения в доминировании в обществе инструментальной рациональности, превратившейся в идеологию господства человека над природой и над человеком, превращающей все элементы бытия в средства, отчуждающие их от индивида. Принятие установок рационализма, концепций объективной истины и объективного времени заставляет человека жить не по субъективным нормам жизненного мира, а по законам научной картины мира, что является причиной отчуждения. Г. Маркузе разработал концепцию «одномерного человека», который, будучи включенным в навязанную ему потребительскую гонку, оказывается отчужденным от таких своих социальных характеристик, как критическое отношение к существующему обществу, способность к революционной борьбе за его преобразование [6]. Аренд же раскрывает социально-исторические источники отчуждения: укрепление современного государства как субъекта многих жизненных процессов, ранее регулировавшихся самим индивидом, и лишение человека частной собственности, что лишает человека переживания «семейно-собственной частной доли мира».

Таким образом, философские концепции выявили основные источники самоотчуждения: отчужденный результат деятельности, господство функциональной рациональности в культуре и утрата чувства общности в социуме; основные формы самоотчуждения: опредмечивание деятельности, обезличивание, деиндивидуализацию, рациональную «одномерность», «обесчеловеченное Я».

Психологические последствия самоотчуждения

Для экзистенциализма характерно рассмотрение онтологического смысла самоотчуждения. Ж.-П. Сартр развивал и марксистскую мысль об отчуждении как результате опредмечивания, неснимаемого, неизбежно присутствующего в предметной деятельности человека. В качестве одного из таких результатов указывается техника, все более заполняющая предметное бытие человека, функционируя и изменяясь или по чуждым человеческой самости законам (К. Ясперс), или ее сущность еще не понята его создателем (М. Хайдеггер).

Ж.-П. Сартр полагал отчуждение следствием онтологического конфликта 1) между неотчуждаемой свободой индивида и межличностными отношениями («бытие-для-другого»); 2) между творческой индивидуальной практикой и безличным, инертным социальным бытием [7]. М. Хайдеггер, различая «подлинное» и «неподлинное» бытие, рассматривает отчуждение как форму существования человека в обезличенном мире повседневности (Man): отчуждение проявляется в выполнении индивидом социальных ролей, в подчинении его общественным нормам поведения, мышления, языка [8].

Неофрейдизм (Э. Фромм, К. Хорни, Г. Салливан) указывает на источник самоотчуждения человека в межличностных отношениях, в социально-психологических явлениях. Если обобщить позиции в экзистенциализме и психоаналитических концепциях, то в переживании самоотчуждения субъекта присутствуют следующие психологические доминанты:

- восприятие окружающей действительности как мира, в котором утрачены взаимные обязательства людей по соблюдению социальных предписаний, разрушена институализированная культура, отсутствует система ценностей;
- представление о бессмысленности существования, о невозможности получить путем осуществления каких-либо действий ожидаемый результат;
- чувство бессилия, ощущение, что судьба индивида вышла из-под его контроля и находится под детерминирующим влиянием внешних сил;
- ощущение изоляции: одиночества, исключенности человека из социальных связей;
- чувство утраты индивидом «подлинного Я», разрушение аутентичности личности.

Безусловно, человек ищет возможности преодоления таких тяжелых психологических переживаний в культуре и социуме. Но каков потенциал для этого в современном социокультурном контексте?

Формы самоотчуждения в условиях глобализации и постмодерна

Социокультурный контекст современного субъекта деятельности можно охарактеризовать в понятиях глобализации, информационного общества и постмодерна. Антиномными факторами глобализации являются процессы интеграции мировой культуры и мультикультурность, которые актуализируют проблему *культурного самоотчуждения* человека. В глобальной интеграции процессы трансформации культур, их взаимодействие, перемещение людей, создание культурных гибридов проецируются в культурную идентичность личности. И хотя влияние мировой культуры сближает людей, но оно же унифицирует личность, отчуждает ее от культуры своего этноса. А симуляции культурной интеграции и мультикультурности, транслируемые ТВ и Интернетом, выхолащивают смыслы культурных традиций и символики «другого». Но отторжение «иных» культур также обуславливает процессы отчуждения: национальная культура идентифицирует человека только со своей нацией, но препятствует коммуникации, адаптации и обмену знаниями с другими культурными мирами.

Факторы глобализации (технологии, глобальный рынок, специализация в производстве, переизбыток вещей и др.) транслируют идеологию потребления, конкурентности, прагматизма, унификацию потребностей, изменяя социально-психологическую ситуацию человека. Посредством СМИ и рекламы как каналов «коллективного сознания» происходит социальная экспансия в индивидуальное сознание и уникальность человека. Доминирование социальной модели не творца, а потребителя, семиотическое присвоение человека рекламой, подмена потребностей стереотипами, подлинности человека рекламным «имиджем» ограничивают возможности репрезентации «Я», сужают самоопределение и *отчуждают человека от его сущности*.

Новые информационные средства транслируют избыток информации и агрессивность социального целого, создают иллюзию внешнего «расширения» человека при сохранении старых узких форм мышления, манипулируют посредством «коллективных представлений», «фетишизации», «мистификации», подменяя индивидуальное сознание человека «ложным сознанием»: социальными мифами, стереотипами, иллюзиями о человеке, отчуждая человека *от переживания своей субъективности*.

Э. Тоффлер описал, а мы реально сегодня переживаем, как человек «тронулся с места»: явления современной цивилизации (ускорение перемен, новизна, многообразие, неопределенность) требуют смены мест проживания, работы, деятельности, отношений, что влечет за собой свержение, поверхностность, неукорененность существования, невротизацию и дезадаптацию человека [9]. В цивилизации узких специализаций человек может не строить дом, не сажать дерево,

не растить сына, т. е. не осуществлять деятельность, посредством которой он познает и присваивает свое «Я». Но использование готовых форм цивилизации освобождает человека от усилий для творческого созидającego мышления, лишает культурной принадлежности и *отчуждает от смыслообразующей деятельности*, что в целом отчуждает сущность человека от его существования.

Современное западное информационное общество позиционирует себя через киберпространство, интерфейс, универсализацию знаковых систем информации и языка коммуникации, что унифицирует психологические характеристики и нивелирует индивидуальность, значительно представляемую через невербальные знаки. Виртуальные миры и коммуникации создают пространство симуляции субъекта, где размываются границы между «живыми» и «искусственными» сущностями, между объективной реальностью и ее иллюзорным восприятием, между внутренним и внешним, между незыблемым стержнем «Я» и мимолетными аффектами. Но сознание современного человека не подготовлено к «внеаходимости», позволяющей противостоять мощности современных средств *«диссимиляции уникальной самости»* в «коллективный разум» [10].

Российское ТВ транслирует симулятивные формы социального и культурного «небытия» человека: вместо жизни, искусства, спорта — «Дом — 2», «Последний герой», «Звезды на льду». Симулякры как формы идентификаций провоцируют новые психологические «симптомы» самоотчуждения субъекта: утрату укорененности в жизненном мире, потерю связи с опытом, неспособность устанавливать контакт с собой, репрезентировать свое Я. Такие формы самоотчуждения имеют социальные последствия — инфантильность поведения, беспомощность разумно противостоять изменениям, принимать социальные решения в социокультурном взаимодействии. (Яркая иллюстрация — герои сериалов «Теория большого взрыва», «компьютерщики», популярные в Сети.)

Таким образом, факторы глобализации и постмодерна обуславливают самоотчуждение как *неподлинное* существование человека: культурное самоотчуждение, отчуждение от своей сущности, имитацию субъектности, отчуждение от смыслообразующей творческой деятельности, симуляцию субъекта, диссимиляцию уникальной самости.

Наброски возможностей преодоления самоотчуждения человека

Постмодернизм как философское направление сосредоточил внимание и поставил на вид новые формы самоотчуждения человека: от своей целостности — в «расщепленное бытие» и социальные роли; от истин и мыслей — в функциональную расчетливость и имитации; от своего «другого» — в безличное существование и симуляции. Но про-

блема путей снятия самоотчуждения остается открытой, поскольку она не получила еще достаточно убедительного теоретического решения в современной философии. К философской задаче следует отнести хотя бы «набрасывание» возможностей преодоления самоотчуждения человека в современной ситуации культуры и общества, предлагаемые разными направлениями гуманитарной мысли.

Так, К. Ясперс считал, что преодоление самоотчуждения состоит в развитии коммуникации, в глубоко индивидуальном и интимном общении, в воспитании в себе способности к дискуссии [10]. Франкфуртская школа средством устранения отчуждения полагает распространение в обществе критического мышления, разоблачающего формы «ложного сознания», вскрывающего истоки подавления человечности, переориентирование человека на сугубо личностное мировосприятие и адекватный ему образ жизни. Экзистенциалисты и психоаналитики полагают возможность преодоления самоотчуждения в принятии «бытия-к-смерти», т. е. в способности находиться в пограничных состояниях и раскрывать потаенные стороны души посредством творчества и экстремальных занятий.

Исходя из философских допущений, преодоление самоотчуждения человека возможно на путях 1) уравнивания бездушного интеллекта духовной и душевной активностью в деятельности человека; 2) восстановления чувства общности между членами общества; 3) признания творческой индивидуальности как ценности социального бытия.

В начале XXI в. на первый план в проблеме отчуждения вышел вопрос об экстенсивном растрачивании человеческих и природных ресурсов. Стали предлагаться проекты создания интенсивных, ориентированных на качество жизни форм производства, технологий, социальной организации, которые подчеркнули бы значение организации личностных форм бытия людей, их самореализации и развития. Некоторые экономисты высказывают мысль о том, что российская особенность моделирования экономических процессов, не заимствуя слепо чужие модели и исходя из принципа «истина всегда есть “истина данной ситуации”», может освоить исторически более богатое содержание *в синтезе рационального, этического и эстетического* [11, 142]. Такой синтез устремлен к пониманию смысла происходящего в национальной экономике и обществе в целом; человек уже не может рассматриваться только как средство производства, но и как *цель развития самой нации*; понятия «эффективность», «производительность» наполняются иным, более богатым содержанием, имея в виду развитие человека в экономическом процессе.

По утверждению психологов (А.И. Юрович), в ментальности россиян существует психологический потенциал для преодоления самоотчуждения: центрация на глобальных смысложизненных проблемах, способность к синтезу, терпимость к неопределенности и противоречиям, склонность к диалектическому мышлению, созерцательность как сила творческого воображения, интеллектуализм как культ красоты мысли, свобода разума [12].

Современный человек буквально в «духе» Гегеля должен одновременно отчуждаться и преодолевать отчуждение в стремлении к познанию своего духа и души в той деятельности, в которую он в данный момент включен: будет ли это строительство конкретного университета (смотри эпиграф) или модернизация целой экономики. Но в состоянии ли российская экономическая теория и практика сформировать *предпосылки* для разрешения *в пользу человека* как высшей ценности и одновременно как собственного средства своего расширенного воспроизводства? И тогда уже экономически обоснованно и осознанно можно ставить задачу перед членами общества: не только познание человеком самого себя, но и заботу о самом себе.

Литература

1. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. СПб., 2003.
2. Словарь философских терминов / Науч. ред. В.Г. Кузнецова. М., 2005.
3. *Гегель В.Ф.* Философия духа // Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 3. М., 1977.
4. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
5. *Зиммель Г.* Конфликт современной культуры // Культурология XX века. М., 1995.
6. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 2002.
7. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2004.
8. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
9. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М., 2004.
10. *Ясперс К., Бодрийар Ж.* Призрак толпы. М., 2007.
11. *Останин В.А.* Особенности методологических оснований исследования экономических систем: западный и российский опыт // Современная философия в контексте межкультурных коммуникаций. Уссурийск, 2009.
12. *Юрович А.В.* Психология и методология. М., 2005.

А.Ю. ГОРБАЧЕВ

Методология гуманитарных наук

Аннотация. В статье идет речь о методологии гуманитарных наук. Анализируются объект и предмет естественных и гуманитарных наук, определяются границы гносеологической компетенции алогизма, формальной и диалектической логики.

Ключевые слова: наука, предмет, объект, методология, алогизм, формальная логика, диалектическая логика.

Abstract. The main issue of the article is humanities. The object and subject of natural sciences and humanities are analyzed. The bounds of gnosiological competence of alogism, formal and dialectical logics are determined.

Keywords: science, subject, object, methodology, alogism, formal logic, dialectical logic.

Наука едина, потому что и она, и каждая ее отрасль представляют собой инструмент познания. Адекватность познания обеспечивается адекватностью его методологии. Следовательно, залогом единства науки служит ее методологическое единство. И задача ученых заключается в том, чтобы овладеть методологией, гносеологически эффективной и в силу этого общей для всех научных дисциплин, независимо от их объекта (формы, эмпирической базы) и предмета (содержания, сущности).

Понятно, что ключевым параметром такой методологии является объективность. Однако ее достижение сопряжено с противоречием. Методология не существует без субъекта (человека, ученого, мыслителя) и поэтому — без привносимой им субъективности, или вербализованно-психического компонента. Следовательно, присутствие субъективности в методологии неизбежно. Более того, оно выступает необходимым условием актуализации познания: ведь при помощи субъективности постигается форма явлений. Но для методологии важна не столько форма явлений, сколько их содержание (сущность), т. е. их объективная сторона, обнаружение которой представляет собой достаточное условие актуализации познания.

Итак, императив адекватной методологии — объективность, при этом, радикально устранить из методологии субъективность невозможно. Как скоординировать полюсы этого противоречия? Разумеется, за счет установления меры наличия субъективности в методологии. Если субъективность будет превалировать над объективностью, методология окажется субъективной и тем самым заблокирует путь к познанию. Остается вариант доминирования объективности над субъек-

тивностью, т. е. преобладания сознательного компонента над вербализованно-психическим, бессознательным. Такое доминирование может быть только предельно обостряющим рассматриваемое противоречие и, значит, асимптотическим (исчезающее минимальным), поскольку лишь оно соответствует той мере активности субъективного компонента (вербализованной психики) в познании, которая максимально стимулирует объективирующий компонент — сознание. Соблюдение этого условия служит гарантией объективности (адекватности) познания и его методологии.

Подчеркнем особо: всякое научное исследование подразумевает опору на определенную методологическую основу. Утверждения об отсутствии, ненужности либо произвольности методологии в любой области знания фиктивны, поскольку таким способом декларируется методологический эклектизм, или релятивизм. Его влияние в научных отраслях, особенно гуманитарных, велика, но гносеологическая продуктивность незначительна, потому что релятивизм является проводником экспансии алогизма. За релятивизмом всегда стоит фигура релятивиста — манипулятора потоками информации, а через них и в конечном итоге — мнением научного сообщества.

Какой же должна быть методология исследования в гуманитарных дисциплинах (социологии, психологии, филологии и др.)? Может быть, для ее выработки нужно обратиться к ресурсу естественных наук — математики, физики, химии, биологии и др.? Во всяком случае, априори отказываться от использования их методологического арсенала было бы опрометчивым.

Естественные науки изучают объекты материального мира и их взаимодействия. Методологией естественных наук является формальная логика, принципы которой конкретизируются математикой. Главный принцип формальной логики — недопустимость противоречия — позволяет представить объект исследования как систему, т. е. выявить в нем закономерности общего порядка. И если объект исследования помещен в рамки частного/общего уровня, формальная логика «работает». Проблема в том, что предмет исследования, которым является сущность (истина), относится к универсальному уровню. А в гуманитарных дисциплинах универсален также объект исследования — человек и его отношения. И поскольку универсальное противоречиво (оно состоит из противоположностей: материального и идеального), непротиворечивый системообразующий признак в нем отсутствует.

Следовательно, использование формальной логики представляет собой необходимое, но не достаточное условие осуществления познания. Она выступает методологией (инструментом) изолированного рассмотрения сторон противоречия, однако постижение их взаимодей-

ствия и взаимоперехода оказывается вне ее компетенции. Это противоречие внутри постулирующей непротиворечивость формальной логики ставит ее в положение высекшей себя унтер-офицерской вдовы.

Отстаивая магистральный принцип формальной логики, ее адепты заявляют, что отрицание запрета на противоречие есть его утверждение, поскольку отрицание запрета представляет собой запрет. В этом их рассуждении обнаруживает себя один из гносеологических дефектов формальной логики: ее индифферентность по отношению к глубине вопроса о мере отрицания. Ведь оно бывает не только полным либо частичным, но и включающим в новое явление отрицаемую противоположность в качестве снятой (угнетенной). И если отрицать принцип исключения противоречия не радикально, а лишь как недостаточное, хотя и необходимое, условие актуализации познания, то этот принцип войдет в качестве снятой (угнетенной) противоположности в диалектикологический принцип универсальности противоречия, или принцип универсальной противоречивости явлений. Тем самым будет обеспечено асимптотическое доминирование диалектикологического компонента над формальнологическим, т. е. объективного над субъективным.

Недостаточность формальной логики для осуществления познания обуславливается тем, что она, будучи орудием субъективности, или инструментом исследования формы явлений, игнорирует наличествующее у них содержание — их сущностную сторону, рассмотрение которой находится в сфере компетенции диалектической логики.

Теоретическим выражением разочарования в формальной логике стали теоремы Геделя (1931), который математически обосновал принципиальную неполноту, или противоречивость, любой системы. Такой вывод открывает возможность преодоления системности путем перехода к предельно высокому уровню организации — целостности (универсальности), методологией (инструментом) познания которой является диалектическая логика. В отличие от формальной логики, исключаяющей противоречие, она позволяет обнаружить противоречивость универсума, а также определить иерархическое соотношение между составляющими его противоположностями, включая выяснение меры доминирования одной из них².

² По большому счету, основоположник диалектики Гегель и его продолжатели Маркс и Энгельс не выходят за верхнюю границу формальной логики, поскольку в их учениях не акцентирована идея иерархии противоположностей. Ее сущность состоит в том, что среди базовых компонентов универсума идеальное (отражение) выше материального (материи) и, следовательно, материальное является основой идеального, без которой идеальное не существует. Отсутствие этой идеи в качестве стержневой обуславливает идеализм Гегеля и

Казалось бы, проблема методологии науки близка к разрешению. Однако научное сообщество, в полном согласии с парадигмой коллективного бессознательного, предпочло сложному выбору простой, не только сохранив в своем методологическом арсенале системность, но и узаконив в нем хаотичность. Иначе говоря, наряду с формальной логикой ученые широко и легально стали оперировать алогизмом, тем самым в очередной раз утвердив волюнтаристскую тенденцию в науке.

Сегодня, в эпоху Постмодерна, алогизм чаще и настойчивее культивируется в гуманитарных дисциплинах, нежели в естественных, занимая то место, которое принадлежит диалектической логике. А в гуманитарных науках степень использования алогизма тем выше, чем они сложнее. В методологическом отношении такая ситуация не нова: и в минувшие века, и ныне по мере возрастания сложности объекта и предмета наук, например, по вектору перемещения от естественных наук к гуманитарным, в них усиливается влияние алогизма, перманентное обращение к которому ведет науку к коллапсу, в лучшем случае — к стагнации. Прогрессивное развитие науки связано не с алогизмом и не с методологически родственной ему формальной логикой, а с диалектической логикой.

Диалектическая логика является не просто универсальной методологией познания: в этом качестве она представляет собой предмет как гуманитарных дисциплин, так и науки в целом (учтем, что предмет естественных наук — формальная логика — есть неразвернутая форма диалектической логики). Иными словами, без диалектической логики гуманитарные дисциплины и наука в целом оказываются беспредметными. Здесь, кстати, добавим, что наука сущностно гуманитарна, поскольку она — человеческий феномен и поскольку ее стратегическая цель — удовлетворение потребностей человека, т. е. создание инфраструктуры смысла его жизни. Отдельные отрасли науки отличаются друг от друга степенью их приближенности к антропогенному полю, поэтому естественные науки, отдаленные от него и вместе с тем опосредованно, в первую очередь через их стратегическую цель, причастные к нему, косвенно гуманитарны.

Проще говоря, естественные науки нужны для того, чтобы способствовать удовлетворению потребностей человека, в конечном счете для того, чтобы человек был счастлив. А проблема счастья (смысла жизни) — гуманитарная, в пределе — философская. Следовательно, естественные науки являются инфраструктурно (опосредованно, кос-

гельянцева и вынуждает Маркса и Энгельса, а также их последователей быть декларативными материалистами, т. е. фактически идеалистами.

венно) гуманитарными и отдаленно философскими, гуманитарные — околофилософскими.

И еще один аспект в соотношении между типологическими формами науки. Согласно распространенному мнению, естественные науки являются точными, а гуманитарные — нет. Однако будем иметь в виду, что естествоиспытатели оперируют математическими методами, которые конвенциональны и, значит, достаточно просты для того, чтобы о правилах их применения можно было договориться. Например, ученые договариваются об использовании какой-либо системы счисления (двоичной, десятичной или любой иной) и тем самым основывают математические действия на субъективном факторе. Аксиомы геометрии — тоже результат соглашения между учеными. А где оно, там гуманитарная сфера, находящаяся в ведении гуманитарных наук.

Критерию методологической точности соответствует диалектическая логика. Ей присуща и качественная, и количественная определенность. Все существующее противоречиво и основано на соотношении двух, а не произвольного числа, противоположностей: низшего — материального (материи, вещественности) и высшего — идеального (отражения: движения, изменения, развития, взаимодействия), — вот квинтэссенция диалектической логики. Отсюда следует, что материальное и идеальное не существуют друг без друга, а значит, не бывает ни материального, ни идеального самого по себе³. Этот вывод отсекает возможность идеалистической интерпретации явлений и представляет собой констатацию материалистической ориентированности диалектической логики. В свою очередь формальная логика, несмотря на ее внешнюю индифферентность к решению основного вопроса философии, оказывается методологией идеализма.

Таким образом, если подытожить все сказанное выше, методологией гуманитарных наук и в широком смысле методологией науки является диалектическая логика. Лишь ее использование обеспечивает объективность (адекватность) познания и тем самым позволяет науке достичь вершин в иерархии культурных ценностей.

³ Тезис о существовании материального без идеального либо идеального без материального есть в конечном итоге утверждение о монокомпонентности (непротиворечивости) универсума. Такое допущение позволяет ответить на вопрос о качестве субстанции, образующей (структурирующей) универсум, только с позиции идеализма, а именно при условии отождествления материального с идеальным, или их неразличения, которое идеалистично (является заблуждением), потому что оно означает редукцию материального к идеальному (но не наоборот, поскольку само неразличение этих компонентов универсума — феномен идеального) и, следовательно, провозглашение идеального единственной субстанцией, т. е. универсумом.

Д.Л. РОДЗИНСКИЙ

Организирующий принцип космического хозяйства и его проводника — сознания мудреца*

Аннотация. В статье рассматривается природа организующего принципа, из которого берут свое начало два универсума — божественный космос и человеческое сознание. Их всеобщим началом становится эманация, благодаря которой совершенное сознание мудреца способно проникнуть в «глубины» мироздания и перенести «уклад» божественного хозяйства — космоса — в хозяйственную деятельность социума, подражая, таким образом, идеальному порядку незримых основ.

Ключевые слова: космическое хозяйство, сознание, эманация, организующий принцип, универсум, бытие, Благо, магнетизм.

Abstract. In article the nature of an organizing principle from which two universums — divine space and human consciousness originate is considered. Their general beginning is the emanation thanks to which the perfect consciousness of a wise man is capable to get into «depths» of a universe and to transfer «way» of a divine economy — space to society economic activities, imitating, thus, to an ideal order of hidden bases.

Keywords: a space economy, consciousness, an emanation, organizing principle, a universum, life, the Blessing, magnetism.

Одной из фундаментальнейших тем античной философии является проблема происхождения космоса как формы божественного хозяйства и совершенного сознания античного мудреца. Оставаясь, по меткому определению К. Маркса, «началом, серединой и концом всей античной философии», мудрец символизирует тот образ совершенства, который чаще известен в форме добродетелей. Однако традиционное представление о добродетелях не в той мере, как это нужно, демонстрирует совершенство великого мужа, ибо отражает более этический аспект. Оно незаметно умаляет прочие достоинства, к коим необходимо отнести еще гносеологические и эстетические его способности. Именно потому, на наш взгляд, необходимо расширить устоявшееся представление о добродетели до понятия «совершенного сознания», включающего в себя как этические, так гносеологические и эстетические характеристики мудреца, которые проявляются в неразрывном единстве его жизни с жизнью космоса в целом. Для решения подобной задачи мы вынуждены искать то первоначало, тот единственный принцип, благодаря которому можно будет объяснить происхождение

* Продолжение серии статей (см.: Философия хозяйства. 2009. № 5—6; 2010. № 1).

как уклада космического хозяйства — зримого и незримого звездного небосклона, — так и его коррелята — сознания мудреца. Это позволит обрести почву для наших дальнейших рассуждений, приближающих нас к подлинному пониманию проблемы и форм ее разрешения.

Важнейшей особенностью феномена сознания является его принадлежность к той культуре, методу мышления, традициям, в рамках которых оно развивалось. Отметим, что античная философская мысль значительно отличается в этом вопросе от христианской. И если христианство — это культура теологического иррационального промысла Абсолютной Божественной Личности, творящей мир «из ничто», т. е. креационирующей мир, то античная культура является культурой не креационизма, а эманации. Раскрывая смысловое и бытийственное значение последней, мы находим ответы на многие до этого необъяснимые или запутанные вопросы, к числу которых можно отнести и вышеназванную проблему природы сознания.

Цель данной работы заключается в том, чтобы обосновать эманацию как мирозозидающий принцип, пронизывающий собой весь космический и психический универсум, формирующий как жизнь мироздания, так и жизнь отдельных, самых отдаленных его частей, т. е. индивидуальных сознаний. Поэтому мы ставим перед собой задачу продемонстрировать, как всепроникающая энергия эманации последовательно созидает разные уровни космической жизни, оформляя бытие мирового и становление человеческого сознаний. Проникая через чувства, рассудок и сам разум, эманация определяет моральное сознание со всеми его этическими, эстетическими и гносеологическими ценностями, окончательное становление которых приводит человека к совершенству.

Эманационное состояние мира характерно фактически для всех периодов античной философии и означает «истечение», «исхождение», «вытекание». Оставаясь одним из самых популярных состояний космоса, оно символизировало исхождение низших областей Бытия из высших. При этом высшие остаются в неподвижном, неисчерпаемом состоянии, а низшие выступают в постепенно убывающем виде, вплоть до полного хаоса [1, 212].

Условно учение об эманационном состоянии мира можно разделить на два направления, первое из которых принадлежит стихийным материалистам, второе же — идеалистам.

В рамках натурфилософии уже гераклитовский огненный Логос эманурует из себя мир, который «рождается из огня и вновь обращается в огонь, периодически в течение всей вечности». «Мир всегда был, есть и будет вечно живым огнем, который мерами вспыхивает и мера-

ми угасает». Это значит, что огненная эманация определяет космосу его состояние: меру, период, ритм, гармонию.

Атомисты Левкипп и Демокрит полагали, что в основании мира лежат атомы, истечения из которых вызывают «видики», источник воздействия на человеческие чувства, благодаря чему и происходит процесс познания мира. Поэтому атомы и их «истечение» выступают моментом как разумного, так и чувственного восприятия и познания реальности.

Эпикур, используя атомистическое учение Демокрита, онтологически обосновывает свободу человека от судьбы, в основании которой лежит «свободная эманация» атомов, способных отклоняться от своей первоначальной траектории.

Наконец, стоики понимали эманацию как истечение первоогня, охватывающего своими потоками всю действительность в виде огненной пневмы, доходящей до дыхания человека и замирающей в неорганической природе.

Однако более богатая традиция принадлежит, конечно, идеалистам. У Сократа, например, она обретает характер безличного онтологического промысла Мирового Разума, который властвует не только над поступками, но и над помыслами людей. У Платона эта мысль представлена в мифологической форме в учении о Благе как эманации сверхразумного и сверхсущего Единого, излучающего из себя все бытие [2, 290].

Аристотель развил учение об эманации как об энергии и как о перодвигателе, который движет всем миром энергично.

Плотин продолжает идеи творческого «истечения», светового излучения, составляющих основу без всякой убыли в течение всей вечности и действующих по необходимости [3, 92].

У Прокла учение об эманации достигло своего окончательного структурного оформления, т. е. «пребывания на месте», «возвращения».

Таким образом, источником эманации, согласно натурфилософии, выступают «сама природа» и ее атрибуты: атомы, вода, воздух, земля, огонь, которые вполне можно познать через телесные чувства, восходящие к индивидуальному разуму. Эманационным центром у идеалистов становятся умопостижимое Единое, Благо, Мировой Разум. Их познание можно осуществить лишь благодаря сверхчувственному, отрешенному от тела, созерцанию.

Эманация — энергия Единого, благодаря которой Абсолют формирует мир, одновременно проявляя себя в нем. Именно эта сила обуславливает единство космическо-морального универсума, созидая как его внешнюю форму, так и внутреннее содержание. Благодаря божест-

венной эманации вселенская жизнь и ее хозяйство оформляются в совершенную сферу, в которой полнота бытия наличествует «в центре», но убывает к периферии. Целостность космического устройства обязана единому источнику, который через меру, вес, ритм, число устанавливает порядок мироздания, где центр космоса отличен от его периферии. Искажение даже божественного хозяйства предопределено ослаблением энергии эманации и усилением дезорганизующего влияния хаоса. Граница, где хаос полностью подавляет энергию эманации: ее порядок, меру, ритм — и отделяет область космоса от окружающей его бездны.

Сравнивая прекрасный образ божественного состояния мира с безобразным хаосом, отметим, что во всех случаях сферический космос предпочтительнее аморфного и бездонного хаоса. Космический порядок выигрывает перед первозданным беспорядком; вселенский Смысл, во имя которого существует космос, прекраснее абсолютной бессмыслицы и, наконец, само бытие со всей архитектурной совершеннее, чем остальное Небытие, окружающее космос со всех сторон. Это значит, что наличие высшей ступени космоса — Блага, включающего в себя уже приведенные характеристики мирового Бытия, неоспоримо лучше его отсутствия. Самому же Благу как источнику совершенства дадим следующее определение: оно есть высшее бытие, и даже сверхбытие, эманация которого через меру, вес, ритм, число определяет структуру морально-космического универсума, а следовательно, и его звездного хозяйства.

Важной характеристикой эманации является свойство, благодаря которому в каждом из порождаемых ею явлений, событий, вещей сохраняется след ее организации. Однако чем дальше явление от организующего принципа, тем туманнее проявляется универсальная природа эманации, рассеянное состояние которой остается доступным лишь проницательному взору, способному постичь высшую организацию Вселенной через отдельную вещь. Подобное положение демонстрирует органическое единство космической и психической жизни, благодаря которому общая для них сила эманации в космосе проявляет себя как онтологический промысел, в природе — как естественные законы, в психике — как ощущения, в сознании — как мышление, и, наконец, в добродетелях — как первозданный моральный порядок универсума.

А между тем самое главное свойство эманации заключено в том, что она становится источником возникновения индивидуального сознания, в котором и обретается совершенство, отражающее подлинный образ универсального хозяйства. Благодаря эманационной энергии всякая часть тождественна целому, а индивидуальное сознание — мировому. Так, покоящиеся идеи Мирового Ума проецируются в под-

вижную область космоса — Мировую Душу, превращаясь в ней в мироуправительные стихии — образы античной судьбы: Логос, Ананке, Тюхе, Мойра, Геймармене, Дике и т. д. [4, 17]. Те же, в свою очередь, преобразуются в чувственные переживания, инстинктивные ощущения, интуицию, рассудок. Именно космические стихии, будучи коррелятом эманации, создают различные формы познания: сенсуализм обывателя, эмпиризм героя и политика, рационализм философа и интуитивизм мудреца. Подобный порядок отражает иерархию как морального сознания, так и сфер космоса, которому они принадлежат.

Добавим к сказанному, что сила интуитивного постижения человеческого разума, которую мы назовем магнетизмом, напрямую зависит от степени приближенности к божественной эманации, сравниваемому с электрическим током, продуцирующим магнитное поле. А потому чем ближе душа к «организующему принципу», тем выше ее бытийственно-природный статус. Вообще, одно сознание отлично по своей природе от другого лишь способностью воспринимать в ощущениях жизнь космоса с дальнейшей возможностью их адекватно осмыслить. Таким образом, эманация есть «архэ» мироздания, «магнетическое поле», которое создает иерархию уровней сознания, стремящегося обрести всю полноту бытия в общих с универсумом ощущениях.

Благодаря тому, что магнетизм остается универсальной энергией, общей как для космоса, так и для всякого сознания, процесс мышления имеет общекосмическую природу. Поэтому как масштаб сознания, так и качество его мышления полностью обусловлены положением, занимаемым в иерархии мировой эманации, чей магнетизм возбуждает через интуицию сознательные переживания человека, оформляя строй и образ его мыслей. Однако при этом остальная часть психики (телесные чувства, инстинкты, рассудок), оставаясь на периферии магнетического влияния, впадает в пассивное состояние «гипнотического сна», оформляя собой структуру души, тождественную архитектонике универсума. Значит, магнетизм интуитивного познания так же относится к бессознательным инстинктам и телесно-чувственным переживаниям, как отдельная космическая стихия — к интуитивным способностям индивидуального сознания [5, 147].

Следует подчеркнуть, что и гипнотическое забвение бессознательной части психики, и магнетизм интуитивного сознания являются лишь изменчивыми формами единой космической энергии — эманации, которая фактически управляет всеми формами жизни. Через переживания удовольствия или страдания она сигнализирует о степени приближения или удаления от его энергии, оформляя собой как полноту бытия, так и его ущербность. Два этих фундаментальных вселенских ощущения — удовольствие и страдание — являются предельными

ми состояниями в бытийственном отношении не только космической, но и психической жизни. Здесь высшая степень удовольствия — созерцательно-интуитивный экстаз — является результатом единения индивидуального сознания с универсальным, где крайняя степень страдания говорит об удаленности, рассеянности сознания, о забвении себя в иллюзорном многообразии внешнего мира. Поэтому все в мире сознательно или бессознательно стремится слиться с Вселенским Сознанием воедино, обеспечив себе целостное Бытие и вечность существования.

Таким образом, как внешний мир, так и мир внутренний едины в своем основании, и если неразумная природа бессознательно, т. е. гипнотически, подчиняется единой эманационной силе Вселенной, то разум человека имеет возможность осмысленно следовать за ее благим законом, став «языком субстанции», включенность в которую приводит всякое сознание к совершенству, а всякую хозяйственную деятельность приближает к идеальной.

Литература

1. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. М., 1994.
2. *Платон.* Соб. Соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994.
3. *Плотин.* Эннеады. Третья Эннеада. СПб., 2004.
4. *Родзинский Д.Л.* Образы античной идеи судьбы и ее связь с добродетелями мудреца. М., 2000.
5. *Родзинский Д.Л.* Сознание античного мудреца. М., 2003.

IV

АКТУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Е.А. КАРЦЕВ

Социология знания в контексте трансформации российского общества

Аннотация. Статья посвящена проблемам социологического сопровождения процессов трансформации индустриального общества в направлении постиндустриальной цивилизации, в том числе вопросам: что может дать социология знания инновационной экономике, насколько она предвосхищает и обеспечивает процессы трансформации общественного организма.

Ключевые слова: социология знания, экономика знаний, методология социального познания, холизм, методологический индивидуализм, социальный конструктивизм, принципы либерализма, знание, информация.

Abstract. Article is devoted to problems of sociological support of processes of transformation of an industrial society in a direction of a post-industrial civilization, including to questions: what sociology of knowledge can give to innovative economy, how much it anticipates and provides processes of transformation of a social organism.

Keywords: sociology of knowledge, economy of knowledge, methodology of social knowledge, холизм, methodological individualism, social constructivism, liberalism principles, knowledge, information.

Социология знания признает, что знания играют определяющую роль в современном обществе. Как научная дисциплина она призвана решать насущные социальные проблемы постиндустриального, информационного и постмодернистского общества. Она исследует процессы производства, распространения, инструментализации и эффективного использования знаний. Производство знаний служит источником роста экономики.

В постиндустриальном обществе знаний экономика и социальная сфера функционируют особым образом. Поскольку российское общество не является постиндустриальной цивилизацией, а опосредуется ей, актуальность приобретает *социологическое сопровождение его трансформации в этом направлении*. Это, в частности, предполагает рассмотрение социологии знания как метакритики социологии и вычленения из социологической классики того, что работает на современность, что индифферентно по отношению к ней, а что тормозит

преобразования. Естественно, то же самое касается и аудита институтов, играющих те же самые роли. Таким образом, это своеобразный и перманентный аудит социологических понятий и институтов, касающихся общества, переживающего становление¹.

Социологическое сопровождение процессов трансформации индустриального (традиционного) общества в направлении постиндустриальной цивилизации включает в себя: обеспечение законодательствующей роли социального познания в жизни современного общества (это означает соответствие положению о том, что, «прежде чем появится технология материальная, существует некая человеческая технология... технология представляет собой прежде всего социальное и только потом — техническое» [1, 66—67]); освоение социологического знания постиндустриального, информационного и постмодернистского общества (этот синонимический ряд характеризует разные стороны одного и того же феномена); выявление существенных характеристик взаимообусловленности и взаимозависимости экономики знаний и социологии знания, в том числе: социология знания как методология социального познания и общеметодологическая социальная теория; социологические приоритеты: как добывается знание, как производится знание, как инструментализируется знание, как оно применяется и, наконец, какова его эффективность; что может дать социология знания инновационной экономике; насколько она превосходит и обеспечивает процессы трансформации общественного организма.

Это означает переход и общества и социальной науки на основания постиндустриальной (адекватной экономике знаний) и постклассической стадии развития. Трансформация общества и социального знания должны быть адекватны друг другу². Действительно, если общество для того, чтобы приобщиться к техногенной цивилизации, должно стать либеральным, рыночным, основанным на легитимности системообразующего института *индивидуализированной* собственности, то почему социологическая теория, в ряде случаев, по-прежнему, отстаивает

¹ Традиционное общество мультиплицирует способ решения своих проблем, бесконечно воспроизводит самое себя и стремится к сохранению себя в неизменном виде. Трансформирующееся общество испытывает необычайное напряжение в связи с переходом в техногенный режим становления, ввиду чего социологическое теоретизирование по этому поводу приобретает чрезвычайную актуальность.

² Постмодернистскую стадию развития социального знания характеризуют англо-русские энциклопедические словари социологических терминов, насчитывающих более 30 тыс. единиц (готовящееся второе издание словаря С.А. Кравченко), тогда как отечественные социологические «энциклопедические» издания не насчитывают и 1 тыс. терминов.

вает положения *холизма*, утверждающего приоритет коллектива над индивидом (принцип И<К), по всему полю социологического знания оппонирует концепции *методологического индивидуализма*, отстаивает ставшие бесплодными классические антиномии, бинарные оппозиции и дихотомии социологии (материальное/идеальное, объективное/субъективное, коллективное/индивидуальное, макро/микро), игнорирует достижения постмодернистской философии, давшей убедительную критику метафизики самоизобретенных «высших ценностей», и диалектики (всегда редуцирующей к положению «для того, чтобы были праведники (теза), необходимы грешники (антитеза)», утвердившей концепции плюрализма, множественностей, «права на отличие» и многое др., не отстаивает *принципы либерализма*: тот же методологический индивидуализм, эпистемологический фаллибилизм (состояние сомнения в собственных выводах, подверженность ошибкам), плюрализм ценностей, принцип конкуренции, рыночной экономики, суверенитета и законодательствующей роли потребителя на рынке, антиперфекционизм (противодействие утопическим конструкциям и построениям), реформизм, ценности *homo liberalis* (человек — цель, а не средство; общество создано для человека, а не человек для общества), несовместимость рынка и коррупции, упраздняющей перспективы техногенной трансформации общества. До сих пор нет ответа на либеральную критику «социального», сделанную Хайеком в 7 главе «Пугубной самонадеянности»: «Наш отравленный язык».

Действительно, сегодня в деле познания фактов и у нас, и за рубежом достигнут полный успех. Социология в состоянии эмпирически исследовать и описать самые разные социальные явления. Есть все — методы опроса и наблюдения, хорошо подготовленные специалисты. Приоритетными направлениями социологических исследований являются: экономическая социология; исследования социальных сетей; социология знаний (исследования науки).

Описывать социальные явления, измерять и сравнивать их — это значит давать средства тем, кто действует (от политиков и предпринимателей до простых акторов). Это *рациональные подходы в социологии* — *строить свои действия на фактах, а не представлениях, т. е. «фальсифицировать» — разрушить ложные знания.*

Стадия интерпретации означает придание смысла происходящему, создание поддающихся проверке гипотез. Многие социологические интерпретации касаются таких гиперсоциетальных явлений, как модерн, постмодерн, глобализация. На Западе интерес представляют социологические интерпретации *индивидуального действия* (так называемые *новые социологии*, исследующие проблемы *социального конструктивизма*). У нас наиболее содержательные работы по этому по-

воду принадлежат также «западникам», например Г.Г. Дилигенскому, попытавшемуся, на наш взгляд довольно удачно, использовать концепцию методологического индивидуализма, разработанную Р. Будоном, применительно к модернизации российской экономики и перспективам формирования среднего класса («Люди среднего класса» и другие работы).

Тем не менее сегодня все очевиднее становится, что социализация не может исчерпывающим образом объяснить все многообразие поведения акторов.

Усложнение современного общества и социальных отношений требует обращения к множеству причин и логик действия. Иными словами, классическая социология испытывает все больше трудностей в объяснении явлений. Возникает множество вопросов: индивидуальное поведение управляется ценностями или нормами, этосом должного или вкусом, прагматическими интересами или верованиями, рутинной или аффектами?

Насколько акторы осознают то, что они делают? Объясняется ли то, что они делают, тем, что они говорят об этом? Ответы на подобные вопросы требуют трудных гипотез и специфических подходов. С уверенностью можно утверждать лишь одно — *линейное поведение системы необратимо ушло в прошлое.*

Это означает своеобразное «преодоление классической социологии», т. е. речь идет об историческом отказе от холистских парадигм в пользу методологического индивидуализма и индивидуалистской концепции социогенеза. Если индивидуальное действие выступает в качестве «социального атома» (метафора Р. Будона), то необходимо начинать с его объяснения.

Что сближает ситуацию на Западе с нашей ситуацией? По видимому то, что индивидуализм является не только социологическим, но и культурным явлением, для которого характерна «забота о себе» («все созрели до осознания личной значимости своей жизни», «говорят только за себя и от своего имени», «обладают правом собственности на самих себя»), отказ от альтруизма, желания инвестировать в социальные институты. Коллективные институты переживают кризис, выражающийся в утрате доверия к ним и легитимности. Это приводит к смещению самого предмета социологии: это не общество и не индивиды, но отношения между индивидами в широком смысле, а также объективированные миры, которые производят индивиды. Эти миры являются конституирующими одновременно и для индивидов, и для социальных явлений. Таким образом, методологический индивидуализм включает в себя как интересубъективное измерение социаль-

ной реальности, так и его интрасубъективное измерение, т. е. множественность идентичностей, конституирующих одного индивида. У индивида многочисленные лики, «за разными столами он и говорит по-разному».

В таком ракурсе «новые социологии», постулирующие социальный конструктивизм, оппонировать, одновременно, и холизму и индивидуализму, пытаясь постичь *множественных индивидов* в качестве продуктов и производителей разнообразных социальных отношений. Сегодня индивид может принимать самые разнообразные формы — выступать в роли и рационального актора, и индивида, и субъекта, и множественного человека, а в теологической перспективе — и субстанции.

Теоретизирование в социологии — это формулирование высказываний, объясняющих явления. Социология знаний — это и есть теоретизирование. Оно позволяет производить знания (*savoirs*), которые характеризуются определенным уровнем обобщения и устойчивости. Иными словами, производство знания не исчерпывается познанием фактов (*connaissances*).

Сегодня, как отмечают многие социологи, наблюдается двойное явление: упадок общей теории и разрыв макро- и микроуровней анализа: например, термины, характеризующие группу или общество (солидарность, динамика перемен), не релевантны для характеристик индивида.

Претензия социологии на создание общей теории потерпела неудачу, поскольку нельзя выводить всю совокупность социальных явлений из ограниченного числа принципов, касающихся сущности социального. В этом смысле, как отмечал французский социолог Шарль-Анри Кюэн, Парсонс, Луман, Гидденс, Элиас, Бурдьё являются последними классиками социологии. Их теории не столько объясняют, сколько призывают к тому, чтобы им поверили. Таково назначение таких понятий, как *хабитус*, *дифференция*, *усложнение*, *аутопойесис* (самореферентность системы).

Таким образом, генерализирующие, универсальные теории потерпели неудачу. Генерального знания, представляющего социальное, нет. Есть только знания экспертного, референтного характера. Универсальность недостижима и не интересует больше исследователей. Это положение сближает социологию с философией постмодерна, что, естественно, не разочаровывает, а воодушевляет. Индивиду и обществу вновь возвращаются права ответственного самополагания.

Постиндустриальное, информационное и постмодернистское общества — это три составляющие одного и того же феномена. Отвергая универсализм, можно тем не менее полагать, что вектором трансформации российского общества является техногенная цивилизация. Для

социологии постиндустриального общества (Д. Белл) характерно исследование таких феноменов, как экономика знаний и высокие технологии (на Западе они обеспечивают 95% прироста ВВП, у нас — 5%; у нас 95% населения — зарплате, лица наемного труда, живущие на заработную плату и пенсии, у них 80% прироста высоких технологий обеспечивает мелкое и среднее предпринимательство, а 1% крестьян обеспечивает продовольствием всю Западную Европу; в соревновании природной и техногенной рент — данные академика О.Т. Богомолова — в середине 1970-х гг. энергоресурсы составляли 75% в структуре мировой торговли, а в 1990-е гг. — 74—76% приходилось уже на высокие технологии и их продукцию, произошла инверсия), тертиарные промыслы (сфера услуг), прогрессивное сокращение численности рабочего класса, направленность в будущее (режим становления), межличностная коммуникация, большая роль науки, теоретических знаний и образования.

Для социологии информационного общества, которое нередко называют «обществом знаний», характерно внимание к революции в производстве и потреблении знания. Знание можно производить, перемещать, продавать и покупать как любой другой продукт, оно приобретает стоимостную форму.

Индустриальная фаза развития общества основывалась на первом основном законе термодинамики, законе сохранения энергии и движения, постиндустриальная и информационная — на втором основном законе термодинамики, законе энтропии. Императивом выживания в XXI в. становятся знания, экономящие потребление энергетических и минеральных ресурсов, а также иных физических компонентов производства. Вычислительная техника, основанная на микропроцессорах, знаменовала собой вторую постиндустриальную революцию. Отсюда проблемы: информация — важнейший ресурс вступающего в новую эпоху человечества (американская версия). По версии европейских социологов, гораздо важнее знание, воплощенное в способности осмысливать эту информацию и генерировать новую. Таким образом, понятие «знания» имеет более глубокий характер и должно быть дифференцировано от понятия «информация»: они проистекают из двух различных по традициям теорий. Тем не менее информационное общество должно быть осознано как частичный ответ на многие проблемы индустриального общества. Умственный капитал, теоретическое знание, обработка информации, образование, квалификация и переквалификация — его стратегические ресурсы и главные факторы развития общества. Инновативность — основа всякого развития. Поэтому, когда мы говорим «инициатива наказуема», то невольно декларируем свою

принадлежность бюрократической логике традиционного общества (Л. Мизес), а не рыночного устройства, которое основано на инициативе, приветствует риски и вознаграждает за них.

Как известно, основы социологии постмодернистского общества заложил А. Этциони, исследователь организаций, который еще в 1968 г. в монографии «Активный социум» охарактеризовал *самоуправляемое общество* (в нем должен доминировать принцип обратных связей и *регулирования*, а не дисциплинарная логика *управления*, неуместная в условиях турбулентности среды). Главное отличие от модерна, по Этциони, — приоритет социальной организации, знания, образования и научных исследований. Отличие от информационного общества: в последнем — на первом плане обработка и передача информации, в первом — акцент ставится на применении и толковании знаний. Для более глубокой интерпретации и теоретизирования по поводу постмодернистского общества необходимо, на наш взгляд, обращение к философским концептам постмодерна, таким как «ризома» — аналог сетей и доминирования реципрокативных отношений в обществе, сингулярность, номадизм, дизъюнктивный синтез, множественность, план имманентности и др.

Важны не только сами инновации, но и способ их интерпретации. Факты без толкований по своей социальной пользе ограничены. От тех, кто разрабатывает и внедряет новую социальную технологию, требуются оценка и разъяснение ее преимуществ. Например, если в Европе корпорации воспринимаются как одна из форм общественной организации, в США они рассматриваются как проявление и воплощение частной инициативы. В результате, уважение частных интересов оказывается гораздо большим в Европе, а не США. Важны также плюрализм в производстве информации, законодательствующая роль потребителя на рынке информационных услуг.

Н. Саркози, выступая в Национальной ассамблее, призвал произвести аудит институтов в обществе, определить, что устарело, что подлежит модернизации, а что необходимо создавать заново в ответ на вызовы XXI в.

В заключение хотелось бы отметить, это и наша задача применительно к трансформации российского общества в текущей перспективе.

Литература

1. Делёз Ж. Фуко, М., 1998.

В.В. КОЧЕТКОВ, Л.Н. КОЧЕТКОВА

Антиномия современного государства и гражданского общества

Аннотация. В данной статье авторы обосновывают два тезиса, которые имеют принципиальное значение для модернизации российской политической системы. (1) Социальной основой современного гражданского общества является не мелкий частный собственник, а работник наемного труда, чья гражданская независимость обеспечивается общественной собственностью, а также правовыми и демократическими механизмами социального государства. (2) Отношения гражданского общества и современного государства носят антиномичный характер, т. е. зависимость первого от второго возрастает по мере роста требований демократизации государства. Кроме того, авторы предлагают ряд конкретных шагов для формирования повестки российского гражданского общества.

Abstract. In this article the authors substantiate the two theses which are of principle importance for the modernization of the Russian political system. (1) The social basis of the modern civil society is not a small private owner (petty bourgeoisie) but a person of wage labour whose civil independence is secured by public property and by law and democracy of the welfare state. (2) The relationship of civil society and modern state has an antinomic character; i. e. the dependence of the former on the latter is increasing in accordance with the process of democratization of a state. In addition the authors suggest a number of concrete proposals for the Russian civil society.

Ключевые слова: современное (социальное) государство, гражданское общество, права человека, средний класс, общественная собственность, демократия.

Keywords: modern (welfare) state, civil society, human rights, middle class, public property, democracy.

Современность отличается тем, что все существующие государства, партии и общественные движения соревнуются между собой за роль выразителей подлинной демократии. В нашей стране все убеждены в том, что демократия возможна только при условии наличия развитого гражданского общества и его основы — среднего класса. При этом под «средним классом», как правило, понимается большой слой мелких собственников и, соответственно, под «гражданским обществом» — сфера их жизнедеятельности и совокупность институтов, выражающих и защищающих их интересы. С большим уважением, отно-

сясь к подвижничеству институтов российского гражданского общества, в данной работе мы намерены показать, (1) что современное гражданское общество имеет совершенно другую социальную основу, и (2) что взаимоотношения между государством и гражданским обществом в современном мире носят антиномичный характер. Прояснение этих вопросов, на наш взгляд, должно помочь выработать реальные ожидания у гражданской общественности и определить правильные текущие политические задачи для активистов.

Как известно, существует несколько парадигм исследования взаимоотношений гражданского общества и государства. В *первой парадигме* (как она представлена в трудах Ж. Бодена, Т. Гоббса, Б. Спинозы, К. Шмитта и др.) *государство рассматривается как полное отрицание естественного состояния*, которое описывается как «война всех против всех». Государство обретает свою легитимность для того, чтобы преодолеть это естественное состояние войны благодаря заключению общественного договора между исполненными страхом жителями о передаче суверенитета (исключительных правовых полномочий) в пользу государства нового типа — Левиафана. Возникающее в результате акта самоотречения от абсолютной свободы гражданское общество считается *равнозначным* государству и его законам, так как именно в законах признаются некоторые права и фиксируются обязанности граждан государства. Исторически такая позиция может быть понята, если принять во внимание, что она была впервые сформулирована как условие мирной и спокойной жизни в период религиозных и гражданских войн XVI — XVII вв. в Европе. Но в теоретическом плане с представителями данной парадигмы трудно согласиться, так как они не признают положительного значения гражданского общества ни для возникновения государства (т. е. отрицают генетическую связь между типом гражданского общества и формой государства), ни для последующего влияния граждан на власть. У них государство в обмен на обеспечение частной автономии граждан полностью лишает их права на публичную автономию. В своей крайней форме эта парадигма обосновывает необходимость, а значит и правомерность введения диктатуры в случае любых нетипичных общественных ситуаций.

Согласно второй парадигме, яркими представителями которой являются С. Пуфендорф, Дж. Локк, А. Фергюсон, а также мыслители американского просвещения, *гражданское общество носит естественный, мирный характер. Государство должно его охранять и управлять им*. Назначение государства состоит не в том, чтобы придти на смену естественному состоянию, а том, что оно есть всего лишь инст-

румент, с помощью которого общество может осуществлять свою свободу и равенство. Данную парадигму принято называть *либеральной* в связи с акцентом в ней на необходимость защиты со стороны государства прав граждан. По мнению Дж. Локка, как состояние «удобной, благополучной и мирной жизни» гражданское общество представляет собой комплекс устойчивых взаимодействий между свободными, равными и независимыми индивидами мужского пола, чье имущество (в самом широком смысле) охраняется политически, т. е. благодаря подчинению этих индивидов государству, монополизирующему в своих руках процесс создания и исполнения законов. Тем самым в этой традиции стираются различия между государством и гражданским обществом. Хотя под последнее подводится твердый фундамент *естественных и неотчуждаемых прав человека*, которые создают моральное равенство людей и тем самым порождают общественную солидарность в качестве легитимной основы государства. Исторически именно эта парадигма определяла и теоретически оформляла развитие капиталистического общества.

Третья парадигма, в которой естественно-правовая модель достигает своего *экстремального выражения*, наиболее ярко представлена в работах американского просветителя Т. Пейна, современного английского исследователя Д. Грина, а также американских неоконсервативов. Они акцентируют внимание на проблеме возможной *неограниченной власти государства*, которая может быть чрезмерной и опасной в силу своей несовместимости с личными свободами, гарантированными верховенством закона в правовом государстве. Здесь впервые появляется и затем активно развивается тема *«Гражданское общество против государства»*. В данной парадигме государство уже воспринимается как неизбежное зло, а гражданское общество как безусловное благо. Ведь государство есть общественная власть, делегированная ради общей пользы общества. Именно такое понимание государства может придать ему легитимность. И чем совершеннее гражданское общество, тем больше оно управляет собственными делами и меньше оставляет возможностей для правительства. Американский просветитель Т. Пейн считал, что цивилизованные правительства — это конституционные правительства, наделенные властью вследствие действительного согласия со стороны свободных и равных людей. У таких правительств нет прав, а есть только обязанности перед гражданами [1].

Очевидно, что такое противопоставление ведет к упрощению понимания как государства, так и гражданского общества. Это проявляется, например, в логике обоснования естественности происхождения гражданского общества. Согласно мнению представителей второй и

третьей парадигм, как таковое гражданское общество возникает из-за того, что естественные потребности людей превосходят их индивидуальные способности. Это означает, что люди как индивиды не могут собственными силами и талантами удовлетворять свои разнообразные потребности и нуждаются в помощи и продуктах труда других людей. Такая ситуация толкает их к установлению и развитию различных форм обмена, основанного на взаимной выгоде. Кроме того, стремление к солидарности с другими принадлежит к числу естественных чувств людей, которые постоянно подпитываются рыночными интересами. Но все богатство отношений в гражданском обществе невозможно свести к обмену в его рыночной форме, особенно это касается вопросов демократии и социального обеспечения, в которых и проявляется настоящая солидарность граждан конкретного общества.

Четвертая парадигма, которую в отличие естественно-правовой (либеральной) часто называют *республиканской*, связана с именами Ж.-Ж. Руссо, И. Канта и Ю. Хабермаса. Если, согласно либеральным воззрениям, государство является аппаратом публичного управления, который специализируется на административном применении политической власти в коллективных целях, а гражданское общество является рыночным хозяйством, общением и работой частных лиц, то, согласно республиканским воззрениям, политика не сводится к роли посредника, использующего разнонаправленные интересы частных лиц для процветания общества, а имеет важное *самостоятельное* значение. Оно состоит в том, чтобы *сплотить* людей в единое целое на основе чувства солидарности, которое возникает в процессе осуществления частной автономии самоопределяющихся индивидов. Но, с позиций республиканизма, *частная автономия неразрывно связана с публичной автономией*, так как «...без субъективных свобод — действия и возможности отстаивать эти свободы, обеспечивающие частную автономию отдельных правовых субъектов, нет никакого права вообще; и нет никакого легитимного права без совместного демократического полагания прав самими гражданами, которые вправе участвовать в этом процессе в качестве равных и свободных индивидов» [2, 154—155]. Взаимосвязь частной и публичной автономий держится на разумном моральном индивиде, совокупность которых и образует гражданское общество. На наш взгляд, такая логическая экспликация не объясняет трудностей формирования демократии и самого гражданского общества.

Иначе оценивал данную ситуацию Г.В. Гегель, который видел главную задачу государства в том, чтобы охранять гражданское общество, возвышаясь над ним и ставя ему пределы. С его точки зрения,

гражданское общество нуждается в институционально обособленном суверенном государстве и одновременно создает для него необходимые условия; а государство объединяет части гражданского общества в самоопределяемое целое, тем самым поднимает нравственную жизнь до высшего единства. *Только признавая гражданское общество и сохраняя его подчиненное положение, государство может обеспечить его свободу.* Необходимо отметить, что модель такого «всеобщего государства», ясно сформулированная Г. Гегелем в «Философии права» (1821), вносит в теорию гражданского общества две новые идеи. Во-первых, в противовес модели минимального государства Т. Пейна, гражданское общество трактуется немецким философом не как естественное состояние свободы, а как исторически создаваемая сфера нравственной жизни, которая располагается между патриархальной семьей и государством. Она включает в себя экономику, общественные классы, различные общественные корпорации, призванные заботиться о благополучии граждан и обеспечивать гражданское (частное) право. Во-вторых, немецкий философ выступил с резкой критикой натурализма, естественности происхождения гражданского общества. По его мнению, не существует необходимого тождества (гармонии) между разнообразными элементами гражданского общества. Это — поле непрекращающегося боя, где сталкиваются частные интересы. Оно не может оставаться «гражданским», если в него политическими (государственными) методами не привносится порядок. При этом Г. Гегель формулирует два условия, при которых оправдано вмешательство государства. (1) Вмешательство государства возможно в целях устранения несправедливостей или неравенств, возникающих в гражданском обществе. (2) Прямое вмешательство государства в дела гражданского общества оправдано, если оно направлено на защиту и содействие всеобщим интересам граждан, которые, правда, само же государство определяет. Ведь всеобщее государство у Г.В. Гегеля — это воплощение нравственной идеи, духа, сознательно осуществляющего себя на земле. Именно эти идеи стали исходным пунктом размышлений немецкого ученого XIX в. Л. фон Штейна, которые привели его к выводу о необходимости преобразования прусской монархии в социальное государство, которое будет активно вмешиваться в общественные отношения. С точки зрения нашего анализа можно зафиксировать идею о нестабильности и несамодостаточности гражданского общества как такового вне взаимосвязи с государством как институтом.

Несколько особняком стоит *марксистская парадигма* исследования гражданского общества, которая была разработана в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, Д. Лукача и др. Согласно ей термин «граж-

данское общество» появляется в XVII — XVIII вв. и означает *исторически установившееся господство буржуазии над пролетариатом*, которое выражается в «неполитическом» (экономическом) отношении принуждения между частным капиталом и наемным трудом. Не только по содержанию, но и по форме гражданское общество является *буржуазным*, ведь оно есть не что иное, как обеспечиваемая государством сфера товарного производства и обмена — сфера частной собственности, рыночной конкуренции и рыночных интересов. Марксизм со всей очевидностью лишает смысла разграничение государства и гражданского общества в силу присущей ему тенденции сводить государство к форме политической организации буржуазии. На этой основе сложные модели стратификации, групповой организации, равно как и конфликты и движения гражданского общества подводятся под логику противоречий способа производства, тем самым обесценивается и значение разнообразных институтов гражданского общества: религиозных сект, церкви, научных и иных профессиональных объединений³.

Экономический редукционизм не позволяет увидеть марксизму и того, что идея гражданского общества, как и само гражданское общество, появились раньше завоевания буржуазией политических высот. Иначе говоря, К. Маркс не учитывал того, каким образом возникновению буржуазного способа производства содействовало предшествующее развитие общественных органов самозащиты и самообеспечения в городах и деревнях в период разложения феодального строя. Ведь рост экономической мощи буржуазии был обусловлен ее ранее проявившейся способностью обособляться от прежних феодальных властей и формировать новый уклад жизни посредством таких разнообразных неэкономических ассоциаций, как коммуны, секты, лиги, суды и т. п. Именно они и стали основой возникающего новоевропейского гражданского общества, структурно обособленного и от традиционной семьи, и от государства. Стремясь подчеркнуть господствующий буржуазный характер современного ему гражданского общества, К. Маркс преувеличивал степень его разобщенности. Кроме того, он не учитывал начавшийся с XVIII в. рост институтов нового типа — профессиональных объединений юристов, врачей, инженеров, архитекторов и т. д., чьи знания, авторитет, а значит и власть в гражданском обществе нельзя объяснить только с помощью классовой модели власти. На са-

³ Среди марксистов только А. Грамши, видя успехи Б. Муссолини в Италии в 1920—1930 гг., осознал сложность гражданского общества и поэтому считал, что предпосылкой победы социализма должно стать установление культурной гегемонии пролетариата.

мом деле, как ясно потом показала способность к созданию на базе рыночной экономики такого инновационного института, как социальное государство, европейский капитализм впервые в истории породил такую политическую структуру, в которой ни один класс не мог монополизировать или непосредственно контролировать государство. Именно *благодаря гражданскому обществу и стала возможна демократизация при капитализме вплоть до построения социального государства.*

Важным достижением и Г. Гегеля, и К. Маркса было использование метода *историзма* для исследования взаимоотношений государства и гражданского общества. Но из-за того, что они были сориентированы на вскрытие некоей исторической необходимости (или развития абсолютного духа, или смены общественно-экономических формаций), то у них историзм превратился в *телеологизм*, задача понимания возможных путей исторического развития человечества была подменена объяснением неизбежности некоего конечного состояния истории (духа или общества). Поэтому они не смогли оценить значение гражданского общества для становления и развития демократического государства.

С точки зрения единства исторического и логического аспектов понятия «гражданское общество» ситуация выглядит следующим образом. Как таковое гражданское общество начало складываться в эпоху религиозных войн, становления абсолютистского государства и последовавшей затем его секуляризацией. Можно даже сказать, что все гражданские права имеют своим источником свободу совести, которая официально была закреплена в Европе к середине XVII в. Действительно, первой жизненной потребностью этого периода европейской истории были мир и безопасность. И, как правильно отметил Т. Гоббс, легитимность абсолютистского государства со стороны гражданского общества основывалась именно на праве на безопасную частную жизнь.

Таким образом, исторически капиталистическая система возникала в процессе реализации требований либеральных свобод и демократии⁴.

⁴ Первыми их сформулировали, как мы показали, Т. Гоббс и Дж. Локк. Тесно взаимосвязали американские просветители XVIII в. Хотя мы согласны с американским исследователем Ч. Гилли, что нельзя отождествлять либерализм и демократию. Например, Англия до середины XIX в. была недемократической страной, в которой были хорошо защищены либеральные (естественные) права человека.

Причем право голоса в государственных и общественных делах признавалось только за собственниками, приумножающими свою собственность, а подотчетность власти понималась, прежде всего, как запрет вводить новые налоги или определять уровень налогообложения без согласия налогоплательщиков, понимаемых как народ, или их представителей. Теоретики исторически первой формы либерализма считали, что гарантией для основной свободы человека — свободы иметь и приумножать свою собственность — могут стать юридически закрепленные права человека и гражданина, защитой которых становятся закон и независимый суд, а также, и это, на наш взгляд, очень важно, общественная солидарность граждан в виде самоуправления местных общин. Интегральное понятие сформулировано в теории правового государства. Как справедливо заметил современный немецкий исследователь Й. Изензее: «Переход от абсолютистского государства, описанного в свое время Т. Гоббсом в “Левиафане”, в государство правовое характеризуется в первую очередь тем, что государство ограничило свои полномочия задачами обеспечения безопасности своих граждан [Однако]... своего совершенства правовое государство достигает тогда, когда оно предлагает гражданину защиту не только от его сограждан, но и от произвола со стороны самой государственной власти. Когда оно на конституционном уровне обеспечивает личные и общественные свободы граждан, признавая их основные права, когда оно осуществляет свою власть исключительно посредством тех инструментов, которые предоставлены ему существующими законами, и, наконец, когда оно принимает на себя обязательство отчитываться перед гражданами в своих действиях» [3, 9]. Свободу в правовом государстве гарантирует принцип разделения властей, который на правовом уровне ограничивает аппарат государственного насилия и обеспечивает его доступность для критики, его «прозрачность» и контролируемость со стороны гражданского общества через механизмы парламентаризма и свободной независимой прессы.

Итак, если правовое государство защищает свободу гражданина от произвола со стороны государства, то демократия предоставляет гражданину возможность самому участвовать в государственном управлении — либо непосредственно на местном уровне, либо через своих представителей в масштабах всего государства. Иначе говоря, постепенно значение свободы в эпоху Модерна расширяется: сначала она означала, с одной стороны, цель государственной власти и, с другой стороны, ее границы. Позднее она означает также и происхождение власти, ее законность. Сущность конституционного государства со

времен Французской революции выражается в триаде «основные права — демократия — разделение властей».

К началу XIX в. были сформулированы и обоснованы все основные идеи концепции демократического правового (в политической и юридической литературе как синоним используется понятие «конституционное») государства. При этом необходимо иметь в виду то, что исходной предпосылкой ее было гражданское общество того времени, т. е. мир мелких свободных и равных собственников, проживающих в местных сообществах. Однако становление индустриального способа производства нарушило эту сельскохозяйственную идиллию. Развитие крупной промышленности, которой имманентны рационализация, специализация, четкое разделение труда, разорвало тотальность раннебуржуазного гражданского общества: гражданин отделился от собственности — земли; индивид отделился от способности трудиться и стал жить не за счет результатов труда, а за счет продажи своей способности трудиться; изменилась семья (из патриархальной она стала нуклеарной); распалась общинная жизнь, прежде всего, из-за мобильности населения в поисках работы, но также и вследствие социального расслоения; и как результат этих процессов появились и расцвели пышным цветом разнообразные формы девиантного поведения.

Эти глубинные процессы привели к эрозии основ либеральной демократии. В результате этой «*Великой трансформации*» (термин К. Поланьи) начала исчезать социальная основа раннебуржуазного гражданского общества, что, если учитывать ценностное значение идей прав человека и демократии для европейского гражданского общества, и вызывало драматические социальные и политические конфликты, которые сотрясли все развитые страны на протяжении XIX в. *Общественная солидарность, которая покоилась на свободе, равенстве и братстве (общинном соседстве) раннебуржуазного гражданского общества, была утрачена.*

В качестве ответа на эти вызовы нового — индустриального — этапа общественного развития в недрах европейского гражданского общества возник проект социального государства⁵, который оказался очень жизнеспособным. Если коротко, то суть этой идеи состояла в том, что достойные человека эмансипированные жизненные отношения не должны были появиться в результате социальной революции,

⁵ Теорию социального государства разрабатывали и монархист Л. Штейн, и консерватор Б. Дизраэли, и социал-демократ Ф. Лассаль. Реализовали ее такие непохожие государственные деятели, как О. Бисмарк, или Наполеон III, или английские лейбористы.

которая преобразовала бы гетерономный труд в самостоятельную деятельность, что предлагалось теоретиками социализма. Поскольку с середины XIX в. работа по найму становится преобладающей формой занятости в европейском гражданском обществе, постольку эти отношения становятся отправным пунктом не только для мероприятий по гуманизации труда, но и прежде всего для компенсаторных действий в ответ на основные риски наемного труда (несчастные случаи, болезни, потеря рабочего места, необеспеченная старость). Тем самым стабилизация гражданского общества должна быть достигнута через законодательство социального государства и коллективные переговоры независимых сторон о тарифах. В дальнейшем, обеспечивая социально слабым гражданам прожиточный минимум, который необходим для сохранения их человеческого достоинства, социальное государство принимает тем самым ответственность за обеспечение предпосылок, необходимых для функционирования закрепленных в Конституции гражданских свобод. Можно сказать, что социальное государство организует гражданское общество посредством вмешательства демократически легитимированной власти ради сохранения и роста капиталистического накопления. При этом надо понимать, что хотя «политики социального государства получают легитимацию на всеобщих выборах и находят для себя общественный базис в автономных профсоюзах и рабочих партиях, однако же, решающее слово по поводу успеха проекта принадлежит только мощи и способности к действиям интервенционистского государственного аппарата» [4, 96]. *Концепция социального государства предполагает, что только гуманизация статуса наемного работника с помощью гарантированных социальных прав позволяет массам населения наслаждаться свободой, социальной справедливостью и растущим благосостоянием.* Тем самым предполагается, что с помощью государственного вмешательства можно восстановить первоначальную тотальность раннебуржуазного гражданского общества, сконструировать общественную солидарность на основе гарантирования социальных прав.

Концепция «социального государства» не была статичной. Отвечая на запросы гражданского общества, она проделала большой путь развития. Изначально, в работах Л. фон Штейна [5] была предпринята попытка доказать, что через принятие на себя государством обязанности по организации социальной мобильности таким образом, чтобы у лишенных собственности народных масс появилась возможность перейти в класс собственников, реально восстановить социальные основы раннебуржуазного гражданского общества. Однако тогда в условиях становления правового государства идеи немецкого мыслителя не

были востребованы. Для гражданского общества того времени угрозы десолидаризации еще не были очевидны, и поэтому была востребована концепция «государства — ночного сторожа».

В условиях же развития индустриализма и классовых конфликтов в течение XIX в. стало очевидно, что рассчитывать на саморегуляцию гражданского общества через рыночные механизмы нельзя. Концентрация капитала, углубляющаяся специализация и разделение труда привели к распространению наемного труда, и, следовательно, рабочий класс стал неотъемлемой частью гражданского общества. Конечно, это потребовало определенной революции в общественном сознании, так как до этого полноценным гражданином считался только собственник. Признание человеческого достоинства за лицами наемного труда осуществлялось через определение социальных прав в качестве естественных прав человека в теории и через реализацию комплекса мер по социальному страхованию на практике. Причем *институциональная инновация социального государства* на данном этапе развития состояла в создании общественной собственности⁶ в виде целевых фондов общественного страхования. На место частной собственности пришла общественная собственность, которая и гарантировала социальные права, закрепленные законодательно.

К середине XX в. матрица наемного труда стала всеобщей. В условиях акционерного капитализма собственность отделилась от управления, и подавляющее число граждан западных обществ стали наемными специалистами: или рабочими, или служащими, или техническими специалистами, или менеджерами. Защита наемного труда, а значит и всего гражданского общества потребовалась уже всеобщая. Решалась эта проблема через гарантирование национального минимального дохода, который уже не был связан с участием получателя в трудовом процес-

⁶ Общественная собственность — это имущество, денежные средства или нематериальные активы, круг владельцев которых неопределен и, следовательно, неограничен; а круг бенефициаров, создаваемых этой собственностью благ, и принципы управления ею определяются при ее конституировании соответствующим законом. Как таковая общественная собственность учреждается не для получения прибыли, а для удовлетворения какой-либо общественной потребности. Управлять общественной собственностью могут как государственные органы, так и частный капитал на основе принципа вознаграждения за услуги по ее администрированию. Выступать от имени лица такой собственности может общественный совет, образованный на основе соответствующего закона. Пользование общественной собственностью может быть и платным, и бесплатным, в зависимости от вида общественной потребности и собственности.

се, а только определялся членством в гражданском обществе конкретного государства. Одновременно были разработаны разнообразные программы по включению в гражданское общество ранее исключенных категорий граждан: черных и цветных, одиноких матерей, легальных иммигрантов и др. Данный этап развития социального государства получил название *«государство всеобщего благосостояния»*. Иначе говоря, *современное демократическое государство на этапе акционерного индустриализма не может не быть социальным*.

В новых исторических условиях гражданское общество требовало все большего регулирования, стандартизации и перераспределения национального дохода с одной лишь целью — роста потребления. Потребление стало эквивалентом свободы, а административные (бюрократические) практики заменяли постепенно гражданскую (политическую) активность. Часть гражданского общества вообще стала *клиентом* социального государства, со всеми вытекающими отсюда последствиями: социальный паразитизм, гражданская пассивность, потеря мотивации к труду. Может быть, поэтому мысли и чувства современного гражданского общества могут быть затронуты только вопросами, касающимися комфорта жизни: экология и защита прав потребителей. Только такие неправительственные движения востребованы и известны во всех развитых странах.

Таким образом, *отношения современного государства и гражданского общества носят явно антиномичный характер*. С одной стороны, гражданское общество складывалось как сфера человеческой спонтанности, защищенной государством. Институты гражданского общества обеспечивали частную автономию граждан через реализацию их публичной автономии. Его основой была частная собственность. С другой стороны, развитие индустриальной экономики создало ситуацию десолидаризации в гражданском обществе, когда все большее число сограждан лишались собственности и тем самым лишались возможности вести мирную гражданскую жизнь, т. е. не могли быть субъектами частной и публичной автономии. Только институтам социального государства удалось воссоздать гражданское общество в новых исторических условиях через вышеописанные механизмы и инновации. Но возросла зависимость гражданского общества от социального государства, более того, оно требует все большего вмешательства в свою структуру.

Признание антиномичности отношений гражданского общества и социального государства позволяет иначе посмотреть на вопросы генезиса данного феномена. Гражданское общество как категория логически и исторически предшествует социальному государству, но не

порождает его. Это всего лишь один из возможных ответов на вызовы индустриальной эпохи (два других — социализм и национализм — не являются предметом данной работы). Возможно, это самый успешный ответ, но пока итоги подводить рано. Однажды возникнув, социальное государство активно преобразует гражданское общество на новой социальной основе, хотя и лишает его некоторой спонтанности, но не может лишиться институциональной независимости, так как это не позволяет демократическая и правовая природа социального государства. Таким образом, как это не парадоксально звучит, *единственный способ реализовать демократические ценности в современном индустриальном обществе, а значит создать условия для развития гражданского общества — это развивать институты социального государства*. Особенно очевидным это стало на современном этапе развития общества в условиях *глобализации*, которая породила много новых проблем и при этом не решила не одной старой.

Что же такое современное гражданское общество? С научной точки зрения «это идеально-типическая категория, одновременно описывающая и предвосхищающая сложный и динамический ансамбль охраняемых законом неправительственных институтов, которым присуща тенденция к ненасильственности, самоорганизации и саморефлексивности и которая находится в постоянных трениях друг с другом и с институтами государственной власти; последние же оформляют, ограничивают и делают возможной их деятельность» [6, 18]. С политической точки зрения гражданское общество можно трактовать как совокупность институтов, члены (представители) которых главным образом участвуют в сложной системе негосударственной деятельности — в сфере экономики, культуры и разнообразных добровольных ассоциаций по интересам, и которые, сохраняя, таким образом, свою идентичность, осуществляют определенные виды давления или контроля в отношении институтов государственной власти. При этом очевидно, что *вне государства и без государства гражданское общество существовать не может, в противном случае оно имеет тенденцию вырождаться в анархию*. Именно негативная самоопределенность гражданского общества является одной из типичных черт данного явления и источником его вышеописанной антиномичности.

Может ли вообще сейчас выполнять свои первоначальные задачи гражданское общество? Мы уверены, что да, но оно должно требовать, по примеру Л. фон Штейна, от социального государства создания реальных условий для независимости граждан и гражданского общества в целом от бюрократии социального государства. Поскольку социальной основой современного гражданского общества являются наемные

работники, постольку институты и государства, и самого гражданского общества должны способствовать росту *самозанятости* индивидов. Для государства это важно, потому что в условиях глобализации под угрозой утраты легитимности оно не в состоянии одновременно и снижать налоговые издержки бизнеса, и повышать уровень гарантированного потребления. Для гражданского общества это важно, потому что активность граждан в современном мире все больше отождествляется с самозанятостью и независимостью от государственных учреждений. *Клиент государства не может считаться самодостаточным индивидом и субъективно им не является.*

Этой цели можно добиться и через широкое распространение информационных технологий, и через развитие системы образования, доступного микрокредитования населения и венчурного финансирования малого бизнеса и другие меры. Современная интернет-экономика серьезно уценила стоимость входного билета в класс мелких частных собственников. В этой благоприятной ситуации и социальное государство, и институты гражданского общества должны создавать условия для социальной мобильности в категориях собственник/несобственник, а не на бесконечных уровнях многообразного потребления. Вышесказанное, конечно, не отменяет традиционной задачи гражданского общества — создавать условия для реализации частной и публичной автономии индивида, но открывает новое пространство для его деятельности.

Что все это может значить для России? В нашей стране и гражданское общество, и современная государственность находятся в становлении. Учитывая традиционный авторитаризм российской власти, институты гражданского общества сосредоточены на защите и либеральных, и гражданских прав человека в нашей стране. И это очень важно! Но рассчитывать на то, что развитие рыночной экономики в наших условиях само по себе породит многочисленный средний класс частных собственников, как это случилось в Европе 200—300 лет тому назад, не стоит. Современная экономика России — это совокупность индустриальных компаний — монополистов и олигархических конгломератов, на которых работает большинство наших сограждан. Другая существенная часть населения страны — пенсионеры, которые полностью зависят от милости государства, поскольку выплата пенсии и ее уровень зависят от возможностей бюджета, а не определяются на основе социальных стандартов, как это делается в развитых странах. Поэтому *фокус интересов гражданского общества должен быть сосредоточен на требовании от российского государства исполнения его конституционных обязанностей — создания условий для достой-*

ной жизни граждан на основе обоснованных социальных стандартов. Именно решение этой первичной задачи, которая в развитых странах была снята к середине прошлого века с построением государства всеобщего благосостояния, создаст объективный фундамент для демократизации нашего государства — индивида со стабильными жизненными обстоятельствами, который может быть вовлечен в область политического. По нашему мнению, требованиями гражданского общества должны стать:

- демонаполизация экономики, передача естественных монополий в общественную собственность под негосударственным управлением;
- прозрачные механизмы перераспределения нефтегазовой ренты в интересах всех граждан, а не только бюрократии и олигархии;
- создание общественной собственности фондов социального, пенсионного и иного обеспечения под негосударственным управлением;
- создание фондов доступного жилья через активное государственное строительство;
- передача в общественную собственность активов в экономике, находящихся в госсобственности и не связанных с исполнением властных функций и обороной страны;
- передача под общественный контроль, а может быть и в общественную собственность, всей системы образования.

Активисты гражданского общества должны осознать, что именно через реализацию этих и других мер, которые должны составить ядро российской концепции социального государства, появится реальная возможность для функционирования и правового государства в нашей стране. *Только создание гарантий стабильности социальных условий для человека сделает его активным гражданином. И демократия, и гражданское общество тогда получат в его лице свой объективный базис.*

Литература

1. *Пейн Т.* Избр. соч. М., 1959.
2. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.
3. Политическая философия в Германии: Сб. ст. М., 2005.
4. *Хабермас Ю.* Политические работы. М., 2005.
5. *Штейн Л. фон.* История социального движения Франции с 1789 года до наших дней. СПб., 1872.
6. *Кин Дж.* Демократия и гражданское общество. М., 2001.

Н.Д. ЕЛЕЦКИЙ, М.Ю. ФРОЛОВ

**Концепция разумных потребностей
в новых цивилизационных и экологических реалиях**

Аннотация. Категориальное рассмотрение проблемы потребностей связано с задачами выявления соотношения понятий биологических, социальных, первичных, необходимых и разумно достаточных потребностей. Идеология потребительства продолжает господствовать в современной России, причем особенностью нашей страны, резко отличающей ее от других заметных на современной мировой арене стран, является сочетание сверхпотребления олигархии и нищеты основной части населения. Актуализация проблемы разумных потребностей обусловлена не только внутрироссийскими, но и в еще большей степени — глобальными факторами, особенно экологическими.

Ключевые слова: разумные потребности, потребительство, цивилизация, сверхпотребление олигархии, экологические ограничения.

Abstract. Categorical consideration of a problem of requirements is connected with problems of revealing of a parity of concepts of biological, social, primary, necessary and reasonably sufficient requirements. The ideology of the consumerism continues to dominate in modern Russia, and the feature of our country, sharply distinguishing it from other appreciable countries on a modern world scene, is the combination of superconsumption of oligarchy and poverty of the basic part of the population. Actualisation of a problem of reasonable requirements is caused not only in-Russian, but also, in even more degrees, — global factors, especially ecological.

Keywords: reasonable requirements, consumerism, civilisation, oligarchy superconsumption, ecological restrictions.

Кардинальные технологические и социальные перемены, происходящие в условиях перехода к глобально-информационному способу производства⁷, актуализируют на новом «цивилизационном витке» некоторые из «вечных вопросов» социального бытия, сопровождающих человечество на протяжении всей истории его развития и меняющих лишь формы своего проявления в зависимости от специфики отдельных исторических этапов. К числу таких вечных вопросов относится и вопрос о разумных потребностях⁸ и в более широком плане — о связи уровня и механизмов удовлетворения потребностей с пробле-

⁷ См., напр.: [1; 2].

⁸ См., напр.: [3, 418 — 420].

мой счастья, обобщенно отражающей все аспекты материального и духовного существования, его цели и смысл.

Тот факт, что ориентация на максимальное присвоение благ (особенно вещных) имеет мало общего со стремлением к счастью и поисками смысла жизни, был очевиден с древнейших времен и составлял основу аксиоматики многих школ античной философии. Некоторые же мыслители, школы и направления подчеркивали обратную связь между жадной накопительством и обретением собственно человеческого смысла существования — на это обращали внимание представители стоицизма, раннего христианства, а в восточной традиции — буддизма. Противоположность гармоничности существования и примитивного приобретательства отмечал и Эпикур («Многие, получив богатство, находят в нем не избавление от зол, но перемену на большие» [4, 274]). С первых веков нашей эры до настоящего времени не ослабевает интерес к феномену почти полной идентичности основных идей, оценок, мироощущения и мировосприятия двух философов, находящихся на диаметрально противоположных полюсах социальной иерархии — императора Марка Аврелия и раба Эпиктета. Данный факт трактуется как доказательство относительной независимости самореализации человеческой сущности от уровня и механизма потребления благ — причем не только материально-вещественных, но и в значительной степени — духовных, а также от социального статуса и внешних жизненных обстоятельств существования мыслящей личности.

Общераспространенное понятие потребностей затрудняет анализ в связи с неоднозначностью и сложностью данной категории. Потребности человека как существа биологического нельзя соотносить с понятием разума, так как они диктуются его физиологией и психологией, вследствие чего их величина будет колебаться в широких пределах в зависимости от особенностей конкретного индивида и среды его обитания. Объективно существует феномен колоссального разнообразия этих потребностей, причем разнообразие возрастает по мере освоения человеком новых экологических ниш, в том числе техногенных. Новые экологические ниши в пределах планеты практически уже исчерпаны после заселения арктических и субантарктических областей, а техногенные расширяются лавинообразно по мере развития техносферы.

Категориальное рассмотрение проблемы потребностей связано с задачами выявления соотношения понятий биологических, социальных, первичных, необходимых и разумно достаточных потребностей. При этом затрагиваются различные уровни, аспекты и смыслы данных понятий. Так, распространенная трактовка первичных потребностей как преимущественно биологических не в полной мере учитывает со-

циальную сущность человека, а в этой связи роль социальных потребностей в качестве первичных (потребности в общении, этические и т. д.). И для биологических, и для социальных потребностей можно говорить о минимально необходимом уровне их удовлетворения, обеспечивающем возможность существования индивида, популяции и вида. В этом контексте данные первичные потребности можно определить как необходимые. Закономерности развития социума и рационального типа мышления трансформируют понятие необходимых потребностей в понятие разумно достаточных.

Понятие разумно достаточных потребностей необходимо порождает вопрос о целенаправленном управлении системой потребностей. Сложность проблемы управления потребностями, ее историческая природа связаны с возможностями общества на каждом этапе развития. Задача ограничения потребностей уровнем, действительно необходимым для гармоничной жизнедеятельности общества и индивида, обусловлена биологическими корнями материального потребления как условия общественного и индивидуального воспроизводства. Тенденция к безграничности потребностей генетически порождается закономерностью безграничной экспансии, свойственной всем формам жизни, в том числе — и социальной жизни. Внешними ограничителями внутренних генетических программ экспансии могут быть лишь ресурсные ограничения и сопротивление конкурирующих биологических и социальных систем, осуществляющих встречную экспансию. Отсюда — и постоянное воспроизводство «эффекта Веблена», стремления к непрерывному увеличению богатства, к безудержной роскоши и к максимизации обладания материальными благами, часто доходящей до абсурда с точки зрения не только «высокой» философии, но и логики обыденного здравого смысла. Программа безграничной экспансии конкретизируется в программе роста социального статуса, стремления занять более высокое место в системе социальной иерархии. Это стремление также имеет генетические корни и является одной из модификаций инстинкта самосохранения. Инстинкт потребительства может модифицированно отражать установку на стремление к получению данным индивидом власти над другими людьми, на присвоение результатов их труда.

Большая часть истории человечества характеризовалась ограниченностью первичных биологических условий существования для большинства людей. Поэтому достижение производительными силами уровня, обеспечивающего гарантированное удовлетворение первичных биологических потребностей, с неизбежностью должно было породить феномен «общества массового потребления» в качестве необ-

ходимого этапа развития цивилизации. Неизбежным является этап социальной эволюции, в рамках которого еще «свежая» историческая память о нехватке биологически необходимых продуктов питания, об отсутствии биологически необходимых условий жилья и т. п. порождает стремление к увеличению их потребления «с запасом» посредством того, что производительные силы общества обеспечивают такое потребление. Проявляется закономерность социальной и психологической инерции, ведущей к накопительству благ за пределами их действительной биологической необходимости. Социальные общности (социальные группы, страны, регионы), демонстрирующие гарантированно высокий уровень массового потребления, становятся объектом для подражания, воспринимаются как авангардные социумы. Однако достаточно быстро выявляется историческая предельность авангардной роли «общества потребления» (а в аспектах гипертрофированного потребительства — и тупиковость его развития), что актуализирует проблематику «экономики и философии счастья» (см.: [5; 6]).

На каждом этапе развития человечества в обществе одновременно сосуществуют отдельные группы людей, жизнедеятельность которых реализуется в разных режимах «социального» (или «исторического») времени. Это порождает конфликт между различными системами потребностей, разумно достаточных в рамках каждого сообщества. В условиях современной глобализации взаимодействие и конфликтность различных систем потребностей нарастают, что ведет к росту неудовлетворенности отдельных индивидов и социальных групп и, как следствие, — к увеличению числа маргиналов. Возникают взаимопротивоположные тенденции — с одной стороны, призывы к толерантности, с другой — нарастание нетерпимости.

Одним из идеологических атрибутов советской цивилизации являлось противопоставление духовных ценностей «культу потребительства». В частности, в позднесоветскую эпоху развивалась концепция «разумных потребностей», которые трактовались в контексте антитезы гипертрофированному и расточительному потребительству, особенно демонстративному, характерному для менталитета и образа жизни в рыночно-капиталистическом мире. Теоретические подходы, практические оценки и рекомендации, предлагавшиеся исследователями проблемы разумных потребностей, как правило, характеризовались обоснованностью и аргументированностью. Однако эти подходы и оценки не были восприняты массовым сознанием и не превратились в атрибут менталитета советского человека, чему были вполне объективные причины — историческая преждевременность и надстроечная принудительность ликвидации частной собственности и рынка, нереализо-

ванность достижений буржуазного уклада с элементарными признаками «мещанского счастья», свежая историческая память о голоде, лишениях, нехватке самого насущного, убогие жилищные условия и, конечно, невыгодное для советского общества сопоставление с уровнем жизни среднего человека в странах «загнивающего Запада». В этих условиях рассуждения о «нищете доктрины потребительства» не воспринимались в разрезе их теоретической концептуальности и практической фактологии, а рассматривались массовым сознанием через призму негативных, предвзятых идеологических установок в качестве неуклюжей попытки оправдать отставание в уровне жизни от высокоразвитых стран. В этом же заключается важнейшая причина вакханалии потребительства, захлестнувшей Россию в постсоветские времена.

Идеология потребительства продолжает господствовать в современной России, тем более, что соответствующие «ценности» осознанно и настойчиво навязываются «гламуритетом»⁹, шоу-бизнесом, средствами массовой информации и другими инструментами идеологической власти, которая, наряду с экономической и политической властью, находится в руках предательской криминальной компрадорской олигархии и симбиозного с ней коррумпированного чиновничества. При этом особенностью России, резко отличающей ее от других заметных на современной мировой арене стран, является сочетание сверхпотребления олигархии и нищеты основной части населения. «Немалая часть крупного бизнеса носит криминально-паразитический характер... Этот бизнес обворовывает, а не обогащает страну, он не может служить инструментом модернизации России, а, напротив, подрывает ее силы, коррумпируя власть и общество... Причем многие нувориши шеголяют своим богатством, нелегитимным в глазах народа» [8, 34—35]. Фактический децильный коэффициент в разы превосходит официальный 17-процентный показатель [8, 34—35]. До 70% граждан нуждаются в улучшении жилищных условий, в то время как коэффициент доступности жилья (число лет, в течение которых человек со средними доходами может накопить на квартиру) составляет не менее 80 лет («а если исходить из европейских стандартов жилплоща-

⁹ «Количество обуви у Собчак (450 пар — только поношенной, выставленной на продажу, а сколько еще есть в ее гардеробе?) зашкаливает разумные пределы. А сколько сотен у нее сумочек, платочков, кофточек, курточек и т. д.? Сколько времени и энергии нужно, чтобы все это выбрать, примерить и приобрести?... За потреблением сегодня скрывается политическая стратегия... Ж. Бодийяр... поддержку и распространение ценностей потребления назвал моралью, предназначенной для рабов» [7, 280].

ди — порядка 100 квадратных метров — то на покупку квартиры уйдет почти 200 лет» [9, 4]). Эти цифры особенно показательны в сравнении с европейскими нормами, по которым коэффициент доступности жилья не должен превышать 5 лет. Неудовлетворенность первичной потребности в жилье — одна из главных причин демографической катастрофы в России, наряду с другими факторами бедности (свыше 70% семей с тремя и более детьми находятся за чертой бедности).

Однако и в этих условиях абсолютно очевидная тупиковость колониально-сырьевого вектора развития, неотделимого от господства компрадорской олигархии, порождает и уже достаточно заметные в массовом сознании ростки скептицизма в отношении универсальности ценностей безудержного потребительства. В некоторых аспектах этот скептицизм порождается явно выявившейся практической абсурдностью «неразумных потребностей». Так, перепроизводство автомобилей и перенасыщение ими урбанизированных территорий делают невозможным реализацию автомобильным транспортом его экономических и социальных функций. Характерно, что перепроизводство, о котором идет речь, является таковым не с точки зрения стандартных абстрактных моделей рыночного равновесия, а именно в разрезе проблемы разумных потребностей — на автомобили сохраняется рыночный спрос, но их количество делает нормальное автомобильное движение невозможным. В «часы пик» средняя скорость движения автомобильного потока в крупных городах практически сравнялась со скоростью движения пешеходов, что с точки зрения реальных транспортных потребностей делает приобретение автомобиля для передвижения по городу бессмысленным. (В рассматриваемом контексте рассуждения о необходимости совершенствования дорожной сети содержательно мало отличаются от рекомендаций повышать эрудицию, разгадывая «в пробках» кроссворды, — никакая дорожная система городов, как демонстрирует опыт самых благополучных стран, не способна обеспечить нормальные условия передвижения для сообщества индивидуальных автомобилевладельцев.) В то же время совершенно очевидны негативные социальные (и прежде всего — экологические) последствия сформировавшейся модели массовой автомобилизации.

Аналогичный механизм взаимопротивоположности реальных потребностей и форм их реализации наблюдается и в отношении так называемого «элитного» жилья. Строится огромное количество дорогих и сверхдорогих квартир, в которых, однако, никто не живет. Тот очевидный факт, что приобретение недвижимости позволяет собственникам финансовых ресурсов реализовать другую потребность — в выгодном вложении этих ресурсов, — не отменяет еще более очевид-

ного факта не только «неразумности», но и прямой вредности для общества подобной системы реализации индивидуальных потребностей. «Негативные экстерналии» (ограничение которых является прямой обязанностью государства) в данном случае не сводятся лишь к непосредственному экологическому ущербу, но и ведут к долговременным отрицательным последствиям — перенапряжению коммунальной инфраструктуры, росту социальной напряженности вследствие наплыва гастарбайтеров и к последующим этническим и конфессиональным распрям. Цивилизационная роль государства как института формирования разумных и ограничения вредных для общества в целом индивидуальных или клановых потребностей должна проявляться и в пресечении деятельности наркоторговцев, паразитических рыночных посредников, финансовых махинаторов и иных криминальных лиц и групп, реализующих свои потребности в ущерб интересам большинства населения страны.

Актуализация проблемы разумных потребностей обусловлена не только внутрисоветскими, но и, в еще большей степени, глобальными факторами. Мировой финансово-экономический кризис в цивилизационном плане трактуется многими зарубежными и отечественными исследователями как кризис философии потребительства, знаменующий закат концепции «общества массового потребления» (во всяком случае, его традиционной теоретической модели). Потребление вне прямой связи с трудовыми доходами, потребление в кредит, потребление за счет эмиссии мировой резервной валюты — все эти атрибуты «американского образа жизни» последних десятилетий демонстрируют историческую предельность. В глобальной цитадели потребительства все громче звучат голоса сторонников возвращения к «исконным протестантским ценностям» — трудолюбию, бережливости и если не аскетизму, то, во всяком случае, к скромности в потреблении. Аналогичные тенденции просматриваются и в других ведущих странах (так, в Великобритании растет осознание того, что «страна в 2000-е годы жила не по средствам. Дело в том, что потребление превышало производство... Потребительская, главным образом ипотечная, задолженность по отношению к располагаемому доходу домохозяйств подскочила с 57% в 1997 г. до 157% в 2007 г.» [10, 58].)

Наряду с диспропорциональностью экономики и финансовыми потрясениями, ставшими следствием массового сверхпотребления в ведущих странах мира, все более настойчиво заявляют о себе объективные экологические ограничители потребительства. Многократно отмечалось, что распространение в мире ориентации на американские стандарты среднестатистического потребления неизбежно приведет к гло-

бальной экологической катастрофе — достаточно напомнить, что США, где проживает порядка 5% населения планеты, осуществляют до 50% совокупного загрязнения глобальной природной среды. В последнее время все более актуальной становится проблематика противодействия сверхпотребительству в контексте защиты прав будущих поколений. При этом выявляется несовершенство действующего экологического законодательства («В США общественная организация “Сьерра клуб” подала иск к компании “Уолт Дисней продакшн” с целью запретить ей строительство горнолыжного курорта в горах Сьерра-Невада в национальном парке “Секвойя”, экосистема которого от этого неизбежно пострадает. Организация предъявила иск от имени живущего поколения и будущих пользователей этого общественного блага, включая еще не рожденные поколения, права которых будут нарушены этим строительством. Иск прошел все инстанции, вплоть до Верховного суда, и везде получил отказ на том основании, что “Сьерра клуб” не может представлять интересы других, тем более нерожденных поколений... Но кто-то же должен защищать интересы будущих поколений! Если это не могут делать частные лица, то метод исключения оставляет эту роль *государству*...» [11, 153; 12, 232].)

Выход за пределы системы разумно достаточных потребностей, характерных для современного этапа развития общества, наблюдается также в феномене разрыва между общеэкономическим смыслом потребления и его рыночной модификацией в форме удовлетворения потребительского рыночного спроса. Рынок из посредника между основными «полюсами» экономической системы — производством и потреблением — превращается в автономного агента потребления, заменяя фактическое потребление актом реализации и приобретения товара. «Конечное потребление», как его понимает современная официальная статистика, на самом деле фиксирует не факт потребления разумно необходимого блага, а факт некой рыночной сделки, за которой действительного потребления блага может и не последовать. Так, по данным экспертов, в США до 60% купленного потребителями продовольствия отправляется прямым в мусорные корзины; в Великобритании этот показатель доходит до 48%, в России, по оценкам, — до 20%. Данные цифры особенно красноречивы в условиях углубляющегося глобального продовольственного кризиса; по данным ФАО, в 2009 г. количество голодающих в мире достигло 1 млрд человек. ФАО обратилась к развитым странам, в том числе к России, с просьбой увеличить производство продовольствия, что фактически может привести к увеличению экологической нагрузки на природную среду, нерациональному использованию ресурсов и росту объема отходов (в том

числе тех продовольственных отходов, о которых упомянуто выше). При этом удовлетворить потребности в продовольствии для действительно нуждающихся при господствующей социально-экономической и хозяйственной системе не удастся. Парадоксально, что несмотря на все достижения научно-технического прогресса, общий экономический рост глобальной экономики и так называемую «зеленую революцию», абсолютное количество голодающих и недоедающих постоянно растет. В мире ныне недоедающих — порядка 2 млрд (т. е. почти 1/3 человечества), в том числе в США таковых более 40 млн человек (около 12% населения страны, не исключая и представителей весьма обеспеченных по меркам других стран представителей так называемого «среднего класса»).

Проблема роста объема и разнообразия материальных потребностей в современном мире замыкается на экологические ограничения. Осознание обострения глобального экологического кризиса как угрозы самому существованию человечества необходимо ведет к ограничению потребностей и к переосмыслению критериев разумной достаточности потребностей, что в свою очередь требует изменения всей хозяйственной системы, ориентированной на формальный экономический рост [13; 14]. По оценкам известных экологов, на существующей и возможной в обозримом будущем технологической базе в полной мере без нанесения непоправимого экологического ущерба биосфере планеты можно удовлетворить потребности порядка от 500 млн до 1 млрд человек, что наглядно демонстрирует актуальность проблемы разумного самоограничения потребностей человечества.

Новые аспекты актуальности и, вместе с тем, историзма проблемы разумных потребностей в условиях современных российских реалий выявляются в связи с задачами мобилизационной модернизации. Мобилизационный тип модернизации — достаточно частое явление в механизме догоняющего развития, особенно если это развитие детерминруется внешними угрозами. Известно, что российской истории присущ циклизм с периодически возникающей необходимостью модернизационных «рывков». Исключительная сложность задач, «вызовов», встававших перед российским обществом и государством на протяжении практически всей истории их существования, обусловили такие атрибуты отечественной государственности, как централизм и концентрация ресурсов, без чего во многих случаях было бы невозможно преодолеть угрозы (часто — смертельные), исходившие от внешнего окружения. Поэтому возможности постепенной, «плавной» модернизации были ограничены как в организационном и институциональном, так и во временном разрезе, и периоды относительно благополучного,

эволюционного экономического подъема (сопровождаящегося, чаще всего, и политической либерализацией) с необходимостью сменялись экстремальными условиями и механизмами мобилизационных рывков. В XX в. такой алгоритм проявился, как известно, при смене относительно либеральной, в экономическом и политико-идеологическом аспектах, модели нэпа мобилизационными инструментами государственного управления в 1930—1940-е гг. Безусловно, репрессии, сопровождавшие индустриализацию страны, военный отпор фашистскому агрессору и послевоенное восстановление лишь усложнили решение задач технологической модернизации, но саму необходимость мобилизационной модели для тех условий отрицать невозможно¹⁰.

Не менее, а в некоторых отношениях еще более сложные условия осуществления присущи жизненно необходимой для сегодняшней России инновационной модернизации. Дело не только в ограниченности материальных и финансовых ресурсов (см.: [18; 19, 11,14]). Сегодня нет, может быть, самого главного для модернизационного рывка: массовой поддержки, убежденности в правильности действий руководства страны и готовности каждого человека к самоограничению потребностей ради спасения государства. Наблюдается классически сформулированная К. Марксом закономерность: господствующей идеологией в обществе является идеология господствующего класса. Идеология паразитического сверхпотребления не только реализуется в образе жизни криминально-компрадорской олигархии и коррумпированного чиновничества, но и навязывается массовому сознанию. Средний уровень жизни тех, кто числится ныне за чертой бедности, выше среднего в целом по стране уровня жизни в 1930—1940-е гг., но как требовать от нынешних бедных, да и от среднеобеспеченных слоев ограничения потребления в целях мобилизационной модернизации страны, если они ежедневно и ежечасно наблюдают кричащую рос-

¹⁰ «Мы отстаем от развитых стран на 50—100 лет. История дала нам лишь десять лет. Либо мы ликвидируем отставание, либо будем снова биты» [15, 12] (см. также: [16, 21]). «Сверхсжатые сроки проведения в СССР индустриализации изначально превращали соответствующий отрезок времени в период тяжелых испытаний для народа. Так быстро индустриализация нигде и никогда не проводилась, но ранее не было и объективных обстоятельств, которые побудили бы какую-либо страну к подобному эксперименту. В России мог бы и не установиться советский политический режим, но любая альтернативная власть, принимая вызов времени и отвечая на него, оказывалась бы вынужденной делать принципиально то же — экстренно-мобилизационно разворачивать индустриализацию, применяя адекватные средства, включая меры насилия» [17, 21—22].

кошь нуворишей и тотальную коррупцию?¹¹ Ради кого и ради чего способствовать мобилизационному ограничению потребления, если известно, что под прикрытием самых правильных лозунгов продолжается перекачка ресурсов и доходов страны за ее пределы?

Утверждение идеологии и практики разумно достаточного потребления и необходимое в сложившихся конкретных исторических условиях снижение среднего уровня разумных потребностей в целях мобилизационной модернизации России невозможны без отстранения от экономической, политической и идеологической власти компрадорской олигархии и симбиозного с ней коррумпированного чиновничества. Выход страны на новую траекторию цивилизационного прогресса, отвечающую критериям авангардного и динамичного социума, требует не рабской психологии зомбированного потребительского стада, а всестороннего творческого развития личности, свободной от атавистических инстинктов примитивного потребительства.

Литература

1. *Елецкий Н.Д.* Переход к глобально-информационному способу производства и модификация общей экономической теории // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 2.
2. *Елецкий Н.Д.* Современная мирохозяйственная система: структурное перестроение и социальное переформатирование // *Философия хозяйства*. 2009. № 6.
3. *Пичурин И.И.* Разумное потребление в условиях глобализации экономики — предпосылка устойчивого развития мирового рынка // *Экономическая культура в условиях рыночной экономики*. Екатеринбург, 2005.
4. *Античные философы (свидетельства, фрагменты и тексты)*. К., 1955.
5. *MacKaye J.* The Economy of Happiness // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enwiki/10106957>.
6. *Frey B.S., Stutzer A.* Happiness and Economics. Princeton Un. Pr., 2001.
7. *Ростовцева Л.И.* «Номо glamouricus», или «Человек гламурный» в России // *Философия хозяйства*. 2009. № 6.

¹¹ «По заявлению одного из членов Комитета по безопасности Государственной Думы РФ, порядка 50% депутатов берут взятки, лоббируя те или иные решения. При этом, по его словам, объем незаконного рынка депутатских услуг в Государственной Думе исчисляется сотнями миллиардов долларов» [20, 296].

8. *Брутенц К.* О реструктуризации современных международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения.* 2009. № 12.
9. *Егоршева Н.* Бедность как бедствие. Кризис еще больше увеличил разрыв между богатыми и бедными // *Российская газета.* 2009. 11 дек.
10. *Хесин Е.* Великобритания: от подъема к кризису // *Мировая экономика и международные отношения.* 2009. № 12.
11. *Гребнев Л.* Мы отстали. Навсегда ли? // *Вопросы экономики.* 2010. № 1.
12. *Сэндлер Т.* Экономические концепции для общественных наук. М., 2006.
13. *Медоуз Л.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й.* За пределами роста. М., 1994.
14. *Данилов-Данильян В.И., Горшков В.Г., Арский Ю.М., Лосев К.С.* Окружающая среда между прошлым и будущим: мир и Россия (опыт эколого-экономического анализа). М., 1994.
15. *Сталин И.В.* Соч. Т. 7. М., 1950.
16. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 2003.
17. *Любинин А.* Россия в геополитическом разломе кануна Второй мировой войны // *Российский экономический журнал.* 2009. № 9—10.
18. *Иноземцев В.* Модернизация России: условия, предпосылки, шансы // <http://www.modernizatsya.ru/news/17/222>.
19. *Иноземцев В.* Будем жить не хуже, чем Венесуэла // *Новая газета.* 2009. № 43.
20. *Экономическая теория в XXI веке — 5(12): Национальная экономика и социум / Под ред. Ю.М. Осипова, В.С. Сизова, Е.С. Зотовой.* М., 2007.

Е.С. ТОЛОК

Россия: место и роль института образования в формировании толерантной личности

Аннотация. Данная статья посвящена анализу места и роли института образования в формировании толерантной личности. Рассматриваемая проблема является весьма актуальной для современной России, находящейся в состоянии транзитивности. В работе анализируется

основная цель и задачи современного образования, приоритетными из которых являются: преодоление кризиса культуры духовности, отход от абстрактных схем обучения и воспитания, поворот к реальному человеку; воспитание соответствующего мировоззрения, базисного миропонимания, гуманистической жизненной позиции, формирование у молодежи инновационного поведения, толерантных качеств личности.

Ключевые слова: трансформация, социальный институт, образование, воспитание, личность, мировоззрение, миропонимание, ценность, толерантность (терпимость), гуманизм.

Abstract. The given article is devoted the analysis of the place and role of institute of education in formation of the tolerant person. The considered problem is rather actual for modern Russia being in a condition of the transitivity. The main objective and problems of modern formation is analyzed in work, which priority forms are: overcoming of crisis of the spirituality culture, a withdrawal from the abstractive training and educative schemes, turn to the real person; education of the corresponding of world outlook, basic comprehension, vital position of the humanism, formation at youth of the innovative behavior, tolerant qualities of the person.

Keywords: transformation, social institute, formation, education, person, conception of world, outlook, value, tolerance, humanism.

В трансформирующейся России происходят глубокие социально-экономические и политические изменения. В сознании людей, как на индивидуальном, так и на групповом уровнях, изменяются духовно-нравственные ориентиры, идеалы, ценностные ориентации. В настоящее время в российском социуме сложилась ситуация, когда старые ценности во многом потеряли свою значимость, а новые ценностные ориентиры только создаются. Однако социальная практика последних лет доказала, что для населения нашей страны в силу российского менталитета образование было и остается одной из высших ценностей.

Для человека образование является капиталовложением, выполняет функцию капитала. Природные способности и задатки — это первоначальный капитал человека, затем он постоянно увеличивается с ростом объема знаний, получаемых в школе, колледже, университете. Как любой приобретенный капитал, образование при умелом использовании принесет в будущем прибыль. Но человеку для сохранения полученного образования в качестве капитала, поддержания его эффективности необходимо постоянно заботиться о соответствии своих знаний и профессиональных навыков уровню современных требований общества.

Образование — социальный институт по подготовке человека к активному самостоятельному участию в различных сферах общест-

венной жизни. Система образования, включая высшее, оказалась, как показывают исследования и практика, единственным социальным институтом, который не только проявил устойчивость к разрушительным воздействиям общесистемного кризиса, но и по некоторым важным направлениям продолжал развиваться. Во многом это обусловлено тем, что в этой системе как бы имманентно заложен самостабилизирующийся ресурс общества, который обеспечивает не только ее сохранение, но и поддерживает стабильность в обществе.

Традиционно именно на молодежь общество и государство возлагают большие надежды как на профессиональное и творческое будущее нации.

В современном образовании, к какой будущей специальности ни готовился бы получающий его человек, должны быть четко обозначены следующие приоритеты:

1) осознание необходимости глобальных экономических перемен, изменений вектора и характера экономической деятельности современного общества, особенно индустриально развитой части; пересмотр взаимоотношений между странами, демонстрирующими высокий уровень и высокие темпы развития, и остальной частью мира; поиск способов регулирования роста населения Земли и его перемещений;

2) формирование разумных, т. е. оправданных с точки зрения глобальной экологии потребностей, учитывающих ограниченность и невозобновляемость основных природных ресурсов;

3) воспитание правосознания, нацеленного на приоритет решения вопросов охраны окружающей среды при принятии любых национальных законов и планировании региональных, национальных и международных экономических проектов; на учет глобальных факторов, природных особенностей и ресурсных возможностей стран и регионов в любой масштабной деятельности;

4) культурная толерантность, нацеленность на сближение культурных традиций Востока и Запада, на освоение западной индустриальной цивилизацией более экзистенциально-ориентированного мировосприятия и уменьшение роли в культуре прагматико-технологического стиля, характерного для западного человека;

5) формирование нового гуманизма, учитывающего уроки прошлого и реалии настоящего.

Задача образования XXI в. — это преодоление кризиса культуры духовности, отход от абстрактных схем обучения и воспитания, поворот к реальному человеку. Органична для образования и другая задача — блокировать, пресекать негативные, разрушительные тенденции в общественном сознании. У подрастающего поколения следует воспи-

тивать соответствующее мировоззрение, базисное миропонимание, гуманистическую жизненную позицию, формировать у молодежи инновационное поведение, толерантные качества личности. «Нравственное воспитание играет большую роль в системе формирования личности, является критерием, определяющим ее духовность, а духовность есть основание бытия человека» [1].

Инициативность, любознательность, простота и открытость, доброжелательность, стремление к сотрудничеству, плюрализм и толерантность — важнейшие черты личности обучаемых, которые должны быть сформированы гуманитарным процессом обучения и воспитания. По мнению В.Г. Торосяна, «современное образование предполагает прежде всего знание и понимание общекультурной картины мира, т. е. усвоение во взаимосвязи базисных результатов и тенденции культуры. Только на основе этого можно найти свое место в происходящих процессах, свое предназначение и призвание...» (цит. по: [2]).

Современное образование должно органично включать творчество в образовательный процесс, формировать мировоззрение, основанное на многокритериальности решений, терпимости к инакомыслию и нравственной ответственности за свои действия. Оно должно обеспечивать междисциплинарную организацию содержания обучения, развивать гармоничность в способах и уровнях мышления, готовить выпускников вузов к новым видам деятельности.

Образование и воспитание в условиях культуросозидающей среды должно строиться на диалогической, межкультурной основе, что обеспечит гармонизацию социальных отношений, создаст возможности и условия для более эффективного воспитания толерантной личности, способной к сохранению своей индивидуальности, активной жизнедеятельности в гражданском обществе. По определению В.А. Тишкова, толерантный человек осознает, что мир, социальная среда являются многомерными и взгляды на этот мир могут быть различными, они не могут сводиться к единообразию. Важно формировать у учащихся интерес к другим культурам, к другим языкам, что ведет к взаимопониманию между народами, к сотрудничеству во всех областях жизни» [3].

Основной целью гуманитарной парадигмы современного образования является содействие осознанию личностью своей роли и места в системе социальных отношений. Толерантность и интолерантность — одни из наиболее существенных явлений и поведенческих характеристик индивидов в плане общественных отношений.

Толерантность призвана оградить подрастающее поколение от любых форм дискриминации, особенно по религиозному и национальному признаку. Выполнение столь гуманной миссии — формирование

подлинно толерантной личности — попадает в круг задач современной системы образования. Поскольку образовательная среда является наиболее организованной и в ней сконцентрирован интеллектуальный потенциал педагогов, призванных успешно решать вопросы обучения и воспитания подрастающего поколения, общество рассчитывает на то, что именно в этой среде будут выработаны механизмы практической реализации идей толерантности. Позиция терпимости, доверия является оптимальной основой для осуществления выбора будущих поколений в пользу мира, а не войны, мирного сосуществования человечества, а не конфликтов. Укоренение в сознании молодежи духа толерантности, формирование отношения к ней как к важнейшей ценности общества — значимый вклад системы образования в развитие культуры мира.

Образовательные учреждения — социальные институты, в которых сконцентрированы все категории молодежи. В них представлена вся палитра различных этносов и конфессий. В связи с этим воспитание идей толерантности, развитие умений межкультурного диалога, наиболее эффективно проводить в учебных заведениях. Необходимость формирования толерантного сознания в школах и других образовательных учреждениях, в том числе и вузах, продиктовано и тем, что стереотипы, предубеждения по отношению к людям иных национальностей и религиозной принадлежности в основном усваиваются с детского возраста. Из этого следует, что развитие позитивного отношения к *другим* должно происходить систематически и последовательно методологически валидными способами. Критериями эффективности такой работы должны быть умение обучаемых правильно осмысливать происходящие в стране и других государствах события, способность выражать свое мнение с позиции нравственности и этических норм. По мнению С.Ю. Ивановой, это может происходить «через изменение содержания образования и воспитания, через интеграцию культуры толерантности в учебные предметы, через изучение культурно-исторических традиций, через целенаправленное интеллектуальное, нравственное, эмоциональное развитие учащихся в контексте национальной культуры; через формирование в среде учащихся понимания многообразия и взаимовлияния культур; через усвоение ценностей, взглядов и норм поведения, свойственных идеям толерантности; через воспитание уважения прав человека; что наиболее важно — через культивирование позитивных ненасильственных методов предотвращения и разрешения конфликтов» [4].

С позиции А.А. Погодиной, основные идеи образовательной стратегии формирования толерантности определяются следующим образом:

- согласно общим положениям о правах ребенка, изложенным в Декларации ООН по правам человека, и общим положениям о правах ребенка, изложенным в Конвенции прав ребенка, считаем необходимым создание системы социальных и педагогических условий, способствующих формированию толерантных убеждений, взглядов и навыков толерантного поведения в микросреде — в семье, учебном заведении, на рабочем месте, при участии всех заинтересованных лиц (родителей, педагогов, работников социальной сферы, политиков, СМИ и общества в целом);

- образовательная стратегия должна распространять позитивный подход к этническим вопросам и предотвращать любые проявления расизма, шовинизма, экстремизма, ксенофобии, дихотомии (видение мира в черно-белых цветах), национальных стереотипов через создание доброжелательной атмосферы в детских коллективах, акцентируя внимание на том, что объединяет детей, представителей разных этносов (культурное наследие, вклад в развитие науки, искусства, государства; позитивные черты характера);

- образовательная стратегия должна реализовывать идею привития детям и юным гражданам полинационального государства, открытых и уважительных отношений к другим людям, понимания возможности многовариативного человеческого бытия в разнообразных, отличных друг от друга культурных, религиозных и социальных сферах;

- образовательная стратегия должна способствовать созданию благоприятного микрокосма культурного, межэтнического взаимопонимания, в котором каждый ребенок, независимо от этнической принадлежности, чувствует себя комфортно, защищенно и способен к открытому взаимодействию с миром.

Для принятия решений, связанных с развитием образования, в том числе с интеграцией идеи толерантности в учебный процесс, важен учет религиозных различий, национально-культурного разнообразия России, стремления этнических общностей к сохранению и возрождению своих культур. Воспитание в духе толерантности следует рассматривать в качестве безотлагательного императива. В связи с этим необходимо поощрять методы систематического рационального обучения толерантности, вскрывающие культурные, социальные, экономические, политические и религиозные источники нетерпимости, лежащие в основе насилия и отчуждения. Воспитание в духе терпимости должно быть направлено на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к другим. Оно должно способствовать формированию у молодежи навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях.

Удовлетворять потребности и интересы личности, этноса, общества и многонационального государства — приоритетная задача отечественного образования. Оно призвано способствовать интеграции личности в национальную, общероссийскую и мировую культуры, содействовать этнической и гражданской самоидентификации подрастающих поколений, способных совершенствовать современное им общество.

В условиях гуманизации и гуманитаризации образования, смены образовательной парадигмы отечественную систему образования следует рассматривать как главное средство развития способностей человека, позволяющих ему активно участвовать в экономической, культурной и политической жизни не только российского общества, но и мирового сообщества, дающее возможность народу, нации утвердить свою самобытность, политическую и интеллектуальную самостоятельность, участвовать в международной жизни.

Литература

1. *Кораблин Ю.А.* Формирование личности в системе высшего образования // Социальная политика и социология. 2003. № 3.
2. *Вислова А.Д.* Формирование толерантной личности — стратегическая задача образования // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4.
3. *Жуков В.И.* Россия в глобальной системе координат: социологический анализ и прогноз // Социологические исследования. 2008. № 12.
4. *Арефьева Н.Т.* Роль образования в системе глобальных ценностей // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 5—6. Т. 10.

V

**РЕЦЕНЗИИ
И ОТКЛИКИ**

В.Н. ЧЕРКОВЕЦ

К характеристике политической экономии социализма*

Аннотация. В статье анализируется развитие политической экономии социализма в 1930 — 1980-х гг. в учебных и научных трудах. Рассматриваются проблемы: соотношение позитивной и нормативной сторон политэкономии социализма, инноваций и традиций в советской экономической науке, соотношение политэкономии социализма с экономическими концепциями запада.

Ключевые слова: политическая экономия социализма, система производственных отношений, институциональные отношения, политическая экономия и экономикс.

Abstract. The article examines the political economy of socialism developed in economic manuals and research papers of 1930-1980s and outlines relationships between positive and normative sides of the political economy of socialism, between tradition and innovation in Soviet economic science and between the political economy of socialism and Western economic concepts.

Keywords: political economy of socialism, system of production relations, institutional relations, political economy and economics.

В 1954 г. под грифом Академии наук СССР вышел в свет учебник политической экономии под редакцией К.В. Островитянова и др., что стало исходным пунктом создания в СССР, а затем в восточноевропейских странах целой серии учебников, в том числе по политической экономии социализма. За период 1954 — 1962 гг. учебник выдержал 4 издания и оставался основным в советских вузах, дав толчок дальнейшим разработкам в этой области, в том числе и монографического характера. Обратиться к объективному анализу и оценке созданного в 1950 — 1980 гг. в области экономической теории социализма и выделить то, что не потеряло своего научного значения для настоящего времени, побуждает не только исторический интерес. Почти четверть века идет идеологическая критика политической экономии социализма. Важно, например, выяснить, сводилась ли эта теория лишь к описанию советской реальности, не проникая в ее сущность, или, напротив, к созданию («конструированию») идеального образа социализма,

* К 55-летию выхода в свет: Политическая экономия: Учебник / Под ред. К.В. Островитянова, Д.Т. Шепилова, Л.А. Леонтьева, И.Д. Лаптева, И.И. Кузьмина, Л.М. Гатовского. М., 1954.

его теоретических критериев. Не менее важно ответить на вопрос, была ли политическая экономия социализма наукой «нормативной» или «позитивной», т. е. раскрывающей и объясняющей существующую экономическую систему, или же вбирала в себя и то и другое. Возникает и вопрос о том, можно ли использовать ее методологические подходы и некоторые теоретические положения в анализе современной действительности и при создании новых курсов общей экономической теории и какие подходы и положения не выдержали испытания временем и не приложимы к исследованию и освещению иной экономической системы. Представляет научный интерес и характеристика теоретической модели социализма, как она описана не только в учебнике 1954 г., но и в последующих учебниках и учебных пособиях, а также в монографиях 1950 — 1980 гг., в каких направлениях продвигалась и насколько продвинулась советская экономическая мысль на данном поле.

Учебник под редакцией К.В. Островитянова был нацелен на изложение политической экономии «в широком смысле». Попытки вывести курс политической экономии за рамки капитализма предпринимались, как известно, и ранее, начиная с «Курса экономической науки» А.А. Богданова, затем И.И. Скворцова-Степанова, В.А. Базарова и др. В 1920-е гг. активно в огне дискуссий разрабатывались основы «теории советского хозяйства» — предтечи политической экономии социализма. Позднее она излагалась в виде раздела, прилагаемого к курсу политической экономии капитализма (учебник И.А. Лапидуса и К.В. Островитянова «Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства», 3-е изд., 1928). После выхода в свет учебника 1954 г., соединявшего во всех переизданиях политическую экономию всех формаций в одной книге, позднее политическая экономия социализма выходила и в самостоятельном издании (под редакцией М.С. Атлас, Московский финансовый институт, 1960; под редакцией К.Н. Шафиева, Московский экономический институт, 1960); в двухтомных курсах под редакцией Н.А. Цаголова, (три издания 1963 — 1973/74), в четырех томной политической экономии под редакцией Г.А. Козлова (1970 — 1973) и в двухтомнике под редакцией А.М. Румянцева (пять изданий 1973 — 1983), в которых теория социализма излагалась в отдельных томах. В однотомном формате вышел учебник под редакцией В.А. Медведева, завершивший весь этот ряд изданий в советское время (1988).

Работа же над учебником 1954 г., открывшем этот ряд, началась непосредственно в предвоенное время, в начале 1941 г., со встречи И.В. Сталина с группой экономистов для обсуждения проекта учебника, представленного Л.А. Леонтьевым. Проект не прошел, и был создан авторский коллектив в составе К.В. Островитянова, Д.Т. Шепило-

ва, А.И. Пашкова и М.Ф. Юдина (философ). Однако только после войны и восстановления народного хозяйства в «верхах» вернулись к этому вопросу. В ноябре 1951 г. по инициативе Сталина в Москве состоялась всесоюзная научная дискуссия с участием более двухсот человек по новому проекту учебника политической экономии, в том числе и особенно по политической экономии социализма. В результате были выработаны два документа, направленных Сталину: 1) предложения по доработке и совершенствованию проекта и 2) перечень спорных вопросов, выявленных в ходе дискуссии. В феврале 1952 г. Сталин встретился с рядом ученых и высказал свои замечания по обсуждавшемуся проекту, а в конце года была опубликована его работа «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней подводились итоги дискуссии, высказано отношение автора к спорным вопросам, а также его ответы на письма некоторых экономистов (А.И. Ноткина, В.Г. Венжера и А.В. Санина, Л.Д. Ярошенко) по ряду фундаментальных вопросов марксистской политической экономии вообще и социализма в частности, в том числе: о предмете науки, о характере экономических законов и их использовании, об основных экономических законах капитализма и социализма, о товарном производстве и законе стоимости при социализме и др.

В настоящее время возникает и такой «новый» вопрос о возможности использования подходов и некоторых теоретических решений из политической экономии социализма в разработке теории «социалистической рыночной экономики» (опыт Китая, Вьетнама), а также общей экономической теории рыночной экономики, особенно в связи с процессами так называемой «социализации» в современном капитализме («социальное рыночное хозяйство», «социально-ориентированная рыночная экономика», «социальное государство»). При этом нельзя не отметить наличие разных подходов к раскрытию разных трактовок одних и тех же проблем в упомянутых и не упомянутых выше трудах советских и зарубежных (ГДР, Чехословакия, Польша, Болгария, Венгрия, Югославия) авторов по политической экономии социализма. Вся история ее разработки в указанные годы, начиная со второй половины 1950-х гг., наполнена острейшими дискуссиями по методологическим и теоретическим проблемам: о возможности и необходимости применения диалектологического метода восхождения от абстрактного к конкретному в системе категорий «Капитала» К. Маркса к разработке системы категорий политической экономии социализма, о характере и особенностях действия общих и специфических экономических законов социализма, о структуре системы производственных отношений при социализме, об «исходном» и «основном» отношениях, об экономическом содержании социалистической собственности на средства производства и природные ресурсы, ее формах, их роли в обеспечении эффективности хозяйственно-

вания на различных структурных уровнях планомерно организованной экономики, о совместимости социализма с товарным производством, о сочетании централизованного планирования, его методов с категориями и механизмами рынка, о принципах ценообразования, дифференциальной ренте, о формах и методах соединения НТР с социалистическими производственными отношениями и системой управления, о критериях эффективности производства и оптимальности народнохозяйственного плана, о соотношении различных форм распределения материальных благ и услуг между членами общества и др.

В этой связи невозможно обойти вниманием и «Курс политической экономии», созданный кафедрой политической экономии и выдержавший три издания под руководством и редакцией Н.А. Цаголова, особенно 2-й том — «Социализм». Из всех учебников и монографических работ, вышедших после учебника под редакцией К.В. Островитянова, этот «Курс» в наибольшей мере и в области методологии, и в теоретическом плане отличался от данного учебника. Обозначив свое «кредо», второй том «Курса» стал объектом широкой критики в советском сообществе политэкономов — марксистов и немарксистов — с самого начала его рождения и до конца 1980-х гг., а в 1990-х и в новом столетии его критика нашла поле и на площади alma-mater в силу административного исключения политической экономии вообще из стандартов высшего образования, даже по специальности «экономическая теория», и выведения политической экономии из обязательной части учебного плана экономического факультета МГУ. Однако в настоящее время интерес к «Курсу» может быть подкреплён новыми обстоятельствами. Это — реакция, с одной стороны, на тяжёлые последствия последнего экономического кризиса в силу неустранимой закономерности рыночно-капиталистического хозяйства и неспособности неолиберальной доктрины указать пути предотвращения кризисных ситуаций без активного и эффективного участия государства в регулировании экономики. Вместе с тем Китай показывает пример быстрого и устойчивого экономического роста, ведёт курс на модернизацию всех сторон жизни общества. С другой стороны, в западных научных кругах нарастает волна критики экономикса за оторванность от проблем реальной жизни, чрезмерную формализацию экономической теории, ограниченность неоклассических методологических принципов, идут поиски путей «ренессанса» политической экономии, способной связать проблемы экономики с экономической политикой государства. Более того: новейший кризис возбудил в различных кругах западного мира интерес к «Капиталу» К. Маркса, доказывавшему неизбежность перехода общества от капитализма к социализму и давшему образец анализа любого способа производства.

В связи с этим полезно подробнее остановиться на значении в развитии политической экономии социализма учебника политической экономии под редакцией К.В. Островитянова и «Курса политической экономии» под редакцией Н.А. Цаголова.

1. О значении первого издания учебника «Политическая экономия» в 1954 г. Определение рейтинга этого труда далеко выходит за рамки учебного процесса. Его следует рассматривать в русле становления экономической теории социализма и в контексте исторических событий того времени. По мере формирования советского строя, налаживания новых экономических (производственных) отношений все настоятельней становилась потребность в научном обобщении и осмыслении коренных перемен в социально-экономическом устройстве СССР, в понимании, говоря словами Маркса, «анатомии и физиологии» складывающейся новой экономической системы. Понятно, что в рамках официальной идеологической доктрины политическая (теоретическая) экономия социализма интерпретировалась как составная часть марксистско-ленинской теории. Она должна была разрабатываться в дополнение к политической экономии капитализма, созданной Марксом и Энгельсом на основе применения метода материалистической диалектики, примененной в исследовании законов развития общества, т. е. метода исторического материализма. Марксистская политическая экономия капитализма была продвинута В.И. Лениным не только в разделе общих основ этой теории, но и в раскрытии и обосновании основных признаков и категорий высшей стадии капитализма, которую Ленин назвал империализмом. В первое шестилетие советской власти и рядом дооктябрьских работ Ленин разработал элементы и «теории советского хозяйства», ставшей историческим предшественником и начальной формой политической экономии возникающего нового строя. Однако ситуация в теоретической области к 1930-м гг. сложилась такая, что даже для большинства марксистов казалось традиционно бесспорным, что политическая экономия как теоретическая наука исчерпывает свой предмет историческими рамками товарно-капиталистического хозяйства и при переходе к плановой экономике нужда в ней отпадает. Вместе с тем отдельные экономисты ставили вопрос даже о политической экономии коммунизма (Н.А. Вознесенский). В официальных же кругах перемены в отношении к политической экономии произошли в 1930-е годы — сначала в политико-административной сфере, затем в научно-теоретической. Именно Сталин инициировал постановку вопроса о подготовке учебника по *политической экономии в широком смысле*, включая экономику всех формаций, в том числе и особенно экономику социализма, и введении преподавания политической экономии как теоретической

дисциплины взамен курсов экономической политики в вузах страны (постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке преподавания политической экономии», 1936 г.). Подготовку такого учебника Сталин взял под свою опеку и, как показали последовавшие события, сам принял в ней личное участие в качестве соавтора и редактора. Такое заметное обостренное внимание к проблеме учебника было не случайно. Оно объясняется рядом причин. Речь шла не просто об учебнике, излагающем лучше или хуже уже добытые знания. Задача была более фундаментальная, исследовательская. Такой политической экономии, особенно если иметь в виду экономическую теорию социализма, еще не было. В 1878 г., еще при жизни К. Маркса, через 10 лет после выхода 1-го тома «Капитала» Ф. Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «...Политическая экономия как наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, происходит распределение продуктов, — политическая экономия в этом широком смысле еще только должна быть создана. То, что дает нам до сих пор экономическая наука, ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства» [1, 48]. Выход в 1885 г. 2-го тома «Капитала» и в 1894 г. 3-го тома, изменил ситуацию лишь в том смысле, что была далеко продвинута политическая экономия капитализма, представив полную систему законов и категорий общих основ капиталистического способа производства и предложив некоторые экскурсы в докапиталистическую эпоху, а также фрагментарные суждения об элементах будущей послекапиталистической системы «ассоциированных производителей». Более развернуто на тему экономики социализма Маркс высказался в «Критике Готской программы» в 1875 г., опубликованной Энгельсом только в 1894 г. Целый ряд положений об экономическом строе социализма и докапиталистических формаций высказал сам Энгельс в «Анти-Дюринге» (1878) и в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884).

Таким образом, подготовка учебника по политической экономии, начатая в СССР в довоенные годы и продолженная после Второй мировой войны, имела по замыслу большое научное и международное идеологическое значение как с точки зрения осмысления новых явлений в капиталистической экономике XX в., так и формулирования фундаментальных характеристик социалистического экономического строя в СССР и рождающейся мировой системы социалистического хозяйства, а также путей их дальнейшего развития.

В целом материалы ноябрьской дискуссии 1951 г., вышедшая затем (1952) работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и определили направление теоретических исследований в

стране и дали толчок к выходу в свет в 1954 г. (уже после смерти Сталина) первого издания учебника «Политическая экономия» под маркой Института экономики АН СССР¹.

2. О «Курсе политической экономии» под редакцией Н.А. Цаголова. Отвечая на вопрос, какой вклад внес «Курс» в политическую экономию и в чем его отличие от учебника «Политическая экономия» (1954), можно указать на следующие моменты².

1. Это, бесспорно, дальнейшая разработка *политической экономии в широком смысле*. Главная доля этого вклада приходится на 2-й том — «Социализм». «Курс» не является пионером ввода этого раздела в политическую экономию: раньше это сделал учебник под редакцией К.В. Островитянова. Но «Курс» предложил совершенно новую структуру этого раздела (части), учитывая специфику гетерогенной («смешанной») структуры советского экономического строя. В его системе производственных отношений «Курс» вычленил три (а в 3-м издании — четыре) группы ее компонентов, размещенных в порядке их фактического и логического соподчинения, определяемого их ролью в становлении и утверждении новой, социалистической системы (терминология в данном случае не имеет первостепенного значения).

2. «Курс» применил метод структурирования системы производственных отношений при социализме (советская модель) не только в «горизонтальном», но и в «вертикальном» разрезе, вычленив *две ступени* — общенародный уровень и хозрасчетный уровень предприятия, объединения предприятий с присущими им объективно разными критериями эффективности производства, определяемыми разными экономическими законами.

3. «Курс» впервые применил в политической экономии социализма логико-методологические принципы отражения системы производственных отношений в «Капитале» Маркса к анализу советской, некапиталистической и нетоварной по своему характеру экономической системы, к *конкретному советскому, т. е. национальному варианту социализма*. И дело даже не в том, насколько удалось решить все проблемы посредством такого подхода. Дело в самом этом подходе, предложенном «Курсом» Н.А. Цаголова. Он противостоял концепциям западной социал-демократии, отделялся от программ «кооперативного», «коллективного», «анархо-синдикалистского», «муниципального», «рыночного» социализма. Его нельзя относить и к ведомству «неомарксизма» в его различных версиях.

¹ Авторский коллектив: К.В. Островитянов, Д.Т. Шепилов, Л.А. Леонтьев, И.Д. Лаптев, И.И. Кузьминов, Л.М. Гатовский, П.Ф. Юдин, А.И. Пашков, В.И. Переслегин, В.Н. Старовский.

² Более развернуто наша точка зрения на этот счет изложена в статьях: [2—4] и др.

4. Что касается «институционализма», то, вопреки имеющимся высказываниям о том, что политическая экономия социализма — институциональная теория, это не меньше чем заблуждение даже в том случае, когда имеется в виду «старый» (вебленовский) институционализм. Институциональный подход в отдельных случаях, действительно, используется и может быть развит как один из частных методов анализа и описания явлений. Однако если говорить на языке научных сопоставлений, предмет институционализма — *институциональные отношения* — это не только экономические, производственные, но и правовые и традиционные (обычаи) отношения. В структуре же производственных отношений, которые являлись предметом «Курса», институциональные отношения образуют, если можно так сказать, их «верхушечный» слой, внешние формы их бытия и движения, и входят в отношения так называемого *хозяйственного механизма*. К «новому» же институционализму «Курс» не имеет никакого отношения, поскольку это течение институционализма не оторвалось от принципов неоклассической теории.

5. «Курс» и вся работа кафедры политической экономии сыграли заметную роль в повышении авторитета и, следовательно, рейтинга университетской политической экономии (МГУ) как организатора и активного участника *общенациональных дискуссий* о путях улучшения и развития экономической системы страны, причем имеющего свою точку зрения на этот процесс. В данной связи совершенно неуместны высказывания (с оттенком критики) как об отсутствии в то время возможности споров, столкновения различных точек зрения, в том числе и в открытой литературе, так и о «*нормативном характере*» политической экономии социализма, в том числе и «Курса». Любая экономическая теория, делающая социальный прогноз (а сегодня это признанная философией науки неперемнная функция науки наряду с ее познавательной, объяснительной функцией) неизбежно включает в свою методологию и нормативный компонент. Что касается политической экономии социализма, то она и востребована была реалиями жизни не только для описания и осмысливания складывающейся экономической структуры, но и для обоснования внедрения новых форм и методов хозяйствования и путей перехода к качественно новым формам социалистических производственных отношений. Следовательно, проблема состоит не в том, возможен или нет в экономической науке нормативный подход, а в том, чтобы он приводил к обоснованным выводам и рекомендациям экономической политике, особенно если речь идет о крупных социально-экономических преобразованиях.

6. «Курс» был противоположностью как учебнику экономикса, так и представляемой в нем неоклассической политической экономии (неоклассического синтеза). Дело не только в том, что экономикс как эко-

номическая теория замкнут статическим, внеисторическим подходом рамками рыночно-капиталистического хозяйства и не имеет никакого отношения к политической экономии в широком смысле слова, а значит и к политической экономии социализма (или, если более понятно — политической экономии «посткапиталистической» системы). Вопрос — шире и глубже. «Курс» и «Экономикс» — *антиподы по своей методологии*. Это касается, естественно, и политической экономии в узком смысле (рыночно-капиталистическая экономика). Поэтому всякие надежды на их научный синтез — беспочвенны. Речь может идти лишь о разных ветвях политической экономии, продолжающих сегодня традиции классического и неоклассического направлений, использующих метод исследования объективных законов функционирования и развития различных экономических систем и метод статического анализа одной увековечиваемой экономической системы, рыночно-капиталистической.

3. По поводу критических замечаний в адрес советской политической экономии. Одно из них касается недостаточной обоснованности вывода о построении экономики социализма в СССР во второй половине 1930-х гг. Конечно, это было, скорее, политическим решением, принятым в конкретной ситуации того времени. Ясно также, что теоретические критерии констатации достижения такого рубежа, а значит и полного завершения переходного периода были снижены (не без участия Н.И. Бухарина, входившего в комиссию по разработке проекта Конституции СССР, принятой в конце 1936 г.) по сравнению с теми критериями, которые были разработаны (хотя и в прогнозном порядке) научным социализмом Маркса—Энгельса и никогда не подвергались коррекции со стороны Ленина. Признание победы социализма произошло при низкой доле государственного (совхозного) сектора (12% сельхозпродукции), высокой доле колхозного производства и личного подсобного хозяйства (по сути, рудимента трудовой частной собственности, дававшего еще даже в 1990 г. около трети валовой продукции сельского хозяйства), товарного производства и разветвленной подсистемы товарно-денежных отношений, что не отвечало понятиям научного социализма. Бесспорные успехи индустриализации народного хозяйства в первой и второй пятилетках еще далеко не подвели к ее завершению, особенно в сельском хозяйстве. Даже в начале 1980-х гг., по расчетам в Институте экономики АН СССР, в промышленности доля ручного труда составляла более 50%, а в сельском хозяйстве — до 80%. Вместе с тем, точности ради, надо иметь в виду, что и в 1939 г., спустя три года после принятия Конституции, официальная политическая формула 18-го съезда правящей ВКП(б), во-первых, указывала, ссылаясь на Сталина, на то, что социализм построен лишь «в

основном», и, во-вторых, ставила на перспективу задачу «завершения строительства бесклассового социалистического общества». Такая формула открывала больше возможностей для объективного анализа как не решенных до конца проблем переходного периода, так и новых проблем дальнейшего развития. Сталин в «Экономических проблемах социализма в СССР» подверг критике Л.Д. Ярошенко за игнорирование развития производственных отношений при переходе к коммунизму и сведение всей проблемы к совершенствованию организации производительных сил, подчеркнув, что речь должна идти о развитии обеих сторон общественного производства. Н.С. Хрущев этот тезис понял волюнтаристски: как линию на «развернутое», ускоренное в течение 20 лет создание «материально-технической базы коммунизма», слияние двух форм общественной собственности, ликвидацию личного подсобного хозяйства, доведение распределения из общественных фондов потребления до половины объема распределяемых между членами общества благ. Вместе с тем он ревизовал формулу 18 съезда о строительстве сначала бесклассового социалистического общества, связав слияние двух форм собственности с показателем достижения более высокой, чем социализм, фазы развития. Да и материально-техническая база коммунизма, как она описана в программе партии, — это продолжение развития индустриального потенциала на основе принципов машинного производства. В противовес утопии Хрущева, как бы восстанавливая формулу 18 съезда, Л.И. Брежнев выдвинул заимствованную у восточно-европейских соседей «концепцию развитого социализма», который якобы полностью достигнут в СССР. Об этом первыми сообщили в 1962 г. авторы 4-го издания учебника К.В. Островитянова, с чем не соглашались, в том числе и в публикациях, многие политэкономы, указывая лишь в лучшем случае на «начальную ступень» этого этапа. Впереди, по Брежневу, — более высокая ступень «бесклассового социалистического общества».

При всех таких «флюктуациях» политических концепций политэкономы-исследователи (мы не говорим о тех преподавателях, которые не занимались исследованиями вообще или проявляли научный интерес только к западной экономике) находили все же пути научного изучения реальных процессов, выявления их противоречий и разработки проектов (предложений) совершенствования советской экономической системы в направлении развития ее социалистичности, связанной не с частной, а с общественной, прежде всего общенародной, государственной собственностью на произведенные и природные ресурсы страны. Здесь ситуация, в чем-то схожая с естественными науками, когда, к примеру, физики получают научные результаты, участвуя в разработке боевых средств массового уничтожения. Но гуманитарные науки

всегда гораздо в большей степени находились в поле влияния государства на их содержание и распространение их выводов, особенно в образовательной сфере.

Литература

1. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1948.
2. *Черковец В.Н.* «Курс политической экономии»: проблемы, методология, теория // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика. 1974. № 5.
3. *Черковец В.Н.* Вопросы экономической теории социализма // О творческом наследии Н.А. Цаголова / Под ред. К.А. Хубиева. М., 2004.
4. *Черковец В.Н.* Не юбилейте! // 200 лет кафедре политической экономии экономического факультета. М., 2004.

А.А. ПОГРЕБНЯК

Исчезновение изобилия: актуальность Гоголя в контексте осмысления путей российского перестроения*

Аннотация. В статье исследуется внутренняя природа современного цивилизационного кризиса. Делается парадоксальный вывод, что кризис является неременным условием нашего развития как в историческом, так и «постисторическом» мире, производстве и потреблении.

Ключевые слова: цивилизационный кризис, экзистенциальный опыт, творчество Гоголя.

Abstract. In the article the inherent nature of modern civilizational crisis is analyzed. The paradoxical conclusion is being made that crisis is the indispensable condition of existence in historical as well as in «posthistorical» world, production and consumption.

Keywords: civilizational crisis, existential experience, Gogol's creative work.

Неоспоримо, что кризис, тем более мировой, с *необходимостью* заставляет задуматься о предельных основаниях существующего порядка; но разве не *чисто случайным* является совпадение сегодняшних размышлений о «российском перестроении» с завершением года двух-

* Размышления по итогам теоретического семинара на тему: «Прозорливец земли русской (к 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя)» (март 2009 г., ЦОН МГУ). Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 08-03-00550а).

сотлетнего юбилея Н.В. Гоголя? Тем не менее случайное событие может оказаться основанием для представления необходимости в неожиданном свете; так и сочинения Гоголя — разумеется, при их философском прочтении — могут обнаружить содержащийся в них потенциал для подлинно критического анализа современного мировоззрения именно в том его аспекте, в каком оно одновременно и стремится к преодолению кризиса, и вызывает его к жизни каждый раз заново. Дело в том, что кризис — не столько экономики, сколько всей русской (только ли русской?) жизни — есть главная тема всего гоголевского творчества; и, несмотря на постоянные попытки сознательно участвовать в выработке той или иной «антикризисной» (а разве другая бывает?) *идеологии*, на уровне своего бессознательного он оказывал постоянное же сопротивление всяческим спекуляциям подобного рода — поручкой тому не только драма его жизненного пути и язык произведений, но и сама *логика* движения его мысли.

Финансовый характер нынешнего кризиса есть именно то «особенное», что свидетельствует как раз о его подлинной всеобщности, и вся задача заключается в том, чтобы мыслить эту всеобщность адекватно. Кажется бы, антикризисная риторика только это и делает, ведь повсюду только и слышно, что все без исключения стороны жизни всех без исключения классов, корпораций и государств охвачены единой сетью спекулятивно-финансового капитала, что последний постоянно «отрывает» экономику, а с ней и все остальное, от «реальности», к которой любыми средствами следует «вернуться». Но все дело в том, что сегодня представляет собой «реальность».

Так, С. Жижек (ссылаясь на С. Каратани) полагает, что сегодня «нужно полностью отвергнуть (протофашистское, если на то пошло) противопоставление финансово-спекулятивного капитала “субстанциальной” экономике капиталистов, участвующих в производственной деятельности: при капитализме процесс производства совершается только окольным путем в спекулятивном процессе порождения деньгами еще больших денег, то есть спекулятивная логика является также тем, что поддерживает непрерывное стремление к революционизации и расширению производства. <...> Большинство экономистов говорит сегодня, что спекуляции глобального финансового капитала оторваны от “субстанциальной” экономики. Но они упускают, что субстанциальная экономика также движима иллюзией и что в этом и состоит природа капиталистической экономики» [1, 415]. Субстанциальность и ее противоположность разыгрываются одна против другой, причем ставка на то или другое делается в зависимости от фазы экономического цикла — с тем, чтобы направить поведение «субъекта» (на деле — агента) в то или иное русло: псевдо-аскетический этос «реального»

производства или столь же псевдо-мистический эстезис «виртуального» потребления. Цель очевидна: за радость неузнавания своей противоречивой сущности под очевидными в своей однозначности установками субъект платит непрерывным превращением действительности своей жизни в потенциал, необходимый для функционирования механизмов «экономического развития». Вот описание этого процесса, сделанное Ж. Бодрийяром более тридцати лет назад:

«На этой эстетической стадии политической экономии, когда производство характеризуется целесообразностью без цели, рушится этико-аскетическая мифология труда и накопления. И вот капитал, рискующий погибнуть от этого разжижения ценностей, вновь обращается с ностальгией к великому *этическому* периоду своей истории, когда производить еще имело какой-то смысл, — к золотому веку дефицита и развития производительных сил. Чтобы восстановить целевые установки, чтобы реактивировать принцип экономики, нужно возродить дефицит. Отсюда — экология, позволяющая благодаря угрозе абсолютного дефицита восстановить этику энергосбережения. Отсюда энергетический и сырьевой кризис — настоящий дар небес для системы, которой зеркало производства являло одну лишь пустую форму, охваченную смятением. Кризис способен вернуть коду экономики его утраченную референцию, вернуть принципу производства ускользавшую от него серьезность. Мы вновь обретаем вкус к аскезе, ее патетическую инвестированность, рождающуюся от нехватки и лишений» [2, 91].

Разве это не про недавний саммит, посвященный проблемам глобального потепления? Очевидно, что «субстанциальное» богатство есть та точка пристрастия, которая необходима экономическим агентам как ориентир их спекулятивной деятельности (так Бармалей в известном фильме Р. Быкова сам себя сажает на цепь, чтобы быть *еще злее*). Капитал, стало быть, автореференциален, и в этом смысле есть чистое влечение к смерти; но, раз есть знание об этом, должен быть возможен и несводимый к такой логике способ бытия субъекта этого знания.

Если задаться вопросом, что в современной философии (условно говоря — постгегелевской) действительно значимо, то ответ будет таким: выдвижение экономики на роль парадигмы для «первой философии» — адекватное понимание истины бытия всего сущего отныне едва ли мыслимо совершенно по ту сторону процессов, протекающих в «имманентном плане» мирового рынка. Можно сказать, что на месте мира-как-истории утвердился мир-как-экономика — если в горизонте первого человеческого существование на каждом этапе реализовывало себя с большей полнотой и всякий раз на качественно новом уровне, воплощая в имманентном плане ранее трансцендентную сущность (классическое описание этого движения — гегелевская «Феноменоло-

гия духа»), то в горизонте второго на его долю приходится лишь то, что оказалось избыточным с точки зрения принципов функционирования этой целиком и полностью явленной сущности. Гегелевское «снятие» уступает место фрейдовскому «возвращению вытесненного».

Кризис, как показал Х. Ортега-и-Гассет³, является непрямым условием нашего существования именно как исторического, т. е. подчиняющегося закону конфликта поколений; но в сегодняшнем «постисторическом» мире как производство, так и потребление *кризисов* берет на себя экономическая система (разве случайно, что в ее дискурсе постоянно фигурируют ссылки на *продукты* нового и новейшего «поколений»?). Экономика, являющаяся метанарративом современности, редуцирует уникальное в характере экзистенциального (жизненного, исторического) кризиса, сводя его к набору исключительно общих мест (императивы модернизации, информатизации, экологизации и т. п.). Отсюда — парадоксальная ситуация, когда социальная логика современных «обществ изобилия» «обрекает нас на роскошную и зрелищную нищету»: изобилие как *самоочевидный акт* реализации смысла существования исчезает вследствие вытеснения *знаками* изобилия, призванными объективно свидетельствовать о более или менее очевидном преодолении некой «объективной» нехватки⁴.

Вот почему не только революционная миссия марксовского пролетариата, но и экзистенциальный опыт кьеркегоровского «рыцаря веры», антинигилистическая воля к власти ницшевского «сверхчеловека», а также подлинность хайдеггеровского «вот-бытия», расточитель-

³ См.: [3, 233—403].

⁴ См.: [4, 94—96]. Этот же процесс, вслед за Ж. Рансьером, можно описать как перманентную редукцию политического измерения жизни в современных обществах. «Во все времена отказ рассматривать некоторые категории личностей в качестве существ политических проходит через отказ воспринимать исходящие из их уст звуки как речь. Или же констатацию их материальной неспособности занимать присущее политическому пространство-время. У ремесленников, говорит Платон, нет времени быть где-то еще, кроме своей работы. Это “где-то еще”, где они не могут быть, — это, конечно же, народное собрание. “Отсутствие времени”, на самом деле, — “натурализованный” запрет, вписанный прямо в формы чувственного опыта. Политика начинается тогда, когда те, у кого “нет” времени, так распоряжаются этим необходимым временем, чтобы утвердить себя в качестве насельников общего пространства и показать, что их рты вполне способны испускать общезначимую речь, а не только оповещающий о страданиях голос» [5, 66]. — Чем не концептуализация смысла истории Акакия Акакиевича (с его затрудненной до предела манерой изъясняться, временем, без остатка отданным механическому переписыванию, страхом перед площадью и т. п. — и, в конце концов, трагическим опытом «политического» обращения к «значительному лицу»)?

ная трансгрессивность батаевского суверена, и так вплоть до делезовских «машин желания» и бодрийяровского «символического обмена» — все это (и еще многое) суть не что иное, как сценарии *критики экономического разума*, т. е. опыта осмысления как исторических условий его настоящего господства, так и возможных путей его преодоления.

* * *

Стоит рискнуть и высказать предположение: творчество Гоголя содержит в себе потенциал, столь необходимый отечественной философии хозяйства для синтеза культурно-исторической специфичности и логико-метафизической всеобщности, без чего она будет обречена на бесплодное препирательство поборников славянофильской псевдосамобытности и адептов западнического (в той же мере псевдо-) универсализма. Конечно, есть наиболее поверхностный план, в рамках которого творчество Гоголя разделяет общие места романтизма и сентиментализма: нынешние «богатства» — лишь следы, руины прежнего изобилия, ныне безвозвратно утраченного под негативным воздействием цивилизации (технизма, сциентизма, урбанизма, коммерциализма и т. п.). Вот показательный фрагмент из «Старосветских помещиков»: «Но сколько ни обкрадывали приказчик и войт, как ни ужасно жрали все во дворе, начиная от ключницы до свиней, которые истребляли страшное множество слив и яблок и часто собственными мордами толкали дерево, чтобы стряхнуть с него целый дождь фруктов, сколько ни клевали их воробьи и вороны, сколько вся дворня ни носила гостинцев своим кумовьям в другие деревни и даже таскала из амбаров старые полотна и пряжу, что все обращалось ко всемирному источнику, то есть к шинку, сколько ни крали гости, флегматические кучера и лакеи, — но благословенная земля производила всего в таком множестве, Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне так мало было нужно, что все эти страшные хищения казались вовсе незаметными в их хозяйстве». Казалось бы, только один шаг до физиократии, этого корня всякого экономического рационализма, но, как следует показать, Гоголь его не сделает, несмотря на тысячи соблазнов «заземления» изобилия как природного (или духовного) богатства; вместо этого он создаст вначале феноменологию, а потом и подлинную «призракологию» (Ж. Деррида) форм его ускользания — ускользания как единственно возможного способа бытия этой *всегда уже исчезнувшей из виду* сущности.

В этой связи из ряда последних публикаций следует выделить монографию А.П. Давыдова «Душа Гоголя» [6] — несмотря на то, что с ее общим выводом ни в коем случае не следует соглашаться, в целом ряде пунктов автор делает очень ценные наблюдения и дает верные оценки. Вот как интерпретируется исходный пункт гоголевского ми-

ропонимания: «Как обобщить всю эту карнавальную смесь из притяжения земли, соседства/братства, православия и чертовщины “Вечеров” и “Миргорода”? Это нерасчлененная мысль Гоголя. Синкретическое единство всего во всем. Тоска по “золотому прошлому”, которое на глазах восторженного рассказчика неумолимо уходит в небытие. Тоска по той патриархальности, которую хорошо знал Гоголь, но которая оказалась ему совершенно не нужной в Петербурге. Эта та культура, которая рождает в Гоголе удивительную поэзию. Но это и та культура, сказав о поэзии которой один раз, говорить во второй раз уже неуместно, потому что предмет поэзии уже исчерпан. Полностью. Это не неисчерпаемый конфликт личности и культуры, старого и нового. Это вообще не конфликт. Это описание некоего мирно пасущегося субъекта, отнюдь не стоящего перед нравственным выбором, не стоящего на краю перед выбором между жизнью и смертью ради какой-то одному ему известной цели. Где ж тут взяться общечеловеческим ценностям и ответу на вопросы мировой цивилизации?» [6, 67].

Поскольку А.П. Давыдов интерпретирует Гоголя с позиций *либерального гегельянства*, то ему важно показать, что исходный пункт гоголевского движения совпадает с гегелевским бытием, изначальной негативности которого Гоголь до конца не понимает и поэтому в конце концов не принимает — отсюда «инверсионное мышление» (неумение совершать работу опосредования) и неспособность диалектически постичь позитивное в самом негативном. Гоголь лишь следует работе негативного (т. е. цивилизации), но наблюдает лишь эксцессы, не рефлектируя ее в своем собственном творчестве. Вначале мы видим, как бытие разрушается со стороны внешнего ничто: богатыри прошлого («Тарас Бульба») сегодня либо умирают от скуки («Старосветские помещики», «Повесть о том...»), либо влачат убогое существование («маленьких людей Большого города» («Петербургские повести»). Затем — работа ничто становится внутренней: «маленький человек» превращается в «большое ничтожество» («Ревизор», «Мертвые души»). А в итоге — вместо органичного синтеза (смысл которого А.П. Давыдов видит в предпринимательской этике, а наиболее подготовленными к нему гоголевскими персонажами — Костанжогло и Муразова из второго тома «Мертвых душ») — дисгармоничный срыв в проповедничество «тотемного» православия.

Сила книги в ее действительно синтетическом характере: удастся показать, каким образом в творчестве Гоголя соединяются романтизм и просветительство, православие и протестантизм, традиционная культура и авангардная поэтика. Но является ли предложенная форма синтеза единственно возможной, более того, истинной? Не является ли экономизм постгегелевской эпохи чем-то, что не укладывается без

подтасовок в рамки гегелевского историзма? Не является ли поэтика Гоголя «в себе» предвосхищением той логической формы синтеза, которая еще должна быть развита «для себя»?

Прежде всего, нужно указать, что ранние произведения Гоголя далеко не столь однозначно укладываются в образ бытия как чего-то себе равного и, несмотря на многообразную наполненность, все равно пустого — пустого по причине своей якобы «бесконфликтности». Так, например, Ю. Манн блестяще показал на примере разбора финала «Сорочинской ярмарки» поверхностность бахтинской «карнавализации» мира «Вечеров...», которую на свой лад воспроизвел и А.П. Давыдов. К примеру, подтанцовывающие старушки, «на ветхих лицах которых веяло равнодушие могилы», это не «образ пляшущей старости (почти пляшущей смерти)», т. е. не внутренний момент самой стихии карнавала, но, напротив, несводимый к форме этого «органического синтеза» эффект какой-то совершенно избыточной «механичности» [7, 16—17].

Другой пример — «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»; стало общим местом отмечать, что ее персонажи — это призраки эпических героев прошлого, описанных в том же «Тарасе Бульбе», как бы бесконечная тоска по невозможности повторения славного прошлого (которое, как верно показывает автор «Души Гоголя», и в себе неповторимо — ср. толкование фразы «Лучше б и не было того пира»⁵). Но не менее важна *совершенно избыточная*, как отмечает Ю. Манн, причина пресловутой ссоры: «У Гоголя повод ссоры не материальный, но, так сказать, чисто психологический, амбициозный. Мало того: эффект повода к ссоре в нарочитой необъясненности. Перед этим Иван Никифорович советовал своему другу поцеловаться со свиньей, Иван Иванович же называл Ивана Никифоровича дурнем с писаною торбою — и все сходило. А вот “гусак” не сошел» [7, 100]. Неверно полагать, что мышление Гоголя страдает недостатком рефлексивности; скорее напротив — сама способность к рефлексии здесь подвергается радикальной проблематизации, поскольку в своей глубинной основе обнаруживает зависимость от чего-то иррефлексивного. В самом деле, «гусак» оказывается спусковым механизмом для той избыточно рефлексивной тяжбы, которая так и не дойдет до завершения в пределах повествования — но почему именно «гусак»? — Да потому что именно этой *великой ничтожностью* может оказаться достаточно, чтобы существование субъекта замкнулось в кругу своей идентичности. Дело в том,

⁵ «И это та идиллия, в которой постоянно пребывать, как минимум, скучно, и куда идти, не знаешь. Здесь нет вопросов, одни ответы. Все уже совершено и достигнуто. Нет способности человека превратить свою способность к рефлексии в проблему своей рефлексии, чтобы получить новый импульс развития» [6, 85].

что «символическая идентификация (точка, с которой мы видны) доминирует, определяет образ, воображаемую форму, в которой мы кажемся привлекательными (или, напротив, отвратительными, как в случае «Ссоры...». — А.П.) самим себе. На формальном уровне это подчинение подтверждается тем, что кличка <...> кроме всего прочего представляет собой “жесткий десигнатор”, а не просто свидетельствует о некоей характерной черте человека» [8, 114]. Логика рефлексии, если брать ее не как формальную процедуру в «голове теоретика», но реальную ситуацию бытия в мире, вращается в кругу необходимого и достаточного, но сам этот круг является функцией некоего «заколдованного места», которое в данном случае есть та точка, из которой следует, что я — это именно «гусак»; если кличка не будет воспринята как *окликнутость Бытием*, если логика рефлексии не будет преодолена логикой *имени собственного*, мы так и будем играть в этом театре абсурда, где «самость — это деньги» (Гегель)⁶.

В самом деле, «дедовские карбованцы» возникают в повести исключительно затем, чтобы «оцифровать» исходное событие, придать рациональную форму иррациональному содержанию. В этой связи любопытно сравнить гоголевскую историю с ее архаическим аналогом. В древнеисландской «Саге об Эгиле» есть такой сюжет: когда Эгилю от имени некоего Эйнара Звон Весов приносят в дар богато украшенный щит, он неожиданно приходит в неистовство: «Ничтожнейший из людей! Он думает, что я просижу над щитом всю ночь и буду сочинять в честь него песнь! Дайте мне коня! Я догоню и убью его!». Затем он все же слагает песнь, обретая в дарителе друга. О судьбе подарка далее рассказывается, что на одном из пиршеств «щит испортился, упав в бочку с кислым молоком. Эгиль велел снять с него украшения, и в блесках оказалось двенадцать эйриров золота». Напрашивается следующая интерпретация: товарообменная экономика с ее императивом калькуляции издержек и прибылей (поразмыслив, Эгиль *приобрел* друга и *двенадцать эйриров* золота в придачу) есть результат в некотором смысле порчи, умиротворения страстей, необходимо присущих «иррациональной» экономике дарения. В то же время, это «остывание» страсти есть ее деятельное распространение, разумность и расчетливость — не что иное как «хитрость страсти», рефлексия былой спонтанности (подобно тому, как *ressentiment* по Ницше является стратегической уловкой воли к власти у слабых). Денежная цивилизация рождается из отголосков мифической первобытной страстности, которая затем на новый лад воспроизводится в каждом новом

⁶ См. интерпретацию этого сюжета из гегелевской «Феноменологии духа» Жижеком: [8, 209—212].

деловом проекте. Как, быть может, «имена являются ничем иным, как окаменевшим хохотом» [9, 101], так и логика всеобщей эквиваленции наследует яростному желанию огласить все закоулки мира эхом собственного присутствия. Страсть испепеляет, но деньги как раз подобны пеплу, ведь они появляются как след «рокового события», очерчивая экзистенциальный ареал пребывания того, кто возродился из пепла в новом качестве *субъекта* (не таков ли возвращающийся на родину Одиссей, этот предтеча буржуазного Робинзона?). — Но такое истолкование (в кожевском духе «конца истории») заранее предполагает, что Эгиль *с необходимостью* предпочтет «рациональное» решение; однако, как показал Гоголь, решение может быть и прямо противоположным.

Ю.В. Манн отмечает, что поэтика «Мертвых душ» являет собой не только синтез романа Просвещения с «идущей от немецкой классической философии традицией научного систематизма», но содержит в себе еще прямо противоположный элемент — своеобразный «алогизм» [7, 245]⁷, т. е. нечто избыточное; эта избыточность далее связывается с логикой «бокового хода», по точному выражению А. Белого: «...Тройка коней, мчащих Чичикова по России, — предпринимательские способности Чичикова; одна из них — не везет, куда нужно, отчего ход тройки — *боковой ход*, поднимающий *околесину* (“все пошло, как кривое колесо”); с тщательностью перечислены *недолжные повороты* на пути к Ноздреву, к Коробочке...» [7, 263—264].

Вот почему нам, читателям, представляется, что итоговый синтез — всегда в перспективе, «в далеком будущем, на неизвестной пока Гоголю разумной основе» [7, 148]. Но, быть может, Гоголю (не нам) уже известна некая *по-другому помысленная* основа? Может быть, «незаконченность» «Мертвых душ» есть как раз единственно возможная форма их завершения? А.П. Давыдов полагает, что весь потенциал для полноценного синтеза уже есть в Муразове и Костанжогло, этих проповедниках ценностей протестантской этики на Руси [6, 231—236]; весь вопрос в том, однако, насколько истинным представляется этот синтез изнутри имманентного плана гоголевской мысли⁸.

⁷ М.Я. Вайскопф полагает вопрос о философских взглядах Гоголя «сложным и, вероятно, неблагоприятным», но все же в скобках отмечает «предположительно опосредованное знакомство с философией Гегеля и шеллингианством» [10, 48].

⁸ Здесь уместно вспомнить критическое замечание В. Зомбарта в адрес веберовской концепции капиталистического духа: «Протестантизм означает прежде всего серьезную опасность во всех отношениях для капитализма и в особенности для капиталистического хозяйственного образа мыслей» [11, 192].

Иначе рассуждает о природе гоголевского «синтеза» П.М. Бицилли (в статье «Проблема человека у Гоголя»): «Ужас от сознания, что человек может пользоваться своими ближними как мертвыми вещами, как предметами потребления, легко мог привести к идее, что такой человек сам — мертвая вещь. Как таковой он подчинен закону инерции. Его “идея” может в нем “набухаться”, разрастаться в “комплекс” — таков “жизненный путь” Плюшкина, так Хлестаков начинает свою воображаемую карьеру с того, что его приглашают “департаментом управлять” и, наконец, договаривается до утверждения, что его “завтра же произведут в фельдмаршалы”; но она не *развивается*, подобно гегелевской, не доводится до истинного конца, до завершения, выявления полностью ее цели и ее смысла. Вот почему гоголевская комедия, как и комическая повесть, не имеют *развязки*» [12, 715]. Оценка развития сюжета «Мертвых душ» здесь принципиально иная, чем у А.П. Давыдова: «...Нравственное возрождение Чичикова, при содействии такого “общественно-полезного” человека, как Констанджогло, и, наконец, добродетельного губернатора, изображено до последней степени фальшиво. Сам Гоголь, очевидно, осознал это, потому-то и сжег последнюю редакцию второго тома своей “поэмы”. “Мертвые души”, собственно, кончаются на первом томе, т. е. без какого-либо завершения, “развязки”, — по существу точно так же, как и “Повесть” о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем или как “Шпонька»» [12, 716]. — Негегелевское у Гоголя — это скорее марксовское и кьеркегоровское: если момент полной реализации истины («Абсолютного духа») в истории *уже состоялся*, то что остается на долю человеческой экзистенции, кроме ее овеществления в механическом повторении некоего воспроизводственного процесса?

Но следует ли констатировать, что «единственный выход из этой “дурной бесконечности” — смерть, которая в таком случае столь же бессмысленна, как и сама жизнь» [12, 716]? Бицилли все же полагает, что, хотя классический катарсис в трагедии гоголевского типа и невозможен, остается тем не менее в качестве выхода «примирение с жизнью, какова она есть, осознание, что, сколь ни подчинен *всякий* человек началу вечности, все же он не автомат, *а человек*, заслуживающий сочувствия, симпатии, снисходительного отношения» [12, 727].

Дело в том, что Зомбарт мыслит капитализм в ницшеанской перспективе антинигилистического синтеза, поэтому ему важно видеть под «мещанским» покровом формальной рациональности авантюрную природу всякого «предприятия».

* * *

Итак, что же характерно для той формы *синтетического понимания действительности*, которая может быть сегодня усмотрена в гоголевском творчестве и оценена как поразительно актуальная для нашей современности?

Прежде всего, нужно отметить, что гораздо чаще чем синтетизм отмечался аналитизм, присущий взгляду Гоголя. Вот показательные рассуждения Н.А. Бердяева из его «Духов русской революции»: «Гоголь как художник предвосхитил новейшие аналитические течения в искусстве, обнаружившиеся в связи с кризисом искусства. Он предвзвывает искусство А. Белого и Пикассо. <...> Уже Гоголь подверг аналитическому расчленению органически-цельный образ человека. У Гоголя нет человеческих образов, а есть лишь морды и рожи, лишь чудовища, подобные складным чудовищам кубизма. В творчестве его есть человекоубийство». Бердяев видит закономерность этого аналитизма (как метода изображения объективного умножения зла и лжи в современной русской действительности), но полагает такой взгляд односторонним: «духовный вывих» Гоголя — в его неумении раскрыть потенциал человеческой личности: «Он мучительно искал образ человека и не находил его» [12, 574]. Сегодня, однако, когда мы видим, как личностное измерение нашего бытия само всецело превращено в «точку пристежку» (Ж. Лакан), необходимое «алиби» игры рыночных сил («Будь собой, т. е. — уникальной, неповторимой личностью!» — разве не этого от нас требуют сегодня в целях прогресса и роста?), возможно иначе оценить гоголевское предчувствие нахождения синтеза на какой-то иной, не-(до-? сверх-?)личностной основе. Вот почему необходимо *без остатка* погрузиться в посюсторонний ад современной жизни, где, по точному выражению Ж. Бодрийяра, худшим является «не то, что мы завалены со всех сторон отбросами, а то, что мы сами становимся ими» [13, 107]⁹; что, тем

⁹Вот подробное обоснование этого тезиса: «Когда строят образцовые города, создают образцовые функции, образцовые искусственные ансамбли, все остальное превращается как бы в остатки, отбросы, в бесполезное наследие прошлого. Строя автостраду, супермаркет, супергород, вы автоматически превращаете все, что их окружает, в пустыню. Создавая автономные сети сверхскоростного, программируемого передвижения, вы тут же превращаете обычное, традиционное пространство взаимообщения в пустынную зону. Именно так обстоит дело с транспортными артериями, рядом с которыми образуются пустующие территории. Именно так будет обстоять дело и в будущем, когда рядом с информационными артериями образуются информационные пустыни, возникает своего рода информационный четвертый мир — убежище всех изгоев, всех тех, кого отвергли средства массовой информации. К нему добавит-

не менее, отнюдь не означает, что искусство Гоголя есть не более чем «*l'art de raccomoder les restes*», «искусство пользоваться тем, что остается, — остатками, отбросами» [3, 346—347].

В качестве примера можно привести блестящую интерпретацию Ю.В. Манном сцены выбора жениха из «Женитьбы». Вначале мы видим «товарно-вещную» логику, где, вследствие тотального аналитизма синтез может быть введен исключительно как механическая операция суммирования (редукция личности к «рациональному выбору» в рамках «потребительской корзины»): «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась...». Затем, сразу же — переход к операции, которая представляет собой своего рода негативный синтез — речь идет о жребии: «Я думаю, лучше всего кинуть жребий. Положиться во всем на волю Божию: кто выкинется, тот и муж». Ю.В. Манн заключает: «Один и тот же текст дает возможность двойной интерпретации, причем каждая из них поддерживается тенденциями поэтики целого (в первом случае — символикой женитьбы как приобретения товара; во втором — символикой женитьбы как рокового выбора)» [7, 350]. — Очевидно, что почти полная (в эпоху экономизма) тождественность смысла таких понятий, как «приобретение» и «выбор», радикально проблематизируется наложением оппозиции «товара» и «рока».

Конечно, Гоголь — гений пошлости (вот почему Плюшкин — наиболее интимное Альтер-эго писателя: его фамилия получена, возможно, введением мягкого «ль» из имени самого автора «Мертвых душ» в имя «Пушкин»¹⁰); но не следует упускать из виду, что «любая черта,

ся интеллектуальная пустыня, населенная мозгами, оставшимися без работы по причине предельной усложненности самих информационных сетей. Ее будут населять, но уже в неизмеримо большем количестве, потомки тех миллионов безработных, что ныне изгнаны из мира труда» [13, 107].

¹⁰ Ср. знаменитое авторское отступление после посещения Чичиковым Плюшкина: «Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальную свою действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека, который из великого омута ежедневно вращающихся образов избрал одни немногие исключения, который не изменял ни разу возвышенного строя своей лиры, не ниспускался с вершины своей к бедным, ничтожным своим собратьям и, не касаясь земли, весь повергался в свои далеко отторгнутые от нее и возвеличенные образы. Вдвойне завиден прекрасный удел его: он среди их, как в родной семье; а между тем далеко и громко разносится его слава. <...> Но не таков удел, и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей,

даже с карикатурной, чрезмерной резкостью запечатлевшаяся на теле бытия, не принадлежит для Гоголя окончательному виду бытия, — нет, на деле-то, по правде, не так выглядит бытие, а всякая резкая, грубая, карикатурная черта — это момент преходящий, внешний, иной раз — даже знак ему обратного, предвестие грядущего преображения» [14, 313]. Каков же «окончательный вид» того бытия, что подготавливается гоголевской «поэтикой целого»?

Понятно, что «игра стоит свеч» только в том случае, если бытие как продукт определенной формы синтеза будет не только и не столько идентифицироваться с функцией производства и накопления богатства в его капиталистической, т. е. сущностно дефицитарной форме, но прежде всего свидетельствовать о всегда мерцающем на грани исчезновения *изобилии*. Для этого необходимо, чтобы «целое» не проецировалось на части как некий внешний, трансцендентный закон, но было бы их собственным, имманентным произведением. Такую форму онтологического генезиса Ж. Делез (не только наибольший антигегельянец, но и, кажется, вполне «*гогольянец*» среди философов современности) называет дизъюнктивным синтезом, работающим во включающем режиме: «Дизъюнкция, которая остается дизъюнктивной и которая тем не менее утверждает термины дизъюнкции, утверждает их посредством их удаления друг от друга, не ограничивая один термин другим и не исключая один из другого, — вот, быть может, самый серьезный парадокс. “То ли... то ли” вместо “или... или”» [15, 125]. Но именно потому что «личностное», «эгологическое» в нашем существовании всегда уже является функцией «исключающей дизъюнкции» (на которой и основана всякая онтология дефицита, т. е. экономизм), субъект данного бытия должен быть помыслен в иных терминах: «В центре нет Эго, как нет и лиц, распределенных по периметру. Ничего, кроме серии сингулярностей в дизъюнктивной сети или интенсивных состояний в конъюнктивной ткани, а также транспозиционный субъект на этом круге, проходящий через все эти состояния, берущий верх над одними состояниями как своими врагами, наслаждающийся другими как своими союзниками...» [15, 144]. Но — и это самое главное! — транспозиционность и неэгологический характер отнюдь не подразумевают лишения

опулавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неумолимого резца, дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи! Ему не собрать народных рукоплесканий, ему не зреть признательных слез и единодушного восторга взволнованных им душ...».

имени *собственного*, совсем напротив: «Отсюда роль имен и свойственной им магии — нет Эго, которое отождествляет себя с расами, народами, лицами на сцене представления, есть имена собственные, которые отождествляют расы, народы и лица с областями, порогами или эффектами в производстве интенсивных количеств» [15, 141].

Философский язык Делеза — порождение сумерек той эпохи, зарю которой встречал Гоголь (язык последнего, впрочем, также приветствовался отнюдь не всяким современником). И тем не менее — разве герои Гоголя не есть имена не столько персон, сколько трансперсональных событий, порогов становления *единством бытия* — единством, имманентно данным во всякой вещи (даже в отбросах!), а не трансцендентно заданным посредством какой-то привилегированной инстанции. Так (в «Старосветских помещиках» — наблюдение П.М. Бицилли, развитие Ю.В. Манном), самая возвышенная любовь скорее реально, нежели «символически» содержится в столь прозаической, «пошлой» вещи, как мнишки со сметаной; шинель из одноименной повести — не просто объект насущной потребности «вечного титулярного советника», но и индуктор совершенно избыточного желания встать вровень, а то и выше, нежели самое что ни есть «значительное лицо» (опять-таки — не в грезах, а наяву); даже, казалось бы, чисто негативное обстоятельство неспособности Подколесина жениться можно понять как нечто в высшей степени позитивное — зачем тому, кто «каждый день ходит на службу» и экстатически сливается в лице бесстрашного шукаатура со всем русским народом, такая вещь, как «жена»¹¹?

¹¹ В одной из лекций Делез (в «Анти-Эдипе» оперирующий таким понятием, как «машины безбрачия») заявил, что «Бессознательно через свою жену занимаешься любовью с определенным числом экономических, политических и социальных процессов; любовь всегда была средством, благодаря которому либидо достигало чего-то отличного от любимого человека, то есть *целого* (курсив мой, ср. выше о “поэтике целого” у Гоголя. — *А.Л.*) распределения общественно-политического поля. В конечном счете, любовью занимаются с именами истории» [16, 14]. — Поэтому суждение о том, что гоголевские герои всегда пребывают во власти некоторой идеи, «инерционно» (см. выше у Бицилли) следуя ее предписаниям, можно принять только при условии, что всякая истинная идея скорее размыкает границы вещи по направлению к истине их бытия, как бы проблематизирует их внешнюю самотождественность. Следует напомнить, что даже Плюшкин, как убедительно показал В.Н. Топоров в своем анализе, обнаруживает в себе движение, никак не вписывающееся в границы «идеи скряжничества» — например, намерение (пусть и не получившее позитивного развития, но свидетельствующее о «неотменимости первого благородного движения сердца») подарить Чичикову часы (см.: [17, 75]).

Но, конечно, максимальной полноты осуществление данного синтеза достигается в «Мертвых душах», где ономастопозитика перерастает в законченную *онто-логику имени собственного*¹². Ведь Чичиков — это прежде всего Капитан Копейкин: «дизъюнктивный синтез» копейки как реализации отцовского наказа «копить копейку» (вот он, Эдип — только *одно из* имен, причем довольно жалкое: не столько трансцендентный закон потребностей, сколько имманентный агент желания) и копейки же, но теперь как номинации определенной области — Руси, требующей воскрешения «мертвых душ» («жизнь — копейка!»). Чичиков является *то ли* предпринимателем большого стиля, *то ли* великим неудачником (не путать с предметом попечения социальных служб «развитого» общества!), короче — мастером «бокового хода». Ю.В. Манн полагает, что «“Повесть... (о капитане Копейкине. — А.П.)” судьбой ее центрального персонажа формулирует некую альтернативу “копеечному” накоплению — тут поведение персонажа вступает в противоречие с одной из семантических границ его фамилии. Но путь центрального персонажа всей поэмы, Чичикова, иной, не пересекающий ни одну из крайних точек дилеммы и проходящий как бы между ними» [7, 468]. Но как быть с той, по признанию самого Чичикова, дурацкой потерей времени, что имела место вследствие осуществленного им в процессе прочтения списков купленных «мужичков» воскресения их жизнью — пусть, конечно, воображаемого, но разве воображение может быть напрочь оторвано от реальности?

В заключение — о гоголевском понимании религии: насколько оно вписывается в русло изложенной концепции? Комментируя духовную прозу Гоголя, А.П. Давыдов удивляется тому, как «уживаются в его душе противоположности — стремление уйти из мира, прикоснуться к смыслу всеобщего, слиться с идеей Бога-Отца в религиозном экстазе и жесткий расчет, стремление к пользе, выгоде, стремление и умение не дать себя в обман» [6, 221]. Эта раздвоенность гоголевского сознания отражена в двух его главных произведениях о пути к Богу, понимание которого, тем не менее, подобно «одновременному движению поезда в противоположных направлениях»: «В них конкурируют ценность повседневной творческой повседневности и ценность культа как два пути к Богу. В “Выбранных местах” и многих письмах любовь и творчество личности, сливаясь в повседневности, становятся богочеловеческим путем к Богу, Иисусом. В “Размышлениях” иное: культ разводит Бога и человека в разные стороны, Бога — на небеса, человека — на землю, и место встречи — церковь» [6, 248].

Но почему *сегодня* не увидеть в этой разорванности гоголевского сознания бессознательное предвосхищение критики столь любезных

¹² См. подробнее: [18].

А.П. Давыдову социально-этического идеала и соответствующей ему формы синтеза — критики, которая характерна отнюдь не для отечественной, но именно западной, наследующей Просвещению и Реформации мысли? Социально-экономический процесс сегодня базируется, как показал Бодрийяр, скорее на иезуитских (т. е. контрреформаторских) установках, позволяющих «разрешить» противоречие между трудом и потреблением отнюдь не на уровне личности, но как раз напротив — на уровне «общества массового обольщения, стратегии желания масс» [19, 303] (личностное здесь присутствует негативно, как ощущение тотальной симулятивности всех образов персонализации). Возможно, сила Гоголя — в том, что он сопротивляется соблазну «гармонизации» крайних полюсов своего мировоззрения, избегает «точки равновесия» (всех возможных «спросов» и «предложений»), в своем избыточном влечении к смерти старается не попасть в смертельную ловушку «необходимых» и «достаточных» условий жизни как исключительно до- и выживания. Его «расчеты» — непременно «на кучи»¹³, его Бог, даже при самом возвышенном мистицизме — еще и «Бог-желудок»¹⁴. Вот почему «гоголевское» решение — как минимум, неудобнее кризиса, сколь бы глобальным последний ни был.

Литература

1. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М., 2008.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
3. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
5. Рансьер Ж. Разделяя чувственное. СПб., 2007.
6. Давыдов А.П. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. М., 2008.
7. Манн Ю.В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб., 2007.
8. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.

¹³ См. «Выбранные места из переписки с друзьями», глава «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России». Слова «куча» в точных денежных расчетах не свидетельствует о том, что сами «точность» и «рациональность» здесь изначально открыты в отношении чего-то совершенно иного, но иного в *имманентном плане*? Так Ксенофонт в «Домострое» употребляет метафору «хора» в отношении, казалось бы, чисто утилитарных вещей, чтобы показать их изначальную принадлежность *агональной* природе истины космоса.

¹⁴ См. подробнее: [19, 219—227].

9. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997
10. Вайскопф М.Я. Птица тройка и колесница души: Работы 1978—2003 годов. М., 2003.
11. Зомбарт В. Буржуа. М., 1994
12. Н.В. Гоголь: Pro et contra. Личность и творчество Н.В. Гоголя в оценке русских писателей, критиков, философов, исследователей: Антология. Т. 1. СПб., 2009
13. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. № 9.
14. Михайлов А.В. Гоголь в своей литературной эпохе // Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000.
15. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.
16. Делез Ж. Три лекции по «Анти-Эдипу» // <http://www.censura.ru>.
17. Топоров В.Н. Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.
18. Погребняк А.А. Номо оесопотісис на русской земле // Философия хозяйства. 2006. № 2.
19. Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000.
20. Подорога В.А. Мимесис: Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М., 2006.

Ю.М. ОСИПОВ

«Россия, вперед!»*

Аннотация. В статье выражается сомнение в возможности глубокой и масштабной модернизации России без радикальных структурных и институциональных перемен в хозяйстве и обществе, способных создать фундаментальные условия для перехода страны к всестороннему развитию.

Ключевые слова: перестроение, перемены, развитие, модернизация.

Abstract. The article expresses the doubt in possibility of in-depth and scale modernization of Russia without any radical structural and institutional changes of economy and society, that would create fundamental conditions for the country's transition to an all-around development.

Keywords: reconstruction, changes, development, modernization.

* К выходу в свет коллективной монографии: Перестроение России / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. — М.; Волгоград, 2010.

Где-то осенью 2008 г., когда формировался план деятельности на 2009 г. Центра общественных наук при МГУ и лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ, функционирующих в деловом и творческом единении, была выдвинута идея *перестроения России* и сформулирована тема декабрьской международной научной конференции — Малого университетского форума «*Перестроение России: социум, политика, экономика*».

Не сразу, не с первого захода, но постепенно идея была воспринята научным сообществом, а затем и поддержана Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, при поддержке которого в МГУ проходят с 2004 г. Вышеотмеченные конференции-форумы, что позволило обстоятельно подготовиться и успешно провести важное научное мероприятие.

Продуктивной работе форума способствовало сделанное незадолго перед ним заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева о необходимости «глубоких перемен» в России, перехода страны к интенсивному и всестороннему развитию. Однако уже после форума из уст Президента вся страна услышала другое слово — *модернизация*, которое, как водится в России, было воспринято экспертами, публицистическими и деловыми кругами в качестве квалифицирующего, ориентирующего, определяющего и руководящего. Словесно-знаковая опора была найдена, утверждена и незамедлительно принята. На смену *перестройке, реформе и стабилизации* пришла модернизация, вытеснившая таких претендентов на свято место, как *развитие, инновационное развитие* и, увы, только что обкатанное на форуме *перестроение*.

В общем-то, ничего плохого ни в самом по себе слове модернизация, ни в выборе его на роль словесно-знакового политического маяка нет.

Модернизация так модернизация, — лишь бы России было хорошо!

Никак не оспаривая ни самого этого слова, ни того, что за ним может в принципе скрываться: обновление, усовершенствование, рационализация и т. д., важно подчеркнуть, что за модернизацией может стоять как развитие и даже перестроение общества и хозяйства, но может... ничего подобного и не быть, а быть, к примеру, косметический ремонт, подновление, даже и какое-то обновление, но не посредством развития перестроения, а, допустим, заимствования чего-то всего нового извне, да еще и по преимуществу с опорой на внешние, а не на свои собственные, финансовые, интеллектуальные и иные ресурсы. При такого рода модернизации либо ничего существенного в стране не произойдет, либо кое-что и произойдет, но в любом варианте страна не станет собственно *страной развития*, а ежели и обретет вдруг какую-то потенцию к развитию, то лишь к заведомо зависимому развитию, несамостоятельному, подчиненному, второстепенному, субординационному.

И очень похоже, что так оно, примерно, сегодня и выглядит.

Модернизация — тезис внешне и на первый взгляд замечательной, но при этом и... весьма лукавый: модернизировать можно разное, по-разному и с разными целями, более того, можно добиться совершенно разных результатов — и все может быть легко выдано за успешную модернизацию. Мало того, модернизация может вполне сочетаться и с деградацией «модернизируемого» объекта, и с отставанием от себе подобных, и даже с исчезновением, тем более, ежели она не очень целеположенна и мобилизационна и осуществляется в слишком абстрактном — расслабленном, рассеивающемся, расчленяющемся, а то и распадающемся — социально-техническом контексте. Модернизация способна в итоге выступить самым обыкновенным симулякром, каким, к примеру, предстала российская спортивная команда в канадском Ванкувере на зимних Олимпийских играх 2010 г.

Модернизация без собственного самостоятельного развития, как и без перестроения общества и хозяйства, без соответствующей задачам развития и перестроения *мобилизации* сил и ресурсов, без объединяющей и направляющей роли *властного центра*, наконец, без ясного *комплексного стратегического проекта* — не модернизация в возможно более полном смысловом объеме этого понятия-действия, а скорее симуляционного характера мероприятие-процесс, призванное обеспечить выгодное перераспределение национальных финансовых и прочих ресурсов для не склонных к риску и созидательному обновленческому действию столь же симуляционных хозяйственных структур, созданных реформой 1990-х гг. и закрепленных прошедшей в нулевые годы социально-экономической стабилизацией.

Из того, что происходит в политико-экономической жизни страны, можно сделать вывод, что никаких серьезных шагов по изменению возникшей в стране ситуации, а ситуация эта есть не что иное, как ситуация хронического, — структурно-порезформенного происхождения, — кризиса, или же, по-простому — *порезформенного кризиса*, которым не экономика даже поражена, не деньги и не капиталы, а национальное хозяйство и российское общество в целом, уже не предназначенные, кажется, для самостоятельного производства и творчества, а способные лишь потреблять, за счет национальных природных ресурсов производимые вовне блага, пойти на внешнего в основном происхождения модернизацию, результатом которой может в лучшем случае стать возникновение некой модернизированной части национальной экономики, естественно — зависимой от внешнего контекста и определяемой из глобального мирового центра.

Выходит модернизация особого рода, не осуществляемая Россией под нужды и потенциал России, а модернизация, реализуемая по преимуществу внешними силами под приоритеты не собственно России, а мирового контекста!

И хотя провозвестники нынешней модернизации ничего такого, возможно, и не полагают, вполне надеясь получить через десяток лет глубоко и масштабно обновленную Россию, жизнеспособную и суверенную, причем получить в основном чуть ли не усилиями отечественного бизнеса лишь с некоторым участием иностранного капитала, но трудно отделаться от мысли, что ничего подобного частичной и зависимой модернизации не произойдет и произойти не может, тем более, что страна наша, пережив реформу и выйдя на уровень безудержного частного присвоения и накопления баснословных частных богатств, вовсе не отягощена стремлением к столь же безудержному развитию, которое никому в *этой стране* просто не нужно!

Вот поэтому-то мы склонны полагать, что модернизация, не сопровождаемая глубоким и масштабным *перестроением пореформенных хозяйства и общества*, — в лучшем случае иллюзия, а в худшем — попросту блеф.

Что ж, ближайшие два-три года покажут, что же выходит на самом деле в России, — и очень бы хотелось, чтобы восторжествовала провозглашенная правящими кругами модернизация, никого особенно не затрагивающая и никому ничем не угрожающая, всех вполне устраивающая, а главное, не заставляющая ни думать, ни творить, ни строить, ни страдать, как и ни за что не отвечать, и чтобы форум, прошедший в МГУ в декабре 2009 г., оказался бы не прав — зачем беречь едва управляющуюся от жесточайших реформных ударов страну, жаждающая ее *постреформенного* выздоровления и коренного обновления, появления на карте мира самостоятельной, суверенной и совершенствующейся России, ежели только-только разместились обогатившиеся и не очень граждане по социо-экономической пирамиде и только-только зажили, коснувшись вдруг откуда-то выпавшего потребительского изобилия и наезжая, как белые люди, на ставшие вдруг доступно мировые курорты?

Настоящая коллективная монография содержит материалы международной научной конференции — Малого университетского форума, проведенного 2—4 декабря 2009 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по теме «*Российское перестроение: социум, политика, экономика*». В монографии представлены труды российских и зарубежных ученых, в которых отражены различные аспекты подлежащего назревшим переменам российского бытия. В любом случае книга эта — памятник мысли, а вот насколько реалистичный и прозорливый, покажет время и, заметим, не самое далекое!

Россия, вперед!

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Теоретическая модель социализма в учебниках и научных трудах

Аннотация. В статье систематизированы результаты работы круглого стола проблемной группы «Воспроизводство и национальный экономический рост» кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по теме «Теоретическая модель социализма в научных трудах и учебниках по политической экономии в 1950—1980-х гг.». Рассмотрены проблемы: теоретическая модель социализма в учебниках и научных трудах, соотношение универсального и национального в политической экономии социализма, этапы развития политической экономии социализма и др.

Ключевые слова: теоретическая модель социализма, политическая экономия социализма, теория национальной экономики, теория межотраслевого управления, теория социалистического хозрасчета.

Abstract. The article systemizes the research results of the round table «Theoretical model of socialism developed in economic manuals and research papers in 1950—1980s» held by the Work Group on Reproduction and the National Economic Growth, Chair of Political Economy, Economic faculty, Moscow State (Lomonosov) University. The issues discussed include: theoretical model of socialism, universal Vs national aspects of the political economy of socialism and stages of its development.

Keywords: theoretical model of socialism, political economy of socialism, theory of national economy, theory of intersectoral management, socialist theory of economic accounting.

Проблемная группа «Воспроизводство и национальный экономический рост» кафедры политической экономии экономического факультета МГУ совместно с Центром экономики знаний, с участием представителей других кафедр и лабораторий экономического и других факультетов МГУ, а также ряда московских вузов и научных учреждений провела в конце декабря 2009 г. круглый стол по теме: «Теоретическая модель социализма в научных трудах и учебниках по политической экономии в 1950—1980-х гг.» (в связи с 55-летием первого издания учебника «Политическая экономия» под редакцией К.В. Островитянова).

Открывая заседания круглого стола, руководитель проблемной группы заслуженный деятель науки, проф. **В.Н. Черковец** (МГУ) назвал отмечаемую дату знаковой в развитии политической экономии, в

том числе политической экономии социализма, и предложил участникам круглого стола в своих выступлениях акцентировать внимание на анализе того научного наследия, которое было создано в советские годы, и что из него не потеряло своей значимости для настоящего времени. В своем вступительном слове проф. Черковец затронул широкий круг проблем, связанных как с историей выхода в свет учебника политической экономии 1954 г., так и с влиянием этого события на последующее развитие политической экономии в нашей стране и за рубежом.

Проф. **Б.П. Плышевский** (ГУУ) остановился на некоторых методологических подходах, содержащихся в учебнике 1954 г., и их влиянии на структуру и содержание более поздних учебников. Для всех учебников политической экономии, издаваемых в нашей стране, отметил он, было характерно опираться на марксистские традиции, их развитие Лениным. При этом было бы неверно утверждать, что в учебниках излагалось лишь некое идеальное представление о социализме, не имеющее отношения к действительности. Все авторы опирались на практику нашей страны, на реальные процессы экономической жизни, и в учебниках делались попытки отразить новые явления, новые подходы к решению задач, возникающих на том или ином историческом этапе: в 1960-е гг. — это закономерности развития социализма в СССР и других странах, преодоление противоречий, свойственных этой стадии, в 1970-е — крен на эволюционное развитие, повышение эффективности производства и управления, в 1980-е — проблема использования товарно-денежных отношений, что нашло отражение в учебнике Медведева. И, конечно, требует специального изучения, что можно отнести из прошлого к научной теории социализма, а что нет. В те годы был создан определенный научный задел, который может быть полезен и в новых условиях: это учение о планомерном развитии, теория социалистического воспроизводства, теория социально-экономической эффективности и др. Касаясь судьбы социализма, Б.П. Плышевский отметил, что социалистическая идея не умерла и сегодня продолжает существовать, и в этом отношении интересен для нас опыт Китая и ряда других стран, но, к сожалению, в России с начала 1990-х гг. экономическая теория начала играть на чужом поле, в то время как в мире марксистские традиции продолжают жить и находят большое количество последователей, о чем свидетельствует возросший в последнее время интерес к наследию К. Маркса.

Проф. **Э.П. Дунаев** (МГУ) отметил, что выход в свет учебника политической экономии в 1954 г. безусловно явился важным событием в научной жизни нашей страны. Ведь до этого не существовало систематического изложения экономической теории социализма, и этот

первый опыт системного очень трудно вырабатывался. Касаясь дискуссии 1951 г., выступающий отметил, что большим ее достижением была постановка вопроса о действии объективных экономических законов социализма, что и нашло отражение в учебнике. В то же время, заметил он, с точки зрения сегодняшнего дня и сегодняшнего уровня науки можно предъявить много претензий к этому учебнику, и, прежде всего, необходимо отметить, что метод Маркса в нем применен слабо. Это нашло отражение в структуре учебника, места в нем социалистической собственности. Когда собственность стоит впереди — все можно оправдать! Однако, заметил Э.П. Дунаев, несмотря на несовершенство структуры учебника 1954 г., в нем, за исключением места собственности, систематизация была более понятна, чем в современных учебниках по экономической теории, где все темы можно переставлять местами, так как отсутствует всякая научная систематизация. С этой точки зрения, подчеркнул выступавший, «Курс политической экономии» под редакцией Цаголова являет собой пример научной систематизации, хотя и в нем не все безупречно. Касаясь вопроса о том, что можно взять из прошлых лет для создания современного учебника политической экономии, Э.П. Дунаев отметил разработку таких проблем, как планомерность, формы хозяйствования (натуральная, товарная, планомерная), социально-экономическая эффективность общественного производства и ее критерий — интегральный фонд потребления и другие проблемы. Разработки прежних лет и сегодня могут быть полезны для решения таких проблем, как обеспечение эффективности общественного производства в современной России, сохранение и развитие человеческого потенциала, определение того общества, которое идет на смену капиталистического общества и др.

Докт. экон. наук **А.И. Колганов** (МГУ) подчеркнул, что издание в 1954 г. учебника по политической экономии под грифом Института экономики Академии наук СССР было несомненным шагом вперед, отразившем значительную подготовительную работу, проделанную советскими экономистами с конца 1930-х гг., и в особенности итоги экономической дискуссии 1951 г. В этом учебнике впервые было представлено целостное отображение хозяйственной системы советского общества, сформулирован целый ряд объективных экономических законов, действующих в этой хозяйственной системе. На советскую систему хозяйства было распространено понимание экономической системы как системы производственных отношений. Была создана основа для изучения в высших учебных заведениях политической экономии в широком смысле слова.

Однако, как это ни парадоксально, наибольший толчок дальнейшему развитию экономической теории дали не столько научные достижения, отображенные в этом учебнике, сколько его недостатки.

По мнению А.И. Колганова, в силу общественно-политических условий, в которых формировался этот учебник, в нем был сделан очевидный шаг назад по сравнению с методом К. Маркса, примененным в «Капитале», — учебник не выражал экономическую систему социализма через диалектическую систему экономических категорий. Само понятие политической экономии социализма, утвердившееся в этом учебнике, было результатом не столько развития экономической теории, сколько, напротив, прекращения научных дискуссий между сторонниками ограничительного и расширительного толкований предмета политической экономии. Как в разделе, посвященном политической экономии капитализма, так и в разделе, посвященном политической экономии социализма, присутствовала догматизация целого ряда положений экономической теории марксизма, приводившая к искаженным представлениям о действительности.

В результате появилась настоятельная потребность в исправлении и совершенствовании достигнутого. В течение последующего десятилетия появился целый ряд новых учебников политической экономии, в том числе вышедший в 1963 г. двух томный учебник под редакцией Н.А. Цаголова, отражавший новый уровень овладения теорией и методологией марксистской политической экономии. Непрерывные научные дискуссии в среде советских политэкономов и философов, ведшиеся с конца 1950-х гг., позволили значительно углубить понимание метода и теории, содержащихся в «Капитале» К. Маркса, обогатить понимание экономических реалий социализма. Но в любом случае, отметил А.И. Колганов, учебник 1954 г. сыграл роль своего рода исходной базы, от которой отталкивались последующие научные достижения.

Оценивая учебник 1954 г. и его последующее развитие в советских учебниках политэкономии, проф. **В.М. Кульков** (МГУ) обратил внимание на то, что нельзя сводить данный рубеж отечественной экономической мысли только к пассивной реализации марксистской, формационной парадигмы. Мало кто обращает внимание на то, что многие изыскания советских политэкономов находились в общемировом русле поисков решения универсальных теоретических проблем. Так, экономикс в рамках неоклассического синтеза делал попытку соединить либеральную микроэкономику с кейнсианским макроэкономическим уровнем; а отечественные экономисты того же времени были заняты сочетанием общенародного и хозрасчетного уровней хозяйствования, в более широком аспекте — планомерного производства и

товарно-денежных отношений, что было представлено в «Курсе» Цаголова и ряде других учебников. В западной теории закрепляется термин «чистое экономическое благосостояние» как дополнение к ВВП; а в советской политэкономии идет активная разработка проблематики основного экономического закона, в котором материальный аспект благосостояния сочетается с нематериальным (свободное время и т. п.). В рамках неонституционализма развивается теория прав собственности с пониманием собственности как расщепляющегося «пучка правомочий»; советские политэкономы (прежде всего школы Цаголова) выходят на такую трактовку собственности, при которой последняя закрепляется за разными уровнями экономических отношений, также подвергаясь своеобразному расщеплению. Таким образом, можно обнаружить сопряжение ряда разработок советских и западных экономистов, работавших примерно в один и тот же период в рамках разных парадигм. При этом, отметил выступающий, явно видны недооцененные конкурентные возможности первых из них: по части системности анализа, сочетания с генетическим подходом, дифференциации разных групп экономических отношений.

По мнению В.М. Кулькова, советская политэкономия имела и признаки теории национальной экономики, отражая ряд национальных особенностей страны, что проявилось (несмотря на формационную риторiku) в учете особенностей национального экономического мышления, в национальном стиле исследования, для которых характерен акцент не только на «сущем», но и на «должном», в особом внимании к социальной стороне экономики, к роли неэкономических факторов, к общенациональному уровню системы и т. п. Трудовая парадигма, лежащая в основе советской политэкономии, как указал выступавший, способна в большей степени отразить некоторые особенные черты отечественной экономики, чем обменно-полезностная (неоклассическая) парадигма, в большей степени адекватная реалиям западного общества потребления. Некоторые экономические законы, трактуемые в советской политэкономии как формационные, были, скорее, завуалированным выражением специфических законов национальной экономики, которая в силу объективных причин требует большей регулируемости экономических процессов, большей общественной консолидации и социальной устойчивости.

Проф. С.С. Губанов (журнал «Экономист») подробно остановился на опытах создания учебников политической экономии в довоенное время — их было достаточно много, и во многих из них были разделы об экономике переходного периода. Но после 1936 г., после принятия Конституции СССР, в учебниках уже появляются разделы о социализме, а позднее, после 1950-х гг., выходит целая серия учебников и учеб-

ных пособий по политической экономии социализма. Губанов акцентировал внимание на том, насколько научна оценка советской реальности в этих учебниках. Он напомнил, каких усилий стоило В.И. Ленину, М.И. Туган-Барановскому и др. исследование развития капитализма в России. Эти исследования проводились на основе привлечения огромного фактического материала, что позволило научно доказать, что капитализм в России развивается. По мнению Губанова, вывод об окончании переходного периода и построении социализма в нашей стране к 1936 г. не имел под собой равноценной аналитической и теоретической базы. «С моей точки зрения, — сказал Губанов, — мы дальше отношений госкапитализма не продвинулись». Касаясь работ и учебников послевоенных лет, Губанов заметил, что в них присутствуют и идеология, и наука. При этом возникает вопрос, насколько идеология была адекватна реальности того времени. И если она не отражает реальные процессы в обществе, в таком случае идеология мешает развитию науки! Губанов заключил, что советский опыт — это бесценный опыт, и его следует изучать, ибо без этого трудно понять нашу историю и реалии сегодняшнего дня. И в этом нам помогут экономические исследования прошлых лет.

Проф. **Р.Т. Зяблюк** (МГУ) подробно остановилась на вопросе об актуальности политэкономии социализма в настоящее время, отметив, что социалистическая экономика важна потому, что она максимально выражала национальные особенности страны и общенациональные интересы. Ее эффективность пока не достижима для современной рыночной экономики России. Актуальными положениями политэкономии социализма, отразившей социалистическую эпоху, являются, по мнению Р.Т. Зяблюк, следующие.

Во-первых, воспроизводственный подход, согласно которому основной сбалансированный развития рыночной экономики служат основные пропорции производства, а выбор субъектами экономики товаров и технологий произведен от них.

Во-вторых, теория межотраслевого управления на основе межотраслевых балансов, что гораздо эффективнее конкурентного входа и выхода фирм по отраслям, сопровождающегося растратами ресурсов и времени. Россия, будучи родиной планирования, сейчас в использовании этого инструмента оказалась далеко позади развитых стран. Необходимо повысить роль планирования и прогнозирования, поскольку расчетные показатели межотраслевого баланса позволят посредством рыночных стимулов согласовать интересы частного сектора с общенациональными.

В-третьих, для повышения эффективности госсектора актуальна теория социалистического хозрасчета. Сейчас госсектор управляется

крайне неэффективно. Доходы от него в госбюджете составляют всего 1,5%. Госпредприятия часто функционируют как частные, т. е. максимизируют прибыль управляющих.

В-четвертых, для определения предельного уровня регулируемых цен, что широко распространено в современном мире, актуальна теория планового ценообразования, поскольку в противном случае регулируемая цена определяется на основе эмпирических оценок.

В-пятых, бюджетно-налоговая политика России сейчас является фискальной. Ее необходимо наделить стимулирующей функцией. В социалистические времена постоянно велся поиск стимулирующих производственную эффективность форм распределения совокупного продукта. В этой связи социалистическая теория распределения и теория государственного бюджета актуальны и для современной экономической политики России.

Доц. **В.Т. Рысин** (МГУ) отметил, что политическая экономия в середине прошлого столетия развивалась почти исключительно трудами советских экономистов. Так называемые буржуазные экономические теории развивались встречно-параллельным курсом, акцентируя внимание на эконометрическом анализе, создавая новые, хотя и значимые, но не политэкономические концепции — постиндустриализм, институциональные теории, пограничные с экономической теорией частные концепции (теория игр, теории общественных благ и др.).

Что касается политической экономии, то в любом своем искреннем, чисто научном проявлении она задевала существовавшую политическую систему и была обречена на самоограничения. Поэтому основные результаты сводились к выработке более современного понимания марксистского анализа капитализма и его последующих, империалистических, форм. Исследование социалистических начал слишком часто подменялось ретроспективным обоснованием все более догматических партийно-государственных решений, опуская политическую экономию до уровня обычной пропаганды и даже наукообразного мифотворчества.

Однако в науке, как известно, не бывает отрицательных результатов. Поэтому и учебник К.В. Островитянова, и более поздние учебники, и авторские исследования того времени занимают свое законное место в истории экономических учений. При этом некоторые разработки советских политэкономов, например, в области государственного планирования как способа регулирования хозяйственных отношений, проектирования систем социальной защиты, принципов коллективного ведения производственной деятельности, некоторых функций государства в экономике и др. оказали заметное влияние на мировую практику.

Свое выступление доц. **З.А. Грандберг** (МГУ) также начала с оценки учебника 1954 г., отметив, что его главным достоинством было признание объективности действия законов социализма. В то же время социализм как социально-экономический строй не был представлен в виде системы законов и категорий, подобной системе капитализма в «Капитале» К. Маркса. Эта задача решалась позднее в «Курсе политической экономии» в двух томах под редакцией Н.А. Цаголова, в котором экономическая система социализма была представлена как сложная многоуровневая система.

Именно исходя из особенностей методологии исследования социалистической системы, в «Курсе» решался вопрос о соотношении плана и рынка. Там не ставился вопрос: план или рынок, поскольку проводилось различие отношений способа производства и отношений более конкретного уровня, которые также вполне объективны. По корневым основам социализм не мог быть рыночным, рыночной системой. Но рыночные, товарно-денежные отношения существовали при социализме и играли важную роль. Стремясь к тому, чтобы его лучше поняли оппоненты, Цаголов в третьем издании «Курса» формулу «товарные отношения при социализме» заменил формулой «отношения товарного производства при социализме». Этим он подчеркивал, что товарные отношения при социализме не только реальны, действительны, но и должны в полной мере использоваться в интересах развития производства, в системе хозрасчета. Грандберг отметила, что справедливость позиции «Курса» в дискуссиях по проблемам товарного производства в 1970 — 1980-е гг. получила полное подтверждение в ходе рыночных реформ 1990-х гг. Следствием этих реформ стала победа капитализма в нашей стране, причем в его самом неприглядном — криминальном, олигархическом — виде.

Другой пример — рассмотрение проблемы собственности, в том числе и собственности на средства производства. В учебнике под редакцией К.В. Островитянова собственность рассматривается как отдельное, исходное и определяющее, предваряющее всю систему производственных отношений социализма. Для авторов «Курса», различающих условия перехода к социализму и саму систему сложившегося социализма, собственность отнюдь не является отдельным отношением, но существует, проявляется и проверяется (!) всей системой отношений социализма, существует на всех ее уровнях.

З.А. Грандберг выступила также против отрицания реальности социализма, существовавшего в нашей стране, независимо от того, как аргументируется эта позиция: ссылками на низкий уровень благосостояния советского народа по сравнению, в частности, с развитыми капиталистическими странами Европы, или тем, что в СССР не был реализован

ленинский план развития госкапитализма. Социализм в СССР реализовывался, прежде всего, в планомерном развитии страны, в целенаправленных программах роста общественного благосостояния (бесплатность и доступность образования, здравоохранения, организации детского отдыха, относительная доступность жилья и т. п.). Но, конечно, требует дальнейшего исследования и объяснения сам факт практически одновременного крушения социализма в СССР, как и самого СССР.

Доц. **А.М. Белянова** (МГУ) дополнила сведения из истории разработки политической экономии социализма, напомнив, что после Революции возникла потребность в новых учебниках, основанных на теории К. Маркса. И в 1920-е гг. появилось множество учебников, структурно воспроизводящих «Капитал» К. Маркса. В некоторых из них были разделы об империализме и переходном периоде, например в учебном пособии И. Лapidуса и К. Островитянова «Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства». Однако вплоть до 1930-х гг. имела место точка зрения, идущая от Р. Люксембург и Н. Бухарина, что предметом политической экономии может быть только капиталистический способ производства, при котором существует фетишизация производственных отношений, и конец капитализма будет концом политической экономии. Против ограничительной версии в те годы выступали А. Богданов, И. Степанов, Д. Розенберг и др., но все же эта версия, по выражению Н.А. Цаголова, сыграла роль «крупнейшего методологического барьера», который рухнул после выхода XI Ленинского сборника, где была дана критика названного положения. Белянова заметила, что уже в начале 1930-х гг. появляются работы, в которых ставится вопрос о создании политической экономии социализма. В этом отношении интересна статья Н.А. Вознесенского «К вопросу об экономике социализма», опубликованная в журнале «Большевик» (1931, № 23—24, 1932, № 1—2), где излагаются основы политической экономии социализма. А до этого речь в основном шла о разработке теории советского хозяйства. Этому были посвящены, в частности, ряд статей Л.М. Гатовского. Определяя предмет политической экономии социализма, Вознесенский писал, что «политическая экономия социализма является учением о расширенном воспроизводстве социалистических производственных отношений», при этом политическую экономию социализма он рассматривал как часть «будущей теоретической экономии коммунизма». По мнению Вознесенского, она должна включать проблему внутренних противоречий социализма, проблему труда и производительности труда, воспроизводства, эффективности, товарно-денежных отношений при социализме. Это последняя оказалась одной из дискуссионных проблем на всем протяжении советских лет. Отечественные экономисты так и не пришли к единой точке зрения по вопросу природы, места и роли товар-

но-денежных отношений при социализме. И, несмотря на то, что в «Курсе» Цаголова от издания к изданию усиливалась аргументация по этим вопросам, она не всеми была воспринята и поддержана. И если в «Курсе» утверждалось, что природа товарно-денежных отношений генетически не связана с социалистическими производственными отношениями, что не отношения товарного производства являются определяющими для социалистического производства, то имели место и другие трактовки, в том числе утверждение, что социализм есть система товарного производства. По мнению выступавшей, незавершенность дискуссии по проблеме товарно-денежных отношений и ряду других проблем позднее отразилась на разработке концепций реформирования социалистической экономики, на выборе модели экономического развития страны.

Канд. экон. наук **В.М. Ким** (издательство «Большая российская энциклопедия») обратил внимание на то, что отмечаемая дата наводит и на размышления по поводу подготовки специалистов в области экономики и экономической теории. «Я глубоко убежден, — сказал он, — в абсолютной необходимости в профильных вузах изучения экономической теории К. Маркса, которая независимо от идеологических воззрений представляет собой необходимое звено в научном познании мира». В последнее время, сказал выступавший, наблюдается рост различных видов интеллектуальных занятий, представители которых относят себя к политэкономам, к специалистам в области экономической теории, вторгаясь в пространство экономической науки, будучи специалистами в психологии, эстетике или физике. По мнению Кима, сообщество профильных исследователей в этих условиях обязано четко очертить предмет своего интереса, предмет своей науки, чтобы не потерять возможность адекватно отражать в теории реалии экономической жизни. Выступавший высказался за необходимость вернуться к таким завоеваниям политэкономической мысли, как учение о производительных силах и производственных отношениях — их соотношение, их состояние и развитие в современной России. В связи с этим В.М. Ким отметил важность эвристического потенциала экономической категории «способ производства», которая позволяет, по его мнению, четко очерчивать качественные ступени всей человеческой истории со стороны ее существенного критерия — состояния материальных условий человеческой цивилизации.

Работа круглого стола завершилась развернутым выступлением проф. В.Н. Черковца по ряду проблем, предложенных к обсуждению¹.

А.М. Белянова,

¹ См. статью: Черковец В.Н. К характеристике политической экономии социализма.

И.М. Теняков

* * *

2 марта 2010 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Философско-хозяйственное осмысление новых мировых тенденций: социум, экономика, геополитика, культура (мониторинг мнений)». На семинаре выступили доктора наук Ю.М. Осипов, А.Г. Дугин, Н.А. Шапиро (СПб.), Н.Б. Шулевский, кандидаты наук Е.В. Косов, А.И. Фурсов, Е.В. Шелкопляс (Иваново), соискатель И.И. Рудяк, предприниматель В.И. Стасевич.

* * *

23 марта 2010 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Аскетизм как феномен культуры и хозяйства в контексте современности», в котором приняли участие доктора наук Ю.М. Осипов, С.П. Макаров, Г.Р. Наумова, И.В. Пшеницын, И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский, кандидаты наук О.В. Доброчеев, С.А. Ермишина, П.П. Жуликов, В.К. Петров, Д.Л. Родзинский.

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

Цена в современной экономике: практика, теория, концепция

Что есть цена в современной экономике? Ценность, оценка, сравнительная значимость, товарный знак, экономический сертификат? Качество цены, ее количественная определенность. Динамика цены. От товара или на товар. Закономерности ценообразования и ценовая воля. Объект цены. Субъекты цены. Цена как сила — притяжение, отталкивание, утверждение, разрушение. Что же такое цена?

6 апреля 2010 г., вторник, в 15 часов
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

Ломоносовские чтения — 2010

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Инновационное развитие экономики России:

роль университетов

Секция лаборатории философии хозяйства

**«Мобилизационный потенциал для инновационного
развития национальной экономики»**

Главные препятствия на пути перехода России к инновационному типу хозяйства лежат не в финансовой и не в технологической областях, хотя и в них есть свои проблемы, а в социальной и институциональных сферах, сориентированных не на производство, труд и творчество, не на производительный рост и научно-техническое развитие, а на гедонистическое потребление, обеспечиваемое за счет эксплуатации природы, населения и ранее созданной материально-технической базы. Выйти на инновационный путь — придать российскому социуму, национальному государству и отечественному предпринимательству ясно выраженный производительный и инновационный характер, что требует не только мобилизации всех конструктивных сил, но и соответствующей социально-культурной переориентации российского социума наряду с крупными институциональными переменами.

22 апреля 2010 г., экономический факультет МГУ

Публикуем статью профессора А. Бэттлера (США), присланную в преддверии конференции.

А. БЭТТЛЕР

Российская наука в грезах и реальности

Аннотация. В статье анализируется состояние современной российской науки на фоне основных государств мира, а также в сравнении с наукой периода Советского Союза. Результаты анализа приводят автора к выводам, что объявленная руководством РФ политика инно-

вазии и модернизации общества в настоящее время невозможна в принципе, исходя из нынешнего положения дел в науке и технике.

Ключевые слова: Россия, США, наука, образование, НИОКР, инновации, модернизация.

Abstract. The article examines the state of modern Russian science against the background of major nations of the world, as well as comparison with the science of the period of the Soviet Union. The analysis leads the author to the conclusion that the leadership of Russia declared policy of innovation and modernization of society is currently impossible in principle, based on the current situation in science and technology.

Keywords: Russia, U.S., science, education, research and development (R&D), innovations and modernization.

Введение

Модернизация, инновация, нанотехнологии стали самыми популярными словами в современной России. Кремлевский чиновник Владислав Сурков в интервью газете «Ведомости» даже описал намерения правительства построить суперсовременный научный городок с населением под 30 тыс. человек, по сравнению с которым аналогичные городки в Силиконовой долине США выглядят как архаика. Как не без иронии отметил английский журнал «Экономист», это не пародия, а план Кремля. Правда, интервью было озаглавлено: «Чудо — возможно». По крайней мере, российские руководители в него верят. Точно так же они верили и в сообщения спортивных чиновников о предстоящих победах на Олимпиаде в Ванкувере. Потрясающая неадекватность в реальности напоминает поведение советского руководства в последние годы своего существования.

Пример. Когда-то неграмотные советские руководители, клонув на миф о создании Тихоокеанского сообщества, который в их головах воспринимался как восточный филиал НАТО, угрожали миллиарды долларов на борьбу с этим несуществующим сообществом. Более того, такое «сообщество» в принципе нельзя было создать всего лишь из-за одного слова — «Тихоокеанское», поскольку никто не мог объяснить, какие государства могли бы быть отнесены к Тихому океану (многие из предполагаемых стран одновременно выходят и на Индийский, и на Атлантический, и даже на Северный Ледовитый океаны). Однако непонимание реальностей мира политиками — всего лишь следствие непонимания ученых, в данном случае международников, которые заблудились в этих реальностях. Эти миллиарды гробились «благодаря» таким ученым, как Е. Примаков и М. Титаренко, твердящим о возникновении «Азиатско-Тихоокеанского региона» («АТР») как некой международной целостности, который, дескать, станет центральным к

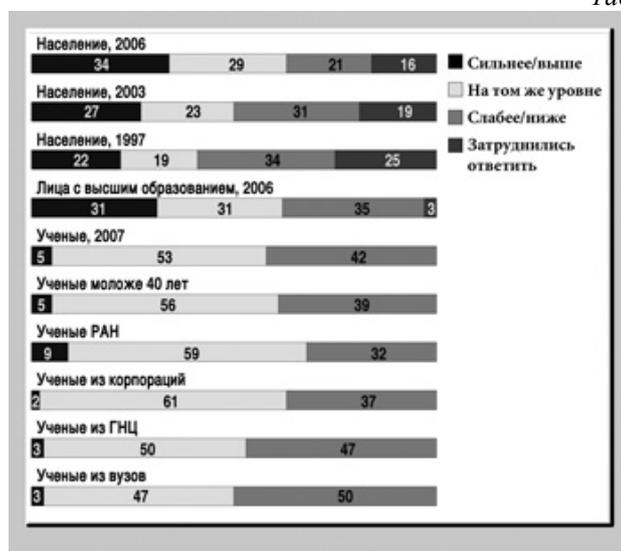
началу XXI в. — Не стал. И не станет, поскольку термин «АТР» не смог превратиться в понятие, т. е. за ним не стояло объективной реальности. Стояла же обыкновенная пропагандистско-идеологическая мишура, на которую клюнули упомянутые академики (заставляя не менее десятка востоковедов разрабатывать ахинею об «АТР»), а за ними и руководители «партии и правительства», особенно Горбачев. И таких примеров десятки, когда из-за неадекватных представлений о мире на обслуживание мифов тратятся миллиарды, если не триллионы долларов. В нынешней России степень подобной неадекватности увеличилась на порядки.

И подтверждают мой вывод опросы самих ученых о месте России в мировой науке. Их результаты меня поразили не меньше, чем упования на «чудеса» кремлевских руководителей.

Ученые о месте российской науки

В «Независимой газете» (от 25 июня 2008 г.) появилась статья с результатами опроса на этот счет. Вот что там говорится: «Исследовательская группа из Института статистических исследований и экономики знаний Государственного университета — Высшей школы экономики недавно завершила по-своему уникальный проект — “Обследование условий работы ученых и привлекательности научной карьеры”».

Таблица 1

Очень хорошо. Населению и ученым задавались такие вопросы: «Как бы вы оценили современный уровень отечественной науки в сфере ваших научных интересов по сравнению с мировым уровнем?». Варианты ответов: выше мирового уровня; соответствует мировому уровню; ниже мирового уровня. Вопрос к населению: «Как вы считаете, Россия сильнее или слабее развитых стран мира в области научных исследований?». Варианты ответов: сильнее; на том же уровне; слабее.

Хотя вопросы заданы как бы по-разному, на самом деле они совпадают: «отечественная наука» = «Россия в области научных исследований». Ответы представлены в табл. 1 (ГНЦ — Государственные научные центры).

Это уникальная таблица. Наверняка она с погрешностями (как и любая общественная статистика), но в ней в любом случае отражен порядок.

Итак, формально «население» в несколько раз оценивает науку в России «сильнее/выше» мировой, чем ученые. На самом же деле «сильнее/выше» и «на том же уровне» по своему качеству почти не отличаются. (В нюансах, естественно, никто не разбирался.) И тогда получится, что и население (50%), и ученые (58%) практически одинаково высоко оценивают уровень отечественной науки. А ученые РАН (68%) даже значительно опережают в оценках население. В другой таблице уточняется оценка ученых из разных институциональных организаций, но в среднем получается, что около 60% респондентов считают, что уровень отечественной науки «выше и на уровне мирового».

Такое совпадение, как минимум, свидетельствует об одинаковом уровне знания «ученых» и «населения» относительно науки. Иначе говоря, мои знания о «сфере моих научных интересов» серьезно не отличаются от знаний «населения» о моих же научных интересах. Не правда ли, любопытно.

Газета не приводит критерии, по которым респонденты оценивали уровень науки: по количеству открытий в фундаментальных областях? по количеству лауреатов Нобелевских премий? по количеству ученых вообще, в той или иной области в частности? по финансированию науки? по количеству патентов и изобретений?

Предполагаю, что никаких критериев и не было. А было так, на глазок, *вообще*. Что нормальное явление для России. На самом же деле и «население», и «ученые» навешали себе лапшу на уши. И в отношении себя, и в отношении «мира».

Эта тема подробно разбиралась у меня в монографии «Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала)» (Москва, Изд-во ЛКИ, 2008), одну главку из которой в несколько измененном и сокращенном варианте я хочу воспроизвести ниже. Она нужна для того, чтобы срав-

нить уровень советской науки с уровнем, к которому скатилась нынешняя наука.

Общество и наука: достижения и проблемы

Ученые постоянно сталкиваются со сложностями подсчета «науки»: что считать? кого считать? и т.д. Тем не менее науковеды изыскивают те или иные индикаторы, которые позволяют по крайней мере выявлять некоторые тенденции.

Так, английский науковед Джон Зиман на базе обработки большого статистического материала сделал вывод: «Если считать логарифмически, то эти цифры хорошо ложатся на простой закон: “размер” науки постоянно удваивается каждые 15 лет. За столетие это означает увеличение в 100 раз. То есть на каждую научную работу или на каждого ученого в 1670 г. приходилось 100 работ в 1770 г., 10 000 — в 1870 г. и 1 000 000 — в 1970 г. Экстраполяция назад не совсем аккуратна, существуют флуктуации на основной кривой, но как общее описание она верна — со всеми этими погрешностями. Будет или нет, но предполагается, что в 2070 г. количество ученых достигнет цифры 100 млн или около того и 10 млрд в 2170 г.»

Насчет 2170 г. не уверен, что прогноз верен, поскольку многие демографы уверяют, что уже сейчас изменилась демографическая ситуация в мире: рост населения через некоторое время должен прекратиться. Что же касается 2070 г., то Зиман, похоже, прав, поскольку в настоящее время общее количество ученых, по самым грубым прикидкам, составляет около 35 млн человек. Здесь, правда, вновь возникает одна непростая проблема: кого считать ученым.

Для Зимана, видимо, проблем нет, поскольку, по его мнению, «быть ученым — значит осуществлять исследования», т. е. ученый — это исследователь. Я думаю, что такая формулировка неверна, поскольку исследователей, «прикладников» — тьма, а ученых — единицы. Причем даже среди них ученый ученому рознь. Однако для статистики определение Зимана достаточно плодотворно, тем более что в качестве участников научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) статистика включает именно исследователей, в качестве которых обычно называют ученых, инженеров и технический персонал. (Иногда в таблицах ограничиваются первыми двумя группами.)

В общем-то в нынешнее время, скорее всего, два индикатора (количество вовлеченных в НИОКР и затраты на эти работы) дают общее представление о развитии или неразвитии науки и техники. При этом нужно учитывать, что стоящие за этими индикаторами цифры весьма относительны, и их следует воспринимать как показатели тенденции. Приступим к рассмотрению некоторых цифр из этой сферы.

Есть смысл обратиться к фундаментальной работе группы ученых из Университета ООН, собравшей немалый статистический материал по развитию науки и технологий с упором на развивающиеся страны. И хотя работа опубликована в 1994 г., в ней обозначена важная для данной книги динамика развития НИОКР (табл. 2).

Таблица 2

Распределение расходов на НИОКР, в %, в текущих ценах

	1973	1980	1988
<i>Развивающиеся страны</i>	2,8	6,5	3,9
Латинская Америка и Карибы	0,8	1,7	0,7
Африка (исключая арабские страны и ЮАР)	0,1	0,3	0,1
Арабские страны	0,2	0,4	0,1
Азия (исключая арабские страны, Японию и Южную Корею)	1,7	4,0	3,0
<i>Индустриальные страны</i>	97,2*	93,5	96,1
Япония и Южная Корея	7,9	10,2	19,3
Австралия и Новая Зеландия	1,2	0,9	0,9
СССР и Восточная Европа	33,0	27,2	17,3
Западная Европа	21,6	24,2	25,8
Северная Америка	33,7	31,1	32,8
Мир, в %	100	100	100
в млрд дол.	97	218	435

* При суммировании авторы источника ошиблись на 0,2%, хотя это не существенно.

Из таблицы 2 видно, что, несмотря на некоторый рост расходов на НИОКР среди развивающихся стран, львиная доля (более 96%) продолжает приходиться на индустриальные страны. Но даже среди развивающихся стран это распределение неравномерно: совершенно очевидно, что большая часть из 3,9% за 1988 г. приходилась на Китай, Индию, Тайвань (табл. 3).

Таблица 3

Распределение исследователей (ученых и инженеров), вовлеченных в НИОКР, в %

	1988—1989
<i>Развивающиеся страны</i>	18,6
Латинская Америка и Карибы	2,9
Африка (исключая арабские страны и ЮАР)	0,6
Арабские страны	1,3
Азия (исключая арабские страны, Японию и Южную Корею)	13,8
<i>Индустриальные страны</i>	81,4

Продолжение табл. 3

Япония и Южная Корея	11,7
Австралия и Новая Зеландия	1,0
СССР и Восточная Европа	26,6
Западная Европа	16,7
Северная Америка	25,4
Мир, в %	100
Количество, тыс.	4,130

Источник: рассчитано авторами на основе данных ЮНЕСКО, ОЭСР и национальной статистики за соответствующие годы.

Хотя удельный вес исследователей развивающихся стран (18—19%) выше удельного веса их затрат на НИОКР, все же разрыв значительный — в пользу индустриальных государств. Обращаю внимание на цифры по СССР и Восточной Европе. По количеству ученых эта подгруппа в 1988—1989 гг. превосходила и Западную Европу, и Северную Америку, а по затратам на НИОКР в 1973 и в 1980 г. была выше первой и чуть ниже второй. Но после прихода к власти в 1985 г. Горбачева эти цифры стремительно пошли вниз.

Необходимо обратить внимание и на цифру 4,1 млн человек — такое количество исследователей было занято работой в области науки и техники в 1989 г. во всем мире. (Напоминаю, что к «исследователям» в контексте НИОКР причисляют ученых, инженеров и технических работников.) В процентном отношении ко всему населению земного шара (1989 г. — 5 190 млн человек) это составляло 0,079 %. В 1940 г. их было всего 100 тыс. (0,004%), а в 1960 г. — 1 млн (0,033%). (Зиман такое количество предсказывал к 1970 г.) В 1983 г. только в зоне ОЭСР работало 1 754 430 человек, из них 700 000 — в США.

Таблица 4

НИОКР: расходы и количество вовлеченных по регионам и некоторым странам

	Расходы на НИОКР (% к ВВП) 2000—2003	Количество вовлеченных в НИОКР (на 1 млн чел.) 1990—2003
<i>Регионы</i>		
Наименее развитые страны	—	—
Арабские страны	—	—
Восточная Азия и Тихий океан	1,7	740
Латинская Америка и Карибы	0,6	306
Южная Азия	0,7	132
Африканская Сахара	—	—

Продолжение табл. 4

Центральная и Восточная Европа и СНГ	1,0	2204
<i>ОЭСР</i>		
Всего	2,5	3108
Страны с высокими доходами	2,5	3748
<i>Отдельные страны</i>		
США	2,6	4484
Япония	3,1	5287
ФРГ	2,5	3261
Франция	2,2	3213
Великобритания	1,9	2706
Швеция	4,0	5416
Россия	1,3	3319
Китай	1,3	663
Индия	0,8	119

К приведенным цифрам есть смысл добавить информацию о произведенной продукции, в данном случае «научной литературы». Картина вряд ли изменится, но порядок цифр знать надо. Между 1981 и 1985 г. на десять индустриальных стран приходилось более 80% такой литературы, на развивающиеся страны — 5,8%, из которых 3,7% — на Азию, 1,1 — на Латинскую Америку, 0,4 — на Африканскую Сахару, 0,6% — на Средний Восток.

Теперь обратимся к более поздним данным (табл. 4).

Совершенно естественно, что проценты процентам рознь: все зависит от масштабов валового внутреннего продукта. Если раскрыть эти проценты, то получится, что в 2004 г. 25 стран ЕС потратили на НИОКР около 200 млрд евро, США — 250 млрд, Япония — 120 млрд евро. Расходы других значимых стран составляли (в 2003 г.): у Китая — 16 млрд евро, у Германии — 55 млрд, у Великобритании — 30 млрд, у Франции — 36 млрд, у России — 5 млрд евро (табл. 5).

По затратам на развитие НИОКР Россия находится за пределами двадцатки первых стран и значительно уступает по объемам структурообразующим государствам. Это количественная сторона. Качественная сторона связана с деградацией самих ученых, звания и степени очень многих из которых «добыты» очень сомнительными способами (эта тема здесь не затрагивается).

А теперь есть смысл привести последние данные, относящиеся к нашей теме, опубликованные в сборнике под названием «The Global Competitiveness Report 2009—2010» (2009 World Economic Forum).

Хочу особо подчеркнуть, что впереди России по всем указанным индикаторам являются не только развитые страны Европы, США, но и большинство стран Восточной Азии (Япония, Китай, Южная Корея, Гонконг, Тайвань, Малайзия, Индонезия), Индия, Бразилия, Коста-Рика и другие государства, ранее никогда не демонстрировавшие успехи в науке и технике.

Таблица 5

Затраты на НИОКР

	США	Герма-	Япония	Китай	Россия
Затраты, млрд дол. по ППС (2007)	344	67	139	87	20
Затраты, млрд дол. в текущих ценах (2006)	343	231 (ЕС)	130	136	
Количество исследователей (2006)	1 387 882	282 063	709 691	1 223 756	464 357

Источник: [1].

И еще один ряд цифр, демонстрирующий положение России в науке. В 2008 г. Россией было опубликовано 27,6 тыс. научных статей в научных журналах. В Индии — 38,4 тыс., в Бразилии — 30 тыс., в Китае — 112,3 тыс., а в США — 332, 9 тыс. статей. Потрясает же, однако, не столько отставание России от названных государств, а то, что в 1990 г. Россия опубликовала то же самое количество статей, что и в 2008 г., в то время как у Индии это количество увеличилось приблизительно в 2 раза, у Бразилии — в 8 раз, у Китая — почти в 14 раз [2, 18].

Занимая столь «впечатляющие» позиции в мире, можно ли всерьез мечтать о «чуде», о каком-то прорыве в «модернизацию» всего общества. Видимо, можно, если жить в России «за кремлевской стеной». И при этом грозить «шведу», в нынешней ситуации — США, что мы вас не только догоним, но и перегоним. Одно дело, когда такая «угроза» раздается от национал-патриотов, другое — слышать это от ученых. Почему-то им почти невозможно признать, что американцы по затратам на науку и технику занимают лидирующее положение, причем с большим отрывом от

других не менее развитых стран. Показательной стороной их успеха является и такой индикатор, как количество нобелевских лауреатов (табл. 6).

Таблица 6

**Количество лауреатов Нобелевской премии
в разных странах (1901 — 2007)**

Всего	533
США	242
Англия	80
Германия	66
Франция	27
СССР/РФ	12
Япония	8
Другие страны	101

Хотя в процедуре и системе присуждения этой премии существует достаточно много изъянов, тем не менее пока она является самым важным индикатором признания заслуг, в данном случае именно ученого.

Обычно некоторые страны и их представители сетуют на то, что США крадут чужие мозги, заманивает выгодными условиями работы и высокой зарплатой. И вообще-де основной контингент американских ученых это не американцы, а иммигранты. Действительно, половина американских физиков, лауреатов Нобелевской премии за последние семь лет были рождены за границей. А половина ученых со степенью PhD (эквивалент кандидатской степени в России), работающих в США, иммигранты. Непонятно только, что это меняет? Это всего лишь значит, что американское государство создает благоприятные условия для научной работы. И удачное сманивание «мозгов» является как раз сильной стороной американской политики. Следствием такой политики является и то, что США не только находятся на первом месте по инвестициям в НИОКР, по «завоеванию» Нобелевских премий, но занимают первое место и по регистрации патентов, и по количеству образованных рабочих.

* * *

Из приведенных материалов должно быть ясно всего лишь одно: не только нынешние российские руководители, но и научные сотрудники не в состоянии объективно оценить место российской науки в мире. Я не говорю об исключениях. Я говорю о массовом явлении. На основе же иллюзий, самообмана невозможно решать насущные проблемы страны, невозможно даже осознать эти проблемы. Что постоянно подтверждается практикой внутренней и внешней политики современной капиталистической России.

Литература

1. OECD. Main Science and Technology Indicators, April 2008.
2. A Special Report of Managing Information // The Economist. 2010. February 27.

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

Российское предпринимательство: итоги и перспективы

Что представляет собой нынешнее российское предпринимательство? Бизнес, производство, инноваторство. Экономический рационализм, рачительное хозяйствование, мотор развития. Рисковость. Достижения. Предпринимательство и общество. Возможности и лимиты. Перспективы.

22 июня 2010 г., вторник, в 15 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

V ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ МГУ

Круглый стол

на тему:

*Теоретическая экономия и естествознание:
параллели и пересечения*

Новейшие естественнонаучные разрешения и теоретический экономизм. Сближения и аналогии. Возможность естественнонаучных трактований экономических процессов. Экономическая метафизика как подспорье естествознанию. Возможность взаимопонимания. Ограничения и пределы. На пути взаимного обогащения.

9 октября 2010 г., суббота

(место и время проведения будут сообщены дополнительно)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1 — 3 декабря 2010 г.

Самоутверждение России: социум, экономика, политика

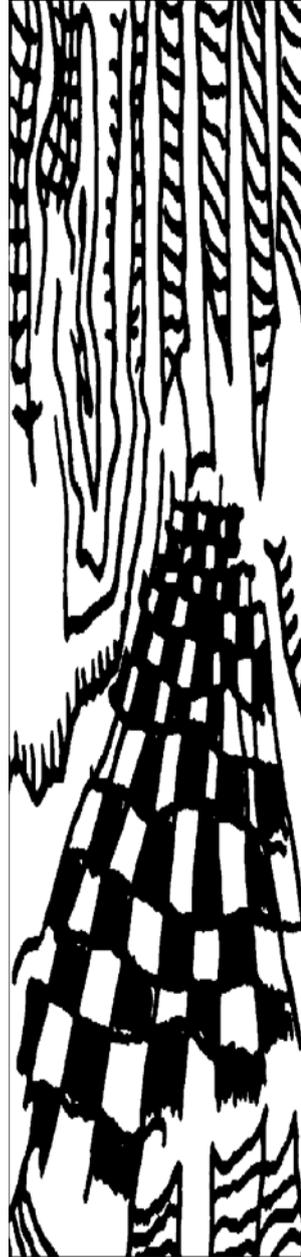
Подвергнутая беспощадному реформному перевороту и острым кризисным испытаниям, Россия, немало ослабленная, расстроенная и приниженная, сохраняя потенцию к выживанию и мало-помалу сосредоточиваясь, обретает шанс, на ходу перестраиваясь, выйти на путь окончательного самоутверждения как новой великой державы, способной к целостному воспроизводству и разностороннему развитию, к эффективному участию в солидарном планетарном общежитии. Если это и не совсем так, то как раз так или примерно так должно было бы быть, а потому подобное идеальное проектирование не просто возможно, но и необходимо. Россия реальная идет за Россией идеальной, — и последняя хотя и не совпадает с первой, но в ней сначала телеологически, а потом и эсхатологически непременно присутствует. Отсюда и стремление воображающего интеллекта к опережению, пусть и несколько утопическому, не самой удовлетворительной действительности.

По итогам конференции предполагается подготовить коллективную монографию. Тексты до 0,33 п. л. принимаются в Центре общественных наук (119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, экономический факультет, к. 331, тел. 939-4183, факс (095) 939-0877, e-mail: <eszotova@mail.ru>) на дискетах в формате Word 6.0/95 — 9.0/2000 с распечаткой в одном экземпляре до 10.01.2011 г. Статьи, содержащие математические символы или формулы, принимаются только в том случае, если они набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. В конце статьи необходимо указать сведения об авторе **без сокращений** (фамилия, имя, отчество; ученые степени; звания; место работы и должность; номер контактного телефона/факса, адрес электронной почты).

Заявки с указанием желаемого дня и времени выступления просим подавать до 20.11.2010 г.

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать до 15 ноября 2010 г. по тел. (495) 939-4183, факсу (495) 939-0877, e-mail: eszotova@mail.ru у Татьяны Сергеевны Сухой.

BELLE-LETTRE

Е.В. ШЕЛКОПЛЯС

**Весенняя подсказка для мужчин:
смысл жизни известен всем настоящим женщинам**

Аннотация. В чем смысл жизни?! В послании Экклезиаста есть памятные слова: «Все есть суета сует и пустое томление духа». Исключение делается лишь для любви к Богу. В Евангелии от Иоанна сказано прямо: «Бог есть любовь!». Но означает ли это, что Любовь и есть Бог? Не бесспорно. Но, Жизнь без Любви, определенно, есть Ад! Люди, даже не задумываясь о смысле жизни, ищут Счастья. А разве оно возможно без Любви?

Все повторяется. Как и сто лет назад русская психологическая наука вновь становится ведущей в мире. Сегодня она утверждает, что Любовь — это форма высокой Гармонии, взаимного дополнения противоположных начал. Этот принцип действует на трех ярусах древа жизни, трех уровнях потребностей человека, всех уровнях Любви — телесном, общественном, духовном.

Ключевые слова: смысл жизни, различие мужского и женского познания, любовь, Бог, гармоничное общество.

Abstract. What is the reason for living? In the address of Ecclesiastes we find memorable words: «All is vanity of vanities and useless languor of soul». With a single exception — one's love to God. The book of John puts it clearly: «God is Love!». But does it mean that Love is God himself? Some may argue. But what's definitely out of doubt is that life without Love is Hell! People seek for Happiness without even thinking about the reason for living. But is Happiness possible without love?

Everything reoccurs. As a hundred years ago Russian psychological science is now regaining its leadership in the world. Today it assumes that Love is a form of high Harmony, mutual supplement of opposing forces. This principle operates on three levels of the Tree of Life, three levels of human demands, all levels of Love — physical, social and spiritual.

Keywords: reason for living, difference between masculine and feminine cognition, love, God, harmonious society.

Как мудро устроен мир! Все в нем постоянно, в нем все меняется. Не будь постоянства — мы сошли бы с ума от опасности непредсказуемых перемен. Если бы не было перемен, быть может, впали в ступор от скуки однообразия. На дворе конец зимы, холод и снег, — и

так, на нашей памяти, было всегда. Но скоро все переменится, на смену Зиме придет совершенно иная пора, Весна! Так было всегда. Такова жизнь человека, такова жизнь мира. В чем смысл этого удивительного постоянства и этих неизбежных перемен? В чем смысл жизни?!

История человечества запечатлела титанические усилия самых ярких умов человечества (почему-то это были в основном мужчины), пытавшихся на протяжении многих тысяч лет дать ответ на эти вопросы...

Быть может, Вам приходилось в библейском Ветхом Завете читать послание от Экклезиаста, написанное, по преданию, за триста лет до рождения Христа. Не все помнят автора, но помнят сделанные им выводы: «Все есть суэта сует и пустое томление духа». Исключение Экклезиаст делал лишь для любви к Богу.

Ждать пришлось три столетия. Две тысячи лет назад Сын Божий возвестил, что же более всего угодно Богу: «Возлюби ближнего своего!». В Новом Завете (Евангелие от Иоанна) уже прямо сказано: «Бог есть любовь!».

Попробуйте провести социологический опрос о смысле жизни среди женщин или, попросту, спросите об этом знакомых вам настоящих представительниц прекрасного пола. Уверен, что даже те из них, кто не знает в точности текста Священного Писания, уверенно и не раздумывая, скажут, что смысл жизни заключается в любви, детях и семье. Откуда же у них эта уверенность?!

Мужчины устроены иначе, истину ищут рассудком, а не сердцем. Наверное, поэтому они множество раз пытались дать определение Любви, уж раз она претендует на роль главного смысла жизни. Если отбросить те безумные дефиниции, которыми представители сильного пола определяют Любовь в энциклопедических словарях, то останется не так уж много запомнившихся человечеству формул. Утверждают, например, что «Любовь — это зубная боль в сердце». Заявляют также, что «Любовь — это призрак. О ней много говорят, но мало, кто с ней встречался». Бернард Шоу считал, что «Любовь подобна дому с чердаком и подвалом. Одно без другого в наем не сдается». Александр Сергеевич Пушкин, наделенный в детстве лишь любовью няни (но не мамы), имея во взрослой жизни успех у женщин, все же полагал, что тем, кто в детстве не смог заложить в фундамент своей будущей, главной любви, мамину нежность, для этих людей «На свете счастья нет, но есть покой и воля»...

Какой смысл спорить со священным писанием?! Бог — есть Любовь! Но означает ли это, что Любовь и есть Бог? Возможно, с последним утверждением согласятся не все. Но, поскольку читателями этого текста являются не только филологи и философы, сформулируем

лишь то, с чем вряд ли кто будет спорить: Жизнь без Любви — есть Ад! Люди, даже если они не задумывались о смысле жизни, ищут Счастья. А разве оно возможно без Любви?

Против закона поиска смысла в переменах и постоянстве не может устоять даже идеология. Раньше в нашей стране мужчины стремились завоевать признание женщины служением общему делу, не обращая внимания на скромную материальную сторону жизни. Но строй, основанный на идее уравнительной «Справедливости», нас утомил, поскольку даже при самом духовном общественном строе надо есть, а поиск еды постепенно превратился в ежедневный подвиг. Нам надоел «социализм с человеческим лицом» и мы начали строить противоположный ему «капитализм с нечеловеческим лицом» под лозунгом «Свободы», не привязанной к нравственности. Все было хорошо сначала, и перебившиеся мужчины задавали себе вопрос: «Если я такой умный, почему я такой бедный?». Сегодня еды, хоть и не качественной, — сколько угодно, да и денег, хоть и нечестных, у многих — немало. Но от чего же возник другой вопрос: «Если я такой умный и богатый, почему я такой несчастный?». Возник целый класс людей, у которых нет ничего, кроме денег. Имеется в виду, конечно, отсутствие счастья, поскольку за деньги не купишь главного — Любви.

Все повторяется. Как и сто лет назад русская психологическая наука вновь становится ведущей в мире. Сегодня она утверждает, что Любовь — это форма высокой Гармонии, взаимного дополнения противоположных начал. Этот принцип действует на трех ярусах древа жизни, трех уровнях потребностей человека, всех уровнях Любви — телесном, общественном, духовном.

В поиске законов счастливой семейной любви важная подсказка заключена в двух фразах. Мужчина, который искренне любит женщину говорит ей: «Душа моя!». «Родной мой!» — говорит любящая женщина. Вдумайтесь в эти слова, и станет ясно, что женщина говорит любимому: «Ты дорог мне так, будто бы я родила тебя. Расстаться с тобой — все равно, что расстаться с ребенком или с жизнью». Подтекст (а он всегда важнее текста) слов, произнесенных мужчиной, означает: «Тело твое прекрасно! Только в нем я могу родиться вновь, повториться в наших детях. В этом — ты несравненна. Ты мать, ты — Материя, ты интуитивные смыслы жизни. Я же могу подарить тебе Душу, смыслы, постигнутые рассудком. Без тебя — я бесплотный Дух, ты без меня — бездуховная Материя. Без соединения двух наших начал — Жизни нет. Вместе, в любви — мы две стороны Жизни, мы вечное постоянство Единства, мы вечные перемены во взаимодействии Противоположного».

Каждая девочка мечтает о свадьбе и семье, мечтает заботиться о будущих детях, муже, родителях. Каждая женщина уверена, что сможет любить своего избранника, как и детей — искренне и всю жизнь. Каждый мальчик побаивается свадьбы, природа не дает ему исходного знания того, почему будущая жена сможет любить его не меньше, чем мама.

Человечество становится все просвещеннее. Но гарантий счастливой любви пока нет ни в одной конституции мира. Для мужчин, а не для женщин (которых не нужно убеждать стремиться к созданию семьи) великий мыслитель Античности Сократ сказал: «Женись в любом случае! Если повезет — будешь счастлив, если нет — станешь философом». Трудно не согласиться с Сократом, ведь истинный философ — дух, почти не связанный с чем-либо материальным...

Не будь зимнего сна природы, нас, наверное, не поражало бы буйство ее молодых сил в весенних садах, лето — не явило бы нам в ощущениях апогея праздника жизни, не удивляли бы вызревшие спокойной осенью плоды новой жизни, которую породила после зимнего сна Весна и пробуждающаяся вместе с нею Любовь.

Мы ищем смысл жизни, мы ищем Бога. Надо полагать, что с учетом объявленной человеку вести, что он создан по образу и подобию Бога, который есть Любовь, нам неизбежно следует искать в себе сходную суть.

Если вы мужчина, то неизбежно раздумываете о том, о чем во все века думали все мужчины до Вас, — ищите смысл жизни. Ничего не меняется? Сложно сказать... Быть может, именно вам этой весной предстоит дать окончательный ответ для себя и для всего человечества! На всякий случай, спросите о смысле жизни ту, которую любите всей душой. Ведь не случайно Творец распорядился так, чтобы именно женщина первой вкусила плодов с древа познания.

Почему автор утверждает, что только настоящая женщина считает главным смыслом жизни любовь, детей и семью? Проведите собственный эксперимент. Взгляните на женщин, которые имеют иное мнение. Вы уверены, что они настоящие?

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства, вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

СТРОЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

к.б.н., научный сотрудник, Институт физиологии имени И.П. Павлова РАН (г. Санкт-Петербург) (*s_stroev@hotmail.com*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

д.ф.н., доцент, философский факультет, Южный федеральный университет (*marina.eloyan@mail.ru*).

РУДЯК ИРИНА ИЗЯСЛАВОВНА,

соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ (*panterafilm@mail.ru*).

АЛЬПИДОВСКАЯ МАРИНА ЛЕОНИДОВНА,

д.э.н., профессор, Финансовая академия при Правительстве РФ (*morskaya67@bk.ru*).

ИОХИН ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ,

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Российский государственный торгово-экономический университет (*kafoet@mail.ru*).

СМИРНОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ,

к.э.н. (г. Санкт-Петербург).

НИЖЕГОРОДЦЕВ РОБЕРТ МИХАЙЛОВИЧ,

д.э.н., главный научный сотрудник, Институт проблем управления РАН (*bell44@rambler.ru*).

ХАЗИН МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ,
действительный государственный советник РФ (в отставке), президент
компании экспертного консультирования «Неокон» (*khazin@fipc.ru*).

НУРЕЕВ РУСТЕМ МАХМУТОВИЧ,
д.э.н., профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ, Государственный университет — Высшая школа экономики (*nureev@hse.ru*).

КОНДРАТОВ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ,
Соискатель степени к.э.н., магистр экономики, Российская экономическая академия имени Г.В. Плеханова (*helenaf@seviceline.ru*).

ГИРЕНКО ФЕДОР ИВАНОВИЧ,
действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

ПУЗЬКО ВЕРА ИВАНОВНА,
к.ф.н., профессор, кафедра педагогики и психологии развития, Морской государственный университет (г. Владивосток) (*vpuzko@rambler.ru*).

ГОРБАЧЕВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ,
старший преподаватель, кафедра русской литературы, Белорусский государственный университет (г. Минск) (*sansanytch08@mail.ru*).

РОДЗИНСКИЙ ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ,
к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философии гуманитарных факультетов МГУ (*Rodzinskiy66@mail.ru*).

КАРЦЕВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
д.ф.н., профессор, кафедра общей социологии, Государственный университет — Высшая школа экономики (*eakartsev@mail.ru*).

КОЧЕТКОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЕВИЧ,
к.ф.н., независимый исследователь (*vovov69@mail.ru*).

КОЧЕТКОВА ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА,
к.ф.н., доцент, кафедра философии, политологии и социологии, Московский институт радиотехники, электроники и автоматики (Технический университет) (*vovov69@mail.ru*).

ЕЛЕЦКИЙ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ,
д.э.н., профессор, заведующий кафедрой мировой экономики, Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону) (*nde527@yandex.ru*).

ФРОЛОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,

старший преподаватель, кафедра региональной экономики и природопользования, Ростовский государственный экономический университет (г. Ростов-на-Дону) (*nde527@yandex.ru*).

ТОЛОК ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА,

ассистент, кафедра социальных и гуманитарных наук, Балаковский институт техники, технологии и управления Саратовского государственного технического университета (*tolokks@mail.ru*).

ЧЕРКОВЕЦ ВИКТОР НИКИТИЧ,

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*itenyakov@mail.ru*).

ПОГРЕБНЯК АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра социальной философии и философии истории, философский факультет, Санкт-Петербургский государственный университет (*baybour@mail.ru*).

ТЕНЯКОВ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ,

к.э.н., старший научный сотрудник, кафедра политической экономии МГУ (*itenyakov@mail.ru*).

БЕЛЯНОВА АНТОНИНА МИХАЙЛОВНА,

к.э.н., доцент, лаборатория проблем собственности, экономический факультет МГУ (*elena.belyanova@gmail.com*).

БЭТТЛЕР АЛЕКС (АРИН ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ),

д.и.н., профессор, независимый эксперт (г. Нью-Йорк, США) (*olegarin@mac.com*).

ШЕЛКОПЛЯС ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ,

к.м.н., директор, Институт развития, изучения здоровья и адаптации человека (г. Иваново) (*evs-optimum@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2010 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).